ВОЙНА И ОРУЖИЕ
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Труды Двенадцатой Международной научно-практической конференции

14–16 мая 2025 года

Часть I

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной научно-практической конференции

14–16 мая 2025 года

Часть I

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2025

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:
В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАРАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 1

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: рисунок художника Е. Ю. Емельянова

ISBN 978-5-7937-2768-6

© ВИМАИВиВС, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Уважаемые участники конференции!
Дорогие друзья!

В двенадцатый раз Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи гостеприимно распахивает свои двери перед участниками ставшей уже традиционной конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». За прошедшие годы заслушаны и изданы сотни докладов, введены в научный оборот новые исторические источники, изучены многие малоизвестные и забытые страницы отечественной и зарубежной военной истории. Конференция помогла установить тесные научные связи между исследователями различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Труды конференции нашли достойное место в библиотечных собраниях, их изучают и цитируют. А это значит, что конференция живет, развивается и приносит пользу не только узкому кругу специалистов, но и самым широким кругам читателей, кому не безразличны проблемы военной истории, исторического оружиеведения, музейного дела, реставрации и сохранения памятников отечественной истории.

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне наша конференция приобретает особое значение. Ее участники своими трудами и исследованиями не только воздают память героизму многонационального советского народа, победившего фашизм, но и борются с современными тенденциями фальсифицировать, переписать и обесценить значение Победы в рамках политической конъюнктуры. В России нет, пожалуй, ни одной семьи, не потерявшей в годы Великой Отечественной войны родных и близких. Эта трагедия никогда не должна повториться. Залог этого – в сохранении памяти о событиях тех лет, о подвиге победителей.

В канун юбилея в музее открылась выставка «Сражающийся музей. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны», на которой сквозь призму событий военных лет показана судьба отдельно взятого музея. Она оказалась схожей с судьбой всей страны.

Посетив ее, вы сможете увидеть, как жил и работал музей во время войны, как музейные сотрудники учились жить и работать в новых условиях, по законам военного времени, как

выстояли и сохранили для потомков памятники воинской славы в тяжелые годы войны.

Новая выставка – это дань памяти так называемой «ленинградской команде», состоявшей из двадцати сотрудников Артиллерийского музея. Из них почти никто не выжил, но им удалось сберечь бесценные музейные реликвии, свести к минимуму потери от бомбежек и обстрелов в неимоверно тяжелых условиях.

В этом году в конференции этого года участвует около 180 исследователей. Как всегда, широк спектр докладов: от оружия раннего средневековья до современных ракетных комплексов, от изучения старинных документов до современных методик и технологий реставрации.

Я благодарю всех, кто смог приехать в Санкт-Петербург и принять участие в конференции. Желаю конференции плодотворной работы, а ее участникам и гостям интересных и содержательных дискуссий, творческих достижений и новых научных открытий.

Директор Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск и войск связи,
доктор исторических наук,
профессор, академик РАРАН,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

В. М. КРЫЛОВ

Р. М. Абинякин (Орел)

БЫВШИЕ БЕЛЫЕ ОФИЦЕРЫ В ВЫСШЕМ КОМАНДНОМ СОСТАВЕ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941–1945 гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

НА ПРОТЯЖЕНИИ Гражданской войны и межвоенного периода бывшие офицеры старой армии составляли заметную часть высшего командного состава. Постепенно их численность снижалась, но в высшем командном составе оставалась существенной. Даже в 1941–1945 гг. они активно участвовали в реализации стратегических и оперативных планов, обучении войск и, что в ходе Великой Отечественной войны было осознано и принято как чрезвычайно важное — олицетворяли морально-патриотическую преемственность с прогрессивным дореволюционным русским офицерством[1].

Данная публикация является продолжением исследования численности бывших офицеров среди командного состава Красной Армии в 1941–1945 гг., результаты которого представлены, в том числе, и на полях данной конференции[2], и подготовлена в рамках работы над диссертацией на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Основной источник биографических и служебных данных высшего командного состава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны — документы Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, опубликованные в 2005–2015 гг.[3] Предвоенные документы Народного комиссариата обороны СССР неожиданно указывают на привлечение нескольких сотен бывших белых офицеров на службу в 1937–1939 гг. Если на 1 августа 1937 г. в командном и начальствующем составе сухопутных войск и ВВС не было ни одного командира, служившего у белых[4], то на 1 января 1939 г. их

насчитывалось 792 человека[5]. То есть происходило восполнение некомплекта, возникшего в ходе репрессий, в том числе и за счет призыва из запаса бывших белых офицеров.

В 1941–1945 гг. бывшие офицеры, служившие в белых армиях, в единичных случаях наличествовали в высшем командном составе. Самым известным и способным полководцем среди них был Маршал Советского Союза Говоров Леонид Александрович (1897–1955) — бывший подпоручик, почти полтора года прослуживший в армии адмирала А. В. Колчака, откуда перешел к красным. В 1941 г. командовал артиллерией Западного направления и Резервного фронта, в 1941–1942 гг. — командующий 5-й армией, в 1942–1945 гг. — бессменный командующий Ленинградским фронтом[6].

Среди командиров корпусов бывших белых офицеров было четверо. Генерал-майор Зайцев Пантелеймон Александрович (1898–1944), бывший прапорщик Добровольческой армии, воевал во главе 5-й дивизии народного ополчения Ленинградской армии народного ополчения, 168-й Рижской стрелковой дивизии и 4-го стрелкового корпуса, а также занимал должности заместителя командующего 55-й армией и командовал оперативной группой 7-й отдельной армии. Умер от ран, командуя 122-м стрелковым корпусом[7]. Генерал-майор Крузе Аполлон Яковлевич (1892–1967), бывший капитан, служил в белых войсках Востока России А. В. Колчака, достигнув чина генерал-майора[8]. В 1941 г. в распоряжении Инспекции пехоты, затем руководил формированием и укомплектованием войск ряда фронтов, с 1943 г. командовал 93-й Миргородской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизией и был заместителем командира 10-го гвардейского стрелкового корпуса, с 1944 г. командир 24-го гвардейского стрелкового корпуса[9]. Генерал-лейтенант Шапкин Тимофей Тимофеевич (1885–1943), бывший подъесаул Добровольческой армии. Бессменно командовал 4-м кавалерийским корпусом, с которым особо отличился в ходе контрнаступления под Сталинградом. Умер от болезни[10]. Генерал-майор Яновский Александр Яковлевич (1890–1982), кадровый офицер (бывший капитан), в 1919 г. недолго служил у белых. До 1943 г. преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе, затем командир 89-го стрелкового корпуса. После тяжелого ранения вернулся на фронт, но по состоянию здоровья назначен заместителем командира 10-го стрелкового корпуса[11].

Среди командиров дивизий бывших белых офицеров было пятеро. Генерал-майор Ковтунов Федор Тимофеевич (1896–1968), бывший поручик деникинских ВСЮР. В 1941 г. начальник оперативной части штаба 110-й стрелковой дивизии, начальник штаба 238-й Краснознаменной стрелковой дивизии, с 1942 г. заместитель командира, а с 1943 г. командир 88-й Витебской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии[12]. Генерал-майор артиллерии Колесов Александр Алексеевич (1897–1969), бывший прапорщик Добровольческой армии. В 1941–1944 гг. командовал 718-м гаубичным, 881-м корпусным и 8-м гвардейским корпусным артиллерийскими полками и 43-й гаубичной и 5-й пушечной артиллерийскими бригадами. Командир 4-й артиллерийской дивизии прорыва РГК, в 1945 г. понижен в должности[13]. Генерал-майор Котельников Леонид Иванович (1895–1941), бывший подпоручик армии адмирала А. В. Колчака, в 1941 г. состоял в распоряжении Военного Совета МВО, затем назначен командиром 1-й Московской дивизии народного ополчения. Пропал без вести[14]. Генерал-майор Шерстюк Гаврила Игнатьевич (1891–1953), бывший прапорщик Добровольческой армии, откуда через несколько дней бежал. В 1941 г. командир 45-й Волынской Краснознаменной стрелковой дивизии. В 1942 г. пошел на повышение и занимал должности временно исполняющего должность командующего и заместителя командующего 38-й армией и помощника командующего Юго-Западным фронтом. В 1943 г., пройдя академические курсы, состоял в распоряжении Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. В 1944–1945 гг. заместитель командующих 27-й и 40-й армий[15]. Полковник Шундеев Алексей Иванович (1896–1941), бывший прапорщик, был мобилизован белыми, но в часть не явился. В 1941 г. назначен командиром 6-й дивизии народного ополчения, которая вскоре была переформирована в 160-ю стрелковую дивизию. Пропал без вести[16].

Обобщая, отметим, что из десяти бывших белых офицеров в высшем комсоставе Красной армии за годы Великой Отечественной войны один получил звание Героя Советского Союза, четверо были выдвинуты на более высокие должности, тогда как понижен оказался всего один. Все они имели награды за Гражданскую войну. Никто не был демобилизован из армии в ходе сокращений в 1920-е гг., что доказывает признание командованием и политсоставом их ценности как военных специалистов. Один был арестован, находился под следствием в 1937–1939 гг., но был

освобожден. Один был осужден во время Великой Отечественной войны. Потери бывших белых офицеров в высшем комсоставе Красной армии в 1941–1945 гг. составили четыре человека, в том числе один умер от ран, один умер от болезни и двое пропали без вести.

Таким образом, девять из выявленных десяти бывших белых офицеров бессменно продолжали службу в межвоенный период. Это опровергает приведенные выше сведения о полном отсутствии бывших белых в комначсоставе в 1937 г.

Кроме того, в национальных антисоветских армиях (что в конце Гражданской войны приравнивалось к службе у белых и было основанием постановки на особый учет бывших белых) служили еще 11 бывших офицеров: Маршал Советского Союза Баграмян Иван Христофорович (1897–1982) — бывший поручик; генерал-майор Купарадзе Георгий Иванович (1893–1954) — бывший прапорщик, командир 12-го стрелкового корпуса; генерал-майор Микеладзе Михаил Герасимович (1899–1975) — бывший подпоручик, командир 13-го стрелкового корпуса; генерал-майор Алярбеков Тарлан Абдулла оглы (1892–1956) — бывший штабс-капитан, командир 402-й Азербайджанской стрелковой дивизии; генерал-майор Байдалинов Сергей Артемьевич (1895–1941) — бывший поручик, командир 83-й Туркестанской горностелковой дивизии; полковник Беручашвили Степан Артемович (1898–1950) — бывший прапорщик, командир 414-й Грузинской Анапской Краснознаменной стрелковой дивизии; полковник Вассиль Август Антонович (1896–?) — бывший прапорщик, командир 7-й Эстонской стрелковой дивизии; полковник Даниелян Сумбат Меликович (1895–1944) — бывший штабс-капитан, командир 18-й гвардейской стрелковой дивизии; генерал-майор Лисинов Виктор Богданович (1896–1971) — бывший прапорщик, командир 242-й Таманской Краснознаменной ордена Кутузова горностелковой дивизии; генерал-лейтенант артиллерии Тимотиевич Иван Иванович (1893–1980) — бывший подпоручик, командир 5-й артиллерийской дивизии прорыва РГК; генерал-майор Якимов Михаил Петрович (1892–1969) — бывший штабс-капитан, командир 364-й Тосненской Краснознаменной, 372-й Новгородской Краснознаменной и 147-й Станиславской ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени стрелковых дивизий[17].

Таким образом, в целом в высшем комсоставе сухопутных войск Красной армии в 1941–1945 гг. присутствовал 21 человек,

служивший у белых или приравненный к таковым. Это свидетельствует, что даже по столь компрометирующему основанию огульное отстранение от командования и тем более репрессии не проводились.

---

[1] Абинякин Р. М. Путь «от двуглавого орла к красному знамени»: Бывшие офицеры Российской императорской армии в высшем командном составе Красной армии (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2024. № 10. С. 56–66.

[2] Абинякин Р. М. Бывшие офицеры на высших командных должностях действующей армии СССР в годы Великой Отечественной войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 года: В 3 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. I. С. 7–13.

[3] Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005; Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь: В 2 т. М.; Жуковский: Кучково поле, 2006; Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь: В 5 т. М.; Жуковский: Кучково поле, 2011–2015.

[4] Российский государственный военный архив. (РГВА). Ф. 54. Оп. 17. Д. 402. Л. 4.

[5] Подсчитано по: РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 402. Л. 6, 8, 134, 139.

[6] Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. С. 46–48.

[7] Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. Т. 1. С. 206–208.

[8] Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011. С. 284–286; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М.: Русский путь, 2013. С. 236, 286.

[9] Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. Т. 1. С. 298–299; Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. Т. 4. С. 444–446.

[10] Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. Т. 2. С. 91–92.

[11] Там же. Т. 1. С. 656–659.

[12] Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. Т. 4. С. 264–266.

[13] Там же. Т. 1. С. 467–469.

[14] Там же. С. 690–692.

[15] Там же. Т. 5. С. 1013–1015.

[16] Там же. Т. 1. С. 714–716.

[17] Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. С. 16–17; Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. Т. 1. С. 310–311, 368–369; Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. Т. 1. С. 533–535; Т. 3. С. 67–68, 162–163, 257–259, 424–425, 777–779; Т. 4. С. 600–602; Т. 5. С. 1101–1103.

А. М. Абрамов (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОПЫТНЫХ ПИСТОЛЕТОВ-ПУЛЕМЕТОВ СИМОНОВА В 1945–1951 гг.

НАЧИНАЯ с середины 1944 г., приказами командующих фронтами весь офицерский состав от командира взвода до командира батальона включительно, непосредственно участвующий в боевых действиях, обязан «быть вооружен пистолет-пулеметами (автоматами) и постоянно иметь их при себе»[1].

Эту задачу исправно выполняли серийно выпускаемые заводами НКВ и другими наркоматами ППШ и ППС (Судаева), вполне отвечающие задачам стандартного пехотного боя, но малопригодные по габаритам и неудобные для офицеров, руководящих непосредственно боевыми действиями.

Соответственно, в связи с потребностью в компактном пистолете-пулемете для офицерского состава, в наркомате вооружения и возникло понимание о необходимости разработки такой модификации оружия.

Понимая потребность армии в малогабаритных и безопасных в эксплуатации пистолетах-пулеметах, Сергей Гаврилович Симонов в начале 1945 г. в инициативном порядке приступил к разработке двух вариантов своих ПП.

Первый вариант, получивший обозначение ППС-1-П-45 г., был разработан в марте 1945 г. под усиленный патрон полковника Сергея Ивановича Ветошкина[2] обр. 1944 г., а второй — ППС-2-П-45 г., появившийся в апреле под стандартный пистолетный патрон образца 1930 г. калибра 7,62 × 25 мм (патрон пистолета ТТ) (ил. 1).

Однако ГАУ в июне 1945 г. в утвержденных технических условиях на разработку и изготовление нового пистолета-пулемета ограничилось только разработкой ПП под стандартный

Ил. 1. Инженер-полковник С. И. Ветошкин, 1945 г.

7,62 × 25 пистолетный патрон обр. 1930 г. (патрон ТТ). Соответствующей корректировке подвергся и план научно-исследовательских работ (НИОКР) на 1945 г.

В документе, подготовленном техническим советом НКВ, к новому ПП были определены следующие требования:

а. создание образца одной конструкции, в равной мере пригодной для вооружения пехотных подразделений и специальных войск;

б. устранение возможности выстрела при падении пистолета-пулемета, толчках, ударах прикладом и т. п.;

в. обеспечение более надежной работы автоматики в условиях относительно сильного запыления системы;

г. создание более надежного и удобного в эксплуатации предохранителя;

д. обеспечение удобного крепления шомпола и принадлежности на пистолете-пулемете.

При этом новый пистолет-пулемет должен был выполнить довольно противоречивые требования: при длине с деревянным прикладом 850 мм весить не более 2,5–3,0 кг.

С апреля по август в ОКБ-180 энергично шли работы по отладке опытного образца ППС-2, в августе начались работы по конструированию и отладке опытного образца ППС-3, который в декабре 1945 г. на заводе испытывался стрельбой на надежность работы автоматики. С января 1946 г. на основе опыта работы с ППС-3 началось конструирование опытного ППС-4, сборка которого завершилась в апреле 1946 г. и началась его подготовка и отладка автоматики для заводских испытаний, которые прошли в сентябре–октябре этого же года (ил. 2).

Для выполнения тактико-технических требований техсовета НКВ ранние варианты пистолета-пулемета Симонова, разработанные под патрон 7,62 × 25, имели следующие характеристики: длина 800 мм, ложа карабинного типа длиной деревянной части 620 мм и прицельная линия 450 мм.

Ил. 2. Конструктор С. Г. Симонов на испытании работы автоматики своего пистолета-пулемета. Подольск. Осень 1946 г.

Автоматика опытных пистолетов-пулеметов Симонова была аналогична состоявшим на вооружении ПП Шпагина и Судаева. В основе их лежала отдача свободного затвора, но при этом конструкции Симонова имели неоспоримые преимущества перед ними в том, что подвижные части, согласно ТТТ техсовета НКВ, были гораздо лучше защищены от загрязнения. В частности, затвор и механизм стрельбы прикрывал от пыли и влаги кожух затвора со штампованной крышкой, герметично закрывающей прорезь для рукоятки затвора, которая после взведения оставалась при стрельбе неподвижной.

Интересными особенностями конструкции симоновских пистолетов-пулеметов были прицельные механизмы: мушка, регулируемая по горизонту в пазу кожуха, и подъемный прицел с диоптром на 100/200 метров.

Еще одним отличием опытных ППС от известных пистолетов-пулеметов стало то, что в последних стреляные гильзы выбрасывались вверх и в сторону через окно в ствольной коробке и мешали стрелку визировать цель, Симонов же направил экстракцию гильз вниз.

С целью унификации с серийно выпускаемыми образцами ППШ ранние варианты ПП Симонова имели стволы серийных пистолетов-пулеметов длиной 270 мм, получаемые с завода № 367 НКВ (Вятские Поляны) (ил. 3).

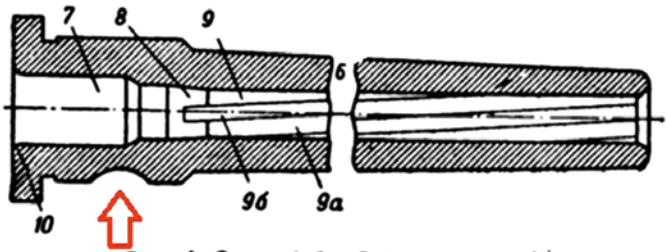


Рис. 4. Ствол (общий вид и разрез):

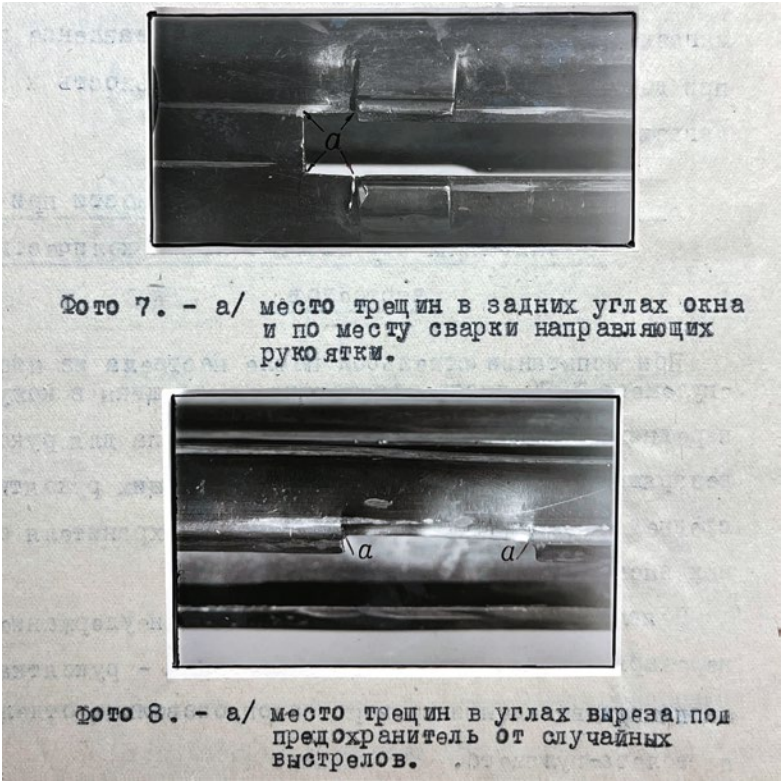
1 — дульный срез; 2 — казенный срез; 3 — утолщение казенной части ствола; 4 — полукруглая выемка; 5 — кольцевой выступ; 6 — риска; 7 — патронник; 8 — пульный вход; 9 — нарезная часть канала; 9а — поле; 9б — нарез; 10 — фаска

Ил. 3. ППШ-41, ППС-43. Руководство службы. 1951 г.

В течение осени ОКБ-180 изготовило два опытных образца ППС-5-П-46 г. и ППС-6-П-46 г., предназначенных для прохождения полигонных испытаний, но сумели отладить для отправки на полигон только один образец (ил. 4).

Один из них, опытный ППС-5-П-46 г., был представлен в апреле 1947 г. на полигонные испытания в НИПСВМО[3], которые прошли в этом же месяце. К сожалению для конструктора, опытный пистолет-пулемет выдержал только 7970 выстрелов до появления трещины в кожухе в передних и задних углах продольного окна рукояти перезаряжания. В результате появления трещины рукоять перезаряжания при взведении затвора самопроизвольно отделилась от пистолета-пулемета, в связи с чем руководством полигона было решено снять образец с дальнейшего испытания стрельбой (ил. 5).

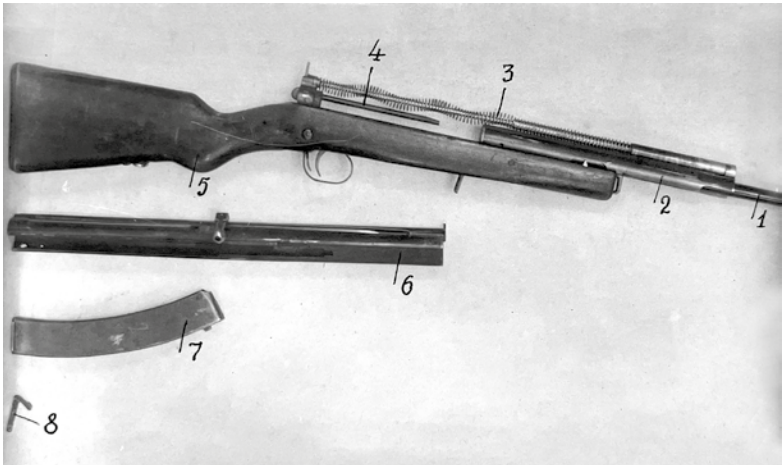
Ил. 4. Опытный ППС-6-П-46. ЦМВС (Москва)



Ил. 5. Фрагмент отчета НИПСМВО

Кроме того, велосиметрические исследования показали, что пистолет-пулемет Симонова в сравнении с ПП-43 (Судаева) 2-й модернизации отличается более резким падением скорости затвора при откате и более вялым ее ростом при накате, что не преминуло сказаться при испытании большим числом выстрелов, показав 0,43 % задержки автоматики, что значительно превышало данный показатель валовых ПП-41 (0,29 %) и ПП-43 (0,16 %)[4] (ил. 6).

Причиной этих проблем, по мнению полигона, было уменьшение веса металлических частей: рамки, кожуха и затвора (0,472 кг при длине 255 м), на которое конструктор пошел, добиваясь достижения минимального веса пистолета-пулемета в 3,0 кг, указанного в ТТТ[5] (ил. 7, 8).



Ил. 6. ППС-5-П-46 г., неполная разборка, отчет НИПСМВО

В итоге, согласно заключению полигона НИПСВМО ГАУ №126-1947 г., было определено:

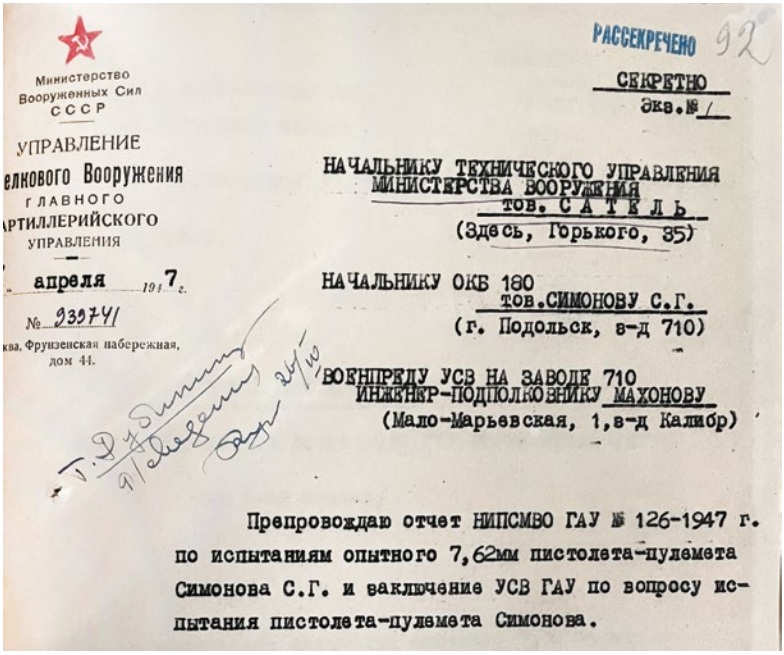
1. 7,62 мм пистолет-пулемет Симонова полигонных испытаний не выдержал вследствие низкой живучести кожуха;

2. дальнейшая доработка ПП Симонова нецелесообразна, так как рекомендованный НИПСВМО на валовое производство ПП-43 2-й модернизации является конструктивно более совершенным.

В 1949 г. с целью применения нового 9×18 мм пистолетного патрона, имевшего большее останавливающие действие, чем патрон 7,62 мм обр. 1930 г., тактико-технические требования на офицерский пистолет-пулемет были изменены.

В рамках новых требований к конструкции легкого офицерского пистолета-пулемета (пистолета-автомата), от конструкторов требовалось: создать образец под новый 9-мм пистолетный патрон, легкий по весу (2–2,5 кг) и с магазином емкостью на 30 патронов. Технический совет министерства вооружения (МВ) поставил данную задачу в план работы трех конструкторских бюро: ОКБ-180 (Подольск), КБ зав. № 74 (Ижевск), КБ зав. № 367 (Вятские Поляны).

Выполняя условия нового задания, Сергей Гаврилович Симонов разработал в 1949 г. два 9-мм опытных образца: ППС-8-П-49 г., в котором для уменьшения габаритов был



Министерство Вооруженных Сил СССР

УПРАВЛЕНИЕ
елкового Вооружения
ГЛАВНОГО
ртиллерийского
УПРАВЛЕНИЯ

апреля 1947 г.

№ 93974/
ква, Фрунзенская набережная, дом 44.

РАССЕКРЕЧЕНО 92

СЕКРЕТНО
Экз. № 1

НАЧАЛЬНИКУ ТЕХНИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕНИЯ
тов. С А Т Е Л Ь
(Здесь, Горького, 35)

НАЧАЛЬНИКУ ОКБ 180
тов. СИМОНОВУ С.Г.
(г. Подольск, в-д 710)

ВОЕНПРЕДУ УСВ НА ЗАВОДЕ 710
ИНЖЕНЕР-ПОДПОЛКОВНИКУ МАХОНОВУ
(Мало-Марьевская, 1, в-д Калибр)

Препровождаю отчет НИПСМВО ГАУ № 126-1947 г. по испытаниям опытного 7,62мм пистолета-пулемета Симонова С.Г. и заключение УСВ ГАУ по вопросу испытания пистолета-пулемета Симонова.

Ил. 7. Письмо УСВ ГАУ о направлении отчета полигона

применен выдвижной приклад, и ППС-9-П-49 г., где для тех же целей применялся откидной приклад (ил. 9).

В 1950 г. Техсовет МВ частично изменил ТТТ, увеличив емкость магазина до 35–40 патронов, что мало соответствовало общей идее компактного пистолета-пулемета. С. Г. Симонов сразу доработал свой опытный образец, изготовив в том же году ППС-10-П-50 г., но столкнулся с малой надежностью подачи патронов из магазина такой большой емкости (ил. 10).

Добиваясь максимальной компактности и двигаясь в сторону

Ил. 8. Инженер-полковник А. М. Махонов, военпред УСВ ГАУ на заводе № 710. 1949 г.

Ил. 9. Опытный ППС-8-П-49 г. ЦМВС (Москва)

уменьшения как веса подвижных частей (затвора), так и веса всей системы, и стараясь уложиться в требуемые по ТТТ 2,0–2,5 кг, Сергей Гаврилович применил в своем ППС-10 инновационную для того времени схему с накатом затвора, которую ранее, в 1942 г., использовал в своем опытном пистолете-пулемете Николай Васильевич Рукавишников, а затем чешский конструктор-оружейник Ярослав Холечек в своем ПП vz. 48, опередив в этом решении тот самый знаменитый израильский УЗИ конструктора оружия Узиля Галя.

Кроме того, в своих поздних ПП конструктор учел те замечания, которые озвучивал НИПСВМО в части удобного деревянного цевья перед магазином, уменьшил общий вес за счет отказа от деревянного ложа и ряд других.

Ил. 10. Опытный ППС-10-П-50 г. ЦМВС (Москва)

	ППС-4	ППС-5
Источник — Фонд хранения / отчета НИПСМВО	ВИМАИВиВС	НИПСМВО
Маркировка образца	№ 4	ППС-5-П-46 г.
Калибр	7,62	7,62
Боеприпас	7,62×25 ТТ	7,62×25 ТТ
Длина с прикладом, мм	790	803
Длина прицельной линии, мм	450	450
Длина ствола, мм	270	270
Расстояние от гривки прицельной планки до затыльника приклада, мм	310	310
Длина хода затвора, мм	165	168
Ход затвора с боевого взвода, мм	156	156
Длина затвора, мм	255	255
Вес образца с магазином, принадлежностью без патронов, кг	3,44	3,383
Вес образца без магазина и принадлежности, кг	3,15	3,093
Количество патронов, шт.	35	35

ППС-5	**ППС-6**	**ППС-8**	**ППС-9**	**ППС-10**
ВИМАИВиВС	ЦМВС	ЦМВС	ВИМАИВиВС	ЦМВС
ППС-5-П-46 г.	П.П.С. 6-П-46 г.	ППС-8-П-49 г.	ППС-9-П-49 г.	ПППС-10-П-50 г.
7,62	7,62	9,0	9,0	9,0
7,62×25 ТТ	7,62×25 ТТ	9,0×18 ПМ	9,0×18 ПМ	9,0×18 ПМ
803	800	Утрачен	600	605
450	450	342	160 с заходом	225
270	270	150	-	165
310	308	-	-	383
168	166	124	225	139
156	155	100	-	125
255	255	168	375	180
2,976 (без кожуха)	3,217 (без принадлежностей)	1,547	1,87	1,884 (принадлежность отсутствует конструктивно)
3,123	2,962	1,364	1,67	1,68
35	35	25	30	30

Таким образом, опытные пистолеты-пулеметы конструкции Симонова полностью выполнили ТУ ГАУ в части замены штатных ПП «с учетом преимуществ лучших иностранных систем» и опередили время по ряду применяемых решений, но в апреле 1950 г. письмом № С-9915 заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина все работы по разработке малогабаритных ПП были сняты из плана НИОКР всех конструкторских бюро, включая ОКБ-180 С. Г. Симонова.

---

[1] Указания о несении боевой службы в обороне. 17 декабря 1944 г. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 6. М.: Воениздат, 1948. С. 100.

[2] Ветошкин Сергей Иванович (1905-1991), Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских премий, начальник 3-го Главного управления (управления патронной промышленности) народного комиссариата вооружения СССР; заместитель начальника 3-го Главного управления народного комиссариата вооружения СССР; главный инженер Главного управления народного комиссариата боеприпасов СССР; начальник 7-го Главного управления (ракетного вооружения) министерства вооружения СССР; заместитель министра вооружения СССР; первый заместитель начальника 3-го Главного управления при Совете Министров СССР; заместитель начальника Главного управления специального машиностроения министерства среднего машиностроения СССР; первый заместитель министра оборонной промышленности СССР по ракетному и реактивному вооружению; первый заместитель председателя комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам; заместитель председателя научно-технического совета, заместитель начальника управления опытных работ — заместитель председателя научно-технического совета министерства оборонной промышленности СССР.

[3] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО). Ф. 81. Оп. 170760. Д. 171. Л. 1.

[4] Там же. Л. 21 об.

[5] Там же. Л. 23.

Т. В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ОРУЖЕЙНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ ПЕРИОДА ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ТРЕХЛИНЕЙНЫМИ ВИНТОВКАМИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

КАЖДЫЙ НОВЫЙ качественный скачок в развитии средств вооруженной борьбы неизменно вызывал и вызывает к себе интерес исследователей истории техники. Интерес это обуславливается как естественными познавательными потребностями человека, так и стремлением получить представление о процессах, происходивших в такие переломные моменты истории военной техники, прежде всего с точки зрения организации и развертывания ее серийного промышленного производства. Учитывая перманентный характер таких процессов, знание прошлого может иметь вполне прикладное значение и для настоящего.

История освоения отечественными оружейными заводами массового выпуска магазинных 3-лин винтовок и перевооружение ими русской армии в 1890-е – начале 1900-х гг. в историографии всегда оценивалось преимущественно как большое достижение военной промышленности России. Уже С. А. Зыбин по этому поводу писал так: «Это перевооружение... наши заводы совершили своими силами, без всякой помощи английских нянек, несмотря на то, что новая система ружья много сложнее системы Бердана. Таким образом, наши заводы с толком прошли европейскую школу правильной работы, усвоили все, что было в ней хорошего...»[1].

Вполне созвучна была и оценка В. Г. Федорова, который первым из отечественных исследователей подробно осветил историю разработки и принятия на вооружение 3-лин винтовки системы

С. И. Мосина[2]. По его мнению, «несмотря на длительную задержку в разработке образца магазинной малокалиберной винтовки, перевооружение русской армии — благодаря интенсивной работе отечественных оружейных заводов и заказу 500 000 винтовок во Франции — на этот раз удалось выполнить сравнительно благополучно. Этим данный период резко отличается как от периода введения нарезного оружия... так и от введения 4-линейного оружия, когда образцом Бердана № 2, разработанного и утвержденного в 1870 г., ко времени Русско-турецкой войны, были перевооружены только гвардия и гренадерский корпус»[3].

В. Н. Ашурков рассмотрел эту же проблему в разрезе жизнеописания самого конструктора С. И. Мосина, который в 1876 г. начал службу на Тульском оружейном заводе (ТОЗ) в должности начальника инструментальной мастерской. По оценкам автора, в ходе работы над винтовкой Мосину пришлось столкнуться с существенными трудностями, основными из которых были мелочный бюрократизм военно-административных органов, полная неприспособленность завода к большим опытным работам, перебои с поставками стволов, патронов с бездымным порохом и даже обойм[4]. Большой заслугой конструктора В. Н. Ашурков считал, помимо прочего, создание полного комплекта лекал для валового изготовления новой винтовки, работы по которым велись в инструментальном отделе Петербургского патронного завода[5]. Отмечая этот факт, автор отмечал, что лекала для винтовок предыдущих систем (Бердана и Бердана-2) изготавливались в США[6]. Подчеркивалась В. Н. Ашурковым и техническая сложность решения задачи освоения производства нового изделия, для чего требовалась разработка технологических процессов почти на 1400 переходов, чертежей инструмента, рабочих и поверочных лекал, а детали самой винтовки требовали большей точности (в пределах 0,127–0,025 мм)[7]. Значение разработки С. И. Мосина для развития оружейного дела Ашурков оценивал такими словами: «Массовый выпуск мосинских винтовок способствовал росту культуры нашего оружейного производства, введению машинной техники и новых высокопроизводительных методов работы на смену прежнему ручному мастерству»[8].

Не обошлось в историографии и без критических оценок, одна из которых касалась чрезмерного, по мнению авторов, затягивания процесса освоения производства трехлинеек. Например, В. А. Цыбульский, применительно к развертыванию производства

винтовок на Сестрорецком оружейном заводе (СОЗ), считал, что «техническое развитие завода тормозилось Военным министерством: заводу выделялись недостаточные средства для приобретения необходимого оборудования, вследствие чего подготовительные работы затянулись на два года»[9].

Однако ответ на подобного рода замечания был дан еще в работе такого крупного специалиста, всю сознательную жизнь проработавшего в военной промышленности, как В. С. Михайлов. Анализируя освоение валового выпуска 3-лин винтовок, он счел необходимым опровергнуть обвинения в адрес оружейных заводов за чрезмерно растянутые сроки этого процесса. С этой целью В. С. Михайлов подробно изложил три его этапа и их содержание: первый — «проектирования производственной базы», длящийся 6–7 месяцев, второй — «построения базы», продолжительностью до 10 месяцев и третий — «поверки базы на опытной партии изделий и корректуры базы», охватывающий также около 10 месяцев[10]. Однако на практике «процесс установки производства 3-лин винтовки не протекал спокойно и в такой строгой последовательности отдельных этапов...». Причиной было то, что «высшие военные власти, не понимая сущности и значения установочных работ, требовали во что бы то ни стало выпуск валовых партий винтовок». И в результате «большой процент брака, большое количество ручной поделки, перебои в работе и беспорядок, совершенно недопустимый в хорошо организованной работе. В конечном счете, вместо ускорения общий срок установки производства удлинялся, а кроме того, в дальнейшем еще долгие годы часто давало о себе знать отсутствие исчерпывающе разработанной производственной базы»[11].

Советский исследователь Ф. И. Сирота при анализе деятельности С. И. Мосина упор сделал на непризнание его заслуг в условиях царской России: «...его самого военный министр Ванновский обвинил в заимствовании у Нагана ряда деталей. Ввиду этого Нагану было уплачено 200 тыс. рублей авторского гонорара, а Мосину вдали всего лишь 30 тыс. рублей»[12]. Более глубокий анализ проблем оружейной отрасли, выявленных в ходе массового выпуска 3-лин винтовок, был представлен В. Н. Ашурковым. Это касалось прежде всего финансирования работ. Так, для дополнительного оборудования заводов на 1892 г. было затребовано 2 775 615 р., но из-за дефицита бюджета военного ведомства сумма эта была сокращена, что сказалось впоследствии на ходе

освоения валового производства[13]. Кроме этого, «несмотря на приобретение нового оборудования, заводы по технической базе уступали иностранным, недоставало инженерно-технического персонала, квалифицированных рабочих, обойтись без заграничного заказа не удалось. Все это не давало оснований для излишнего оптимизма, особенно в связи с предстоящим переходом армии к автоматическому оружию»[14]. О слабости отечественной машиностроительной базы и большой зависимости оружейных заводов от импортного оборудования писал исследователь истории дореволюционного станкостроения Л. А. Айзенштадт. По его оценкам, тот же ТОЗ выпускал станки наиболее простых типов для собственных нужд, а основным источником поступления более сложных типов оставался заграничный рынок, прежде всего США и Германии[15].

Еще одной проблемой, с которой оружейная отрасль сталкивалась, в очередной раз, по мере завершения перевооружения армии, стала загрузка производственных мощностей и сохранение кадров (по данным Е. Е. Дроздовой, сокращения штата работников предприятий порою превышали 50 % их численности[16]). Об этой проблеме писал уже В. Г. Федоров, сетовавший на тот факт, что в условиях, когда во многих странах было налажено производство автоматических пистолетов, в том числе и для свободной продажи частным лицам, «у нас не нашлось энергичных инициативных людей, чтобы захватить русский рынок, не нашлось конструкторов, чтобы сконструировать образец автопистолета для изготовления на оружейных заводах России вместо приобретения пистолетов за границей». В то время как отечественные заводы «сидели без нарядов», бельгийское предприятие в Эрстале экспортировало в Россию сотни тысяч своих изделий[17].

Л. Г. Бескровный в этой связи отмечал, что изготовление винтовок второй очереди намеренно было растянуто военным ведомством с 1897 по 1903 г. для сохранения квалифицированных кадров заводов[18]. В. А. Сухов также отмечал меры ГАУ по сохранению на заводах квалифицированных кадров путем частичного изменения профиля заводов: специализация СОЗ на изготовлении инструментов и лекал для всех заводов, выполняющих артиллерийские заказы, организация выпуска охотничьего оружия на ТОЗ и Ижевском оружейном и сталеделательном заводе (ИОСЗ)[19]. Однако тот же Л. Г. Бескровный признавал, что предприятия все равно вынуждены были существенно

сократить численность квалифицированных рабочих, особенно СОЗ и ИОСЗ[20]. Современный исследователь Ю. Н. Лещенко также был убежден, что «в период свертывания оружейного производства мер по сохранению достигнутой производительности не принималось. Поэтому перед каждым новым “рывком” в производстве военному ведомству в авральном порядке приходилось заниматься реконструкцией заводов, ремонтом старого оборудования и закупкой нового»[21].

В целом состояние оружейной отрасли России в начале XX века многими исследователями оценивалось весьма критически. Одна из важнейших проблем, влиявших как на мобилизационные возможности военной промышленности в целом, так и на ее способности быстро внедрять в образцы вооружения новейшие достижения науки и техники, была затронута уже В. Г. Федоровым в одной из его ранних работ. Речь шла об узости промышленной базы страны в целом и в смежных с военным производством отраслях в частности. В. Г. Федоров писал об этом так: «За всеми изобретениями и усовершенствованиями в области оружия и вообще материальной части артиллерии в России должен следить лишь один немногочисленный класс артиллерийских техников, получивших высшее образование в Михайловской артиллерийской академии, между тем заграницей, при громадном развитии ее частной промышленности, к услугам артиллерийских техников-офицеров находится еще и большой класс частных заводчиков, фабрикантов и вообще служащих на заводах, которые, близко стоя к этому делу, являются и деятельными их помощниками в области изобретений и различных усовершенствований»[22].

Позднее на существенные просчеты в военно-технической политике правительства указывал и В. Н. Ашурков: «Отсталость России в сравнении с передовыми капиталистическими странами, финансовые трудности, консервативно-бюрократическое руководство, пренебрежение развитием техники, наконец, монопольное положение самих заводов в производстве оружия, — все это не могло способствовать их дальнейшему совершенствованию и развитию. Продолжая рассчитывать только на них, правительство не поощряло частной инициативы в производстве стрелкового оружия, и здесь Россия резко отставала от государств Западной Европы и США с их мощными частными оружейными фабриками»[23].

Узость промышленной базы сказалась на способности оружейных заводов обеспечить потребности мобилизационного развертывания войск уже во время Русско-японской войны, носившей в целом локальный характер. Это следовало из подготовленного после ее окончания отчета Военного министерства. В нем отмечалось, что оборудованные на определенный объем выпуска 3-лин винтовок три оружейные завода с началом войны не смогли выйти на рассчитанные объемы производства. На ТОЗ причиной этого стало задействование производственных мощностей на выпуск револьверов и пулеметов системы Максим, на ИОСЗ наблюдались проблемы с энергообеспечением, а на СОЗ производственные помещения были задействованы под другие цели[24]. Подобное объяснение причин невыполнения повышенных нарядов оружейными заводами не согласуется с приводимыми Л. Г. Бескровным сведениями о сокращении численности рабочего состава заводов в начале XX в., что, по мнению автора, и стало причиной недополучения войсками в 1905 г. более 130 тыс. винтовок[25].

По данным авторов отчета, для восстановления производственных возможностей заводов потребовалось экстренное выделение более одного миллиона рублей[26]. Примечателен вывод, который был сделан руководством военного ведомства по итогам войны: «Расширять оружейные заводы не предположено, так как их производительность признана вполне достаточной и дающей возможность быстро восстанавливать во время войны расход оружия, производимый из содержащихся запасов»[27]. По мнению советского исследователя В. А. Сухова, после войны «такая установка... по существу лишала начальников заводов возможности поставить вопрос новой реконструкции подведомственных им предприятий в соответствии с возросшими требованиями времени и вынудила их ограничиться полумерами». Среди мер, которые удалось в это время реализовать, автор особо отмечал решение в 1906 г. вопроса о расширении механических мастерских заводов, что давало возможность не только ремонтировать, но и производить новое оборудование[28].

Наиболее уничижительной критике все стороны деятельности оружейных заводов в начале XX в. подвергал К. Ф. Шацилло. Он решительно отвергал сложившееся в историографии мнение о них как о крупных и хорошо оснащенных предприятиях. По мнению автора, этого не могли обеспечить

существовавшие еще с 1837 г. нормы об отчислении на ремонт и замену оборудования технических артиллерийских заведений, а также ремонт их зданий и сооружений в размере всего 1% стоимости этих производственных фондов[29]. Эта порочная система приводила к тому, что «каждый раз, когда возникала необходимость перевооружения новым видом оружия, заводы были к этому не подготовлены и для переоборудования приходилось предусматривать специальные кредиты. "Нормальное" же их функционирование, строго централизованное, регулировалось давным-давно устаревшими бюрократическими законами и инструкциями... Так и стояли — столетние здания со столетними станками!»[30]. Проанализировав состояние трех заводов на рубеже XIX и XX вв., автор, наряду с резким сокращением численности рабочих по мере завершения перевооружения армии 3-лин винтовками, отмечал большой удельный вес рабочих, занятых на подсобных работах, а также тот факт, что почти половина рабочих, занятых непосредственно изготовлением оружия, работала вручную, а значительная часть станков и агрегатов «простаивала и числилась только на бумаге: работать на станках практически было невозможно». Это дало повод К. Ф. Шацилло сделать вывод: «Таков плачевный итог векового «государственного предпринимательства» на военных заводах... по всем статьям — и энерговооруженности предприятий, и их оснащенности станками, и качеству самих этих станков... — казенные оружейные заводы вряд ли можно признать "оснащенными хорошими станками и обладающими достаточной энергетической базой"»[31].

К аналогичным выводам пришел и О. В. Захарияш, исследуя положение на конкретном предприятии — СОЗ[32]. Мнение об экономической отсталости России как основной причине нерешенности проблемы обеспечения армии достаточным количеством стрелкового оружия характерно и для других современных авторов[33].

Помимо оценок общего характера, отечественными исследователями отмечались особенности организации и состояние производства 3-лин винтовок на конкретных оружейных заводах России.

С. А. Зыбин отмечал осуществленные в связи с этим строительные работы по расширению производственных площадей на ТОЗ, увеличение мощности паросилового хозяйства,

приобретение нового оборудования, переход на электроосвещение[34]. И. А. Крылов подчеркивал, что только новых станков было приобретено 1400 единиц[35]. Этот же автор отмечал и роль созданной в 1896 г. на ТОЗ техно-химической лаборатории, предназначенной для «обеспечения завода доброкачественными материалами при помощи физико-химических методов анализа, научно оборудованных, взамен проб материалов работой, что затрудняло мастерские и задерживало самое испытание материалов»[36].

Автор единственного в своем роде труда по истории военной промышленности В. С. Михайлов первым обратил внимание на то, что освоение производства 3-лин винтовок на ТОЗ проходило отнюдь не гладко. Валовое производство началось только в 1893 г., «на четвертый год от начала установки производства». При этом не обошлось без приглашения мастеров по производству и инструментальщиков французского завода Шательро, а также без закупки импортного оборудования[37]. Хотя В. Н. Ашурков, явно тенденциозно, утверждал, что «установка производства была проведена собственными силами завода, без какой бы то ни было помощи со стороны»[38].

Писавшие по «горячим следам» авторы коллективного труда по истории оружейных заводов отмечали, что в ходе развертывания нового производства в Сестрорецке здесь удалось довести выпуск таких технологически сложных изделий как 3-лин винтовки до 75 тыс. единиц в 1895–1896 гг.[39] Важной технической особенностью предприятия стало то, что оно первым из казенных заводов во второй половине 1890-х гг. стало использовать электричество в качестве двигательной силы[40].

Весьма критически оценивал положение завода в этот период В. А. Цыбульский. Автор высказывал глубокую убежденность в неготовности СОЗ к развертыванию работ по массовому изготовлению 3-лин винтовок. По его словам, «несмотря на то, что к 80-м годам оружейные заводы достигли высокой производительности в выпуске так называемых «берданок», к производству более сложных 3-линейных винтовок они по вине правящих кругов оказались совершенно неподготовленными. На Сестрорецком заводе ближайшей причиной, тормозившей расширение производства винтовок нового образца, явился недостаток механизмов и станков». В связи с этим автор отмечал, что за 1882–1891 гг. на предприятие не поступило и не было изготовлено собственными силами ни одного станка[41].

Сам ход освоения производства автором изображен как противостояние талантливых рабочих-оружейников и бездарного царского правительства. В заслугу сестрорецким оружейникам он ставил разработку системы допусков во все детали 3-лин винтовки и изготовление первых в России образцовых и рабочих серий лекал для всех оружейных заводов[42]. В то же время он сетовал на тотальный характер закупок импортного оборудования, утверждал, со ссылками на воспоминания рабочих, что подготовкой кадров на заводе в большей мере занимались сами рабочие, нежели инженерно-технические и административные чины, а увеличение производительности было достигнуто почти исключительно путем увеличения нагрузок на рабочих[43]. Крайне негативно оценивалось автором решение правительства о заказе партии 3-лин винтовок французскому заводу в Шательро, при том, что, например, в 1895 г. Исполнительной комиссией по перевооружению армии было отвергнуто предложение С. И. Мосина о дополнительном оборудовании завода на сумму всего в 184 500 р.[44] Общая оценка состояния СОЗ к концу перевооружения армии в устах автора выглядела довольно безрадостно: «В XX столетие Сестрорецкий завод вступил с устаревшим оборудованием и весьма неопределенными безотрадными перспективами. Происходило массовое увольнение рабочих. Рациональное использование производственных мощностей и замечательных кадров старейшего оружейного завода в интересах развития народного хозяйства и обороны оказалось не под силу царизму»[45].

Столь категоричные оценки другими исследователями не разделялись, хотя и признавалось наличие проблем организационно-производственного характера. В. С. Михайловым была отмечена особенность СОЗ, заключавшаяся в отсутствии «стабильного производственного режима» на протяжении, по крайней мере, четверти века до начала Первой мировой войны. «Объем годового производства... меняется резкими скачками... При этом холостой ход в работе завода, образующийся при сокращении выпуска оружия, не использовался никакими другими производствами»[46]. Такое положение приводило к тому, что на протяжении этого периода военное ведомство трижды ставило вопрос о ликвидации предприятия (после завершения перевооружения армии на винтовки Бердана-2 в конце 1880-х гг. и 3-лин винтовки в начале 1900-х гг., а также в начале 1910-х гг.). Помешали этим планам в первом случае новое перевооружение, во втором — начавшаяся

вскоре Русско-японская война, в третьем — настоятельные убеждения со стороны ГАУ[47].

В отношении ИОСЗ в коллективной работе по истории оружейных заводов особо подчеркивалась его важная роль в качестве поставщика винтовочных стволов с коробками для остальных оружейных заводов. По мнению авторов, затраты на соответствующее расширение ИОСЗ в размере 941 тыс. р. в результате налаживания здесь ствольного производства многократно окупились[48]. Эти же исследователи отметили и усилия руководителей предприятия, начиная с арендаторов и заканчивая командиром завода уже после перехода в казенное управление полковника К. И. Соколова, по налаживанию выпуска инструментальной тигельной стали, позволившие полностью обеспечить потребности завода в этом важном материале[49]. Авторами было также упомянуто наличие на ИОСЗ собственных химической и механической лабораторий, а также лаборатории для микрофотографии[50].

В. С. Михайлов подчеркивал преимущества наличия собственного сталелитейного производства и производства оружейных полуфабрикатов на ИОСЗ. Во-первых, это способствовало решению задачи мобилизационного развертывания оружейных заводов: ввиду циклического характера их деятельности: «производство стволов и оружейной стали на других (не военных) заводах обречено было бы на длительные простои и неизбежное разрушение, что при мобилизации, естественно, поставило бы оружейные заводы в катастрофическое положение»[51]. Во-вторых, наличие собственной металлургической базы позволяло оперативно решать научно-исследовательские задачи в области металлургии при разработке новых образцов оружия[52]. Впрочем, как отмечал позднее Г. Н. Шумкин, налаживание сталелитейного производства происходило непросто, так что из-за этого завод смог обеспечить выпуск винтовок для завершения первого этапа перевооружения армии на год позднее срока — к 1897 г.[53]

А. А. Александров показал рост технического оснащения ИОСЗ в связи с переходом к производству 3-лин винтовок. Так, если в 1890 г. на нем было 1313 станков, то в 1892 г. их количество увеличилось до 2231, а в 1900 г. — до более чем трех тысяч единиц. Оснащенный тремя мартеновскими печами сталелитейный завод увеличил выпуск стали за десятилетие, с 1889

по 1899 гг., в девять раз, а выпуск основной продукции — винтовок в процентном отношении к 1892 г. составил: в 1895 — 2500 %, в 1896 — 3290 %[54]. В качестве особенности кадрового обеспечения ИОСЗ автор указывал на периодические «переливы» рабочих между ним и Воткинским заводом: в 1890 г. туда переместилась значительная часть из Ижевска после завершения производства 4-лин винтовок, а в 1893–1896 гг. в связи с форсированным выпуском новых магазинных винтовок происходил обратный процесс[55]. М. И. Горбов особенностью ИОСЗ в данный период называл то, что это был единственный оружейный завод, где выпускались 3-лин винтовки всех видов: пехотные, драгунские и казачьи[56]. А. М. Фомичев важным мероприятием в истории завода полагал строительство в 1902 г. сталелитейного цеха, позволившего сосредоточить в одном месте все производство тигельной и мартеновской стали[57].

О техническом оснащении ИОСЗ в конце XIX – начале XX в. писал и Н. А. Родионов. Он отмечал проведенные здесь работы по электрификации отдельных производственных участков, проводившиеся с 1897 г. под руководством А. М. Поркеля[58]. К началу XX в. производственная структура завода объединяла 10 мастерских и центральную электрическую станцию. В том же 1897 г. на предприятии была основана и собственная инструментальная мастерская для изготовления рабочего и мерительного инструмента[59].

Как и другие оружейные заводы, ИОСЗ также столкнулся с проблемой сокращения нарядов по мере перевооружения армии на новый вид оружия. Г. Н. Шумкин, проанализировав ход производства в период второй очереди перевооружения (1896–1903 гг.), пришел к выводу, что в это время «Ижевские заводы превратились в многопрофильное предприятие. Однако новые производства не могли компенсировать уменьшение нарядов на изготовление винтовок». В результате численность рабочих завода с 12 тыс. человек в 1896 г. сократилась к 1903 г. до 4,8 тыс.[60] С началом Русско-японской войны это сказалось на возможности предприятия выполнить вновь резко возросшие заказы на оружие: нужные темпы работы были достигнуты только через полгода, завод не смог возобновить изготовление пехотных винтовок, сосредоточившись на выпуске только драгунских и казачьих[61]. Попытки после окончания войны поддержать производственную деятельность ИОСЗ путем организации на нем станочного

производства оказались неудачными все из-за тех же финансовых трудностей[62].

Представленный обзор отечественной историографии показывает, что вопрос об освоении промышленностью производства таких инновационных изделий, коими в конце XIX в. являлись 3-лин магазинные винтовки, достаточно подробно и всесторонне освещен в работах исследователей. При этом нельзя не заметить весьма существенный разброс мнений и оценок различных сторон данного процесса, что говорит о далеко не исчерпанном исследовательском потенциале рассматриваемой проблемы. Прежде всего, бросается в глаза вопрос о соотношении частного и казенного секторов в военной промышленности, который в случае с оружейным производством приобретает особую остроту ввиду полного преобладания в нем в исследуемый период государственного участия.

---

[1] Зыбин С. А. Льеж и Тула. Тула: тип. губерн. правл., 1903. С. 56.

[2] Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. М.: Госвоениздат, 1938. С. 177–190.

[3] Там же. С. 190.

[4] Ашурков В. Н. Конструктор С. И. Мосин. Тула: Облкнижиздат, 1949. С. 23.

[5] Там же. С. 58.

[6] Там же. С. 59.

[7] Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы в 90-х годах XIX века // Исторические науки. Ученые записки кафедры истории Тульского гос. пед. ин-та им. Л. Н. Толстого. 1969. Вып. 2. С. 118.

[8] Ашурков В. Н. С. И. Мосин — создатель русской винтовки (1849–1902). М.: Воениздат, 1951. С. 59.

[9] Цыбульский В. А. История Сестрорецкого инструментального завода имени С. П. Воскова (1721–1917 гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1958. С. 5.

[10] Михайлов В. С. Очерки по истории военной промышленности // Генерал В. С. Михайлов 1875–1929: документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 131.

[11] Там же С. 130.

[12] Сирота Ф. И. Перевооружение русской армии во второй половине XIX века: автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1950. С. 30.

[13] Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы в 90-х годах XIX века. С. 118.

[14] Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. Очерки по истории государственной военной промышленности эпохи домонополистического капитализма: автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 1962. Цит. по: Ашурков В. Н. Избранное: История тульского края: статьи и очерки. Тула: Приок. кн. изд-во, 2003. С. 211.

[15] Айзенштадт Л. А., Чихачев С. А. Очерки по истории станкостроения СССР. М.: Машгиз, 1957. С. 119.
[16] Дроздова Е. Е. Подготовка кадров оружейных заводов военного ведомства России во второй половине XIX в. – 1914 г.: автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 2009. С. 25.
[17] Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900–1935 гг.) Ч. 1. Оружейное дело в начале XX столетия. Л.: Изд-во Арт. академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского, 1938. С. 51.
[18] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономической потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 317.
[19] Сухов В. А. Русские оружейные заводы в эпоху империализма // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX вв.: сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 71.
[20] Бескровный Л. Г. Производство вооружения и боеприпасов для армии в России в период империализма (1898–1917 гг.) // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 89.
[21] Лещенко Ю. Н. Организация вооружения русской армии стрелковым оружием (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2009. С. 27.
[22] Федоров В. Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб.: типолитогр. С. Н. Цепова, 1904. С. 158.
[23] Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. С. 212.
[24] Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванной войной с Японией в 1904–1905 гг. Б.м., 1905. С. 198.
[25] Бескровный Л. Г. Производство вооружения и боеприпасов для армии в России. С. 91.
[26] Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства... С. 199.
[27] Там же. С. 216.
[28] Сухов В. А. Русские оружейные заводы в эпоху империализма. С. 72.
[29] Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1992. С. 112.
[30] Там же. С. 113.
[31] Там же. С. 117.
[32] Захарияш О. В. Деятельность органов государственной власти по развитию военной промышленности Петербурга и губернии в 1906–1914 гг. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 69–70.
[33] Бодриченко И. А. Эволюция стрелкового дела в Русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007. С. 16.
[34] Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский). Кронштадт: типо-литогр. Д. М. Комарова, 1898. С. 30.
[35] Крылов И. А. Описание Императорского Тульского оружейного завода. Тула: Тип. Губерн. правл., 1901. С. 10.
[36] Там же. С. 16.
[37] Михайлов В. С. Очерки по истории военной промышленности. С. 97.
[38] Ашурков В. Н. Кузница оружия. Очерки из истории Тульского оружейного завода. Тула: Облкнижиздат, 1947. С. 72.
[39] Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы... С. 50.
[40] Там же. С. 51.

[41] Цыбульский В. А. Сестрорецкий оружейный завод и перевооружение русской армии в конце XIX в. // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX вв.: сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 61.
[42] Там же. С. 63.
[43] Там же. С. 64.
[44] Там же. С. 66.
[45] Там же. С. 67.
[46] Михайлов В. С. Очерки по истории военной промышленности. С. 120.
[47] Там же. С. 121.
[48] Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы... С. 66.
[49] Там же. С. 80.
[50] Там же. С. 86.
[51] Михайлов В. С. Очерки по истории военной промышленности. С. 118.
[52] Там же. С. 119.
[53] Шумкин Г. Н. Военное производство на Урале в конце XIX – начале XX вв. (1891 – июль 1914 гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 14.
[54] Александров А. А. Состав и положение рабочих на Ижевском и Воткинском заводах (1890–1904 годы) // Из истории рабочего класса Урала: сб. статей. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1961. С. 253.
[55] Там же. С. 254.
[56] Горбов М. И. Ижевские оружейники. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1963. С. 18.
[57] Фомичев А. М. Ижевская сталь. Ижевск: «Удмуртия», 1977. С. 46.
[58] Родионов Н. А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.) Ижевск, 2009. С. 38.
[59] Там же. С. 40.
[60] Шумкин Г. Н. Ижевские заводы в начале XX века (1903–1914 гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 37.
[61] Там же. С. 38.
[62] Там же. С. 40.

В. П. Антонов-Дружинин
(Мытищи, Московская область)

УТРАЧЕННЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ОРУЖЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ ДОМА РОМАНОВЫХ (К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА С КОМПАНИЕЙ J. PURDEY В 1842–1862 ГОДАХ)

«ОСНОВНАЯ МАССА ОРУЖИЯ, принадлежавшего представителям семейства Романовых, поступила в Артиллерийский исторический музей <...> в 1920-х – начале 1930-х гг. из дворцовых коллекций.

Это огнестрельное боевое, охотничье и спортивное оружие, а также холодное оружие <...>.

В декабре 2012 года <...> вышла книга <...>“Оружейные реликвии Дома Романовых”[1], в которую были включены все выявленные на тот момент в фондах музея русские и иностранные оружейные памятники, принадлежавшие членам семьи Романовых»[2]. Настоящая статья посвящена описанию технических характеристик огнестрельного охотничьего оружия, поступившего от компании James Purdey к представителям Российского Императорского Дома. Это оружие не упомянуто в указанных источниках (монографии и статье), потому что не хранится в музейных фондах. Его можно подразделить на две группы.

Первая группа объединяет охотничье оружие James Purdey, которое было изъято из собрания Гатчинского дворца по ордеру П[етроградской] ЧК от 27.XI.1921 г. № 1893, протокол 28.XI.1921 г. (в тексте настоящей статьи отмечено знаком «*»). В 2024 г. на запрос Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Тульский государственный музей оружия» о дальнейшей судьбе ружей и винтовок J. Purdey № 3644,

5414, 5456, 5457, 6078 из Гатчинского арсенала отдел регистрации архивных фондов УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области ответил, что запрашиваемых архивных материалов не имеется. Информацией о месте возможного хранения не располагаем.

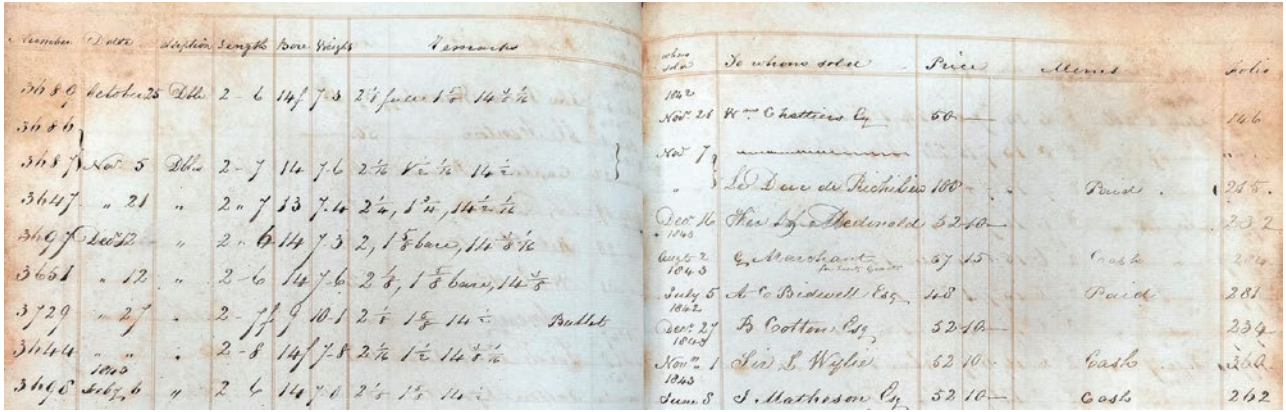
Вторая группа объединяет охотничье оружие James Purdey, о существовании которого, по свидетельству хранителя фонда «Оружие» Гатчинского дворца-музея старшего научного сотрудника Е. А. Родионова, до публикации настоящей статьи специалистам вообще ничего не было известно (отмечено знаком «**»).

Предложенный каталог охотничьих ружей и винтовок James Purdey, принадлежавших представителям Российского Императорского Дома, составлен на основании бухгалтерских книг (Accounts Ledgers), книг измерений (Dimension Book), книг запасов (Stock Book), листов заказов (Orde Sheet, иногда — 'Order Book'), любезно предоставленных компанией James Purdey & Sons, обработанных и введенных нами в научный оборот[3].

1. Двуствольное дульнозарядное капсюльное ружье № 3644* категории «stock gun», изготовленное J. Purdey (for stock) 27 декабря 1842 г.

- Калибр 14 f (между 14 и 14/1 – 17,6 и 17,8 мм — таблица 1).
- Длина стволов — 2 фута 8 дюймов (812,8 мм).
- Вес ружья — 7 фунтов 8 унций (3401,93 г).
- Bend of 2 1/16 in. (52,3875 — округленно 52,4 мм) at heel (B) и 1½ in. (38,1 мм) at comb (A).
- Length of 14 3/8 1/16 in. (366,7125 — округленно 366,7 мм) — параметр B — ил. 1 (параметры прикладов «Bend & Length» показаны на изображении современного измерительного листа — Stock Measurement Guide, — используемого компанией James Purdey & Sons — ил. 2).

По данным из бухгалтерской книги (Accounts Ledgers), 2 ноября 1843 г. ружье № 3644* было куплено неким сэром Льюисом Уайли (Sir Lewis Wylie) — ил. 3. Его имя указано во всех документах, хранящихся в архиве компании James Purdey & Sons, которые имеют отношение к ружью № 3644*. Никакой иной информацией об этом джентльмене мы не располагаем, кроме той, что он заплатил за указанное ружье 52 фунта стерлингов 10 шиллингов наличными без предоставления скидки. По дате продажи/покупки Дональд Даллас (Donald Dallas) относит ружье № 3644* к 1843 г.[4] Приведенные данные опровергают



Ил. 1. Книга запасов (Stock Book). Записи о ружье № 3644 (вторая строка снизу): левая страница разворота, запись от 27 декабря 1842 г. — технические характеристики ружья; правая страница разворота, запись от 1 ноября 1843 г. — о продаже ружья сэру Льюису Уайли (Sir Lewis Wylie).
Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

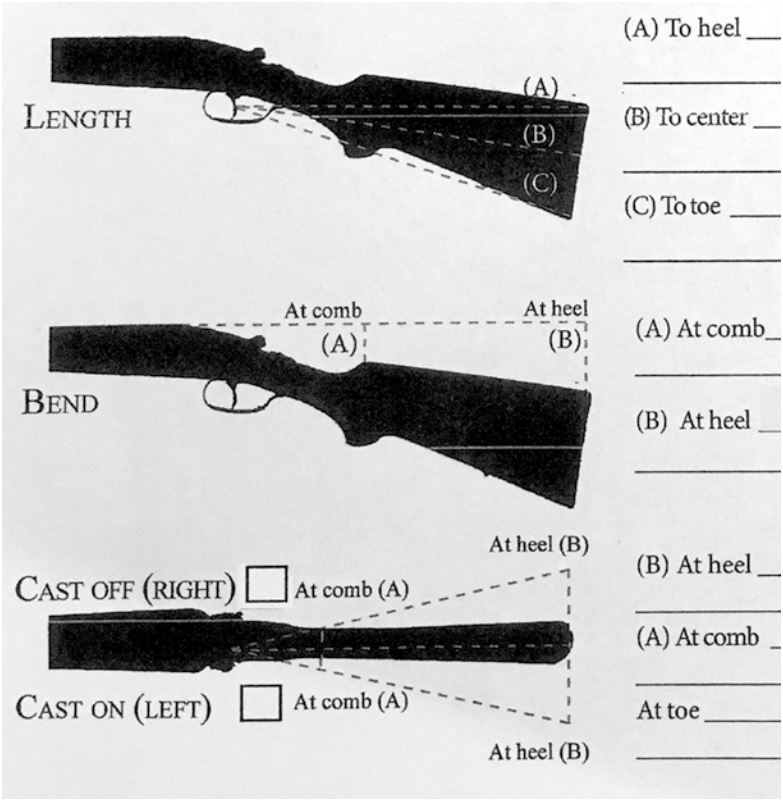
Таблица 1

Диаметры каналов ружейных и винтовочных стволов и [их] маркировка Лондонской испытательной лабораторией
(из таблицы 'Shotgun Bore Diameters & Proof Marking The London Proof House', любезно предоставленной Dr. Николасом А. Харлоу, руководителем оружейного зала компании James Purdey & Sons)

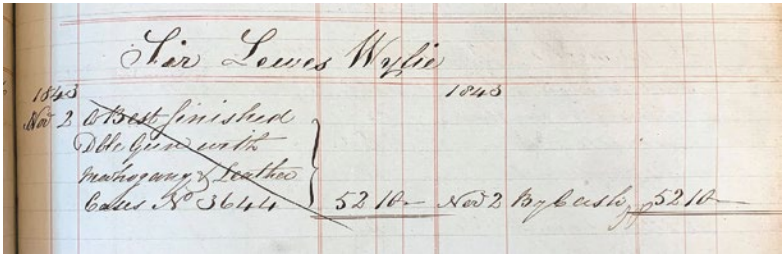
Номинальный размер [калибр] патрона *(Nominal Size of Cartridge)*	**Калибр [канала ствола], отмеченный нами [на клеймах] после проверки** *(Gauge us marked at Proof)*	**Диаметр канала ствола в дюймах** *(Diameter of Bore Imperial)*	**Диаметр канала ствола в мм** *(Diameter of Bore Metric)*
12	$12/_{1}$	.740″	18.7 mm
	12	.729″	**18.5 mm**
	$13/_{1}$	.719″	18.2 mm
	13	.710″	18.0 mm
14	$14/_{1}$	.701″	17.8 mm
	14	.693″	**17.6 mm**
	$15/_{1}$	.685″	17.3 mm
	15	.677″	**17.1 mm**
16	$16/_{1}$	.669″	16.9 mm
	16	.662″	16.8 mm
	$17/_{1}$	.665″	16.6 mm
	17	.649″	16.4 mm
	18	.637″	**16.1 mm**

датировку — «кон. XIX в.», указанную в научном каталоге «Коллекция оружия Гатчинского дворца»[5].

Нам неизвестно, как и — главное! — когда ружье № 3644* попало в Россию. В 1842–1843 гг. в Российской империи, как известно, царствовал и правил император Николай I. Однако в архивах компании J. Purdey & Sons нет никаких документов,



Ил. 2. Параметры приклада. Современный измерительный лист (Stock Measurement Guide).
Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons



Ил. 3. Бухгалтерская книга (Accounts Ledgers). Запись от 2 ноября 1843 г. о покупке ружья № 3644 сэром Льюисом Уайли (Sir Lewis Wylie).
Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

объясняющих появление ружья № 3644*, ни у Николая I, ни в Гатчинском арсенале, ни у Александра III, в стеклянном шкафу которого хранилось это ружье[6]. Нужно иметь в виду, что в «1844 г. Николай Павлович неожиданно совершил поездку в Англию и пробыл здесь в гостях у королевы Виктории и ее супруга принца Альберта с 20 по 27 мая»[7]. «Только за два дня в Англии узнали, что, посетив короля нидерландского, русский император прибудет в Лондон. 20 мая (1 июня) он высадился на берегу Темзы в Вулидже (Вулвиче) в 10 часов вечера и в тот же день прибыл в Лондон. 24 мая (5 июня) Николай Павлович присутствовал на большом параде в Виндзорском парке. Его возглавлял старый знакомый, престарелый герцог Веллингтон. Император совершал прогулки по Лондону, посещал скачки и театр, в день отъезда присутствовал на завтраке у королевы. <...>

Это был второй после юношеского путешествия визит Николая Павловича в Англию»[8]. Получил ли во время этого визита император Николай I в подарок ружье работы знаменитого Джеймса Пёрде № 3644*, пока нам не известно.

2. Двуствольные дульнозарядные капсюльные ружья № 4132 и № 4133** категории «stock gun», изготовленные J. Purdey (for stock) 20 марта 1847 г.**

• Калибр — 14 f (между 14 и 14/1 – 17,6 и 17,8 мм).

• Длина стволов (из дамасской стали) — 31 дюйм (787,4 мм).

• Вес каждого ружья — 7 фунтов и 4 унции (3288,55 г — приблизительно 3,288 кг).

• Bend of 2 1/16 in. (52,3875 — округленно 52,4 мм) at heel (B) и 1 ½ 1/16 in. (39,6875 — округленно 39,7 мм) at comb (A).

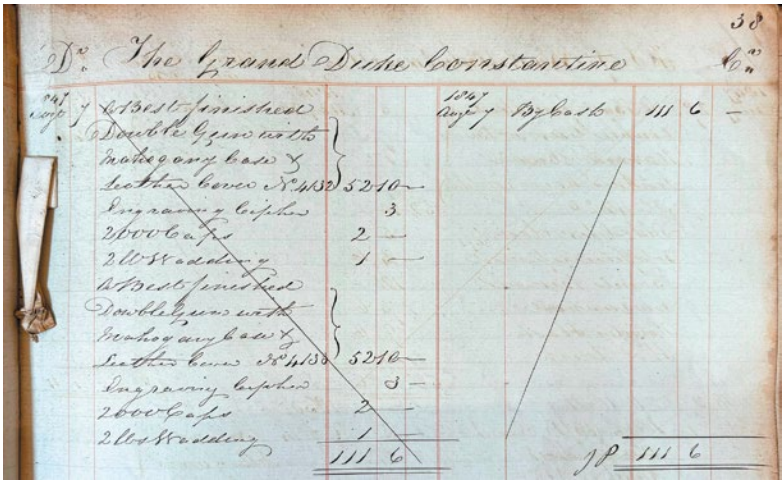
• Length of 14 ½ 1/16 in. (369,8875 — округленно 369,9 мм) — параметр B — ил. 4, изображение A (параметры прикладов «Bend & Length» см. на изображении современного Stock Measurement Guide — ил. 2).

Ружья № 4132** и № 4133** приобрел 7 августа (по Григорианскому календарю) 1847 г. сын Николая I великий князь Константин Николаевич, завершая «одно из своих последних образовательных путешествий <...> в Англию»[9]. Ричард Бомонт (Richard Beaumont), не знакомый с описью оружейного собрания Гатчинского дворца, считал эту покупку «первой русской». Он пишет: «Первый российский покупатель (“customer”), Великий Князь Константин, купил ружье в 1847 году»[10]. Внимательно изучая 38-ю страницу бухгалтерской книги (ил. 5), следует

А

Б

Ил. 4. Книга запасов (Stock Book). Записи о ружьях № 4132 и № 4133:
от 20 марта 1847 г. (изображение А — левая страница разворота) — технические характеристики ружей;
от 4 августа 1847 г. (изображение Б — правая страница разворота) — о продаже ружей великому князю Константину.
Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons



Ил. 5. Бухгалтерская книга (Accounts Ledgers). Запись от 7 августа 1847 г. о покупке ружей № 4132 и № 4133 великим князем Константином.
Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

обратить внимание на запись в 5-й и 12-й строках: «Engraving Cipher 3», — гравировка шифра 3 [шиллинга]. 3 шиллинга — цена гравировальных работ, которые [возможно] производились между 4 августа (ил. 4, изображение Б) и 7 августа (ил. 5). В данном случае «шифр» «Cipher», — строго говоря, «Cypher» («a cipher» — это метод шифрования), выгравированный на овале или чем-то подобном, является личным знаком владельца ружья. Так отмечать принадлежность ружья определенному владельцу — очень распространенная традиция. Например, в 1900 г. Николай II заказал выгравировать на паре ружей J. Purdey & Sons № 16934 & 5 личный знак будущего владельца: «Monogram P. of W.»[11] — монограмму принца Уэльского. Ружья № 16934 & 5 предназначались царем Николаем II в качестве подарка своему дяде, — будущему королю Эдуарду VII, который был тогда принцем Уэльским. Здесь требуется обратить внимание на тонкое различие между терминами «Cypher» и «Monogram» (в данном случае «P. of W.») в английских документах. У принца Уэльского нет шифра. У него есть герб, включающий изображение трех перьев, и монограмма. Шифром обладает только король [правящий монарх]. Шифр включает инициалы [монарха], связанные с его «королевским номером» (Regnal Number). Раз в рассматриваемой надписи (Accounts Ledgers, p. 38 — ил. 5) используется термин «Cypher» (а не «Monogram»), то можно предположить, что именно «Cypher» императора Николая I и был заказан для гравировки («Engraving Cipher») на ружьях № 4132 и № 4133.

«13 августа [25 августа по Григорианскому календарю] он [великий князь Константин Николаевич] возвратился из Англии в Кронштадт на фрегате “Паллада” командиром оного»[12]. Разве есть что-то необычное в том, что сын, возвращаясь из трехмесячного путешествия по Англии, привез своему отцу лучшие ружья работы знаменитого Джеймса Пёрде, приобретенные Его Императорским Высочеством 4–7 августа 1847 г.? И тут не лишним будет обратить внимание на то, что калибр стволов — 14 f и «погиб» приклада — Bendof 2 1/16 in. at heel (параметр B — см. ил. 2) у ружей № 4132** и № 4133** точно соответствуют этим параметрам ружья № 3644*! (Приклад последнего был всего на 3,2 мм длиннее, чем у ружей № 4132** и № 4133**.) Для ружей категории «stock gun», «покупаемых с полки», а не созданных «на заказ» [для конкретной персоны], — это очень высокая степень идентичности,

позволяющая предполагать, что они были предназначены для одного и того же владельца (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительные характеристики капсюльного ружья J. Purdey категории «stock gun» № 3644*, приобретенного 2 ноября 1843 г. сэром Льюисом Уайли (Sir Lewis Wylie), и аналогичных ружей, купленных 4–7 августа 1847 года великим князем Константином Николаевичем

Ружье	№ 3644	№ 4132	№ 4133
Калибр	14 f	14 f	14 f
Длина [стволов], мм	812,8	787,4	787,4
Вес ружья, г	3401,93	3288,55	3288,55
«Погиб» приклада, мм (Bend at heel – B – ил. 2)	52,4	52,4	52,4
Длина приклада, мм	366,7	369,9	369,9

(Возможно, ружья № 4132** и № 4133** приобретались с учетом замечаний, высказанных владельцем ружья № 3644* к длине стволов. Они могли возникнуть в результате уже приобретенного им опыта стрельбы из ружья № 3644* на охоте. Но это, конечно, только предположение).

3. Двуствольное дульнозарядное капсюльное ружье № 4210 категории «stock gun», изготовленное J. Purdey (for stock) 31 января 1848 г.**

• Калибр – 15-й.

• Длина стволов – 2 фута 6 дюймов (762 мм).

• Вес ружья – 7 фунтов (3175,15 г).

• Bendof 2 ⅛ in. (53, 975 – округленно 54 мм) at heel (B) и 1 ½ 1/16 in. (39,6875 – округленно 39,7 мм) at comb (A).

• Length of 14 ½ in. (368,3 мм) – параметр B – ил. 6, изображение A. (характеристики прикладов «Bend & Length» – см. ил. 2).

А

Б

Ил. 6. Книга запасов (Stock Book). Записи о ружьях № 4210 и № 4351, проданных 17 июня 1850 г. императору России. Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

4. Двуствольное дульнозарядное капсюльное ружье категории «stock gun» № 4351, изготовленное J. Purdey «на склад» (built for stock) в марте 1848 г.**

• Калибр — 14-й.

• Длина стволов — 2 фута 6 дюймов (762 мм).

• Вес ружья — 7 фунтов 3 унции (3260,20 г).

• Bend of 2 full in. at heel и1 5/8 bare in. at comb (Bend at heel — B — [немного] больше двух дюймов — 50,8 мм, bend at comb — A — [немного] меньше 1 5/8 дюйма — 41,275 мм).

• Length of 14 3/8 1/16 in. (366,7125 — округленно 366,7 мм) — параметр B — ил. 6, изображение Б (характеристики прикладов «Bend & Length» — см. ил. 2).

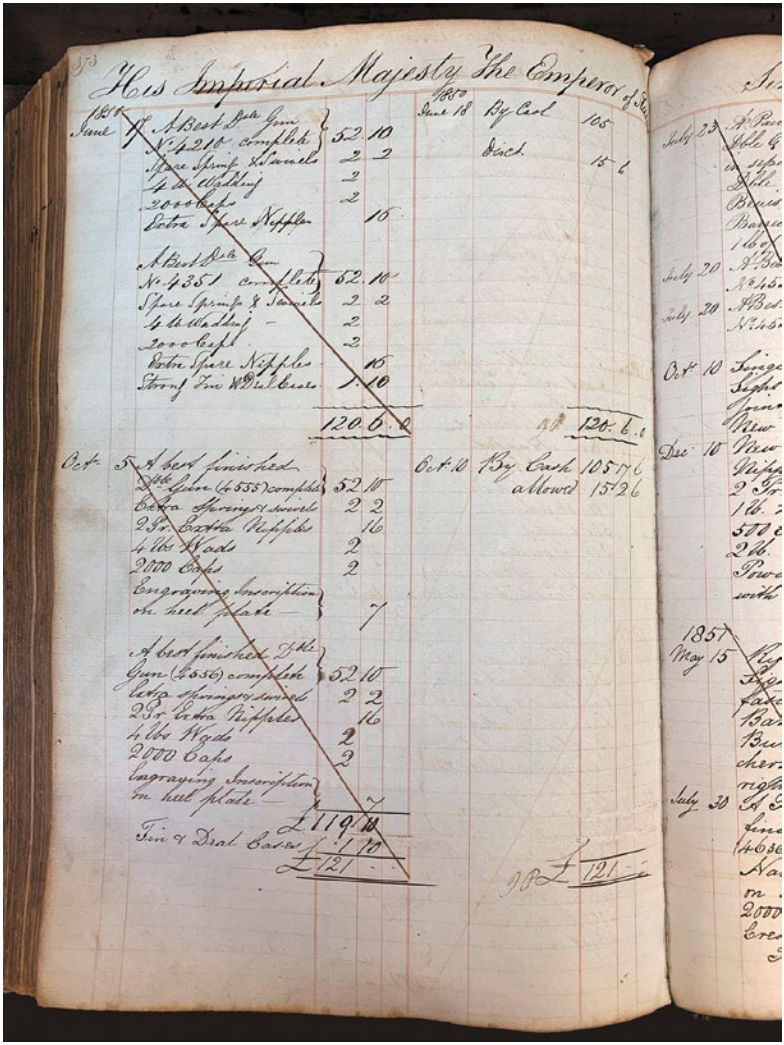
Ружья № 4210** и № 4351** (изготовленные в первом квартале 1848 г. и два с лишним года ждавшие на полке своего покупателя) были проданы императору России («Emperor of Russia») [Николаю Павловичу] 17/18 июня 1850 г. — ил. 7. Дата в книге запасов: «17 июня 1849 года» (ил. 6, изображение A) является ошибкой. Ружья № 4210** и № 4351** имели достаточно близкие технические характеристики (таблица 3).

Таблица 3

Технические характеристики двуствольных дульнозарядных капсюльных ружей J. Purdey категории «stock gun», приобретенные императором России в июне 1850 г.

Ружье	№ 4210	№ 4351
Калибр	15	14
Длина стволов, мм	762	762
Вес [ружья], г	3175,15	3260,20
«Погиб» приклада, мм (Bend at heel — B — ил. 2)	54	50,8+
Длина приклада, мм	368,3	366,7

Все перечисленные здесь двуствольные дульнозарядные капсюльные ружья J. Purdey категории «stock gun» 1843–1850 гг., имеющие отношение к Российскому Императорскому Дому



Ил. 7. Бухгалтерская книга (Accounts Ledgers). Записи от 17/18 июня 1850 г. о покупке ружей № 4210, № 4351 и от 5/10 октября 1850 г. о покупке ружей № 4555, № 4556 императором России. Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

времен царствования Николая Павловича, были калибра «14-й группы» (таблицы 1–3). Длина стволов постепенно стала «вполне современной» для гладкоствольных охотничьих ружей — 30 дюймов (762 мм). «Погиб» прикладов (Bend at heel — B — ил. 2), изменяясь в пределах от 50,8 до 54 мм, в среднем составляет 52,4 мм (как у первого ружья № 3644*, упомянутого в «Гатчинской описи»[13]). Длина прикладов варьирует в пределах 3,2 мм. Перечисленное может свидетельствовать в пользу предположения, что все пять ружей предназначались для одного владельца (таблица 4).

Таблица 4

Технические характеристики двуствольных дульнозарядных капсюльных ружей J. Purdey категории «stock gun» времен царствования Николая Павловича

	1843	**1847**		**1850**	
Ружье	№ 3644	№ 4132	№ 4133	№ 4210	№ 4351
Калибр	14 f	14 f	14 f	15	14
Длина [стволов], мм	812,8	787,4	787,4	762	762
Вес ружья, г	3401,93	3288,55	3288,55	3175,15	3260,20
«Погиб» приклада (Bend at heel — B — ил. 2, мм	52,4	52,4	52,4	54	50,8+
Длина приклада, мм	366,7	369,9	369,9	368,3	366,7

(Видно, что ружья, приобретенные в 1850 г. императором России — ил. 6 — по весу ближе к ружьям, привезенным в 1847 г. великим князем Константином — ил. 4, чем к ружью, купленному в 1843 г. сэром Льюисом Уайли — ил. 1. Это может свидетельствовать в пользу предположения о сознательном выборе ружей, предназначавшихся одному и тому же стрелку.)

«Император Николай Павлович не любил охоты на вольного зверя — на волков, медведей или лосей, сопряженной с опасностью и требующей дальних поездок, но он очень любил охоту на

<...> мелкую дичь — зайцев, фазанов, куропаток»[14]. Ружья, технические характеристики которых приведены в таблице 4, весьма пригодны для таких охот.

5. Двуствольные дульнозарядные капсюльные ружья № 4555 и № 4556**.**

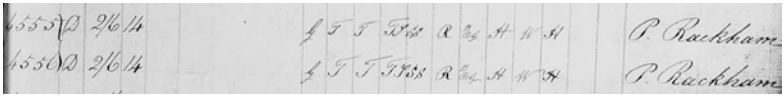
- Калибр — 14-й.
- Длина стволов — 2 фута 6 дюймов (762 мм) — ил. 8.
- Вес ружей — неизвестен.
- Bend at heel и at comb — неизвестны.
- Length — неизвестна.

Были изготовлены J. Purdey, скорее всего, по заказу некоего Петера Рэкхэма, эсквайра («Peter Rackham Esq.»): имя П. Рэкхэма указано в книге измерений (ил. 8), а в книге запасов (куда заносилась информация о ружьях категории «stock gun» — созданных «про запас, на полку») ружья № 4555** и № 4556** не значатся. J. Purdey всегда принимал индивидуальные заказы: создание ружей «for stock» для компании обычно являлось (и является) исключением, а не правилом. По какой-то причине счет за ружья № 4555** и № 4556** Рэкхэму выставлен не был. Счет выставили 5 октября 1850 г. — His Imperial Majesty The Emperor of Russia — императору Николаю I. Оплата была осуществлена 10 октября того же года (ил. 7). Возможно, время между 5-м и 10-м октября понадобилось для «Engraving Inscription on heel plate» — гравировки надписей на пяточных пластинах (затыльниках прикладов) каждого из ружей.

Заметим:

– гравировалась не «Cypher» или «Monogram», а «inscription: <...> 1. надпись; 2. посвящение (произведения кому-л.); 3. дарственная надпись»[15].

– надпись делалась на пяточной пластине (затыльнике приклада), значит, площади даже «больших золотых овалов» (Large Gold Ovals), таких, как потом были предусмотрены для гравировки монограмм принца Уэльского на ружьях № 16934 & 5[16], было недостаточно.



Ил. 8. Книга измерений (Dimension Book). Записи о ружьях № 4555, 4556. Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

Кроме того:

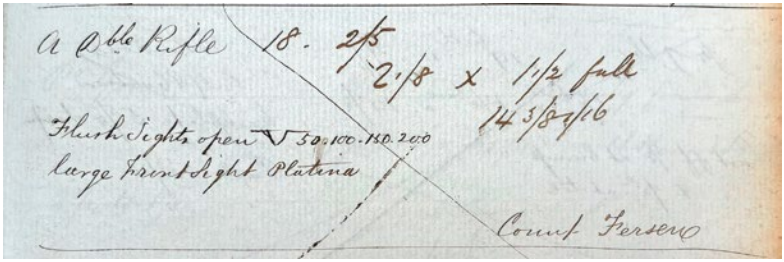
– гравировка шифра на ружьях № 4132** и № 4133** в 1847 г. обошлась заказчику по 3 шиллинга за изображение на каждом из ружей (ил. 5);

– за гравировку монограмм принца Уэльского на паре ружей № 16934 & 5 в 1900 г. был выставлен счет на сумму 9 шиллингов[17] (по 4 шиллинга 6 пенсов за гравировку одной монограммы на каждом из «больших золотых овалов»);

– а надписи на затыльниках прикладов ружей № 4555** и № 4556** в 1850 г. обошлись по 7 шиллингов каждая (ил. 7).

Значит, «Engraving Inscription on heel plate» ружей № 4555** и № 4556** была сложнее и, возможно, содержательнее (!), нежели просто гравировка шифра или монограммы. Если бы удалось найти эти ружья и узнать содержание надписей, то можно было бы дать ответ на вопрос: с какой целью император Николай I в октябре 1850 г. приобрел [еще] два ружья (пару ружей?) 14-го калибра со стволами длиной 30 дюймов (Николай Павлович уже имел четыре или пять близких по техническим параметрам ружей — таблица 4). Связаны ли покупка этих ружей и дарственная надпись на них с какими-то официальными (дипломатическими) мероприятиями, обусловленными, например, работой над «протоколом Лондонской конвенции от 21 июня 1850 г., подписанным Англией, Австрией, Данией, Россией, Францией и Швецией, [которым] были признаны права датского короля на Шлезвинг»[18]? (Точнее: «1850 г., іюля 21-го (августа 2-го). Протоколъ Лондонской конференціи относительно неприкосновенности Датской монархіи, подписанный уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи, Даніи, Франціи, Швеціи и Норвегіи»[19]). Или с долгожданной церемонией «открытия первого постоянного моста через Неву <...> 21 ноября 1850 г., в день празднования Введения во храм Пресвятой Богородицы»[20]? Пока нам это не известно.

Известно же то, что «Явно обозначившаяся охотничья страсть наследника [Александра Николаевича — будущего императора Александра II Освободителя], особенно его желание участвовать в зимних охотах, заставила Николая Павловича обратить более пристальное внимание на свою придворную охоту. <...> 19 декабря 1846 года высочайшим указом [граф П. К.] Фрезен был назначен исполняющим должность егермейстера высочайшего двора. К тому же против этого назначения <...>



Ил. 9. Лист заказа (Order Sheet).
Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

не возражал цесаревич, близко узнавший уже Павла Карловича как охотника»[21].

«С зимы 1846/47 годов охоты на медведей и лосей стали обычными и регулярными для цесаревича [Александра Николаевича]. <...> К середине 50-х годов Александр Николаевич окончательно сформировался как охотник»[22]. 6–7 июля 1858 г. граф Ферзен сделал весьма осознанные приобретения у J. Purdey, отвечающие охотничьим вкусам императора Александра II. Это были:

6. Двуствольная винтовка J. Purdey № 5414.*

• Калибр — 18-й.

• Длина стволов (по данным Dimension Book) — 2 фута 4½ дюйма — 723,9 мм, хотя, в соответствии с '5414 Order Book' (ил. 9), длина стволов (изначально) предполагалась 2 фута 5 дюймов — 736,6 мм.

• Вес винтовки — неизвестен.

• Bendof 2⅛ in. at heel (B) — 53,975 мм — округленно 54 мм и Bendof 1½ in. fullatcomb (A) — «чуть больше» 38,1 мм.

• Length of 14 3/8 1/16 in. (366,7125 — округленно 366,7 мм) — параметр B.

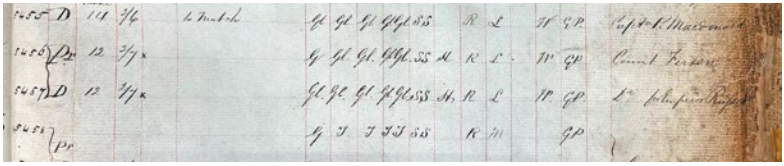
Размеры параметров приклада приведены по данным Order Sheet — '5414 Order Book' — ил. 9. Параметры приклада «Bend & Length» показаны на изображении современного измерительного листа — ил. 2.

7. Двуствольное ружье № 5457*(из пары ружей № 5456 & 5457*).

• Калибр — 12-й.

• Длина стволов — 2 фута 7 дюймов — 787,4 мм (ил. 10).

• Вес ружья — неизвестен.



Ил. 10. Книга измерения (Dimension Book). Записи, свидетельствующие о загадочном разделении пары ружей № 5456, 5457. Ружье № 5456 продано графу Ферзену, ружьё № 5457 — императору России. Изображение любезно предоставлено компанией James Purdey & Sons

• Bend at heel (B), bend at comb (A) и length (B) — неизвестны.

(Одновременно с ружьем № 5457* для императора России 6–7 июля 1858 г. граф Ферзен приобрел на свое имя и ружье № 5456* — ил. 10. До 27 ноября 2021 г. оба ружья хранились в Гатчинском дворце, но порознь: одно в стеклянном шкафу № 1 императора Александра III, другое в стеклянном шкафу № 2 императора Николая II[23]).

Сочетание «винтовка и ружье 12-го калибра» повторяет первую атрибутированную документами из архивов компании James Purdey & Sons «русскую покупку» (о которой Бомонт не упоминает). 9 января 1847 г. граф Толстой приобрел винтовку 14-го калибра № 3954 и ружье 12-го калибра № 4141 — комплект оружия, прекрасно подходящий для охот на медведей и лосей. Известно, что из Толстых именно у графа-поэта Алексея Константиновича «Немало времени занимала охота <...>, в том числе и на медведей.

Вот как описывает Толстой этот период жизни: “В ту пору я состоял при Дворе императора Николая и вел весьма светскую жизнь <...>. Среди наших записных охотников я вскоре приобрел репутацию ловкого охотника на медведей и лосей”»[24]. «Говорят, он [А. К. Толстой] <...> помнил, как убил сорокового [медведя]»[25]. Известно о многолетних теплых отношениях между графом Алексеем Константиновичем и сначала наследником, потом императором Александром Николаевичем. В детстве «Алеша Толстой по случаю именин наследника был приглашен в числе 10 мальчиков и 10 девочек на дачу в Нескучное. Дети пили чай, играли “в зайцы”. Наследник и будущий поэт стреляли из игрушечного ружья в стены беседки»[26]. Охотничье-оружейные предпочтения сохранились у друзей детства и в зрелом возрасте. У императора Александра II, кроме ружья 12-го калибра № 5457*

и винтовки № 5414* 18-го калибра, как и у графа Толстого, тоже появилась винтовка 14-го калибра № 6078*.

8. Винтовка № 6078*с надписью на прицельной планке: «"J. PURDEY 314½ OXFORD STREET. LONDON. FOR URBAIN AND WILLIAM. MOSCOW"», 1861 г.

• Калибр — 14-й.

• Длина стволов — 2 фута (24 дюйма) — 609,6 мм (Dimension Book).

• Вес винтовки и параметры приклада — неизвестны.

• Винтовка предназначена под пороховой заряд весом 2¼ драм (709 оп. 1919 г. Гатчинского арсенала), скорее всего, «Curtis'sand Harvey Powder No. 6».

Винтовка № 6078* куплена 3/29 июня братьями Кахлманн (Cahlmann Brothers) для специализированного торгового предприятия Урбана и Вильяма в Москве. По записям в документах из архивов компании James Purdey & Sons, винтовка № 6078* (как и ружье № 3644*) никогда не была атрибутирована как созданная для потребителя из России. Записи, имеющие отношение к ней, завершаются указанием братьев Кахлманн как конечных покупателей. Сведения об очень редкой для Purdey надписи на прицельной планке, содержащей имена московских коммерсантов, есть только в записи 709 оп. 1919 г. Гатчинского арсенала, которая свидетельствует и о принадлежности этой «узкоспециализированной» (учитывая длину стволов 24 дюйма) двуствольной винтовки медвежатника к оружейным памятникам Российского Императорского Дома.

В заключение добавлю: оружие с нарезным стволом длиной 24 дюйма (правда, 12-го калибра) — лучшее из того, что мне пришлось использовать на зимних медвежьих охотах[27].

Пользуясь случаем, выражаю благодарность руководителю оружейного зала, архивариусу компании James Purdey & Sons доктору Николасу А. Харлоу и хранителю фонда «Оружие» Гатчинского дворца-музея старшему научному сотруднику ЕвгениюАлександровичу Родионову. Предложенный вниманию российских специалистов каталог утраченных и неизвестных оружейных реликвий Дома Романовых смог появиться только в результате нашего международного сотрудничества.

[1] Кулинский А. Н. Оружейные реликвии Дома Романовых. Из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2012. 304 с.

[2] Кулинский А. Н. Оружие из коллекции Романовых: новые данные исследований // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 164–203.

[3] Антонов-Дружинин В. П., Харлоу Н. А. О ружьях J. Purde у отечественной аристократии // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2023 г. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2024. С. 57–66.

[4] Donald Dallas. Purdey Gun & Rifle Makers. The Definitive History. London: Quiller Press, 2000. P. 191.

[5] Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. I. Оружие России, Османской империи и стран Дальнего Востока. Научный каталог. СПб.: Издательство ООО «АВ-Студия», 2012. С. 40.

[6] Там же. С. 39.

[7] Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб.: «Наука», 2019. С. 162.

[8] Выскочков Л. В. Император Николай I. Жизнеописание. СПб.: «Наука», 2022. С. 236–237.

[9] Завьялова Л. В, Орлов К. В. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. С. 49.

[10] Richard Beaumont. Purdey's. The Guns and the Family. P. 29.

[11] Антонов-Дружинин В. П., Харлоу Н. А. К истории отношений Русского Императорского Дома с компанией Дж. Пёрде и Сыновья в 1895–1900 годах // История. Историки. Источники. 2024. С. 82–84 — URL: history2014.esrae.ru/ru/43-411.

[12] Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство «Д.А.Р.К.», 2006. С. 49.

[13] ГБУК ГМЗ «Гатчина», сектор документальных фондов. Д. 1261/1999. Л. 121 об. – 130.

[14] Императорская охота на Руси. Конец XVII и XIX век. Исторический очерк Николая Кутепова. Кн. I. М.: Культурно-просветительский фонд имени народного артиста Сергея Столярова, 2005. С. 35.

[15] В. Мюллер. Большой англо-русский словарь: В новой редакции: 210 000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Изд. 3-е, доп. и испр. М.: Цитадель-трейд; ЛАДА; РИПОЛ КЛАССИК, 2005. С. 380.

[16] Антонов-Дружинин В. П., Харлоу Н. А. К истории отношений Русского Императорского Дома с компанией Дж. Пёрде и Сыновья в 1895–1900 годах. С. 87, 88, 91.

[17] Там же. С. 82.

[18] Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. С. 282.

[19] Мартенс Фридрих-Фромгольд. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том XII. Трактаты с Англией. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1898. 520 с. http://www.runivers.ru/bookreader/book10091/#page/248/mode/1up.

[20] Выскочков Л. В. Император Николай I. Жизнеописание. С. 259.

[21] Егоров О. А. Обер-егермейстер Высочайшего двора // Охотничьи просторы. Литературно-художественный альманах. Книга вторая (96). Реутов: ПТП «Эра», 2022. С. 222, 223.
[22] Там же. С. 226–227.
[23] Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Том I. Оружие России, Османской империи и стран Дальнего Востока. Научный каталог. СПб.: Издательство ООО «АВ-Студия», 2012. С. 39–41.
[24] Захарова В. Д. Алексей Константинович Толстой. Летопись жизни и творчества. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2013. С. 35.
[25] Захарова В. Д. Вслед за Алексеем Константиновичем Толстым. В поисках истины. 3-е изд., испр. Брянск, 2013. С. 226.
[26] Там же. С. 138.
[27] Виталий Палыч. Стоппер или «нестоппер» 12-го калибра // «Мастер Ружьё». 2010. № 159. С. 82–87; Антонов-Дружинин В. П. Этюды берложных охот // Охотничьи просторы. Литературно-художественный альманах. Книга первая (81). Реутов: ПТП «Эра», 2015. С. 84–97.

А. Б. Арбеков (Тула)

«ЗНАТОК ВОЕННЫХ ДЕЛ, В УЧЕНОМ КОМИТЕТЕ…» ГЕНЕРАЛ Ф. А. ФЕЛЬДМАН И ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1880-х гг.

«Знаток военных дел, в ученом комитете
Соображает об одном —
О чисто-русском неприятелю ответе
На замышляемый погром»[1].

ЭТОТ КАТРЕН русский офицер, поэт Петр Кузьмич Мартьянов посвятил своему современнику, выдающемуся военному деятелю России Федору Александровичу Фельдману (1835–1902). Автору, несмотря на лаконичную художественную форму, удалось в полной мере отразить основную суть почти полувековой службы генерала, направленной на изучение вооруженных сил иностранных государств и применение этих знаний в целях повышения обороноспособности России перед угрозами извне.

К 1880-м гг. сложилась чрезвычайно опасная обстановка для России в Европе. Несмотря на попытки российско-германского и российско-австрийского сближения, которые выразились в возобновлении «Союза трех императоров» в 1881 г. и его продлении в 1884 г., продолжала сохраняться высокая напряженность в отношениях между Петербургом и союзными Берлином и Веной. Помимо поддержки амбиций Австро-Венгрии в ее балканской политике в противовес России, Германия постепенно увеличивала свое влияние на Османскую империю за счет отправления военной миссии, в обязанности которой входило реформирование и обучение турецкой армии. Кроме того, как сообщал российский

военный агент в Берлине А. М. Бутаков, «отставные немецкие офицеры, состоящие на службе в турецкой армии и занимающие там высокие должности, советуются при решении разных военных вопросов с прусским Военным министерством»[2], что могло восприниматься в Петербурге в качестве угрозы своим интересам в Восточном вопросе со стороны Германии.

Также в этот период ускоряется процесс поляризации европейских государств на различные военно-политические альянсы, которые обязывали их участников вмешаться в вооруженный конфликт между двумя другими соперничающими державами. Так, после французской оккупации Туниса в 1881 г. Италия, имевшая притязания на контроль над этим североафриканским государством, 20 мая 1882 г. присоединилась к союзу Германии и Австро-Венгрии против России и Франции, несмотря на сохранявшиеся внешнеполитические противоречия Рима и Вены. Данная комбинация, в свою очередь, позволяла империи Габсбургов сосредоточить свои основные военные усилия именно на противодействии России, что полностью соответствовало интересам Второго рейха. Военный агент в Берлине А. М. Бутаков, как и многие российские современники, полагал, что «руководящая роль в Тройственном союзе принадлежит <...> Германии»[3].

В такой напряженной международной обстановке роль военной разведки становилась одной из системообразующих в структуре государственной безопасности России, поскольку во многом от своевременного и правильного «считывания» агрессивных замыслов противника зависело и принятие соответствующих контрмер. Из этого следует, что деятельность генерала Ф. А. Фельдмана как «рулевого» российской военной разведки имела большое значение. Генерал А. Н. Куропаткин указывал в своих мемуарах: «Сам Фельдман и несколько делопроизводителей [Военно-ученого] комитета выполняли важную работу: на их обязанности лежал сбор, систематизация и подготовка всех сведений о вооруженных силах всего мира, в особенности наших вероятных противников»[4].

К моменту назначения на должность управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба (ВУК ГШ) в октябре 1881 г. генерал Ф. А. Фельдман имел внушительный послужной список: ранее он состоял в разных военных структурах, занимавшихся сбором, анализом и систематизацией информации о зарубежных армиях, осуществлял тайные рекогносцировки на

территории Австро-Венгрии и занимал пост российского военного агента в Вене[5]. Вполне естественно, что богатый практический и административный опыт организации разведывательной деятельности стали резонным поводом для повышения Ф. А. Фельдмана. 16 (28) октября 1881 г. начальник ГШ Н. Н. Обручев составил ходатайство к военному министру П. С. Ванновскому с рекомендацией назначить Ф. А. Фельдмана на должность управляющего делами ВУК[6]. Приказ по Военному ведомству с соответствующим назначением последовал 18 (30) октября того же года[7].

Исследователи указывают, что для управленческого стиля генерала Ф. А. Фельдмана была характерна строгая централизация всех аспектов разведывательной деятельности[8]. Отметим, что для концентрации властных полномочий в его руках заранее были созданы все необходимые административные условия. 18 (30) декабря 1880 г. военный министр Д. А. Милютин утвердил новую «Инструкцию военным агентам или лицам их заменяющим». Согласно положениям этого документа, военные агенты должны были поставлять «особенно важные и подлежащие тайне» сведения на имя военного министра, все остальные предназначались управляющему делами ВУК[9]. Таким образом, большая часть донесений военных агентов адресовались лично генералу Ф. А. Фельдману, что позволяло более четко систематизировать информацию об иностранных вооруженных силах. Как подчеркивал в своих воспоминаниях А. Н. Куропаткин, служивший при начальнике ГШ Н. Н. Обручеве, «все нити этих работ уже сосредотачивались у Фельдмана, который вел переписку со всеми военными агентами»[10]. Также приказ по Военному министерству от 10 (22) февраля 1880 г. увеличивал количество делопроизводителей канцелярии, находившихся в распоряжении управляющего делами ВУК, с 5 до 14, из которых 5 были старшими и 9 — младшими[11].

Согласно записке генерала Ф. А. Фельдмана от 19 (31) декабря 1885 г., за каждым делопроизводителем было закреплено конкретное страноведческое направление, которое учитывало лингвистические и теоретические познания офицера, а также опыт его предшествующей военной службы: полковник П. О. Щербов-Нефедович отвечал за Австро-Венгрию, полковник Н. Н. Сухотин — за Германию, полковник Г. В. Поппен — за Францию, полковник А. К. Тимлер — за Турцию и Румынию, полковник Н. Р. Овсяной — за Балканские государства, подполковник

А. Е. Тизенгаузен (племянник Ф. А. Фельдмана) — за Великобританию и Индию, подполковник А. А. Баторский — за страны Азии[12]. «Стекающиеся в Военно-ученый комитет сведения» подвергались тщательному анализу, систематизировались и публиковались как в военно-статистических сборниках обобщающего характера, так и посвященных отдельным государствам[13].

В период руководства генерала Ф. А. Фельдмана главным источником информации об иностранных армиях по-прежнему выступали военные агенты, прикрепленные к российским посольствам и дипломатическим миссиям в столицах европейских государств. Однако управляющий делами ВУК констатировал, что «рапорты военных агентов неодинаково ценны», а «разнообразие и количество сообщаемых [ими] сведений» преимущественно зависели от «личных качеств, от опытности и от условий, при которых они работают»[14]. К моменту назначения Ф. А. Фельдмана на должность управляющего делами ВУК соответствующие посты были учреждены в Берлине, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Афинах и Риме. При последующих назначениях российских офицеров на пост военного агента генерал Ф. А. Фельдман руководствовался определенными критериями, которые позволяют говорить о системном подходе с его стороны при организации деятельности «дипломатов в погонах». Прежде всего, на конкретную должность военному министру рекомендовался офицер, служивший ранее под началом Ф. А. Фельдмана старшим или младшим делопроизводителем канцелярии ВУК. Среди них А. М. Бутаков, Д. П. Зуев, Н. М. Чичагов, М. О. Блом и О. А. Бертельс[15]. Все перечисленные офицеры за своими плечами, помимо службы в канцелярии ВУК, имели успешно «освоенный курс наук» в Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ).

Из этих фактов следует вывод, что Ф. А. Фельдман придерживался строго корпоративного принципа при выборе офицера для службы военным агентом в столице конкретного государства. Несмотря на определенную предвзятость генерала, все же стоит указать, что в исследуемый исторический период в России не существовало особого военного училища по подготовке профессиональных военных агентов[16]. В этой связи именно канцелярия ВУК, занимавшаяся сбором, систематизацией и анализом разведывательной информации, становилась единственной кузницей «дипломатов в погонах». Офицеры, служившие

под началом Ф. А. Фельдмана, не только видели всю «изнанку» разведывательной работы, кипевшей в ВУК, но и могли перенимать практический и теоретический опыт, приобретенный генералом в бытность его военным агентом в Вене. К тому же офицеры, закончившие курс военных наук в НАГШ, обладали довольно широким кругозором, который позволял им иметь достаточные представления о различных аспектах военного дела.

Деятельность «дипломатов в погонах» регламентировалась «Инструкцией военным агентам или лицам их заменяющим», утвержденной военным министром Д. А. Милютиным 18 (30) декабря 1880 г. Она устанавливала четкий перечень разведывательных сведений, представлявших наибольший интерес для Военного министерства России, а также порядок и сроки их доставления в ВУК. Особое внимание в документе уделялось изучению информации о вооруженных силах государств, «соприкасающихся с Россией», прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Военный агент, занимавший пост в столицах указанных держав, обязался «тщательно собирать и обновлять военно-статистические сведения о пограничных с Россией областях, изучать подготовку их театров военных действий, с возможными подробностями о путях, военных запасах, расположении сил, вооружении и гарнизонах крепостей, и прилагать все старания к получению точных данных относительно перевозочной способности железных дорог и планов сосредоточения войск»[17]. Два последних пункта, затрагивавшие процесс стратегического развертывания германской и австро-венгерской армий, однозначно относились к категории строго секретной информации, получение которой законным путем было невозможно. Соответственно, несмотря на предписание «Инструкции» «избегать всего того, что могло бы возбудить малейшее подозрение местного правительства»[18], на практике «дипломаты в погонах», служившие в Берлине и Вене, фактически принуждались российским Военным министерством к поиску и приобретению конфиденциальной информации в интересах своей страны. Для этого, в свою очередь, «Инструкция» подразумевала выделение военным агентам «особых кредитов» сверх изначально положенной для таких целей суммы в 1200 р.[19]

Строгая регламентация деятельности «дипломатов в погонах» в значительной степени способствовала динамичному обновлению в ВУК сведений о возможных противниках как за

счет ранее налаженных тайных агентурных сетей, в том числе самим генералом Ф. А. Фельдманом, так и благодаря привлечению к сотрудничеству новых информаторов. В таком качестве выступали: 1) австрийские и германские офицеры, недовольные своим скромным служебным и материальным положением; 2) местные коммерсанты и журналисты, бывшие не прочь приобщиться к дополнительным источникам заработка; 3) а также славянские поданные Германии и Австро-Венгрии, выступавшие против национальной политики этих государств. Как правило, сведения о тайных агентах очень обрывочны, поскольку даже в служебной переписке российские офицеры, выходившие на контакт с ними, использовали инициалы или псевдонимы, например, «Василий Иванович»[20]. Так они старались обезопасить своих негласных информаторов от возможного преследования военной полиции, поскольку официальная корреспонденция военных агентов могла прочитываться в Военных министерствах страны-аккредитации[21].

Одновременно ВУК активно обменивался данными со штабами пограничных, прежде всего Киевского и Варшавского, военных округов, обладавших своим собственным аппаратом военной разведки[22]. С целью систематизации сведений, поступавших в Петербург из приграничных районов, сотрудники ВУК под руководством Ф. А. Фельдмана на рубеже 1884–1885 гг. разработали отдельную программу для сбора конкретной разведывательной информации штабом Варшавского военного округа[23].

Наряду с этим ГШ ежегодно предоставлял окружным штабам 6500 р. «на собирание сведений о соседних иностранных армиях» посредством полевых поездок, тайных рекогносцировок и приобретения военных журналов, книг, газет и карт местности. Указанные средства распределялись между Виленским, Одесским, Восточно-Сибирским и Киевским военными округами. В зависимости от стратегических приоритетов по рекомендациям генерала Ф. А. Фельдмана распределение средств могло изменяться. Согласно его докладной записке по ГШ от 12 (24) сентября 1883 г., Виленскому военному округу было выделено 2500 р., Одесскому — 1500, Восточно-Сибирскому — 1500, Киевскому — 1000[24]. Однако на следующий год генерал Ф. А. Фельдман предложил повысить финансирование Киевского военного округа до 2300 р. для осуществления новых рекогносцировок в соседней австрийской Галиции за счет уменьшения средств Виленского

и Одесского окружных штабов до 1500 и 1200 р. соответственно[25]. Начальник ГШ генерал Н. Н. Обручев одобрил рекомендации Ф.А. Фельдмана и оставил резолюцию «согласен» на его докладной записке[26]. На 1885 г. управляющий делами ВУК вновь предложил придерживаться прежней сметы, что также не встретило возражений со стороны Н. Н. Обручева[27].

Тем не менее, данные меры не всегда встречали одобрение со стороны окружных штабов. В частности, начальник штаба Виленского военного округа высказывал недовольство перспективой снижения финансирования на полевые поездки и подготовку топографических и военно-стратегических обзоров края[28]. Генерал Ф. А. Фельдман стремился компенсировать это обстоятельство всесторонней помощью самого ВУК. Он предоставил штабу Виленского военно-округа программу военных обозрений[29], утвержденных начальником ГШ, а также «копию с секретного стратегического обзора пограничного пространства, составленного генерал-адъютантом Обручевым»[30].

В целом, характеризуя стиль руководства генерала Ф. А. Фельдмана, отметим, что, по свидетельствам современников, он являл собой пример «гуманного человека и начальника, строгого прежде всего к самому себе»[31]. Однако «строгость» генерала Фельдмана распространялась и на его подчиненных. В частности, он довольно неодобрительно относился к военным агентам, избегавшим практики взаимодействия с конфидентами и опиравшимся на формальные методы разведывательной работы. Такая позиция обусловлена его предшествующим опытом военно-дипломатической службы, когда в период обострения отношений между Веной и Петербургом во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. ему приходилось идти на очень серьезный риск, добывая негласным путем секретные сведения в интересах своего государства[32]. Поэтому вполне естественно, что генерал Ф. А. Фельдман определял безопасность России как первостепенный приоритет при организации разведывательной деятельности, что также четко фиксировалось в «Инструкции» 1880 г. Военный агент, согласно тексту документа, «должен неупустительно пещись [заботиться. — *А. А.*] о приобретении сведений и данных, полезных для охранения безопасности Отечества и успеха его действий»[33]. Исключение генералом Ф. А. Фельдманом делалось только для военных агентов, занимавших пост в Лондоне, так как «при полной гласности» в Великобритании, с его слов, они имели возможность

«исполнять свои обязанности, работая по [официальным] печатным материалам»[34].

В данном контексте у генерала складывались довольно непростые взаимоотношения с его преемником на посту «дипломата в погонах» в Вене Н. В. Каульбарсом. В одной из служебных записок он указывал, что «Каульбарс располагает исключительно официальными материалами, избегая сношений с тайными агентами, без которых трудно следить за тем, что происходит в военных сферах Вены и Пешта»[35]. Он неоднократно критиковал своего подчиненного за пересылаемые им устаревшие сведения, добытые ранее по другим информационным каналам ВУК, а также за неполноту материалов, которые Н. В. Каульбарс иногда не перепроверял и не переводил на русский язык. В этом отношении заслуживает особого внимания эпизод, когда российский военный агент в Вене переслал в Петербург приложение, составленное на немецком языке, к новой инструкции о порядке мобилизации австро-венгерских войск, что при отсутствии самой оригинальной инструкции не давало, со слов генерала Ф. А. Фельдмана, «никаких полезных указаний для проверки боевого расписания австрийской армии»[36]. При этом, как замечалось им в одной из служебных записок, над переводом указанного документа делопроизводителям ВУК пришлось «просидеть недели две», поскольку, параллельно выполняя другие не менее важные задачи, они могли «работать только урывками»[37].

В этой связи управляющий делами ВУК нередко лично осуществлял взаимодействие с конфидентами в Австро-Венгрии напрямую, применяя для этого, в том числе, свои прежние агентурные связи. В записке от 19 (31) декабря 1885 г. генерал Ф. А. Фельдман упоминал о том, что он получал негласную корреспонденцию из Вены «от одного преданного мне агента, который [прежде] был офицером [австрийской армии]»[38]. Кроме того, Федор Александрович прилагал значительные усилия и денежные средства, чтобы расширить имеющуюся в распоряжении ВУК сеть тайных информаторов. 7 (19) февраля 1884 г. австрийский купец 2-й гильдии Адольф Гольдберг предложил российскому Военному министерству сведения о крепостных сооружениях Перемышля, содержавшие «графическое описание окружающей местности, описание города, ближайших поселений, всех дорог и, наконец, укрепленного лагеря, состоящего из 9 оконченных и 1 строящегося фортов»[39]. Генерал Ф. А. Фельдман, имевший богатый опыт

разведывательной и агентурной работы, охарактеризовал эти материалы как достоверные, которые составил «человек знающий и способный»[40]. В данном случае им имелись в виду отставные офицеры австро-венгерской армии братья Иван и Нарцисс Любоемские, работавшие на А. Гольдберга в качестве тайных агентов[41]. Федор Александрович предложил начальнику ГШ Н. Н. Обручеву продолжить сотрудничество с австрийским купцом и его агентурой для проведения аналогичной рекогносцировки в Кракове и «для подробного исследования Галицийских железных дорог, а в особенности тех участков, которые желательно было бы разрушить в период сосредоточения [австро-венгерской] армии [в случае войны с Россией]»[42]. Это предложение получило одобрение военного министра П. С. Ванновского, и для дальнейших контактов с агентурой А. Гольдберга было выделено 2000 р.[43]

Значительно большим расположением Ф. А. Фельдмана пользовался сменивший Н. В. Каульбарса в конце 1886 г. на посту военного агента в Вене подполковник Д. П. Зуев, который, будучи младшим делопроизводителем канцелярии ВУК, «специально занимался обработкой сведений об австрийской армии и участвовал в издании I части “Вооруженных сил Австро-Венгрии” [в 1885 г.]»[44]. В рекомендательной записке к военному министру от 8 (20) декабря 1886 г. генерал Ф. А. Фельдман дал следующую характеристику претенденту на вакантный пост в Вене: «Подполковник Зуев весьма образованный офицер, обладает особой способностью верно оценить местность и художественно изобразить ее — качество весьма ценное для производства быстрых рекогносцировок за границей. В свободное время он занимается изучением военной истории, которую преподает в военных училищах. Иностранными языками он владеет очень хорошо и свободно говорит по-немецки, по-французски и по-английски. Наконец, подполковник Зуев отличается большим тактом и умением держать себя в обществе»[45]. Из этой пространной выдержки можно выделить ключевые качества, которыми, по мнению генерала Ф. А. Фельдмана, должен был обладать военный разведчик: 1) наблюдательность и фотографическая память, необходимые для фиксации в уме конкретных географических объектов, местности или схематических документов; 2) тяга к самообразованию и умение передавать в доступной форме другим людям основную суть усвоенной информации; 3) предрасположенность к изучению иностранных языков, знание которых позволяло находить

и анализировать источники совершенно различного происхождения; 4) наличие прекрасных манер, позволявших втереться в доверие к конфидентам и отводить от себя подозрения в шпионаже.

В отличие от своего предшественника генерал-майора Н. К. Каульбарса подполковник Д. П. Зуев активно взаимодействовал с другими российскими военными агентами, тайными корреспондентами российских газет, например, «Нового времени», и другими негласными информаторами, стараясь своевременно добывать актуальные, в том числе секретные, сведения о военных планах Австро-Венгрии[46]. В частности, он оплачивал услуги бывшего поданного Двуединой монархии инженера сербского происхождения Эмиля Чидича и «Василия Ивановича», являвшегося информатором российского военного агента в Константинополе Н. Н. Пешкова.

Генерал Ф. А. Фельдман через посредничество военного агента в Вене предложил Э. Чидичу «обрекогносцировать Перемышль, где в последнее время произведено много новых работ, и собрать сведения о Трансверсальной и горной Галицийских железных дорогах»[47]. ВУК привлекли тревожные сведения, полученные ранее Д. П. Зуевым от конфиденциального источника о модернизации одноколейной Галицийской Трансверсальной железной дороги, введенной в эксплуатацию в 1884 г. Правительство Австро-Венгрии стало прокладывать дополнительную вторую колею, которая могла существенно ускорить «сосредоточение [австро-венгерской] армии в Галиции, ибо позволит одновременно вести войска с Цис и Транслейтании»[48].

Схожее поручение добыть «дополнительные сведения о Перемышле, о Карпатских нешоссированных проходах, о проектировании укреплений всех [горных] проходов, о Кракове и о Львове» генерал Ф. А. Фельдман поручил «Василию Ивановичу» через военного агента в Константинополе[49]. Под этим псевдонимом полковником Н. Н. Пешковым в Турции был завербован отставной австрийский офицер Симон Шарац.

Российский военный агент в Вене Д. П. Зуев выступал посредником при дальнейших контактах ВУК с Шарацом и занимался оплатой его «услуг». Например, за разведку военной инфраструктуры в восточных областях Австро-Венгрии он заплатил отставному австрийскому офицеру 1200 гульденов[50].

В числе прочего, в конце 1880-х гг. полковник Д. П. Зуев завербовал двух военнослужащих Австро-Венгрии: ротмистра Яроша

и прапорщика Бухмюлера, которые впоследствии упоминались в корреспонденции под инициалами «Я.» и «Б.»[51]. Первый как «человек весьма положительный и <...> во многом полезный»[52] по поручению российского военного агента осенью 1888 г. осуществлял рекогносцировки «3-х дорог через Карпаты и дороги их связующей»[53]. Прапорщик Бухмюлер, в свою очередь, предложил российскому «дипломату в погонах» за сумму 400–500 гульденов подробные сведения о крепости Перемышль[54], которые были сообщены от него в ВУК в начале июля 1889 г.[55]

Важно указать, что организация российской военной разведки на данном историческом этапе имела и ряд существенных недостатков. Генерал Ф. А. Фельдман в записке от 19 (31) декабря 1885 г. сетовал на нехватку «негласных источников», прежде всего по причине слабого финансирования ВУК, выделяемого на взаимодействие с конфидентами[56]. Как свидетельствуют документы, на «негласные расходы» ежегодно выделялось всего 10 тыс. р., к этой сумме также прибавлялось еще от 5 до 6 тыс. р., остававшихся от других пунктов сметы ГШ[57]. При этом значительная часть этих средств выделялась преимущественно «на приобретение негласных сведений в Вене и Константинополе»[58].

Кроме того, генерал Ф. А. Фельдман считал недостаточным уровень взаимодействия между Военным министерством и Министерством иностранных дел. В своей записке он указывал, что «нам до сих пор несколько помогает только посланник наш в Бухаресте кн[язь] Урусов и его секретарь Извольский; остальные же русские дипломаты, несмотря на просьбы Военного министерства, относятся совершенно безучастно к работе Главного штаба»[59].

Недостатки организации российской разведывательной деятельности на западном направлении в значительной степени удавалось компенсировать за счет сведений, поступавших из столицы Третьей республики. Так, в первых числах мая 1883 г. российский военный агент в Париже Л. А. Фредерикс посетил Военное министерство Франции, где ознакомился, с его слов, «совершенно случайно» с донесением французского военного атташе в Вене, которое содержало информацию о «военных мероприятиях Австрии на случай вооруженного столкновения с Россией»[60]. Как свидетельствует резолюция генерала Ф. А. Фельдмана на донесении полковника Л. А. Фредерикса,

в ВУК сочли информацию, предоставленную из Парижа, заслуживающей доверия, и в итоге «начальник Главного штаба [Н. Н. Обручев] приказал нанести расположение [армий Австро-Венгрии] на стратегическую карту»[61].

Заметим, что относительно военных планов Второго рейха против России, в сравнении с информацией об аналогичных замыслах высшего генералитета империи Габсбургов, в Петербурге имели более поверхностное представление. Как отмечалось в сборнике «Вооруженные силы Германии», опубликованном в 1883 г., ВУК приходилось зачастую «довольствоваться отрывочными сведениями» о тех контрмерах, которые разрабатывались в Большом Генеральном штабе в Берлине[62]. Генерал Ф. А. Фельдман в служебной записке от 19 (31) декабря 1885 г. сетовал, что «в Берлине положение военного агента весьма трудное», поскольку указы и распоряжения по Военному министерству Германии не публиковались в открытых источниках, а «при бдительности германской полиции весьма опасно пользоваться услугами тайных агентов»[63].

Несмотря на трудности в поиске точной информации о стратегических приоритетах Второго рейха, все же российская военная разведка под руководством генерала Ф. А. Фельдмана смогла раздобыть материал, раскрывавший планы Германии в случае войны на два фронта. В 1883 г. в Петербург «капитаном датской службы Сарау» был предоставлен протокол секретного совещания германского Комитета обороны государства от 16 октября 1882 г., в заседании которого принимали участие шеф Большого Генерального штаба Г. Мольтке, военный министр Б. Шелендорф и генерал-квартирмейстер А. Вальдерзее. Согласно переводу текста этого документа, как указывалось в служебной записке генерала Ф. А. Фельдмана, «формируются три армии против России, одна против Франции и одна для береговой обороны, разделенная на две части: Восточно-прибрежную и Западно-прибрежную»[64]. Впоследствии информацию, предоставленную капитаном К. Сарау, удалось частично подтвердить за счет имевшегося в распоряжении ВУК штатного расписания офицеров Генерального штаба Германии, которые при мобилизации распределялись на пять армий. «Эта цифра одинаково с той, которая указана в установленном в прошлом году <...> протоколе секретного заседания Комитета обороны государства», — констатировал генерал Ф. А. Фельдман[65].

Наряду с этим ВУК получал из разных источников информацию, которая позволяла сделать однозначный вывод о стратегическом приоритете восточного направления в военных замыслах германских военачальников. По донесению генерала Л. А. Фредерикса из Парижа от 15 (27) февраля 1887 г., на границе с Францией в Эльзасе и Лотарингии содержалось всего около 60 тыс. германских солдат[66]. При этом российский военный агент в Берлине А. М. Бутаков сообщал, что, начав перевооружение германской армии новой магазинной винтовкой системы Маузера М 1871/84, военное ведомство Германии спешило оснастить в первую очередь войска, дислоцированные на восточной границе империи, поскольку в высших германских военных кругах царило мнение, что «ежедневно можно ожидать войны с Россией <...> вследствие невыясненного положения дел в Болгарии [имеется в виду Болгарский кризис. — *А. А.*]»[67].

В связи с ростом напряжения в отношениях России с блоком Центральных держав генерал Ф. А. Фельдман стремился расширить географический охват деятельности военных агентов, чтобы обеспечить ВУК стабильным притоком данных из разных источников. Для этого была подготовлена докладная записка по ГШ от 16 (28) ноября 1884 г., в которой предлагалось «учредить несколько новых постов <...> военных агентов близ западных границ Германии и Австрии, т. е. в нейтральных государствах, в Швейцарии, Бельгии и Дании»[68]. Представляется, что на данную инициативу в значительной степени повлиял личный агентурный опыт Ф. А. Фельдмана, который ранее успешно добывал, находясь на своем посту в Вене, чрезвычайно полезные, зачастую тайные сведения о соседней Германии. Фельдман полагал, что «из Вены безопаснее следить за Германией, чем из Берлина»[69]. Кроме того, сказывался положительный опыт взаимодействия с капитаном К. Сарау, поставлявшим из Копенгагена в распоряжение ВУК ценную информацию о планах германского командования. В докладной записке от 16 (28) ноября 1884 г. отмечалось, что в Швейцарии, Бельгии и Дании «весьма удобно приобретать разные негласные сведения об армиях всех великих держав, потому что лица, сообщающие ради наживы секретные материалы, охотнее всего обращаются с предложениями к военным агентам, живущим в столицах второстепенных держав, где надзор за иностранцами менее строг и подобного рода опасные сделки совершаются безнаказанно»[70].

Военный министр П. С. Ванновский поддержал данную инициативу и отправил запрос министру иностранных дел Н. К. Гирсу на учреждение соответствующих постов при российском дипломатическом представительстве в Швейцарии, Бельгии и Дании. На Певческом мосту не стали чинить препятствия в этом вопросе и в целом высказались «о целесообразности задуманного мероприятия»[71].

На пост военного агента в Брюсселе был назначен младший делопроизводитель канцелярии ВУК полковник Н. М. Чичагов[72]. Впоследствии он предложил генералу Ф. А. Фельдману расширить свои полномочия на соседние Нидерланды, так как там «зорко следят за капитальной политикой Англии и за Германией»[73]. 22 мая (2 июня) 1886 г. император Александр III одобрил эту инициативу[74].

По рекомендации генерала Ф. А. Фельдмана военным агентом в Копенгагене назначили младшего делопроизводителя канцелярии ВУК подполковника М. О. Блома, «офицера во всех отношениях выдающегося»[75]. Император Александр III также пожелал, чтобы М. О. Блом исполнял обязанности военного агента в Стокгольме[76]. Наряду с этим генерал Ф. А. Фельдман подал ходатайство о назначении военным агентом в Швейцарии полковника О. А. Бертельса[77], что также не встретило возражений со стороны вышестоящих лиц.

Во второй половине 1880-х гг. российская военная разведка была подвержена серьезному «экзамену». В Европе на фоне обострения франко-германских и австро-российских отношений в 1887 г. разразилась двойная «военная тревога», которая могла привести к большой европейской войне. С января 1887 г. ГШ на регулярной основе получал тревожную информацию от Варшавского военного округа и военного агента в Вене Д. П. Зуева о спешной подготовке Австро-Венгрии к возможной эскалации конфликта на ее восточной границе[78]. На это также указывало февральское обращение правительства Двуединой монархии к палате делегаций на предоставление кредита на «военные издержки» суммой 52,5 млн гульденов[79]. 24 марта (5 апреля) 1887 г. в ВУК была подготовлена «Справка о военных приготовлениях Австро-Венгрии», в которой на основе сопоставления имевшихся разведданных анализировалась их достоверность. Автор справки, старший делопроизводитель ВУК полковник П. О. Щербов-Нефедович констатировал: «В течение последних трех месяцев

в Главный штаб поступало от разных лиц довольно много сведений о подготовительных мерах, принимаемых австро-венгерским правительством на случай войны с Россией. <...> Ближайшее рассмотрение означенных сведений обнаруживает, что данные по некоторым вопросам, полученные, хотя и различными путями, во многом сходятся между собой»[80].

Следствием этих известий стала подготовка генералом Н. Н. Обручевым нового плана развертывания российских вооруженных сил против Германии и Австро-Венгрии, в обсуждении которого принимал участие и генерал Ф. А. Фельдман[81]. В связи с недостаточным развитием российской железнодорожной сети также было принято решение дополнительно перевести из внутренних военных округов 2-ю, 38-ю пехотные и 13-ю кавалерийскую дивизии в Царство Польское[82]. Информация о передислокации российских соединений вызвала тревогу в Австро-Венгрии. Подполковник Д. П. Зуев в рапорте от 21 ноября (3 декабря) 1887 г. сообщал генералу Ф. А. Фельдману: «Газеты полны слухов о наших приготовлениях в Польше и на Волыни. Сгущенные известиями германской прессы о “восходящем солнце Русско-австрийской войны”, здешние газеты видят в этих двух совпадениях грозный призрак и всячески поют о неминовании войны с нами»[83]. На основании подобных донесений генерал Ф. А. Фельдман констатировал: «Австрийцев вероятно встревожили известия о переводе 13 кавал[ерийской] дивизии в Люблинской район»[84].

В связи с обвинениями российского правительства в агрессивных замыслах император Александр III поручил военному министру П. С. Ванновскому составить пояснительный ответ для публикации в прессе. Эта задача была возложена на генерал-майора А. Н. Куропаткина при непосредственном участии специалистов ВУК во главе с генералом Ф. А. Фельдманом, которые собирали всю необходимую информацию для подготовки публичного ответа на провокации Берлина и Вены.

В кратчайшие сроки делопроизводителями ВУК под руководством Ф. А. Фельдмана были подготовлены подробные материалы о линиях сосредоточения австро-венгерских войск в Галиции и «сравнительная таблица железных дорог, строящихся и построенных с 1878 года» в Германии, Австро-Венгрии и России[85], а также «ведомость русских, германских и австро-венгерских войск, расположенных в настоящее время в районе, очерченным

радиусом Варшава — Берлин — Вена». По подсчетам аналитиков ВУК, Россия имела под рукой 230 тыс. человек, союзники — 270 тыс., из которых 150 тыс. приходилось на Германию и 120 тыс. — на Двуединую монархию[86]. При этом пропускная способность германских железных дорог в приграничных районах достигала 132 поезда в сутки, в то время как российские железнодорожные пути позволяли перевозить лишь 54 поезда[87]. В этой связи А. Н. Куропаткин справедливо указывал, что «не только со стороны Германии, но и Австро-Венгрии русским пределам угрожает быстрое вторжение»[88].

Опираясь на разведывательные сведения и расчеты специалистов ВУК ГШ, генерал-майор А. Н. Куропаткин под редакцией генерала Н. Н. Обручева подготовил пространный доклад, опубликованный после согласования с министром иностранных дел Н. К. Гирсом в газетах «Русский инвалид» и «Новое время» в декабре 1887 г.[89] В статье А. Н. Куропаткин отстаивал право России на самооборону и делал закономерный вывод, отражавший основную суть российской военной стратегии на данном историческом этапе: «России остается одно — увеличивать готовность крепостей и усиливать число войск, расположенных в приграничных округах, чтобы не быть захваченной врасплох»[90].

Несмотря на бурную реакцию австро-венгерской и германской прессы на публичный ответ российской стороны[91], вскоре потенциальный вооруженный конфликт сошел на нет. Учитывая огромную заслугу дипломатов в урегулировании кризиса 1887 г., представляется также, что значительную роль в деэскалации сыграла российская военная разведка, которая своевременно считала внешнюю угрозу и позволила высшему российскому командованию принять необходимые меры по увеличению обороноспособности страны перед угрозами извне.

Заслуги генерала Ф. А. Фельдмана в деле организации российской военной разведки получили высочайшее признание. После «военной тревоги» он был удостоен «монаршей благодарности» за военно-статистические издания ВУК и 30 августа (11) сентября 1888 г. произведен в чин генерал-лейтенанта «за отличную и усердную службу»[92].

Таким образом, при генерале Ф. А. Фельдмане на западном направлении в 1880-х гг. в целом удалось наладить эффективную разведывательную работу. Ее организация не только увеличилась количественно, но и повысилась качественно. В то же время эта

работа была сопряжена с существенными трудностями, которые приходилось регулярно преодолевать, преимущественно, за счет личностных усилий российских военных агентов и их непосредственных руководителей в Петербурге.

---

[1] Мартьянов П. К. Словарь-альбом русских деятелей XIX века, в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиям. СПб., 1893. С. 272.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 1. Л. 124 об.

[3] РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1890. Д. 1. Л. 203.

[4] Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни: воспоминания А. Н. Куропаткина: В 3 т. Челябинск, 2023. Т. 2. С. 559.

[5] Подробнее см.: Арбеков А. Б. Российский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман: история назначения и службы в 1876–1881 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2023 г. СПб., 2023. Ч. I. С. 86–102. Пользуемся случаем, чтобы исправить досадные неточности, допущенные в прошлом материале, посвященном генералу Ф. А. Фельдману. При рождении он получил имя Герман-Фридрих, а не Теодор: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 6. Д. 3142. Л. 17. Был назначен состоять при Департаменте Генерального штаба 6 (18) января 1858 г., а 1 (13) января 1859 г. штабс-капитаном переведен в Генеральный штаб: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7464. Л. 148. Не состоял в звании майора. Будучи капитаном, произведен в подполковники 30 августа (11 сентября) 1864 г.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. 1868. Д. 365–105. Л. 2 об.

[6] РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1881. Д. 46. Л. 9.

[7] Там же. Л. 14.

[8] Логинов А. И. Военная разведка и контрразведка в Российской империи в 1890-е – 1902 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов Госбезопасности. Кн. 2. М., 2018. С. 50.

[9] Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. М., 2003. С. 447.

[10] Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни... Т. 2. С. 559.

[11] Газенкампф М. Устройство и служба русского Генерального штаба. СП., 1888. С. 9–10.

[12] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 317–317 об.

[13] Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских государств. СПб., 1883; Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1883; Поппен Г. В. Франция. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1883; Щербов-Нефедович П. О. Австро-Венгрия. Отд. 2. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1885.

[14] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315.

[15] РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1484. Л. 1–3; Д. 1485. Л. 1–6; Д. 1494. Л. 1–4; Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 47. Л. 1–1 об.; Алексеев М. Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. С. 243.

[16] Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Не подлежит оглашению... С. 46.

[17] Там же. С. 445–446.

[18] Там же. С. 446.
[19] Там же. С. 448.
[20] РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 198. Л. 3.
[21] Там же. Л. 94 об.
[22] РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–102.
[23] Rich D. A. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge (Mass.), 1998. P. 176.
[24] РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 9. Л. 25.
[25] Там же. Л. 25 об.
[26] Там же. Л. 25.
[27] Там же. Л. 146.
[28] Там же. Л. 26–27.
[29] Там же. Л. 28.
[30] Там же. Л. 28 об.
[31] Русский инвалид. 1902 г. № 29 // РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9466. Л. 4.
[32] Арбеков А. Б. Российский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман... С. 97–99.
[33] Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Не подлежит оглашению... С. 446.
[34] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315 об.
[35] Там же.
[36] Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60. Л. 135.
[37] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 215 об.
[38] Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 316.
[39] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 183.
[40] Там же. Л. 183 об.
[41] Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 9. Л. 289–289 об.
[42] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 183 об.–184.
[43] Там же. Л. 195.
[44] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 47.
[45] Там же. Л. 1–1 об.
[46] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 56.
[47] Там же. Л. 187.
[48] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 59 об.
[49] Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 5. Л. 203.
[50] Там же. Л. 224.
[51] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 199. Л. 57–129.
[52] Там же. Л. 81 об.
[53] Там же. Л. 22 об.
[54] Там же. Л. 129–129 об.
[55] Там же. Л. 131–132.
[56] Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315–317.
[57] Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 26. Л. 26.
[58] Там же. Л. 27 об.
[59] Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 317.
[60] Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60. Л. 95–95 об.
[61] Там же. Л. 95.
[62] Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1883. С. 483.
[63] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315–315 об.
[64] Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 222. Л. 272–272 об.; Д. 220. Л. 111–118 об.

[65] Там же. Д. 222. Л. 272.
[66] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 2. Л. 29.
[67] Там же. Ф. 506. Оп. 1. Д. 489. Л. 19 об.
[68] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1884. Д. 50. Л. 1–1 об.
[69] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 74.
[70] Там же. Л. 1 об.–2.
[71] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1884. Д. 50. Л. 5–5 об.
[72] Там же. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1484. Л. 3.
[73] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1884. Д. 50. Л. 100 об.
[74] Там же. Л. 115.
[75] Там же. Л. 54.
[76] Там же.
[77] Там же. Л. 85.
[78] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–102.
[79] Там же. Л. 101 об.
[80] Там же. Л. 121 об.
[81] Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 76. Л. 7 об.; Rich D. A. The Tsar's Colonels... P. 276.
[82] Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 552–553.
[83] РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 214 об.–215.
[84] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.
[85] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60. Л. 10–11, 15.
[86] Там же. Л. 41–42.
[87] Там же. Л. 100 об.
[88] Новое время, 4 (16) декабря 1887 г.; Русский инвалид. 1887. № 260; РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60. Л. 70.
[89] РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60. Л. 32–36, 70.
[90] Там же. Л. 70.
[91] Там же. Л. 74.
[92] ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4047. Л. 4 об.–5.

Д. А. Афонин (Санкт-Петербург)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВОЙСК НКВД ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПОСЛЕ ТОГО как в 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве к власти пришли правительства, ориентированные на СССР, а прибалтийские республики и западные области Украины и Белоруссии вошли в состав Советского Союза, активно начали развиваться различные бандитские и националистические формирования, члены которых вступали в нелегальные объединения.

После освобождения территории Латвии, входившей в СССР, от фашистских войск в 1944 г., многие военнослужащие, айзсарги, полицейские, участники карательных отрядов стали объединяться и создавать националистические организации, действуя против Красной армии. Поэтому на органы НКВД стал возлагаться более широкий круг задач: они участвовали в охране народно-хозяйственных объектов, основных автомобильных дорог и обеспечивали прохождение по ним автоколонн с грузами в интересах действующей армии, осуществляли прикрытие государственной границы, оказывали помощь истребительным батальонам.

С началом боевых действий в Эстонии появляется военизированная организация «Омакайтсе» («Самозащита»). Она занималась подготовкой шпионов и диверсантов, целью которых был подрыв экономической составляющей СССР, а также организация террористических актов против командиров Красной армии.

После того как советские войска освободили территории западных районов от немецких войск, в 1944 г. встал вопрос борьбы

войск НКВД с националистическими организациями в прибалтийских республиках, члены которых ушли в леса и там развернули антисоветскую деятельность. Националистические формирования в большом количестве выпускали свои прокламации и листовки, распространяли их среди местного населения. Националисты нападали на советские учреждения в селах и городах, на волостные центры, машинно-тракторные станции, конно-прокатные пункты, совхозы и дезорганизовывали их работу, совершали террористические акты по отношению к партийно-советскому активу, бойцам истребительных отрядов и их семьям, сотрудникам НКВД–НКГБ, военнослужащим войск НКВД и Красной армии.

В борьбе с бандитизмом и национализмом принимали участие не только войска Красной армии, которые в основном блокировали районы боевых действий, но и войска НКВД, проводившие чекистско-войсковые операции, а также пограничные войска. Руководителями войск выступали НКВД СССР и НКГБ СССР, республиканские НКВД и НКГБ и непосредственно Главное управление внутренних войск. Основные войсковые операции осуществляли оперативная группа «Смерш» и войска НКВД по охране тыла. Основной их деятельностью была проверка населенных пунктов и прочесывание местности на основе имеющихся не всегда достоверных данных.

Оперативно-боевая деятельность, которую вели органы и войска НКВД на территории освобожденных западных областей Украины и Белоруссии, в республиках Прибалтики, требовала проведения большого объема оперативных, режимных и следственных мероприятий для ликвидации подпольных бандформирований. Исследование архивных документов и материалов показало, что подготовку чекистско-войсковой операции условно можно разделить на два этапа. Первый этап характеризуется добыванием и сбором данных о противнике и последующее планирование операций и изучение социально-политической обстановки в районе операции. Агентурный аппарат добывал информацию о руководстве, политических целях, численности, социальном составе, вооружении, степени боеспособности, связи с населением и степени влияния на него, намерениях и местонахождениях объекта в каждый данный момент[1]. При постановке задачи на ликвидацию бандформирования указывалась цель операции, время и место ее проведения, какие части и вооруженные

группы из местного населения привлекаются к операции, состав участвующих. Второй этап характеризовался получением задачи для руководителей и началом подготовки чекистско-войсковой операции, которая включала принятие решений, планирование задач, доведение их до личного состава, подготовку сил и средств и обеспечение работ при проведении операции.

Важно отметить, что слишком быстрое и непродуманное принятие решений приводило к тому, что поставленные задачи выполнялись не вовремя. Так, например, при проведении чекистско-войсковой операции по ликвидации вооруженных формирований в Станиславской области с 10 по 24 ноября 1951 г. вследствие недооценки обстановки и принятия нецелесообразного решения светлое время дня было потрачено на поиск бандформирования в районах, где противника не было. При осуществлении поиска в районах, которые были определены как дополнительные, ликвидированы 8 и, предположительно, 15 бандитов, используя темное время суток, скрылись[2].

Главной целью специальных операций 1944–1945 гг. было обеспечение безопасности проведения политических мероприятий и разгром крупных бандформирований, зачастую в лесных массивах, в том числе задержание дезертиров, которые пытались избежать призыва в Красную армию, и поимка сообщников немецких захватчиков.

Так, во время проведения избирательной кампании в 1945 г. было совершено 13 террористических актов против членов избирательных комиссий и актива партийно-советских организаций, проводивших предвыборную агитацию. А в 23 населенных пунктах Западной Украины бандгруппы потребовали от местного населения бойкотировать выборы, угрожая расправой, вследствие чего было проведено 6277 чекистско-войсковых операций, в результате которых было арестовано 3670 и убито 2374 бандита, ликвидировано 154 организации и группы ОУН-УПА. Цель специальных чекистско-войсковых операций была достигнута, в выборах приняло участие 97,91 % избирателей.

Основными способами разгрома бандформирований в чекистско-войсковых операциях периода 1944–1956 гг. были поиск в блокированном или неблокированном районе, окружение и преследование.

Поиск в блокированном или неблокированном районе был необходим для осмотра и прослушивания местности, а впоследствии

и разгрома бандформирований, месторасположение которых не было установлено. Он предполагал сплошное прочесывание местности (сплошной поиск) при наличии достаточного количества сил и средств и ограниченном количестве времени или по отдельным районам (выборочный поиск) на сильно пересеченной местности, где было наиболее возможно нахождение членов бандформирований.

Некоторые операции по ликвидации бандформирований органы государственной безопасности проводили комбинированным способом, применяя поиск, окружение и преследование. Кроме того, в целях совершенствования мастерства по организации и проведению оперативно-боевых мероприятий войсками НКВД стал активно применяться метод повторного «прочесывания». Так, в ходе проведения операции 17-й стрелковой бригады внутренних войск в районе села Дулибы Дрогобыческой области во время первого прочесывания было захвачено 25 человек. Бандгруппы из других мест, считая, что эта чекистско-войсковая операция закончена, стали сосредотачиваться в районе этого же села, но на другой день операция повторилась, после чего были захвачены еще 150 человек. А также вместе с проведением чекистско-войсковых операций стали применяться чекистско-войсковые группы (ЧВГ). В соответствии с планом по борьбе с бандитизмом в республиках они были рассредоточены в местах, где активно вели подрывную деятельность бандформирования националистического подполья. Каждая группа получала конкретную задачу по ликвидации банд независимо от того, в каком районе области они действовали. Вскоре этот метод занял определяющее место в очистке районов от бандгрупп националистического подполья и других антисоветских элементов[3]. Для этого метода характерны обнаружение и разведка бандформирований, последующий арест или уничтожение при сопротивлении.

В данный временной промежуток для обеспечения внезапности чекистско-войсковой операции важным средством была маскировка. Ее целью было введение противника в заблуждение относительно намерений Красной армии. И начиная с 1947 г., операции по маскировке использовались достаточно часто против мелких банд групп, располагающихся в «схронах».

На завершающем этапе войны был накоплен огромный опыт по проведению мероприятий по дезинформации. Ярким примером является ликвидация банды «Гнилые» с использованием

данной спецоперации. Чтобы не дать узнать противнику о перемещении большого количества войск, было принято решение о распространении дезинформации через перевербованного агента «Виллиса» о сосредоточении сил ВВ МВД в соседнем Гульбененском уезде, в 60 километрах от расположения банды. Эта дезинформация была подкреплена тем, что воинские подразделения демонстративно были выставлены на дорогах постов регулирования, а Гульбененский РО НКГБ был переведен на круглосуточный режим работы. Благодаря данным мероприятиям банда противника не предприняла попытки сменить свое месторасположение, тем самым была введена в заблуждение. В результате удалось скрытно блокировать лесной массив, где она располагалась, и ликвидировать ее.

Таким образом, вооруженная борьба с националистическими формированиями требовала от личного состава войск НКВД высокой боевой выучки, постоянной боеготовности, бдительности, отличного знания оружия и умелого его применения.

---

[1] Руденко Алексей Владимирович. Служебно-боевая деятельность войск НКВД по борьбе с националистическими формированиями на территории Прибалтики в 1944–1946 гг. // Власть. 2014. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebno-boevaya-deyatelnost-voysk-nkvd-po-borbe-s-natsionalisticheskimi-formirovaniyami-na-territorii-pribaltiki-v-1944-1946-gg (дата обращения: 11.08.2022).

[2] Зубкова Е. Ю. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 74–90.

[3] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Великой Отечественной войны. М.: РОССПЭН, 2000.

И. В. Бабич (Москва)

СОЛДАТСКИЕ СЛОБОДЫ В МОСКВЕ НА ИСХОДЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА И «КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС»

СЛОВО «КВАРТИРА» в современном русском языке понимается как отдельное жилое помещение в доме, и только третье его значение, согласно толковому словарю, связано с местопребыванием войск. В «Лексиконе» же В. Н. Татищева, работу над которым он начал в 1730-е гг., это последнее значение трактуется как единственное[1]. Вместе с тем популярная на рубеже XVII–XVIII вв. повесть о приключениях новгородского дворянина Фрола Скобеева в Москве, а также материалы переписей населения в Петербурге в 1716–1717 гг. фиксируют наличие понятия и выражения «стать на квартиру» (вариант: фатеру) в гражданском быту[2]. Распространение военного термина на социум в целом служит еще одним подтверждением эталонной роли армии в русском обществе. Но было ли взаимодействие армейского и «цивильного» укладов и структур повседневности однонаправленным?

В обстановке войны удобства временного жилья зависели от текущей ситуации боевого противостояния, местных особенностей, смекалки квартирмейстера и навыков солдат. В мирное время привыкший к подчинению «гражданских» своим требованиям «человек с ружьем» оказался вынужден приспосабливаться к жизни, где он хотя и имел некоторые привилегии, но «героем» становился чаще в «делах» о нарушении благочиния. Переход от кочевья наступлений и отступлений, осад и взятий к «оседлости», от необходимости решительного сопротивления врагу к бесконфликтному в идеале сосуществованию с соседями по-новому актуализировал «квартирный вопрос».

Постой у «обывателей», несмотря на его тягость для населения и неудобство для текущего надзора, на протяжении всего XVIII в. доминировал[3] в российском военном быту. Казарменное обустройство, известное с античных времен, при наличии уже существующих обширных помещений применялось[4], но за редкостью таких сооружений оставалось исключением. Тот же В. Н. Татищев относил к казармам и «для покоя» солдат «в одном порядке построенные избы... каменные и деревянные»[5], фактически не разграничивая казарму и слободу. В Москве, недавно основанном Петербурге и некоторых (преимущественно пограничных) городах существовали солдатские слободы, сформированные, подобно большинству других слобод, по корпоративному принципу. Проблема такой сепарации регулярной армии от гражданского населения, при которой обеспечивалось бы поддержание боеготовности не растворенного в обывательской среде военного контингента и не росли затраты (при возведении и ремонте особых помещений) на его содержание, оставалась актуальной. Власти вновь и вновь перебирали варианты возможного решения. Еще в 1692 г. легендарный сподвижник Петра Великого Ф. Я. Лефорт писал, что уже «тридцать лет тому назад сознавали необходимость сосредоточить их [солдат] в одном месте, но это никогда не исполнялось»[6]. Первые опыты размещения полков на «вечных» квартирах в Новгородской губернии и широкомасштабные подходы к устройству полковых дворов как одного из звеньев задуманной Петром реформы системы финансирования вооруженных сил и структуры областного управления анализировал М. М. Богословский. Он ярко представил, как изменилась бы «сельская картина России», если бы замысел великого преобразователя реализовался: «...Среди крестьянских рубах замелькали бы военные мундиры, и среди крестьянских селений островками вдвинулись бы солдатские слободы, построенные по однообразному казенному рисунку /.../ и среди прихотливости и беспорядка окружающих деревень с их большими и малыми, крепкими и покосившимися избами домики таких военных слобод должны были вытянуться с таким же монотонным однообразием, как их обитатели на фронтовом учении»[7]. Однако в масштабах страны проект не воплотился, за исключением «вечных квартир» гвардии в Петербурге.

Весной 1730 г. дилемма между постоем и казармой/слободой (оба определения буквально чередовались в черновом и чистовом

экземплярах апрельских указов, что подтверждает колебания в выборе решения) вновь рассматривалась в Сенате. Для сбора данных (о текущем состоянии дел) летом того же года была инициирована перепись в Лефортовской, Бутырской и Преображенской солдатских слободах[8]. Ее материалы – своего рода моментальный снимок не нормативного, а реального быта. Планировалось собрать сведения о числе дворов, «и кто в них жители и в которых дворах явятся разночинцы кроме офицеров и солдат, о тех свидетельствовать давно ль оные в тех дворах живут и по каким крепостям и сколько на тех дворах какого строения»[9]. Распоряжение о сносе «разночинцевых» строений, если они помешают перестройке слобод по единообразному плану («образцовым» рисункам), последовало только в сентябре[10]. Но привыкшие читать между строк или снабженные какими-то устными пояснениями переписчики сразу сфокусировали внимание именно на постройках «чужаков». Несмотря на единую программу и сроки проведения переписи, ее формуляр в трех воинских частях различался.

В пронумерованных записях Лефортовского полка (официально он назывался в то время Первым Московским, слобода же сохранила имя Лефортово) основное внимание уделялось фактически проживающим на его территории лицам, включая как хозяев домов, так и живших «из найма». Для этой категории, помимо их социального статуса, сообщалось о документах (паспортах, покормежных письмах и др. с полными именами заверивших их особ и сроков действия) на право и длительность отлучки от мест номинально постоянного проживания, о своевременной уплате ими налогов. Перечислялись и разного рода жилые и нежилые (амбары, «хлевки» и т. п.) «покои» во всех дворах. Бутырский полк представил простой перечень фамилий хозяев «строений», привязанный не к топографии, а к «чинам»: обер- и унтер-офицеры, солдаты, отставные, вдовы, служащие полковой церкви, разночинцы. Здесь, в отличие от Лефортова, под «разночинцами» понимали не только людей невоенных, но и служащих в любых частях, кроме своего полка. При этом о «своих», слободских сообщалось только, купили они жилье или «строили от себя». В Преображенском учетчики сосредоточились на локации застройки по традиционной для переписей схеме с учетом объектов при последовательном движении от некоего ключевого пункта (например: «идучи от съезжей избы третьею улицею по правую сторону»). Иногда указывался способ ограждения участка (плетнем,

кольем), дата покупки строения и имя продавца, делались отметки о ветхости / новизне сооружения. Описывались исключительно «чужие» постройки.

Счетной единицей выступали дворы, и лица, имевшие два двора, подсчитывались дважды. Фактически в Лефортове у 395 дворов было 353 хозяина, в Преображенском у 485 учтенных дворов (по подсчетам переписчиков 481) 471 хозяин. В Бутырках, где перепись зафиксировала разделение двора между двумя или даже тремя лицами при 492 дворах (по подсчетам переписчиков 490) отмечено 684 имени владельцев «строений».

Хотя Лефортовская и Преображенская слободы почти соседствовали, а Бутырская отстояла от них менее чем на десяток верст, то есть кратно ближе допустимой протяженности расположения одного полка[11], априорные обобщения путем экстраполяции разнородных сведений едва ли оправданы. Ведь московский быт при интенсивном перемешивании[12] домохозяйств на землях разного статуса (дворцовых, стрелецких, пушкарских, монастырских и др.) вследствие продажи, наследования целых владений и их долей персонами разной сословной принадлежности отличался чрезвычайной многоукладностью.

Однако есть и нечто общее, что ярко проступает в сводной переписной табели, несмотря на разность подходов к учету (в Лефортовском и Бутырском полках действительно служащие, отставные, солдатские вдовы и дети фигурировали порознь, в Преображенском служащие, их вдовы и сыновья учтены суммарно[13]) — см. таблицу 1.

Из приведенных цифр очевидно, что солдатские слободы основного полкового контингента отнюдь не аккумулировали. Уже сам объем дворового фонда не предполагал возможности полностью разместить всех строевых и нестроевых чинов. Но причина едва ли состояла в нехватке места. Так, в Бутырках насчитали 277 «порожжих» дворовых мест. При самом устройстве слобод, вероятно, принималось в расчет то, что часть служащих уже имела какое-то жилье, ведь и Ф. Лефорт построил для своего полка лишь 500 домов[14].

Обитатель Преображенской слободы сенатский копиист Степан Андреев сообщил, что унаследовал свой участок от матери, наделенной им, в свою очередь, «по старой даче, как отводили двор солдатам»[15]. По-видимому, освоение участков выступало как предложение, а не предписание. К слову, когда в 1741 г.

в Петербурге состоялось заселение Семеновской слободы, возводившейся на регулярных началах, новоселы в ней не составили и четверти полка[16].

В то же время могла идти речь и о директивном водворении. В дошедших в конечном счете до Сената (и разбиравшихся там поименно на протяжении 1732–1734 гг.) челобитных по поводу невыплаты отставным бутырцам[17] жалованья за 1723–1726 гг. упоминалось, что солдаты после отставки по смотру 1723 г. получили указ «жить в слободе» для караулов и посылок, которые и отправляют. Просили при этом не только о жалованье, но и об освобождении от караулов. Освобождение челобитчиков последовало наряду с предписанием распределить их по богадельням и монастырям. Последнее, впрочем, конкретными определениями не обеспечивалось[18]. Наиболее знаменателен здесь сам факт требования Сенатом подтвердить размещение «истцов» именно в слободе[19]. Он обнаруживает осведомленность о том, что принципиально признаваемая норма соблюдалась лишь отчасти, хотя официально Бутырская, Лефортовская и гвардейские слободы в Москве и рассматривались как образец при возможном распространении такого типа размещения полков на всю страну[20].

В этом контексте примечательны два свидетельства, относящиеся к Лефортову. «Гофшпитальный ученик» Иван Еремеев, снимавший на дворе у гобоиста Андрея Селиверстова отдельную избу, согласно «письму» мог «нанимать квартиру, где похочет, того ради, что женатым при шпитали квартир не имеется». Аналогичную «справку» явил жилец одного из двух дворов, фигурирующего то как «фелшар», то как «цирульник» Никиты Первухина — «ученик» парусного дела Андрей Данилов. Он получил разрешение «жить где похочет... за умалением фатер»[21].

И особое требование об обязательном размещении в слободе отставных и освобождение от поселения на подконтрольной территории «учеников» обнаруживают, что проживание лиц, связанных с военным ведомством (здесь через госпиталь и Преображенскую парусную фабрику), стремились регламентировать. Однако регулирование простиралось в первую очередь на «слабые» звенья служебной цепочки – «старых и малых». Заключить же в слободской формат расселение адаптированных к возможностям города солдат – за счет наличных и вновь образующихся семейных связей – удавалось сложнее. Так, в Преображенской слободе едва ли не основными хозяевами учтенных дворов оказались

Таблица 1

Табель ис поданных при доношении генерал-фельдмаршала и кавалера князя Василия Васильевича Долгорукова ведомостей о дворах Первого Московского полка Бутырской и Преображенской слободам коликое число во оных разных чинов дворов

В Лафортовской дворов		В Бутырской дворов		В Преображенской дворов	
Первого Московского полку служащих:				Бригадирской	1
обер-офицерских	11	обер-офицерских	7	Преображенского полку штаб-офицерских	1
унтер-офицерских и капральских	24	унтер-офицерских	34	обер-офицерских служащих и умерших их жен	16
солдатских	201	солдатских и прочих чинов	297	унтер-офицерских служащих и умерших жен и детей	68
жен вдов и детей:		отставных урядничских и солдатских	79	бомбардирской роты учеников и мастеровых людей	7
обер- и унтер-офицерских	61	солдатских жен, вдов и детей	38	денщичьи	5
солдатских	29	разночинцевых	5	неслужащих	5
Преображенского полку служащих	7	церковников, разных чинов	30	отставного батальона и роты унтер-офицерских и солдатских жен и детей	135
отставных	2				

Семеновского полку служащих	1			Семеновского полку унтер-офицерских и солдатских жен и детей	5
отставных	2			отставных	1
Драгунского Московского шквадрона	3			Преображенской фабрики служителей	7
разных полков обер- и унтер-офицерских и солдатских	9			Разных команд штаб- и обер-офицерских	8
разночинцевых, церковниковых	7			отставных матросских	134
разных чинов людей	38			драгунских	4
				отставных разных полков солдат и жен и детей	13
				разночинцев	72
Итого	395	Итого	490	Итого	481
При той же слободе обер- и унтер-офицерских и солдатских и прочих чинов лавок	13	сверх оных дворов порозжих мест дворы имеющих	277	Во оной слободе двор пустой	1
да харчевен	3			опалной	1

отнюдь не полковые чины. Многие именно от преображенцев их и приобретали — в переписи сохранилось до 90 упоминаний таких купчих. Датированы 76 из этих сделок. Почти половина (34) совершена в период с 1712 по 1724 г., т. е. еще при Петре, много внимания уделявшем упорядочиванию квартирного быта.

Перепись свидетельствует о пестроте состава населения Лефортова и Преображенки, где «мундиры» с «рубахами» образовали причудливый симбиоз. Многие обитатели Лефортовской слободы (совсем не пускали постояльцев 184 хозяина из 349) сдавали «жилплощадь», капитализируя свое достояние. Лишь 13 человек заявили, что жильцы пущены по родству/свойству. Остальные откровенно ориентировались на сдачу целого помещения или его части, а также части участка (где постояльцы жили «своим строением») либо прикупного двора в аренду одному, двум или более лицам. Солдат Иван Жеглов уже 20 лет делил избу с жильцом, Оружейной палаты слесарем, стаж пребывания которого в слободе, «переходя» от хозяина к хозяину, шел с 1700 г. Капрал Герасим Бурков имел две избы, в одной из которых он жил сам, а другую сдавал двум братьям Анисимовым — костромским помещичьим крестьянам. Род их занятий в Москве не означен, зато известно, что они, в свою очередь, проживали вместе с тремя наемными работниками – разных владельцев крестьянами Костромского и Ярославского уездов. Были и такие, кто сдавали целые дворы, сами проживая в других или вовсе отказавшись от пребывания в слободе.

В этом отношении поведение их укладывалось в рамки общей городской практики, которую еще полвека назад власти пытались взять под контроль, добиваясь «явки» отдаваемых в наем помещений в Дворцовом и Судном приказах со взносом пошлин[22]. Очевидно, уже тогда развивающаяся как центр экономических связей Москва превращала даже самое скромное жилье в густо населенном мегаполисе в источник возможного дохода. В сделках купли/продажи, совершенных в это время в Москве, наряду с целыми дворами фигурируют и отдельные строения на земле, нанятой у церкви или частных владельцев. Поприще «хозяина» жилья объединяло и гражданских, и военных москвичей.

По-видимому, не без влияния предприимчивости держателей казенных участков в солдатских слободах изменялся их первоначально одинаковый размер, что прослеживается не столько на уровне приобретения вторых дворов (такие случаи редки),

сколько «округления» единственного двора. Учтенные в ходе переписи участки не получили точного обмера, но в Лефортове для 246 дворов была зафиксирована — в количестве звеньев забора – протяженность выходившей на улицу ограды. Оценить ширину означенных при этом калитки и/или створчатых ворот нет возможности, звено же равнялось приблизительно 3 саженям[23]. Диапазон числа звеньев простирался от одного до 15. При этом 58 участков имели забор из одного–полутора звенев, а 22 – свыше 5. Неравномерность величины дворов была присуща и Преображенской слободе. Например, усадьба «бывшего Преображенского приказа канцеляриста» Льва Хрущева вмещала 2 горницы на глухих подклетах, третью горницу на жилом подклете со светлицами, 2 погреба с напогребицами, амбар, конюшню, сушило, сарай, в саду (и это единственное упоминание сада во всей слободе) баню с передбанником. А отделенное от него двумя дворами хозяйство матроса Преображенской парусной фабрики Ильи Бычкова, унаследовавшего его от отца-солдата, ограничивалось ветхой избой с сенями, причем ни об огороде, ни о «городьбе» не было и помину[24].

Среди лефортовцев, умевших извлечь выгоду из казенной земли, встречаются практически все категории ее пользователей. В количественном отношении первенствующую группу (194 человека) составляли действительно служащие солдаты. Заметную активность проявляли вдовы и девицы. Сестра фельдшера Никиты Первухина, вдова Ульяна, проживая на дворе брата, сдавала часть своей избы крестьянину вотчины Преображенского полка поручика Дашкова. «Капитанская дочь» Авдотья Соколова, занимая одну из «светлиц» сама, еще в 1728 г. пустила в дом Сыромятной слободы тяглеца, двух посадских людей Алексеевской слободы и города Серпухова, а еще одну избу нанимал ярославский монастырский крестьянин, и «особым своим строением» (подсчитан как отдельный двор) проживал с 1715 г. «стрелецкий сын».

Наиболее «военный», по крайней мере на бумаге, облик отличал Бутырки. Здесь зафиксировано проживание самой большой относительно общего состава полка солдатской общности (около половины, тогда как в Лефортово едва четверть, а у преображенцев даже при учете только московской команды это число не превышало и пятой части[25]). Бутырская «разночинцевая» составляющая была самой малочисленной среди трех солдатских

слобод и «профильной» по составу (из 30 хозяев этой категории лишь пятеро не принадлежали к военным чинам). Другой особенностью Бутырок, как отмечено выше, было сосуществование единоличных и долевых домовладений. При формировании учетной записи критерием выступал статус первого из упомянутых домовладельцев. Так, двор солдата «Ильи Соловьева да вдовы Акулины Козминой дочери» попадал в разряд солдатских. В то же время двор вдовы Татьяны Наумовой «да солдата» Костянтина Евдокимова числился среди дворов «вдов салдацких жен Бутырского полку». Двор Тихона Пермянскова и Василия Волохова – среди «отставных», хотя названный вторым Волохов пребывал на действительной службе. Двор барабанщика Артамона Алексеева и солдат Ивана Корелякова и Ивана Рыбкина числился среди чинов Бутырского полка, хотя Рыбкин служил в Углицком полку, а дворы служащих других частей здесь относили к «разночинцевым». При этом среди «первых» хозяев около 88% составляют действительно служащие, а среди названных вторыми и третьими их 62%.

Опись акцентирует принадлежность не двора, а дома – «строил от себя», «строением владеет по купчей». Единоличными владельцами были 303 человека (61,6% дворов), по двое хозяев имелось в 179 владениях, по трое – в 10. Среди «единоличников» 45,8% (139) строили «от себя», 41,2% (125) приобрели жилье покупкой, 13% (39) получили по наследству (происхождение собственности двух владений – по одному в единоличной и долевой группе — неизвестно). В группе долевых дворов 189 первенствующих хозяев имели 118 домов по купчей (62%), 57 построились сами (около 30%), 13 (6,9%) унаследовали; из 199 вторых и третьих хозяев в таких дворах 114 получили свою долю покупкой (60%), 64 (34%) строили, 21 (11%) унаследовали. Т. е., эта группа была в известной степени гомогенна и отличалась от единоличных владельцев с точки зрения соотношения покупного и построенного жилья.

Можно принять гипотезу о том, что перепись отразила практику первоначального наделения дворами в единоличное пользование, со временем по разным причинам «обраставших» соседями. Но допустимо и предположение о том, что были лица, изначально ориентированные на приобретение доли владения. Такого рода сделки, хотя не часто, но неизменно фиксировались и на остальной городской территории. Еще в 1715 г. трое солдат

Семеновского полка на 3-й улице Мещанской слободы купили сообща двор в 33 квадратных сажени, а солдат Преображенского полка продал однополчанину ½ избы за Яузскими воротами в Гончарной слободе. И в 1730 г. двое семеновцев совместно приобретают в Мещанской одну избу с огородом[26].

Одинаково заметное присутствие среди и единоличных, и долевых владельцев лиц, дома унаследовавших, свидетельствует об укорененности обоих типов проживания. Только 5 человек имели наряду со своим двором еще долю в другом дворе, и лишь 2 — еще по целому владению.

Перепись не отвечает на вопрос о том, были ли обитатели Бутырок владельцами отдельных строений с разными хозяевами или поделенного на двоих или на троих домового комплекса. Именно эта модель рассматривалась как перспектива для солдатских слобод еще в «Плакате» 1724 г. Сведение двух изб под одну кровлю предполагал и сенатский указ от 4 сентября 1730 г.[27] Однако в описанных полностью домах Лефортовской слободы такая конструкция встречается всего 5 раз. Причем во всех случаях речь шла о единоличном хозяине строения.

Что касается динамики бутырского домовладения, то при отсутствии дат приобретения строений единственной возможностью воссоздания ее не столько временного, сколько возрастного вектора служат упоминания в переписи 1730 г. 324 лиц, которые состояли в полку в 1720 г. (с указанием года вступления в службу)[28]. Им принадлежали 330 домовладений. В этой группе процент долевой собственности не однолинейно, но рос относительно более молодых по службе категорий, как и число тех, кто предпочел купить уже готовое строение, а не возводить его вновь (см. таблицу 2).

Среди входивших в состав полка в 1720 г. и являвшихся хозяевами домов в 1730 г. лиц к потомственным слобожанам принадлежали 185 человек. Постоянный элемент структуры владельцев – наследники, которыми становились не только «после отца», хотя такие, безусловно, преобладали, но и «после тестя»– 4 человека, «после матери» –2. Несмотря на незначительность этих последних цифр, они показывают, что фактически домовладельческие права женщин, как и в других частях города, признавались, почему и сын мог считаться наследником как после отца, так и после матери. В одном случае хозяйкой числится солдатская дочь «девка», хотя двор и записан по ее отцу («двор фурьера

Таблица 2

Домовладельцы Бутырской слободы по данным о составе полка в 1720 и переписи 1730

Вступили в службу		**До 1700**	**1700–1704**	**1705–1709**	**1710–1714**	**1715–1719**
	330	17	50	58	129	76
Владели единолично						
купили	62	5 (29,4%)	9 (18%)	11 (19%)	24 (18,6%)	13 (17,1%)
строили	63	5 (29,4%)	7 (14%)	15 (25,9%)	21 (16,3)	15 (19,7%)
наследовали	10	2 (11,8%)	2 (4%)	2 (3,4%)	2 (1,5%)	2 (2,6%)
Итого	135	12 (70,6%)	18 (36%)	28 (48,3%)	47 (36,4%)	30 (39,4%)
Владели долей						
купили	133	2 (11,8%)	18 (36%)	24 (41,4%)	55 (42,6%)	34 (44,8%)
строили	50	3 (17,6%)	10 (20%)	6 (10,3%)	22 (17%)	9 (11,8%)
наследовали	11	-	4 (8%)	-	5 (4%)	2 (2,6%)
Нет данных	1	-	-	-	-	1 (1,3%)
Итого	195	5 (29,4%)	32 (64%)	30 (51,7%)	82 (63,6%)	46 (60,5%)

Степана Устинова да дочери ево девки... после отца»), еще в одном случае солдатская дочь числится хозяйкой во дворе наравне с братом, оба выступают как равноправные наследники — каждый своей доли «после отца». Наконец хозяйкой двора, «записанного» на ее уже покойную мать, солдатскую вдову, являлась жена тяглеца Бронной слободы. Т. е. в солдатских слободах действовали нормы наследования, обыкновенные для современного городского обихода.

Военное начальство указывало на материальную невозможность живущим лишь жалованьем офицерам входящих в Москву полков нанимать квартиру[29]. Вместе с тем в частях, искони обретавшихся в городе, большинство солдат фактически не были домохозяевами в «своей» слободе. При этом лефортовцы, судя по переписи, привязаны были к слободе меньше бутырцев. Зафиксировано лишь 150 имен слобожан из числа тех, кто служил в нем в 1720 г.[30] (против 324 в Бутырках). Преображенцы же обнаружили явную готовность продать отведенное им слободское жилье.

Среди зафиксированных сделок с московскими дворами и строениями в 1730 г. солдаты-владельцы из числа бутырцев встречаются дважды и лефортовцы четыре раза[31], что аналогично показателям опубликованных данных за 1720–1725 гг.[32] Рядовых преображенцев — собственников жилья вне «ведомственной» территории существенно больше[33] (так, в 1730 г. встречаются 41 действительно служащий, 14 отставных и 6 жен таких чинов). Но это не идет ни в какое сравнение с объемом того отсутствующего в солдатских слободах контингента, который и давал им наименование. Подобно другим московским слободам, профиль «солдатских» (во всяком случае Лефортовской и Преображенской) становился все более размытым. Ассимиляция городской средой в качестве сына, мужа, родственника, свойственника, а то и наемщика у хозяев в это время была, по-видимому, доминантой солдатского проживания. Обзаведение своим домом по месту службы обеспечивало повседневный комфорт, но не будущее, определявшееся не личными планами, а указом. В «небытность» же хозяина двор с деревянными постройками неизбежно должен был разрушаться[34]. И если перманентно инициируемые властью проекты регулярного переустройства слобод постоянно откладывались ввиду более неотложных задач (как то мощение мостов между Петербургом и Москвой и т. п., не говоря уже

о военных действиях), то на обиходном уровне роль постояльца в окружении «штатских» горожан представлялась более оптимальной, чем роль хозяина в пространстве «своей» слободы. Для солдата, как и для обычного московского жителя, лишенного личной предприимчивости, собственность выступала не столько благом, сколько бременем, а возможности «стать на квартиру» были широки.

---

[1] Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 3. С. 189.

[2] Повесть о Фроле Скобееве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 15. С. 70; Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 62, 91.

[3] Ляпидевский Н. История казарменного помещения войск в России // Инженерный журнал. 1881. № 4. С. 305.

[4] В донесении Военной коллегии в Сенат летом 1730 г. сообщалось о размещении в киевской Печерской крепости в казармах холостых унтер-офицеров и солдат при невозможности «от утеснения» поселить там же женатых. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 486.

[5] Татищев В. Н. Лексикон... С. 121.

[6] Ф. Лефорт. Сборник документов и материалов. М., 2006. С. 103, 104.

[7] Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1718–27 годов. М., 1902. С. 365.

[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 42–152. Этот источник уже привлекал исследовательское внимание. Данные, относящиеся к Лефортовской слободе, анализировались в ряде работ И. А. Работкевич, посвященных истории этого района Москвы: См., например: Работкевич И. А. Лефортово как объект культурного наследия: особенности становления и развития (конец XVIII в.–1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. Фрагмент сводной табели со сведениями исключительно о Лефортовской слободе опубликован в приложении к ее диссертации (с. 261).

[9] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 42.

[10] Там же. Л. 491.

[11] Сенатская инструкция 1722 г. генералитету и штаб-офицерам предусматривала протяженность расположения драгунской роты на 10, а солдатской на 5 верст, полка драгунского на 100, а пехотного на 50 верст. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 77.

[12] Сытин. История планировки и застройки Москвы. М., 1954. С. 187.

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 151 об., 152. В приводимом тексте опущены данные о числе «покоев» в Лефортовской слободе, уже воспроизводившиеся в приложении к диссертации И. А. Работкевич. (См.: Работкевич И. А. Лефортово как объект культурного наследия... С. 261) и не имеющие сопоставимых сведений по Бутырскому и Преображенскому полкам.

[14] Ф. Лефорт. Сборник документов и материалов.

[15] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 137 об.

[16] РГВИА. Ф. 2584. Д. 265. Л. 166–171.

[17] В одном из реестров пострадавших от невыплат жалованья числятся и лефортовцы (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 18–18 об.), но проследить судьбу их жалобы пока не удалось.

[18] Перепись 1730 г. зафиксировала наличие 24 из чинов Бутырского полка, уже с 1726 г. числившихся определенными «на пропитание» в монастыри и богадельни, в качестве хозяев единоличных (15), и долевых (9) слободских дворов: 15 из них строили свои дворы, 8 приобрели по купчей и 1 унаследовал.

[19] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 2–13; 17–22.

[20] Там же. Кн. 388. Л. 856. Фигурирующие тоже в качестве «образцовых» в 1733 г. квартиры Ингерманландского и Астраханского пехотных полков в Петербурге по справке из Военной коллегии в первом имели лишь 36 «связей» по два покоя, впрочем, совершенно (до устройства печей) окончены в строении были — еще при А. Д. Меншикове — только 4 из них, а «для поселения Астраханского полку отведено место на Выборхской стороне, токмо строить не начато». Ф. 248. Кн. 398. Л. 2–4.

[21] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 76; 53.

[22] ПСЗ. Т. 2. № 971. 30 ноября 1682 г. С. 481.

[23] Такое заключение можно сделать на основании сохранившейся синхронной московскому перечню слободских построек описи полкового двора в Алаторском уезде. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 393. Л. 83.

[24] Там же. Кн. 388. Л. 125 об.

[25] История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка его высочества полка за 250 лет (1642–1902) / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1892. Ч. 2. Приложения. С. 86; РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. Л. 60 об.; История лейб-гвардии Преображенского полка / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. Приложения ко II-му тому. С. 174.

[26] Москва. Актовые книги XVIII в. М.,1893. Т. 2. С. 35. № 618; С. 66. № 1037; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Е. х. 463. Л. 576 об.

[27] ПСЗ. Т. 8. № 5615. С. 321.

[28] История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. Ч. 2. Приложения. С. 25–40.

[29] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 476.

[30] Подсчитано по РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. Л. 41–60 об.

[31] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 463. Л. 347, 440 об., 116 об., 303 об., 320 об., 397.

[32] Москва. Актовые книги XVIII в. М.,1893. Т. 3.

[33] Посчитано по РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 463.

[34] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 79 об.

М. В. Бабич (Москва)

«ПРЕШПЕКТИВАЯ ДОРОГА ОТ САНКТ-ПИТЕРБУРХА...» В ЕЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ: XVIII ВЕК

ДОРОГА между обеими нашими столицами, как и многое другое в новой и новейшей истории России, являлась и отчасти является «больше чем дорогой». Поэтому даже столь сугубо прагматический аспект ее национального дискурса как четвертое столетие не прерывающееся «строение» — предмет устойчивого внимания. Изучаемый при этом массив документов обширен, но относительно XVIII в. — периода, который предопределил ее дальнейшее развитие, весьма специфичен, из-за чего лакуны хроники того времени, в главном восстановленной еще в Министерстве внутренних дел начала 1830-х гг.[1], восполняются редко.

Так, лишь на рубеже XX–XXI вв. были достоверно подтверждены мемуарные и «посольские» сообщения 1710-х гг. о поручении Петром I в конце 1705 г. А. Д. Фарварсону и С. Гвину «намечивать» дорогу между Петербургом и Москвой по «прямой через леса, озера, болота и реки». И выяснилось, что геодезические съемки вели ученики шотландских математиков по Навигацкой школе, а «ландкарта» по описи, «впервые учиненной» 8 марта – 10 апреля 1706 и доработанной (?) в августе–октябре 1708, была сочинена не позже 1727 г.[2] А 15 января 1715 г. от наряженных с городов и уездов Петербургской губернии «к новопложенной большой дороге... до реки Волхова» работников требовалось «намостить... что осталось от прежнего мощения» 43 444 сажени (около 87 верст, или 93 км) с использованием 9890 «дерев».

Однако, по-прежнему не ясно, что стоит за «оставшимся», где было «шведскую старую работу... видеть можно»[3], или за показанием подполковника Петербургского гарнизона А. М. Путилова, что «дорогу... до Волхова начинал он делать и делал с 716 с мая по июнь месяц 719 по указу и пунктам из... губернской канцелярии... да по наказу за рукой светлейшего князя» (А. Д. Меншикова). Поскольку, сдав 14 октября 1720 г. в Камер-коллегию «безвестные» там «ведомости», он ни в Сенате, ни в «офицерских сказках» о своих «неотлучных» службах при разных полках не сказал, например, мостилось ли бревнами и землей «на середине... выше» с прокапыванием по обеим сторонам рвов для стока воды все подряд, как можно думать по указам 1716, 1722 и 1723 гг.[4]

Натыкаясь, с одной стороны, на подобные пробелы военной и «статской» отчетности, а с другой — на одни и те же законодательные предписания «в отмену» изданных ранее да на различающиеся в основном подписями и датировкой выкладки и чертежи с общим для тех и других разнобоем в обозначениях объектов и исчислениях верст, саженей и аршин[5], историки, экономисты и инженеры путей сообщения XIX–XX вв. поневоле сбивались на стереотипы о нехватке средств и общей несостоятельности наследников Петра. Оперировавшая теми же данными правящая верхушка XVIII в. и привлекавшиеся ею военные инженеры тоже оправдывали неудачи и чаемые улучшения прежде неблагоприятными «конъюнктурами», дружно соглашаясь с независимыми наблюдателями, что на текущий момент «неделаная дорога лучше деланой»[6]. «Информационная» же эпоха и вовсе не склонна замечать круговращения аргументов сторонников и противников всяких — в прямом и переносном смысле — перспектив или смущаться взглядом на петровскую «прешпективую» как на великое свершение, а на сменившую ее «железку» Николая I как на свидетельство его ограниченности.

Настоящая статья, вызванная интересом автора к вкладу в становление названной дороги фельдмаршала Б. Х. Миниха, который, никогда не принижаясь[7], детально не анализировался, на разрешение всех противоречий не претендует. Ее задача — ввести в оборот сведения, пока ускользавшие от ученых или не сопрягавшиеся друг с другом, что всегда небесполезно в науке. А также по возможности проследить внутреннюю логику взаимодействия изначальных замыслов и попыток их внедрения, которая открывается при погружении в отражающие их конкретизацию

источники. Источники, которые в большинстве отложились или вышли в печать из Сената — высшего учреждения империи, ответственного за неотступно занимавшую Петра коммуникацию от начала ее эксплуатации.

Сенат обеспечивал ее «живой силой и техникой» и контролировал состояние даже тогда, когда изъявление политической воли сосредоточивалось в руках самих самодержцев с их особо доверенными лицами. А также, в противоположность Ладожскому каналу, и более актуальному для снабжения Петербурга, и более затратному[8], брался судить об оптимальных тут как будто чисто инженерных подходах. И своей концепции, чего бы она ни касалась, держался твердо. В частности, негласно, но прочно закрепив кураторство дороги за генерал-прокурорами, что проистекало, полагаем, из повеления 6 ноября 1724 г. «прешпективую дорогу... ведать и достроить» бригадиру В. Н. Зотову[9], хотя тот в эту должность не вступил, как ранее не смог исполнять предваряющую прокурорскую должность генерал-ревизора. Его же преемнику П. И. Ягужинскому, наоборот, выпало сыграть в судьбе «прешпективой» ключевую роль. Ведь его «предложение» 2 ноября 1730 г. в преддверие обиходной подготовки пути ожидаемого следования высочайших особ — в данном случае возвращения Анны Иоанновны из Москвы в Петербург, символизировавшего приверженность избранному Петром для России курсу — замахивалось на серьезное изменение практически устоявшегося относительно обсуждаемой и других дорог курса сенатского. Курса, в котором возрастание их значимости — помимо почты, как-то налаженной в сложившейся еще до Романовых московско-региональной транспортной сети — в условиях долгого еще доминирования собственно водных сообщений[10] если и учитывалось, то не среди неотложных мер нового правления.

В отличие от базовой для него «исправности» ради «доброго порядка» армии сбора подушной подати, суть указа от 31 октября 1730 г., о возложении которого опять на «полковников с офицеры» Сенат как раз 2 ноября и облекал в предусмотренные формы[11]. Здесь не место для разбора мотиваций П. И. Ягужинского, в политической лихорадке ознаменованного «конституционной» бурей первого года царствования едва приступившего к военной реформе, к возбуждению которой он (как и к укреплению престола) был причастен, но от составления заявленной в июне правительственной программы[12] отстранен. Так что отметим

лишь ловкое проталкивание им запроса «мнения» авторитетнейшего инженера и лично обязанного ему Б. Х. Миниха (которое при утверждении могло бы изменить раскладку сил в элите) под невинной формулировкой «дополнки» часто вспоминаемого в 1720-е гг. «примера лифляндского»[13].

Как понимал лифляндско-эстляндский или, точнее, шведский образец Петр, взывая к нему на склоне дней чуть ли не с отчаянием[14] — вопрос отдельный. В рассматриваемом ракурсе важнее, как его понимал Сенат и трактовали (не встретив его возражений) «Проект или Генеральные примечания, как дороги в Российской империи делать». Б. Х. Миних представил их уже 23 ноября при сопроводительном донесении, в котором четко (и, наверное, не без П. И. Ягужинского) характеризовал кардинально оспариваемые принципы постановки дорожного дела. Здесь писалось, что из распоряжений Камер-коллегии, которая ведала «дорогами под ведением» Сената, «показуется, что добрые дороги делать паче в том состоит, чтоб по оным бревнами и фашинами мосты делать... на болотных и грязных местах». Для этого едут «лифляндские уездные комиссары» и рассчитываются к отягчению казны и подданных колоссальные вырубки леса, тогда как насыпаемая сверху земля и песок «сквозь... всегда валится и дождем обмывает» с конечным загниванием бревенчатых мостовых в 11–12, а фашинных в 4–5 лет[15].

В качестве альтернативы дереву, допускаемому лишь для скорости или «где крайняя нужда требует на какое время, пока настоящая дорога сделана будет», выдвигалось «делание» из «натуральной» земли в надлежащих профилях. А из части проекта, озаглавленной «что принадлежит до профилей», и прилагаемых чертежей (в 2000-е гг. опубликованных)[16] следовало, что полотно на всем протяжении ведется «против ординарного горизонта», снабжаясь отводными каналами. И приобретает выпуклую («скатом») форму с «повышением... из рвов... ежели фундамент пещаной или хрящевой», а на почвах глинистых и регулярно осушаемых болотных — с хотя бы и привозными песком и хрящом (обломочной породой, с конца XIX в. называемой гравием)[17].

Любопытно, что понятие шоссе («шосее») фигурирует лишь однажды и лишь как пример «некоторых дорог», вымощенных «в средине... диким камнем» в обладающих «о дорогах учреждением... Голландии, Брабандии... Франции и Италии». Хотя выстилка «на две сажени посреди» так же камнем (если его «довольно»)

рекомендовалась для сильнее всех укрепляемых «мокрых мест» наряду с дополнительным слоем песка / хряща, а перечисленные приемы достаточно близки «шоссированию», начатому в России (тоже от Петербурга к Москве) в 1817 г., как оно излагается в литературе[18]. Сейчас нет смысла отстаивать приоритет Б. Х. Миниха перед авторами «систем» второй половины XVIII – первой половины XIX в., на которые тогда опирались, так как все мыслили в русле, заданном лидировавшей в Европе с конца XVII в. французской инженерной школой, аккумулировавшей еще римские традиции. Но есть смысл подчеркнуть, что задумки Б. Х. Миниха в сочетании с наработками при его занятости «по специальности» гидротехника в Германии и России не были прожектерством ради прожектерства.

Взглянуть на 208 верст «натуральных» дорог при Ладожском канале в доказательство эффективности опробованных им там во второй половине 1720-х гг. методик[19], конечно, нельзя. Не проверить и выгод против не забытых в проекте «скорых» мостов из обтесанных с трех сторон мощных бревен каменной одежды, которые также выставляли рекламировавшие себя подрядчики, чьи услуги до 1760-х гг. неизменно отвергались[20]. Но нетрудно сопоставить эти ссылки, во-первых, с параллельной ссылкой на 593 версты петровской просеки-прешпективы[21], приспособление остальных двух третей которой к проезду было на слуху с начала 1720-х гг.[22] И, во-вторых, с тем обстоятельством, что месторождения материалов, предпочтительность и «довольство» которых обосновывались в 1730 г., вполне удовлетворили потребностям 1810–1830-х гг. Не была фантастичной и кадровая заявка — выбрать из полков на каждые 50 верст по 2 «способных к тому делу» обер- и унтер-офицера, дав им по 8 учеников, взамен «инженеров и кондукторов» под «дирекцией» одного штаб-офицера со скромной канцелярией. Тогда как некие «сборные деньги» с подвод на «починки» в неопределенном будущем из «докладных пунктов» Камер-коллегии от 13 ноября 1724 г. развернулись в подробный прейскурант (без посягательства на декларации, что сами «починки» в конце концов «по швецкому маниру» должно вершить окрестное население)[23].

А все же проект со всеми признаками «аншталь та» (в значении немецкого anstalt как учреждения в роде русского «устава»), которого безуспешно добивался от Сената Петр[24], в заседании 3 декабря 1730 г. (по-видимому, специально ему посвященном)

принят не был. И этого не объяснить, подобно провалу в 1736–1738 гг. метрологической реформы, преимущественно качествами участников предприятия[25], хотя факторов своеобразия личности П. И. Ягужинского и исканий Б. Х. Минихом прежде всего громкой славы со счетов не сбросишь. Тем более неверно было бы сваливать произошедшее на банальную некомпетентность бюрократов, инстинктивно избегавших всего нестандартного.

Протокол, категорического отказа не содержащий, 17 декабря 1730 г. подписали фельдмаршал кн. И. Ю. Трубецкой, действительный тайный советник кн. А. М. Черкасский, генерал-аншеф Г. П. Чернышев, генерал-аншеф и лейб-гвардии подполковник А. И. Ушаков, тайный советник гр. М. Г. Головкин, генерал-поручик кн. И. Ф. Барятинский, тайный советник В. Я. Новосильцев, генерал-майоры кн. Ю. Ю. Трубецкой, кн. Г. А. Урусов, С. И. Сукин, А. И. Тараканов[26]. Все — крупные деятели первой половины XVIII в., они годами пребывали на высоких и беспокойных постах, а в стабильном аннинском Сенате проявляли себя порой и более способными к призванию эталонных государственных мужей, чем в одиночку[27]. И их решение, не только без «резонов» (которые в то время не записывались), но и без пересказа слушанного (который вписывать в «приговор» полагалось) без вариантов указывает на целенаправленный выбор «своего пути» — с консервацией сколько угодно ценных новаций впрок и доставанием понемножку, как рачительная хозяйка запасенные банки из запертой кладовой.

В декабре 1730 г. оттуда извлекли только, что «мосты» (предназначавшиеся по указу от 20 мая 1723 г. строго для топей), в которых знает толк собственный инженерный корпус, «впредь прочны быть не могут», почему и класть их в уже расположенном (от Москвы) объеме не надо. Призыв лифляндских комиссаров отклонили с подчинением уже прибывшего майора Р. фон Стакельберга Б. Х. Миниху, который получил в свое «рассмотрение» сам фронт предстоящих работ и их организацию[28]. Но внешняя безраздельность полномочий распространялась не на все «дороги империи», а на «самые нужные места» Петербургской и Псковской (вероятно, ужаснувшей императрицу при въезде в Россию из Курляндии), где приказы отправленных офицеров исполняли без каких-либо видов на грядущие «профили» или институализацию вовлеченной команды (с 11 фамилиями в сенатской переписке за декабрь 1730 – июль 1732 гг.).

Еще характернее пропуск — без комментария, как к пролеганию верст от Петербурга «со 128-й по 197-ю... по Волхову» — в «осмотрах» 1731–1732 гг. не менее 60 (от 128-й) верст дистанции от Волхова до Мсты (или «от Сосницкой пристани до Крестицкого яма»), которая еще в августе 1730 г. считалась пострадавшей от лесного пожара, а теперь тихо «уничтожалась» уверенной записью инеженер-капитана В. В. Фермора об окончании Волховской пристанью «прешпективой дороги»[29]. В итоге косвенно, но вполне однозначно удостоверяя, что официально не «отставленное» до 7 мая 1763 г. продолжение ее до Москвы непременно по прямой фактически было «отставлено» на исходе 1730 г.

Однозначно оценить утверждение на данной позиции после длившейся с последних лет петровского царствования неопределенности сложнее. В нем явно звучит своего рода предательство заветов Петра, в верности которому клялись и который сводил воедино именно такое сближение Петербурга с Москвой и веками сфокусированной на ней страной и преобразование последней в первостепенную европейскую державу[30]. И есть негативно влияющее на любое общество закапывание в землю — тут буквально — уже вложенных усилий. В то же время «столичность» Петербурга с 1710-х гг. так или иначе укрепилась, благодаря в том числе освоению маршрута от него через Славянку, Ижору и Тосну к Волховской пристани (она же Соснинская или Сосницкая, одноименная действующему к 1714 г. яму), которая связывалась водой (по бечевнику) или перегонами между ориентированными на берег деревеньками с Новгородом и «прежней от Москвы до Новгорода дорогой»[31].

«Выброс» отсюда унаследованных от предков отрезков сократил бы тогдашние 735 верст через Новгород. Но трасса Сосницкая пристань — Москва при самых высоких технических достоинствах не могла бы функционировать без принудительного заселения ее малообитаемых пространств с заведением станций для перемены лошадей. И сенаторы, вживую сталкивавшиеся с аналогичной акцией на готовых к 1720-м гг. петербургско-сосницких верстах, не могли не прозревать в ее повторении не одни расходы, статистически не страшные, а целый клубок социально-экономических проблем, в уклонении от которых имелось рациональное зерно.

Как бы то ни было, широко применяемым в идеологической практике умолчанием о чем-то нежелательном (от римского

damnatio memoriae) они — а, может быть, и сама Анна Иоанновна — владели. И нежелательность нарушения уже укоренившегося в высших слоях чувства перспективы исторического движения страны в его срастании с прямотой петровской дороги — поскольку оно опиралось не на одну линейность, обнимаемую французским perspective, но и на знакомое образованным людям латинское perspicio как «ясно вижу»[32] — не осознавали, так ощущали. Поэтому, начиная с именного указа от 22 августа 1732 г. об обратной передаче этой дороги из-под указов Б. Х. Миниха под эгиду Камер-коллегии, все дальнейшие манипуляции с ней подавались как «строение», которое вот-вот завершится. А нанесенная некогда на карту, в терминологии XX в., для служебного пользования «прешпектива» 1710-х гг. перенеслась на карты и планы для публичной продажи с воспроизведением там до начала XIX в.[33].

Реальные ремонтные полумеры на реальном тракте, который «прешпективно» лишь начинался, удавались хуже. И не предотвращали порчи бревенчато-фашинных «мостов» под воздействием климата и только ускоряющегося с интенсивностью сообщений износа. А их радикальные и так же неизбывно дорожавшие замены[34] по никогда не устаревавшему шаблону «в нужных местах... наскоро»[35] заново запускали процесс по спирали. Но за вычетом волюнтаристской (и, кажется, не претворенной) выходки Павла I, 23 мая 1797 г. указавшего везде быть «порядку и способам», как «в Литовской, Курляндской и Лифляндской губерних»[36], у верховной власти получалось приблизительно каждые десять лет несколько продвинуть свою дорогу к ее следующему витку.

В течение 1733 г. выделили целую группу лиц с обтекаемыми компетенциями эмиссаров Камер-коллегии по употреблению «остаточных» припасов от Новгорода до Валдая, от Валдая до Твери и от Твери до Москвы. Доехали не все, но состоявшееся «присутствие» чиновников из сенатской номенклатуры (Г. С. Батурина, И. Белеутова, С. Н. Болтина, В. М. Исупова, А. Лаптева, А. Е. Петрова, Б. М. Тургенева и [Л. М.] Шишкова), по крайней мере 7 лет подряд превращало в реальные номинально всегда лежавшие на областных правителях обязанности не запускать издревле наводившиеся в бездорожье гати, с которыми «уездные люди» привыкли справляться по навыку, мало чем уступавшему «лифляндскому образцу» (из документов после 1730 г., кстати, исчезнувшему).

Ожиданий вне «понуждения» к таковым обязанностям на этих «командиров» (судя сперва по мизерности их канцелярий и наличности, а потом по озабоченности Сената лишь их жалованьем и выбыванием) и не возлагали[37]. Иное дело — возвращение на отрезок Петербург – Новгород полковника Г. Н. Зезевитова, приданные которому и его преемникам (отставному полковнику В. А. Маврину в 1737–1739 и действительно служащим подполковникам А. З. Муравьеву в 1739–1740 и Д. Н. Вильбоа в 1740–1742) контингенты обрели (к весне 1741 г.)[38] статус непосредственно подчиненной Сенату «Канцелярии строения проспективой дороги». Очевидно в подражание наименованию бывшей там же с 1722 по 1730 г. его («обще» с подполковником Б. В. Самойловым) команде[39] при невыверенности, была ли она тогда центральной комиссией, то есть временным органом для решения или рассмотрения отдельных вопросов управления с чертами его центрального звена. С некоторой натяжкой соответствует этому типу учреждений, достигших в 1730-е гг. своего расцвета, и институция, которая возникла вследствие сенатского указа от 19 апреля 1733 г.[40] о передаче Г. Н. Зезевитову «всяких чинов людей и... полки, которые на тое дороге определены будут, в том, что до работы касается» со всей документацией, а также обер- и унтер-офицерами (по 2), капралами с писарем и 30 солдатами, геодезистами (2), комиссаром для счетов, канцелярскими служителями (6) и 10000 р. «на первый случай». Впрочем, ее типологическая принадлежность не так интересна, как включение в «Инструкцию» Г. Н. Зезевитову, не вытягивающую на полноценный коллежско-канцелярский регламент, полноценного регламента производственно-технического.

Внятное прописывание, как выбирать вид починки согласно виду грунта (всего 5), как заменять поврежденные части «мостов», не трогая их нынешней ширины (4 сажени) и закрепляя вновь укладываемые (четырехсаженные) бревна сваями, как предохранять рвы от засорения землей, какой «толстоты» (в поларшина) должна быть «средина» покрытия и — подробнее всего, как «убивать» фашинник — свидетельствует о специальном обобщении недавнего опыта кем-то из усвоивших его инженеров[41]. И о том, что «порядочные исправления» стали отождествляться с предварительными расчетами и их соблюдением под неотрывным руководством специалистов, которым неплохо бы заодно изыскать «в близости... хрящу» и «применить преспект»

сообразно рельефу с его картографическим фиксированием. При обеспечении всего этого на подавляющих изобилием речек, ручьев, болот и оврагов почти 130 петербурго-соснинских верстах и на более простых 70 верстах до Новгорода «подле Волхова», где зато были только годный для одного провода барок бечевник и проселки[42].

Правда, с нигде не оговоренными надеждами на быстрый успех ввиду подразумеваемого профессионализма Г. Н. Зезевитова, выдач по неодобренной в 1732 г. смете Б. Х. Миниха и самого соседства Петербурга, откуда можно заимствовать гарнизонных солдат. С середины 1730-х гг. эти надежды, от приуготовления хотя бы под «зимник» пропадающего втуне участка за Волховом, стали угасать. А недовольство упадком «перспективы», как все чаще называли открытый в 1719 г. путь (со всего 27 на 1731 г. недочетами), разгораться в страхи его стратегически опасной утраты.

Стимулируемый подобными настроениями и отзывом «бывших при дороге» военнослужащих на русско-турецкую войну 1735–1739 гг. Сенат в 1737–1738 гг. перепробовал все. Грозил беспомощному уже и в подрядах на элементарные «мощения» Г. Н. Зезевитову, искал адекватных кандидатов вместо него и попавшего под следствие инженер-полковника Н. Н. Людвига (которого едва не заместил архитектор П. М. Еропкин), добивался внеочередных денежных вливаний и людских наборов, высылки «команд» в охранение конструкций от сезонных пожаров, а имущества от воровских «компаний», инициировал новые планы и проекты[43]. И при этом как будто забывал, что направление «подле Волхова», по которому не позднее 1743 г. поворачивали к Новгороду, не доезжая Соснинки, от следующей после Тосны станции в сельце Любани на Чудово, было-таки оборудовано. И позволило, так сказать, перекинуть его на баланс Новгородской губернии, что высвободило на срочную реконструкцию «перспективы» в начале 1740-х гг. до 90 000 р., раз уж признанное к 9 марта 1739 г. полезным поселение при ней для «доброго содержания» роты «по примеру Ладожского канала... со знающими офицерами и искусными в плотничьей работе солдатами» не имело шансов на фоне перехода от русско-турецкой войны к русско-шведской 1741–1743 гг.[44]

Вместе с тем мирная передышка по-своему поспособствовала разрешению кризиса истечения срока годности поновлений

начала 1730-х гг. Вакантное с 1734 г. кресло генерал-прокурора занял в 1740 г. вернувшийся из Походного комиссариата генерал-поручик князь Н. Ю. Трубецкой, который быстро сподвиг знаменитого планом Петербурга 1738 г. лейб-гвардии Преображенского полка от бомбардир капитан-поручика И. Б. фон Зихгейма на квалифицированный проект «доброго той дороги окончания». Высочайше утвержденный 18 сентября 1740 г., тот делал упор на осушение болот, в котором Б. Х. Миних убеждал Сенат в общих словах, с конкретизацией наподобие рекомендаций 1733 г. по фашиннику. Фашинник также выдвигался на авансцену с уточнениями в его заготовке и укладке по чертежу (и с констатированием наличия «сысканных» в 1737 г. залежей песка и хряща)[45]. К 5 ноября назначенный ордером Б. Х. Миниха премьер-майор Д. Н. Вильбоа подал смету по подлежащим к «делу» 87 верстам (из уже 125 от Петербургской Вологодской ямской слободы до Соснинской пристани). А к 15 января 1741 г. ее пересмотрели под проект самого фельдмаршала, обращение которого 8 (9) января в закон возведенной им в правительницы Анной Леопольдовной[46] умозрительно выводится из дворцового переворота 9 ноября 1740 г.

Между тем «мнение» Б. Х. Миниха осталось в силе, а Д. Н. Вильбоа при его воплощении, несмотря на желание не простившей этого акта Елизаветы Петровны возвратить заменившего его «при строении» генерал-майора В. В. Фермора и Сенат к назначенованиям И. Б. фон Зихгейма, что сохранивший придворный «кредит» Н. Ю. Трубецкой счел в декабре 1741 г. само собой разумеющимся[47]. Отразив согласие «старых» и «новых» сенаторов с доводами, сравнительно с «мнением» 1730 г. ужатыми преимущественно до непреложного предпочтения фашинам бревен и расширения — состоящей в непреложном же «рассмотрении» профессионала дороги — до 9–10 сажен. Так как это (при сохранении «мостов» четырехсаженными), помимо усовершенствования впервые регламентированных рвов, помогало преодолеть дилемму капитального ремонта масштабного сооружения без длительной остановки его использования путем разделения вдоль надвое с введением в строй поочередно.

Эти предначертания, конечно, корректировались по всем параметрам, но на отделанную «вполовину» часть именным указом от 15 октября 1742 г. все же допустили «всякого чина людей» с пошлинами на Канцелярию строения (с 15 января 1741 г.

водворившуюся в Тоснинском путевом дворце)[48]. Прочее же, по Ю. К. Сорокину и В. С. Рубану, завершили к 1746 г., когда от Петербурга до Москвы и намерили 728 верст, «державшихся» до уже «шоссейных» 673 в 1820 г.[49]

Благополучное до 1760-х гг. начальствование П. Григорьева (вступившего в него после Д. Н. Вильбоа в 1742 г. подполковником и дослужившегося до генерал-майора)[50] Канцелярией строения перспективной дороги и ее превращение 21 марта 1755 г. в Канцелярию строения государственных дорог на правах коллегии уже показывают, что «половинчатый» план 1741 г. реализовался, как и хотели, «не только словами и бумагою, но самим действом».

Оставляя заключить — по исследованиям, освещавшим накопление предпосылок к шоссейному строительству и его распространение[51] — что это накопление на всех этапах сопровождалось колебаниями и отступлениями примерно по той же схеме, которая вырисовывается по фактам 1710 – начала 1740-х гг. Из доступного к сплошному просмотру «Полного собрания законов» видно, что власть в лице своих верховных носителей кроме Петра I и Екатерины II к сухопутным дорогам энтузиазма не питала. Но в целом достойно принимала вызовы времени по формуле «нам известно учинилось» сквозь призму делопроизводства Сената, предметом которого «прешпектива» стала в 1719 г. С тех пор здесь волей-неволей реагировали на ее «негодности», обусловленные не столько уровнем «строения», сколько естественными свойствами естественного же преобладания при нем «лесного» материала, проявляющимися приблизительно каждые 10 лет. Откуда и повышение «дорожной» активности правительства в начале 1730-х, начале 1740-х, начале 1750-х, начале 1760-х, второй половине 1780-х гг. (с перерывом на Учреждения о губерниях 1775 г. в его иных соизмерениях столичной дороги с другими), в конце 1790-х гг. и (на еще более изменившихся основаниях) в 1809 и 1817 г. Активности, которая выливалась в устранение критической (или воображаемой таковой) ситуации мобилизацией сил и средств опробованными в других сферах административными методами.

Приобретенный в 1730–1732 и 1740–1742 гг. опыт их приложения на тракте Петербург–Москва накладывался на политический и личный опыт сенаторов, побуждая их перманентно командировать немногих и в войсках инженеров, из которых умели взять

лучших и которым давали определенную свободу в применении передовых технологий. Но давали постепенно и дозированно, на началах оперирования излишками отпущенного экстренно и задействования воинских частей временно (хотя в действительности ресурсы дополнялись, суммируясь с 1740 по 1764 гг. в «более миллиона рублей», а в 1748 г. уже не скрывали, что «перспективная» около Петербурга с первой половины 1730-х «содержалась солдатами» непрерывно)[52]. К 1755 г. вроде бы смирились с неизбежностью и тут постоянных «штатов» специалистов с обученными ими «батальонами» для производства постоянных ремонтных работ. Но при этом парадоксальным образом продолжали мечтать об упрочении дороги «навечно» и во всяком случае залатывать самые зияющие дыры «однова» освященными обычаем деревянными «мостами».

Начисто этих привычек на российских дорогах скорее всего и не искоренить, но перезагрузка их соотношения в отраслевой структуре, которая складывалась на базе управления дорогой между столицами, несомненно обязана своим осуществлением реформаторским намерениям Екатерины и александровским «министерствам», лишившим Сенат его «правительствующих» позиций. Екатерининские дорожные установления проникнуты просветительским духом попечения об «общем благе» и уважением к мировым научно-техническим достижениям, чем закономерно перекликаются с высказанными еще в 1730 г. соображениями Б. Х. Миниха — П. И. Ягужинского. Но в их единогласном одобрении почему-то упускается идеологический просчет повеления «новую от Соснинской пристани до Москвы перспективную дорогу... отставить» и взамен «в исправности содержать от Москвы до Петербурга старую дорогу, по которой ныне ездят»[53].

«Общество» же, в ясной перспективе своего будущего нуждавшееся не меньше, чем при Петре, и о его «прешпективе» помнившее, гласного отказа от ее строения (в явных и скрытых смыслах такового) не восприняло. И, рискнем предположить, совсем не случайно почти тут же ответило на отступничество императрицы от некоего светлого пути «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, где именно «старая дорога» ассоциируется с реакционным «старым режимом» и выступает вместилищем всех его ужасов.

Разумеется, охват этим евангелием отечественной революционной мысли не был тотальным, но осененный гением Петра

план и не балующий проезжающих европейским комфортом екатерининский тракт в обыденном сознании разделились бесповоротно. Рассуждения о коннотациях этого феномена, как и феномена дороги вообще, находим в блестящем эссе Н. С. Борисова о путешествиях по России от XVIII в. до сегодняшнего дня[54]. В контексте же наших рассуждений важно, что в набирающей престиж группе, которой вскоре даруют гордое имя инженеров путей сообщения, «прямая линия» Петербург–Москва осталась и после екатерининско-радищевских манифестаций просто повседневностью.

На рабочих картах она служила отправной точкой текущих измерений и описаний, иногда размечаясь поверстно. Проходили по ней и на местности, обнаруживая «прежние» верстовые столбы, понятно, немногие[55], но знали о ее существовании, координатах и происхождении, по-видимому, все имевшие профильное образование, включая и «отцов» первой железнодорожной магистрали Николая I и П. П. Мельникова, который нарочно брал «старинный план... из архива», а при официальных изысканиях «провешивал» отрезок до Вышнего Волочка найденной против Чудова жердью[56]. Поэтому они, если верить служившему в «экспедиции» последнего В. А. Панаеву, легко договорились о том, где быть дороге Николаевской[57]. Эта (с 1923 г. Октябрьская) дорога при всей ее значимости «Петербургской» империи не спасла. Но каждого пассажира, который рассеянно глядит в окно поезда, не задумываясь о лошадях, труде строителей и заботах их командиров, о чем пришлось задумываться «закрывшим» и возродившим ее идею, она вне зависимости от этого физически связывает и с этой идеей, и с многогранной историей ее подлинного «путешествия» в веках.

---

[1] Кудрявцев А. У истоков дорожной техники России // Дорога и автомобиль. 1936. № 8. С. 40–41.

[2] Истомина Э. Г. Дороги России в конце XVIII – начале XIX в. // Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: сборник статей в честь 70-летия Я. Е. Водарского. М., 2000. С. 182–183, 207; Главная дорога России: Москва–Санкт-Петербург / Авт.-сост. В. Н. Фролов, А. Н. Чистяков, О. А. Яковлев. СПб., 2000. С. 20–21.

[3] Главная дорога... С. 21–22; ПСЗ. Т. 6. № 4019; Т. 7. № 4229.

[4] Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 248. Оп. 11. Кн. 604. Л. 433; Офицерские сказки первой четверти XVIII века: гарнизонные войска: сборник документов / Сост. К. В. Татарников. М., 2016. Т. 1. С. 125–126, 382–383.

[5] Эти меры тогда и сейчас высчитываются по нормам: аршин — 71,12 см (16 вершков в 4,45 см каждый); сажень — 2,1336 м (3 аршина); верста — 1,0668 км (500 саженей).

[6] Те, будучи их старшими, непосредственными или младшими современниками, высказывались в философско-публицистических трактатах, воспоминаниях и чисто литературных произведениях. Ср., напр., заметки А. С. Пушкина 1833–1834 гг. с суждениями генерал-фельдцейхмейстера Б. Х. Миниха 1730 и сенатора Н. Е. Муравьева 1764 гг.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 607; ПСЗ. Т. 16. № 11850; Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1999. С. 232.

[7] Яковлев О. А. Б. К. Миних — строитель дороги Москва–Петербург // Немцы в России: петербургские немцы. М., 1999. С. 164–168.

[8] Галем [Г.-А.]. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерала фельдмаршала / Пер. с нем. В. Тимковского. М., 1806. Ч. 1. С. 45.

[9] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 373.

[10] Истомина Э. Г. Дороги России... С. 181–182, 188–190.

[11] РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2008. Л. 14–15.

[12] Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735. СПб., 2009. С. 54–55, 69–77.

[13] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 49–49 об., 560 об.; Галем [Г.-А.] Жизнь графа Миниха... С. 35.

[14] См. буквальное воспроизведение его обращения к Сенату в указе от 18 сентября 1724 г.: ПСЗ. Т. 7. № 4568.

[15] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 606–607. Фашины (от нем. Faschine и лат. fascis — связка /пучок прутьев) и раньше, и позже использовались в укрепления откосов гидротехнических и в строительстве оборонительных сооружений: Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М., 1991. Т. 2. С. 543.

[16] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 608 об.–609 об.; Яковлев О. А. Б. К. Миних — строитель дороги... С. 165; Главная дорога... С. 24.

[17] Фрик Эд. Песок // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1898. Т. XXIII (45). С. 422–424.

[18] Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России [/ Сост. А. С. Николаев, С. М. Житков]. СПб., 1900. С. 341–342, 361–364; Таненбаум А. Шоссе // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. XXXIX[а] (78). С. 797; Кудрявцев А. У истоков дорожной техники... С. 42; Главная дорога... С. 48–49.

[19] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 606–609 об.

[20] См., напр.: Журналы и определения Правительствующего Сената за... 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 219.

[21] О примерно тех же — 595 — верстах, якобы «узнанных» Петром в «измерениях» 1712 г. «от Адмиралтейского шпица», помнили и в нач. XIX в.: Ручной дорожник для употребления к пути между императорскими всероссийскими столицами / Сост. И. Глушков. СПб., 1801. С. 13.

[22] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. М., 1858–1862. Ч. 1–4. Цит. по изд., подгот. А. Либерманом и В. Наумовым

в сборниках «Великий реформатор» и «Юность державы» (М., 2000): Юность державы. С. 38–39.

[23] Ср.: ПСЗ. Т. 7. № 4591; РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 610–610 об., 613–614.

[24] РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 707. Л. 1.

[25] Бабич М. В. Проблема метрологической реформы в лицах петровского времени: Михаил Гаврилович Головкин и другие // Петровское время в лицах–2015. СПб., 2015 (Труды Государственного Эрмитажа, т. 78). С. 65–75.

[26] РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2009. Л. 93–93 об.

[27] Бабич М. В. Несколько соображений о Сенате 1730-х годов // Итак, да здравствуют архивы! Сборник статей и публикаций к девяностолетию со дня рождения С. Р. Долговой / Сост. В. П. Наумов. М., 2023. С. 123–137.

[28] Кроме указа о его статусе от 5 марта 1731 г. (ПСЗ. Т. 8. № 5711) см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 619–883.

[29] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 384–384 об., 631–531 об., 824–825.

[30] Внимание на слияние в его памятных записках 1720-х гг. размышлений о «дороге» и о «бородах и платье» обратил Е. В. Акельев: Акельев Е. Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов московитов. М., 2022. С. 406–409.

[31] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 749–749 об., 788–797, 824–827. Варианты маршрутов, по которым ездили на почтовых, ямских или собственных лошадях см. также: Соколов Н. И. С.-Петербургская почта при Петре Великом: исследование. СПб., 1903. С. 11–13, 56, 72–73, 93; Дневник камер-юнкера... // Неистовый реформатор. С. 273–275; То же // Юность державы. С. 35–43.

[32] Большой энциклопедический словарь... С. 135.

[33] Главная дорога... С. 23, 28, 34; ПСЗ. Т. 8. № 6159 и далее вплоть до Т. 16. № 11850.

[34] Самые масштабные в 1730–1732 гг. обошлись в ок. 37 000 р. вместе со Псковской дорогой: РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 608, 871.

[35] Там же. Л. 773; Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / Сост. А. Н. Филиппов. М., 1910. Ч. 2. С. 215; Журналы и определения Правительствующего Сената за... 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 408; ПСЗ. Т. 9. № 6372; Т. 11. № 8487; Т. 22. № 16138.

[36] ПСЗ. Т. 24. № 18060; Главная дорога... С. 43.

[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2039. Л. 32; Кн. 2051. Л. 250–250 об.; Кн. 2060. Л. 299; Кн. 2103. Л. 127 об.; Оп. 39. Кн. 2526. Л. 260–261; Оп. 92. Кн. 7537. Л. 402; Кн. 7544. Л. 100–100 об.; Оп. 93. Кн. 7560. Л. 520; Оп. 94. Кн. 7579. Л. 116–117.

[38] РГАДА. Ф. 400. Оп. 11, ч. 5. Ед. хр. 551. Л. 26–26 об.; Журналы и определения Правительствующего Сената за... 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1890. Т. 3. С. 85.

[39] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 422–434 об., 631.

[40] ПСЗ. Т. 9. № 6372.

[41] Скорее, адъютантом Б. Х. Миниха В. В. Фермором, чем Н. Н. Людвигом, который весной 1732 – летом 1734 гг. находился при польской границе: Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2027. Л. 5 и др.

[42] РГАДА. Ф. 248. Кн. 604. Л. 765 об., 788–797 об., 824–824 об., 842–845.

[43] Журналы Правительствующего Сената за 1737 г.... Ч. 1. С. 144, 149, 229, 250, 373, 381, 3934; Ч. 2. С. 171, 206, 250, 298 и др.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 34. Кн. 2120. Л. 19–19 об., 91–91 об., 227–228 об. и др.

[44] ПСЗ. Т. 11. № 8316, 8521, 8750.

[45] РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Ед. хр. 1333. Л. 2, 24–36; Оп. 160. № 185. Л. 1.
[46] РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 1333. Л. 18–19 об.; Журналы Правительствующего Сената [за 1740–1741 гг.] // Сенатский архив. СПб., 1889. Т. 2. С. 46, 118, 408–410; ПСЗ. Т. 11. № 8313.
[47] ПСЗ. Т. 11. № 8487, 8521; Ф. 400. Оп. 11, ч. 5. Ед. хр. 551. Л. 36–46.
[48] ПСЗ. Т. 11. № 8634; Журналы и определения Правительствующего Сената [за ...1740–1741 гг.] ... С. 409.
[49] Сорокин Ю. К., Рубан В. С. Первое шоссе России. М., 1996. С. 24, 35, 49.
[50] ПСЗ. Т. 11. № 8634; Т. 14. № 10377; Генералитет российской императорской армии и флота // URL: http://www.rusgeneral.ru/general_b1.html
[51] Полнее всего у С. М. Житкова, А. С. Кудрявцева и О. А. Яковлева: Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений... С. 335–344; Кудрявцев А. У истоков дорожной техники... С. 40–43; Он же. Очерки истории дорожного строительства в СССР (Дооктябрьский период). М., 1954. С. 105–131; Главная дорога... С. 34–37, 42–45.
[52] ПСЗ. Т. 9. № 6372; Т. 12. № 9565; 16. № 12142.
[53] ПСЗ. Т. 16. № 11850.
[54] Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010.
[55] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 23832. Л. 1.
[56] Воронин М. И., Воронина М. М. Павел Петрович Мельников, 1804–1880. Л., 1977. С. 38–40.
[57] Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1901. № 7. С. 36–37.

В. М. Бахмат, С. М. Пасхин (Санкт-Петербург)

РАДИОРАЗВЕДКА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ: ПОДСЛУШКА

Изучать противника, улучшать разведку — глаза и уши армии, помнить, что без этого нельзя бить врага наверняка.
И. В. Сталин

НАМ В ДАННОЙ СТАТЬЕ хотелось бы остановиться на некоторых аспектах важнейшей проблемы в истории России: Великая Отечественная война и связанная с ней информационная безопасность. Возникает вопрос: почему эта тема важна для нас сегодня, спустя 80 лет со дня Великой Победы?! На наш взгляд, она может определять некоторые вопросы в позиции нашего государства в одном из главных направлений — это сохранение ее целостности и суверенитета. Сегодня многие архивные документы рассекречены и стали доступными для ознакомления.

При изучении архивных документов, относящихся к Великой Отечественной войне, мы обнаружили бывший секретный документ, изданный в апреле 1944 г. разведуправлением Генерального штаба Красной армии под названием «Разведка средствами связи в немецко-фашистской армии и вопросы радиомаскировки».

Актуальность в вопросах перехвата информации и ведения радиоразведки существует и сейчас при проведении Специальной военной операции (СВО). Кроме того, эти материалы, которые были ранее засекреченными, раскрывают работу разведки фашистской армии, по которым раньше не было публикаций.

Использование для управления войсками и обмена информацией технических средств связи, без которых невозможно ведение боевых действий, влечет за собой и широкое развертывание разведки средствами связи каждой из воюющих сторон. При этом важное значение приобретает требование правильного и умелого

использования средств связи и особенно средств радиосвязи, которая наряду со своими очевидными преимуществами имеет и весьма существенные недостатки.

В 2024 г. исполнилось 130 лет радиоразведке. 7 марта 1904 г. по старому стилю (21 марта по новому), был подписан приказ № 27 командующим Тихоокеанским флотом вице-адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым. Он первым из всех военачальников русской армии и флота осмыслил роль радиоразведки для будущего Вооруженных сил империи. Именно адмирал Макаров выработал и законодательно закрепил основные принципы деятельности этой службы. Что же отметил он в своем приказе? По существу, закрепил три основополагающих направления.

Первое. Беспроволочный телеграф (т. е. радио) обнаруживает присутствие (например, корабля). Отсюда требование — поставить телеграфирование под контроль. И тут же впервые в мире адмирал вводит принцип режима радиомолчания. Без разрешения командира радиограммы не отправлять.

Второе. «Если будет чувствоваться неприятельская депеша, — подчеркивает адмирал Макаров, — надо доложить командиру и определить направление на неприятеля».

Третье. По неприятельским телеграммам «распознать вызов старшего, ответный знак и смысл депеши».

Приказ адмирала Макарова вскоре был подтвержден практикой. Уже в апреле 1904 г. радиоразведка флота успешно вскрыла замыслы противника. После того как японское командование разработает план боевой операции под Порт-Артуром силами 12 кораблей, в штабе царского наместника на Дальнем Востоке получат телеграмму: «Сегодня утром (9 апреля 1904 г.) на эскадре были разобраны японские телеграммы по беспроволочному телеграфу, из которых можно предположить, что намечается новая атака...». Еще через несколько дней, 15 апреля японское командование в акватории порта-крепости провело рекогносцировку для капитанов кораблей. Ночью телеграфисты броненосца «Полтава» вновь, внимательно слушая эфир, перехватили радиограмму. Японцы подтвердили свои планы по проведению заградительной операции. Русским флотом были предприняты контрмеры, усилена оборона базы, и операция японских кораблей закончилась провалом.

Из трофейных документов Великой Отечественной войны, которые попали к нам, видно, что немцы стремились как можно

шире развернуть разведку средствами связи, и в особенности радиоразведку, которая является одним из самых неуязвимых видов разведки и имеет возможность быстро добывать разведывательные данные и проникать на большую глубину.

В 1943 г. в немецких дивизиях были созданы отряды ближней разведки средствами связи, которые вели радиоразведку в масштабе интересов своей дивизии. Пеленгаторных средств отряды не имели и занимались только перехватом радиопередач. Работой отрядов ближней разведки руководили отделения обработки, находившиеся при штабе корпуса. Для ведения разведки средствами связи немцы имели широко разветвленную сеть специальных частей и подразделений. Так, для ведения стратегической и оперативной разведки существовали стационарные разведывательные станции и отдельные радиоразведывательные роты; для ведения тактической разведки средствами связи имелись роты связи ближней разведки и отряды ближней радиоразведки. Эти специальные части вели преимущественно радиоразведку, в основу которой положена служба радиоперехвата и дешифрования, бывшая основным источником получения радиоразведывательных данных. Служба пеленгации для них имела второстепенное значение. В этом отличительная особенность немецкой радиоразведки.

Путем организации систематического наблюдения и перехвата нашего войскового радиообмена враг стремился получить достоверные данные о группировках, составе, средствах вооружения и дислокации частей и соединений Красной армии, а также о планах командования.

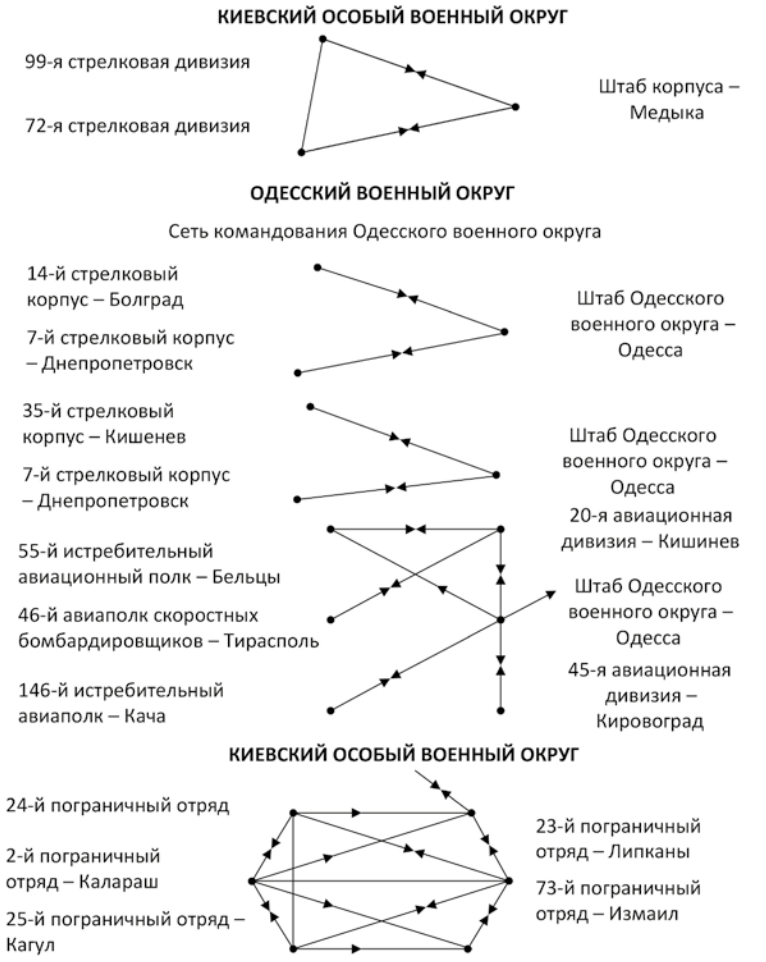
В целях борьбы с подслушиванием телефонных переговоров имелись специальные распоряжения немецкого командования, которые указывали на необходимость прокладки двухпроводной телефонной линии от батальона и ниже как «способа борьбы с подслушиванием телефонных переговоров, и ограничения в пользовании телефоном, особенно в отношении переговоров о намерениях своих ударных частей».

В данной статье, на основании трофейных документов, ранее изданных материалов и показаний военнопленных, изложены основные принципы по ведению стратегической, оперативной и тактической разведки средствами связи в немецко-фашистской армии, а также особые распоряжения по борьбе с перехватом радиопередач и подслушиванием телефонных переговоров.

Как же была организована разведывательная служба средствами связи в немецкой армии?! Разведка средствами связи в немецкой армии делилась на стратегическую, оперативную и тактическую. Стратегическая и оперативная разведка осуществлялись стационарными разведывательными радиостанциями и ротами дальней радиоразведки. Тактическая разведка средствами связи осуществлялась ротами связи ближней разведки и отрядами связи ближней разведки.

Из трофейных документов можно установить, что немецкая радиоразведка и до войны с Советским Союзом вела наблюдение за радиосетями частей и соединений Красной армии. Как это видно из захваченного донесения от 7 мая 1941 г. одной немецкой радиоразведывательной части, в задачу которой входило наблюдение за радиосетями Киевского особого военного округа, Одесского и Закавказского военных округов, немцы вели систематическое наблюдение за радиосетями сухопутных сил и ВВС Красной армии, а также за радиосетями войск НКВД.

Представляют интерес выдержки из захваченных немецких донесений о принадлежности и дислокации радиостанций штабов частей и соединений Красной армии, которые немцы считали установленными на основе разведывательных данных наблюдения и радиопеленгации. Они систематически следили за радиосетями наших крупных штабов. Так, например, весной 1941 г. ими наблюдалась радиосеть 2-й армии в составе трех радиостанций, из которых главная ими отмечалась в Станиславе, а одна из подчиненных — в Черновицах. 16 мая 1941 г. немцами впервые была обнаружена новая радиосеть в составе трех радиостанций; одна из них была установлена в Черновицах, а вторая в Самборе. На основании того, что радиостанция, установленная в Самборе, пользовалась той же группой позывных, что и радиостанция 12-й армии, немцы сделали вывод, что наряду с радиосетью командования 12-й армии появилась новая армейская сеть. Диапазон волн этой сети соответствовал диапазону волн радиостанции типа 11 АК, которая обнаруживалась ими только в армейских сетях, что также послужило основанием для такого вывода. Затем, исходя из данных радиосвязи, немцы сделали заключение, что 12-й армии подчинены два корпуса, один из которых расположен в Черновицах. Новой армии подчинены также два корпуса, причем штаб одного из них был обнаружен в Медыке. Штаб новой армии определялся ими в Самборе.



Ил. 1. Донесение разведки немецкой армии. Май 1941 г.

Разбор этого донесения (ил. 1) подтверждает, что служба радиоразведки немцев и до войны вела систематическое наблюдение за радиопередачами наших войсковых радиостанций.

К началу военных действий в германской армии, кроме стационарных разведывательных станций, имелось семь рот дальней радиоразведки, которые представляли активный резерв и дислоцировались в различных городах Германии. Каждой армии

придавалась рота дальней радиоразведки. Ближняя разведка средствами связи осуществлялась взводами ближней разведки из состава радиорот батальонов связи пехотных дивизий.

Весной 1942 г. в германской армии была произведена полная реорганизация разведывательной службы средствами связи: роты дальней радиоразведки были изъяты из армий и поступили в ведение штабов групп армий; при этом руководство оперативным использованием их осуществлялось центральной инстанцией разведывательной службы средствами связи; ближняя разведка средствами связи была изъята из дивизий; количество личного состава радиорот батальонов связи при этом было уменьшено; за счет освободившегося личного состава были созданы централизованные роты связи ближней разведки, которые поступили в ведение штабов армий (отдел 1с) (ил. 2).

Роты связи ближней разведки придавались штабам корпусов, руководство по тактическому их использованию осуществляли штабы армий по указаниям групп армий. Организационно они входили в состав армейского полка связи и подчинялись ему в хозяйственном отношении. Роты связи ближней разведки имели пеленгаторные радиостанции ближнего действия.

В мае 1943 г. распоряжением некоторых штабов армейских групп были созданы в пехотных дивизиях отряды ближней разведки средствами связи. Они производили радиоперехват и подслушивание переговоров по проводам в интересах той дивизии, в которой они созданы. Обработку разведывательных материалов отрядов ближней разведки производило отделение обработки корпуса. За деятельность этих отделений нес ответственность начальник связи корпуса.

Служба обработки осуществляла техническую обработку результатов радиоразведки, при помощи которой выявлялись и устанавливались особенности иностранной радиосвязи. По немецким взглядам, в техническую разработку входят: выявление радиостанций наших частей, их принадлежность к радиосетям; установление основных данных радиоаппаратуры; определение расписания работы радиостанций; выявление различия между открытыми в секретными позывными; выявление применяемых частот и порядка их смены; определение знаков раздела (между позывными); установление служебных сигналов, их значения, порядка смены н применения; установление характера радиограмм и заголовков их; описание методов связи противника.

Ил. 2. Организация роты ближней разведки средствами связи. Состав взвода управления — 40–50 человек, в том числе 3 офицера, 6–8 переводчиков, 3–4 дешифровщика. В каждом взводе радиоперехвата 30–40 человек, из них 6–8 переводчиков. Аппаратура: приемников типа «U» — 10, приемников типа «V» — 2. Численный состав пеленгаторного взвода — 30–40 человек. Аппаратура: 3–9 пеленгаторов ближнего действия. Во взводе телефонного подслушивания 20–25 человек. Аппаратура: 3–6 станций подслушивания

В немецком наставлении говорится: «Результаты радиоразведки должны обрабатываться своевременно, чтобы командование могло их использовать при принятии того или другого решения. Результаты радиоразведки обычно обобщаются в радиоразведывательных донесениях об обстановке.

Обработка радиоразведывательных данных производится с целью:

а) получения достоверных сведении о положении противника и намерениях его;

б) информации командования об организации, использовании и объеме средств связи противника;

в) выяснения и передачи своим частям связи установленных ошибок и неосторожностей в работе службы связи противника, чтобы предостеречь свои части от подобных же ошибок;

г) доставки сведений для применения маскировки средств связи и дезинформации противника о средствах связи.

Чем быстрее будут получены результаты обработки, тем они ценнее для войскового командования; однако достоверность сведений должна быть важнейшим требованием, предъявляемым к службе обработки».

Перехват переговоров между нашим командованием передавался немцами немедленно (полностью или в выдержках)

в пункт обработки. Выявленные данные помогали в обобщении фактов при окончательной обработке разведывательных данных.

Желая добиться получения более широкой информации по материалам перехвата, немцы рекомендовали радиоразведчикам не отказываться от приема таких радиопередач, которые на первый взгляд могли показаться им незначительными. В наставлении в связи с этим указывалось: «Не следует слишком поспешно решать о ценности переговоров; для окончательной обработки часто могут иметь значение и незначительные сведения, приобретающие в связи с результатами других видов обработки первостепенное значение. Необходимо также считаться с тем, что противник может вести замаскированные переговоры, во время которых, под видом незначительных сведений, могут передаваться важные секретные данные.

Кроме того, необходимо иметь в виду намеренную дезинформацию противника. К открытым переговорам, которые, в противоположность обычным, содержат важные сведения, следует подходить критически».

Ранее отмечалось, что в мае 1943 г. были созданы в пехотных дивизиях отряды ближней разведки средствами связи, которые производили радиоперехват и подслушивание переговоров по проводам в интересах той дивизии, в которой они созданы.

Роты связи ближней разведки немцев предназначались для ведения тактической разведки и были самостоятельными частями. Организационно они входили в состав армейских полков связи. Каждая рота имела пять взводов, деятельность которых включала службу радиоперехвата, радиопеленгацию, службу подслушивания переговоров по проводам и службу обработки материалов и дешифрования.

Взвод подслушивания полностью или по отделениям придавался, по указанию начальника связи, армии, дивизиям или другим частям, в районе которых он вел свою работу. Взвод подслушивания объединялся с проволочными дозорами, ведшими разведку средств связи.

Перед ротами связи ближней разведки ставилась задача — установить наличие и дислокацию наших частей и соединений и выявить их намерения в «районе» действия роты.

Главное внимание немцы уделяли перехвату радиограмм штабов наших дивизий во время радиотелеграфной связи их с вышестоящими, равностоящими и нижестоящими служебными

инстанциями. В немецком наставлении указывалось, что командование придает исключительно важное значение перехвату ротами этих радиограмм, так как они, с точки зрения тактической разведки, наиболее полно раскрывают замыслы противника. В случае невозможности быстрой расшифровки перехваченных радиограмм главное внимание уделялось перехвату радиообмена открытого и полукодированного текста. В этом случае наблюдение велось за радиосвязью командных пунктов и радиообменом минометных и артиллерийских частей и соединений Красной армии. Кроме того, немцы уделяли большое внимание перехвату радиообмена, происходящего при больших ночных операциях наших ударных групп, а особенно — наблюдению за работой танковых радиосетей, для того чтобы установить время и направления возможных танковых атак.

Иногда центр тяжести перехвата переключался на артиллерийскую радиосвязь в целях определения местонахождения наших наблюдательных пунктов и огневых позиций, а также выявления способов кодирования радиопередач.

Одновременно с этим немцы считали (важным получить путем перехвата данные о группировках, дислокации, потерях, отпусках снаряжения и вооружения, о доставке боеприпасов и продснабжения, о политико-моральном состоянии наших войск, а также об установлении фамилий командиров.

Служба радиоразведки и служба телефонного подслушивания, имея неоднородные задачи по разведке, работали в большинстве случаев независимо друг от друга.

Каждая рота связи ближней разведки немцев имела на вооружении 8–9 пеленгаторных радиостанций ближнего действия, 25–30 радиоприемных устройств типа «HJE.V» И «H.E.u», 2 дальнопишущих аппарата, 3 аппарата звукозаписи, 4–6 радиостанций типа Torn fu. d-2, один командный передатчик, 3–6 аппаратов телефонного подслушивания, автомастерскую, радиомастерскую, зарядные электростанции, автотранспорт и мотоциклы. Одной из задач рот связи ближней разведки являлось ведение тактической разведки. Организационно они входили в состав армейских полков связи. Каждая рота имела пять взводов, деятельность которых охватывала службу радиоперехвата, радиопеленгацию, службу подслушивания переговоров по проводам и службу обработки материалов и дешифрования. Результаты радиоразведки обрабатывались ежедневно и один раз в день представлялись

командованию в виде разведывательной сводки. Разведывательная сводка состояла из тактической схемы обстановки и дополнительных письменных объяснений к ней. В указаниях ротам ближней радиоразведки немецкое наставление рекомендовало:

а) вести наблюдение за радиосвязью самолетов-корректировщиков противника с целью организации радиопомех работе их радиостанций;

б) использовать трофейные радиостанции для включения в радиосвязь противника; такого рода использование трофейных радиостанций проводится лишь с разрешения штаба группы армий;

в) вести наблюдение за работой передатчиков, при помощи которых противник производит взрывы на расстоянии; для этого ротам придаются специальные приемники;

г) проводить перехват агентурных передатчиков, если для этого не имеется специальных наблюдательных рот; при наличии же наблюдательных рот с ними устанавливается связь для того, чтобы была возможность использовать результаты их работы.

Особое место в радиоразведке немцев отводилось вопросу прослушивания радиосетей и радионаправлений; подслушиванию, особенно подслушиванию по проводам; было создано специальное подразделение подслушивания; разработаны инструкции командиру групп подслушивания и самой группе подслушивания. Подслушивание — это вид радиоразведки, применяемый во время войны и имеющий своим объектом в первую очередь линии электросвязи (проводной и радио) противника. Подслушивание переговоров по проводам немцами осуществлялось путем скрытого подключения к проводам и путем использования индукции. Эти два способа технического проникновения в телефонную сеть противника имели два разных вида тактического использования.

Подключение к проводам главным образом применялось немцами в маневренной войне. Чем больше растянута и прерывиста линия фронта, тем больше у немцев имелась возможность незаметно подключиться к нашим телефонным проводам (особенно постоянной телефонной сети). Отделения взвода подслушивания переговоров по проводам придавались на время наступательных операций разведывательным отрядам или парашютным частям. Вместе с разведывательными частями, как правило, продвигалось вперед и отделение командирской разведки войск связи, выделяемое начальником связи армии, которое и вело техническую разведку нашей проводной сети. Этому отделению подчинялись

отделения подслушивания. В задачу отделения командирской разведки войск связи входило создание условий для работы отделениям подслушивания по подключению к проводам различных систем, кабелям, распределителям, соединительным и усилительным станциям и т. д. На марше при быстром развитии наступления и при преследовании отделение подслушивания включалось в оставленные нашими войсками провода, проложенные в его сторону. При сдерживающем сопротивлении, а также при отступлении наших войск отделение подслушивания включалось в провода, идущие в нашу сторону, или использовало телефонные провода в качестве проводов подслушивания.

Подслушивание путем использования индукции производилось, согласно немецкому наставлению, отделениями подслушивания, которые прокладывали провода подслушивания и шлейфы. Немцы считали, что подслушивание было наиболее эффективным в тех местах, где линии фронта вплотную подходили друг к другу, а проволочная линия связи противника — к самому переднему краю. Путем прокладывания проводов и шлейфов отделение подслушивания могло вести наблюдение за проводами на участке в 4–5 км.

При выборе места расположения станции немцы учитывали:

а) положение передовых частей противника и общую тактическую обстановку;

б) условия приема (характер местности и почвы, наличие линий высокого напряжения, расположение своих телефонных линий, возможность помех от автотранспорта);

в) наличие хороших средств связи; станции подслушивания располагаются вблизи расположения командного пункта войсковых частей;

г) предположительное прохождение телефонных проводов противника; отправные данные получаются из результатов радиоразведки (командный пункт в большинстве случаев находится там, где расположена радиостанция, а между командными пунктами в большинстве случаев проходят телефонные провода);

д) наличие прикрытий от обзора и огня со стороны противника;

е) необходимость защиты проводов подслушивания от повреждений транспортом.

В наставлении указывается, что взвод подслушивания или его отделение подчиняются тем войсковым частям, в районе которых они работают.

Указаний по обработке донесений по подслушиванию наставление не дает; указывается лишь только то, что донесения должны немедленно доставляться командованию.

Копии этих донесений посылались на пункт обработки материалов роты связи ближней радиоразведки для включения их в общую разведывательную сводку.

Однако на основании опыта работы групп подслушивания выявилась необходимость разработки специальных указаний по обработке материалов подслушивания. Эти указания были разработаны немцами и разосланы в виде отдельной инструкции.

Перевод с немецкого

ОСОБАЯ ИНСТРУКЦИЯ ПО РАБОТЕ ГРУПП ПОДСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(Приводится полностью)

Донесения групп подслушивания телефонных переговоров, поступавшие до последнего времени, показали, что из большей части подслушиваемых переговоров противника не извлекается все возможное. Выявить особенности некоторых переговоров иногда не менее важно, чем само содержание их. Большое значение имеет также теснейшее взаимодействие групп подслушивания с батальонами, ротами, топографическими батареями артиллерии и ротами пехотных орудий.

Полное использование перехваченного материала на головном посту связи может быть достигнуто лишь в том случае, когда эти особенности перехваченного текста будут оговорены в примечании к перехваченным переговорам.

Эти примечания представляют интерес также и для всех других адресатов, которым будут отправляться перехваченные тексты.

Следует обращать внимание на следующие моменты:

1) особенности речи:

– какое наречие (говор),

– какой голос (женский, кто говорит, кто корреспондент),

– интонация голоса (в приказном тоне, взволнованно и т. д.);

2) помехи, зависящие от:

– собственных переговоров;

– русских переговоров;

– атмосферных помех;

3) ежедневные донесения.

Каждый отдельный лист донесения должен иметь дату и время (от ... . час. до ... . час.).

Кроме того, листы должны быть пронумерованы.

При смене части, выславшей группу подслушивания, в заголовке первого донесения указывается наименование сменившей части. При смене позиции группой подслушивания ее новое месторасположение указывается в донесении координатами или по сетке для донесений.

Неясный или местами плохо принятый текст следует подчеркивать волнистой линией, пропуски обозначать многоточием.

Кодовые обозначения не переводить. Их следует записывать по-русски, так же как и слова, не поддающиеся безупречному переводу. За кодовой фразой следует ставить в скобках слово, которое она обозначает (при сомнительной трактовке кодовой фразы ставят вопросительный знак).

При смене кодовых фраз старое значение кодовой фразы (в первый раз) ставится за ней в скобках.

Шифры.

Значение зашифрованных слов следует ставить в скобках за группой шифра. При предположительной их трактовке ставить вопросительный знак.

Следует замечать:

а) Где ложатся снаряды противника (квадрат, участок, подразделение), объект обстрела (наблюдательный пункт, пулеметное гнездо, позиция противотанкового орудия, работающие солдаты).

Данные о номерах целей (по наблюдению за попаданиями снарядов противника); устанавливать, каким образом занумерованы цели.

Данные подслушанных донесений наблюдателей противника о происходящем движении на нашей стороне, о строительных работах и т. д., в особенности, если в переговорах были упомянуты точки на местности или цели. При этом правильное толкование донесений наблюдателей противника возможно лишь при условии, если один из подслушивающих связистов сам наблюдает место падения снарядов.

б) При стрельбе своих войск — каково ее действие на противника, где оно проявляется. При этом может быть установлено месторасположение русских переговорных пунктов.

В донесении следует указывать:

– кто и когда был оповещен о намерениях противника;

– могут ли быть этим предотвращены потери.

Важнейшим вспомогательным средством в работе групп подслушивания является рабочая схема. Она должна изготовляться в крупном масштабе (1:1000) и дополняться по мере накопления материала.

Вначале рабочая схема должна быть составлена по отчетной карточке расположения своих войск, предоставляемой командиром.

Содержание схемы:

1. На своей стороне (если на это было дано разрешение командира части): начертание переднего края обороны, взводных и ротных разграничительных линий, расположение пулеметных гнезд, наблюдательных пунктов, ротных и взводных командных пунктов, дотов, путей подвоза, волочащихся или заземленных антенн (рамок и усов).

2. На стороне противника: начертание переднего края обороны, расположение дотов, пулеметных и минометных огневых точек, наблюдательных пунктов, примерные расстояния до хорошо заметных точек на местности.

В дальнейшем следует наносить на схемы следующие дополнительные данные:

а) переговорные пункты противника, насколько их расположение может быть установлено; кодированные обозначения и их истолкование (предполагаемое); личные имена и цифры, регулярно повторяющиеся в переговорах отдельных переговорных пунктов;

б) достоверно установленную проволочную связь (кольцевые и прямые линии связи, коммутаторы); обнаруженные противником объекты на нашей стороне с различными их обозначениями;

в) пути подвоза противника.

Деятельность командира группы подслушивания по обработке материала

Деятельность командира группы подслушивания по обработке материала ограничивается предварительной обработкой и почти всегда основывается на имеющихся в наличии документальных данных (рабочие схемы, условные обозначения, кодовые фразы, раскрытые шифры, расшифрованные обозначения целей).

Далее, данные перехвата дополняются наиболее ценными сведениями о мероприятиях своего командования (сведения

о разведывательных дозорах, об огневых налетах, о минировании, об окопных и дорожных работах, смене частей, местах оживленного движения транспорта и скопления войск). Этими ценными дополнениями не следует пренебрегать, тем более что они впоследствии помогут с уверенностью называть тот или иной объект, упомянутый противником.

Ценность подслушанных переговоров зависит прежде всего от немедленного раскрытия намерений противника и от того, как скоро сведения об этих намерениях будут переданы соответствующим начальникам. Постоянный контакт с этими начальниками (до командиров взводов включительно) и знакомство с расположением позиций их подразделений являются необходимыми предпосылками для успешного использования данных группы подслушивания.

Следует обращать особое внимание на содержание переговоров противника и уметь немедленно делать из него соответствующие выводы.

Наблюдение за деятельностью отдельных переговорных пунктов в течение длительного времени облегчает определение принадлежности их к той или иной инстанции.

Окончательная обработка данных подслушивания производится на головных постах связи.

Принципы работы групп подслушивания

Необходимо сохранять секретность в любых условиях.

Телефонные переговоры, касающиеся результатов службы подслушивания, запрещены даже при наличии важных и спешных сообщений.

Доносить командиру части только о несомненных, верно истолковываемых фактах. Предположительные данные должны быть оговорены, на что немедленно обращается внимание командира части.

Зашифрованные телефонные переговоры (цифровые телефонограммы) должны перехватываться непременно, они могут содержать очень ценные сведения.

При обработке материала очень важно установить, на какой рамке (или усах) слышна та или иная телефонная установка, так как не на всякой антенне слышна каждая установка. Этим можно установить месторасположение переговорных пунктов противника.

Предостережение

Не исключена возможность, что противник будет пытаться досылать по выброшенным нами антеннам ток высокого напряжения, поэтому следует постоянно проверять сопротивление линии.

Перевод с немецкого

РУКОВОДСТВО ПО ПРОКЛАДКЕ РАМОК ДЛЯ ПОДСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(Приводится полностью)

Применение рамок для подслушивания на заболоченной местности Волховского фронта дало более положительные результаты, чем применение заземленных усов.

Для прокладки рамок следует руководствоваться следующими указаниями:

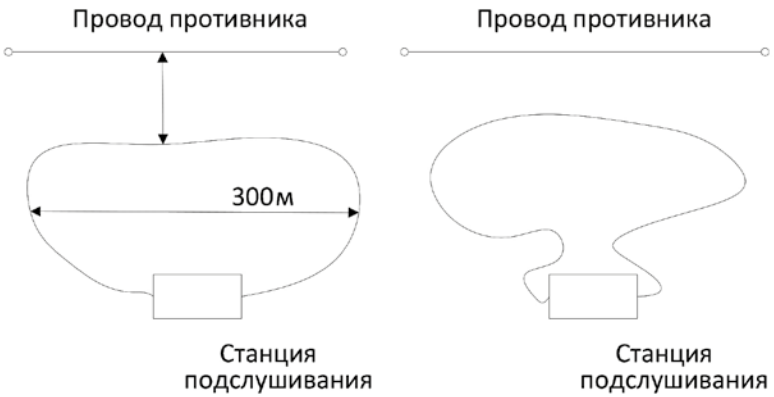
– чем длиннее часть рамки, проложенная параллельно телефонной линии противника, тем большего эффекта следует ожидать при подслушивании. Как правило, достаточно бывает отношение 1 : 3, где 1 — расстояние до предполагаемой телефонной линии противника, а 3 — рабочая длина рамки (ил. 3).

Оба конца рамки следует подводить к аппарату для подслушивания на возможно большем расстоянии один от другого, так как в противном случае звуковой эффект может быть ослаблен возникающей при этом индукцией (ил. 4).

Отсюда вытекают следующие выводы:

Отнюдь не обязательно выбрасывать рамки вплотную к переднему краю обороны противника; необходимо лишь обеспечить достаточную рабочую длину рамки. Поэтому наиболее благоприятными являются участки фронта, на которых передний край нашей обороны проходит близко (100–300 м) от переднего края противника. На этих участках, при благоприятных обстоятельствах, рамку можно прокладывать на небольшом расстоянии перед или даже за передним краем обороны своих войск. Этот способ имеет следующие преимущества: рамка находится в безопасности в любое время и повсеместно; противник не имеет к ней непосредственного подступа и, следовательно, не может ее перерезать или послать по линии ток высокого напряжения.

Обнаружение месторасположения группы подслушивания противником затруднено.



Ил. 3, 4. Применение рамок для подслушивания

Недостатком является то, что при расположении рамки на территории своих войск увеличивается слышимое количество собственных переговоров и усиливается их звук. Этот недостаток можно устранить, прокладывая провод на коротких шестах.

Благоприятным для прокладки рамки является также такое положение линии фронта, при котором выступы переднего края обороны своих войск вдаются в изгибы переднего края обороны противника, так как на этих участках можно создать рабочую длину рамки, намного превышающую рабочую длину рамки, вынесенной перед прямой линией фронта, где телефонные линии противника проложены без изгибов.

Для того чтобы избежать ненужного глушения, возникающего в результате большой длины обратного провода, необходимо аппараты для подслушивания располагать по возможности ближе от переднего края своих войск. Такое расположение необходимо также в интересах правильности обработки и использования данных подслушивания, так как оно облегчает контроль и наблюдение за охватываемым участком расположения войск противника, а также и своих войск.

Основываясь на историческом опыте радиоразведывательной службы немцев, учитывая опыт радиоразведки в СВО, необходимо при организации радиосвязи настойчиво требовать

выполнения всех предусмотренных войсковыми уставами и наставлениями способов и мер противодействия вражеской радиоразведке, ограждающих систему связи от подслушивания, от пеленгации. Одновременно необходимо добиваться строжайшей дисциплины при переговорах по проводам. В приложении 1 дано донесение немецкой группы по подслушиванию телефонных переговоров. Разбор этого донесения показывает, насколько надо быть осторожным при разговорах по телефону, особенно в отношении намерений наших частей. Хорошо продуманная, частая смена условных обозначений или переговорных таблиц и их ключей является мерой, затрудняющей подслушивание переговоров.

Литература

1. Праун А. Воспоминание офицера-связиста об управлении войсками в военных кампаниях третьего рейха 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2018.
2. Болтунов М. Е. Радиоразведка: ответный удар. М.: Вече, 2020.
3. Минаев В. Фашистская разведка и ее методы. ОГИЗ; Госкомиздат, 1942.
4. Разведка средствами связи в немецко-фашистской армии и вопросы радиомаскировки // Сборник разведывательных материалов. № 7/12, апрель 1944 г. М.: РУГШ, 1944.

Приложение 1

Перевод с немецкого

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ИНСТРУКЦИИ ПО РАБОТЕ ГРУПП ПОДСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Донесение от 16—17.7 1943 г.

Время	Кому	От кого	Содержание
0715	Орел 1)	Дуб 2)	1) Я 33. 2) Я 215. Вышли ли Ваши на работу? 1) Да, они уже, наверное, у Мельникова. 2) Очевидно, они скоро кончат, ты ведь знаешь приказ? 1) Да. 2) Смотрите, будьте сегодня внимательнее, чем вчера. Если фрицы (немцы) вам мешают, дайте нам сюда, чтобы мы могли накрыть собак. 1) Будет исполнено. 2) Ладно, всё. Примечание. Речь идет о строительстве ДОТ на участке Пристер. Донесено 1-му взводу 5-й роты для дальнейшего наблюдения.
0749	Сокол 1) Через	2) Пальма 3)	1) Я 41. 2) У вас ли 29? 1) Нет. 2) Всё. 1) Это ты, Нина? 3) Да. 1) Почему тебя так долго не было слышно? 3) Я была несколько дней в большом хозяйстве (полк или дивизия). 1) Есть что-нибудь новое? 3) Прибыли новички. Примечание. Разговор прерывается: „Я 29 при заводе. Нина, я наложу на тебя взыскание: ведь я много раз предупреждал тебя не говорить о таких вещах по телефону".
0830	Воробей 2)	Дуб 2)	2) Донесение: в 0500 6 человек прошло по направлению от 13 к 15. 0530—со стороны угла леса было слышно, как движутся повозки. Только слабый ружейно-пулемётный огонь. Ночью ничего особенно не произошло. 1) Ладно, всё.
0905	Астра 1)	2)	2) Астра (продолжительный вызов). 1) Астра слушает. 2) Почему вы не отвечаете. Я вас вызываю уже полчаса. 1) Моя коробка была не в порядке. 2) Я вам пришлю другую. 1) Скажи, это у вас. 1) Нет, левее, у Орла. Он бросает короткими (лёгкий миномёт). Наши отвечают из пулемёта. Примечание. Наши миномёты произвели огневой налёт на позиции противника на участке Клонкер, который работает для Бленде.

39

Время	Кому	От кого	Содержание
0908	Орел 1)	Дуб 2)	1) Я Орел. 2) Дайте мне 33. 1) Нет его, он пошёл на завод. Там опять творится чорт знает что. 2) Пусть 33 мне позвонить сразу. Все.
0915	Дуб 1)	Гавань 2)	2) Нина, дай 215, побыстрей. 1) 215 слушает. 2) Я 33 при заводе. 1) Что там у тебя опять за свинство? 2) Часовой не заметил движения у противника. Наши маленькие (лёгкие миномёты) как раз стреляли, когда черти нас накрыли. 1) Что-нибудь случилось? 2) Одна ветка и два сучка (один убит и два раненых). 1) Чорт возьми, кто же это? 2) Ушел 29 (убит), остальные—Константинов, Зубов и . . . . . (мешают наши переговоры) . . . уже ушли. 1) Откуда он бросал? 2) Из Заруна и от угла леса. 1) Ладно, мы им сегодня отплатим. Прекратите там работу немедленно. Используйте для работы ночное время. 2) Есть. 1) Всё.
0921	Стартер 1)	Дуб 2)	1) Я Лебедев. 2) Немедленно приготовиться к бою (изготовка к открытию огня). 1) Здесь нет никого. 2) Куда они снова девались? 1) Пошли на дорогу за коробками. 2) Когда они вернутся, немедленно позвоните. 1) Есть
0930	Завод 1)	2)	1) Завод слушает. 2) Кто говорит? 1) Куликов, заместитель 39. 2) Вы готовы? 1) Да, мы установили, но один самовар (миномёт) повреждён. 2) Работайте одним. Вы знаете распоряжение по цели 216? 1) Уже установлено. 2) Но работать только по команде. Примечание. Командный пункт роты и 3-й взвод были немедленно извещены о готовящемся огнёвом налёте.
0935	Стартер 1) Завод 2)	3)	3) Все готово. 1) Стартер готов. 2) Завод готов. 3) По указанной цели по пять, затем рассеивать. По Зауне (передний край обороны) американским способом. Примечание. Мины противника ложились точно, однако потерь не было, так как все были предупреждены заранее и ушли в укрытие. Поврежденная при обстреле рамка 1 не работает с 10 00 до 12 15.
1004	Астра 1)	2)	1) Астра слушает. 2) Что случилось? Это у вас? 1) Нет, слева. Наши ответили и задали ему как следует. 2) Как немец? 1) Молчит, не отвечает. 2) Хорошо, вы ему наверное так всыпали, что он оглох и ослеп и война теперь быстрей кончится.

Время	Кому	От кого	Содержание
1137	Буря 1)	2)	1) Шербаков слушает. 2)—1) Ах, из начальства. 1) Есть, всё будет сделано. Когда они здесь будут? 2)—1) Хорошо, 14 00 (русское время). Значит, у нас еще есть время. 2)—1) Всё. Примечание. Речь идет, очевидно, о поверке инспектором артиллерии. С подлинным верно. Ефрейтор Менгель.
1248	Сокол 2) Завод 3) Слива 4)	Орел 1)	1) Вы можете зайти в Пальме за продовольствием. 4) Пришла ли почта? 1) Да, почту тоже распределяют. Сегодня прибудет очень большой хозяин и привезёт с собой большие трубы, тогда у вас всё будет в порядке. Понятно?
1435	Астра 2)	Роза 1)	1). . . . . 2) Остевко, было это у вас? 1) Да, чертовски близко, у 20 и справа от вас. Установи, откуда он стреляет. 2) Да, я сейчас выхожу. Примечание. Топографическая батарея извещена. Одно 105-мм орудие открыло огонь по району перед участком Отшельника, слева 300—400 м за передним краем обороны русских. По нашему указанию батарея стреляла еще двумя шквалами беглого огня. О результатах стрельбы можно будет сделать выводы из последующих переговоров. В данном районе, повидимому, находится Роза.
1610	Завод 1)	Дуб 2)	1) Завод слушает. 2) Дай мне 37. Я 212. Взяли ли вы уже коробки с дороги? 1) Да, они уже здесь. 2) Они должны храниться отдельно от старых. Ты ведь знаешь приказание? 1) Нет, товарищ Тихонов, я еще не получал бумажки, она у Орла. 2) Прикажи сейчас же взять её, это очень важно. 1) Есть. Примечание. 37—командир миномётного взвода при заводе, 212—Тихонов, артиллерийский начальник в батальоне. Речь идет, очевидно, о новых минах.
1715	Орел 1)	2)	1) Я Орел. 2) Дай мне 33. 1) 33 спит, просил его не будить. 2) Позовите его немедленно, говорит 215. 1) Есть, сейчас. Я 33. 2) Слушай Дмитров: во-первых, ты должен завтра непременно закончить свое дело слева. Ты ведь знаешь, зачем нам это нужно. 1) Я там недавно был. Дело продвигается вперед очень медленно. Собаки здорово следят, у меня уже было там три сучка. 2) Тогда работайте сегодня всю ночь. Мельников должен дать тебе в 10,00 (русское время) ещё 4 человека с инструментами. Примечание. Речь идет о траншее, которую противник роет у Сокола.

О. А. Белозерова (Санкт-Петербург)

ОБ АВТОНОМНОЙ ПОЛЬШЕ. ИЗ ДОКЛАДА 1915 ГОДА ГЕНЕРАЛА КУРОПАТКИНА ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

ПРОШЛО СТОЛЕТИЕ со дня смерти военного министра Российской империи генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина (13 [25] марта 1848 г., г. Витебск — 16 января 1925 г., с. Шешурино)[1]. В последние годы появилось много новых исследований, был проведен целый ряд общественных мероприятий и широко отмечались 170-летие и 175-летие со дня его рождения, что коренным образом изменило сложившееся в XX в. представление о военной и государственной деятельности генерала Куропаткина и о его личности.

В свете событий последних лет, особенно с началом Специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г., представляет научно-исторический интерес впервые публикуемая здесь часть главы, посвященная Польше, из источника, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), «Границы России в результате войны 1914–1915 годов (Соображения к требованиям России при заключении мира)»[2]. Генерал Куропаткин многие годы работал над стратегией укрепления могущества Российской империи и над формированием системы безопасности ее границ, он также был последовательным сторонником и идеологом концепции прекращения гонки вооружений, чей проект снижения расходов на военные цели в расширенном виде был представлен в Гааге в 1899 г. Как отмечал сам А. Н. Куропаткин, ряд возможностей пересмотра границ для обеспечения безопасности России и установления долгосрочного мира с соседними государствами были не раз упущен в прошлом, и решение этого вопроса, при подписании мирного договора после победы в Первой мировой войне, явилось бы своевременным[3]. Учитывая современные

тенденции к переписыванию истории, нижеприводимый текст несомненно имеет научно-историческую значимость и сегодня.

«В) Русская Польша.

История русско-польских отношений в последнее столетие настолько известна, что ниже будут указываться только конечные итоги этих отношений. Русская Польша* никогда не составляла части Киевской или Московской Руси. Поэтому на период собирания русской земли наши московские Цари вели войны с Польшей в целях присоединения к России местностей с русским населением, но не коренных польских областей. При разделах Польши, Великая Екатерина не заняла ни одной пяди коренных польских местностей. Поэтому присоединение Польши к России по Венскому договору 1815 г. явилось актом, не связанным с национальной русской политикой 16, 17 и 18 столетий.

Такое присоединение было тем менее объяснимо, что одновременно Александр I уступил Австрии часть Восточной Галиции с русским населением, составлявшую старинный русский удел — Галицкую Русь. Нахождение в составе Российской Империи польских областей не принесло России выгоды ни в политическом, ни в военном отношениях. В политическом отношении русская Польша явилась ареной различных опытов, которые до сих пор были неудачны. Первоначально Польше дали слишком самостоятельное устройство: свое войско, своя монета, своя таможня, свое законодательство и пр. В результате в 1830 г. польское войско сражалось с русским. Переход с 1830 г. от почти полной независимости к полному подчинению, без свободы языка, без самостоятельного местного управления привел, в числе других причин, к восстанию 1863 г. Но и за последние 50 лет наша политика по отношению к Польше была неустойчива и менялась в зависимости от мнений лиц, которые занимали пост Варшавского Генерал-Губернатора.

В военном отношении выдвинутое положение Варшавского военного округа при нашей отсталости в боевой готовности от наших соседей составляло источник не нашей силы, а нашей слабости и вынуждало содержать сильную армию в этом Округе. Необходимо прибавить, что значительные расходы по содержанию

* За исключением Холмской Руси.

войск в Варшавском военном Округе приносили пользу не русскому, а польскому населению. Прибавим также, что германские и европейские фирмы, утвердившиеся в Польше, особенно в Лодзи, составляли, например, в хлопчатобумажной промышленности опасных конкурентов Московскому промышленному району.

Даровитый, любящий свою родину и многочисленный польский народ, очевидно, не мог мириться с насильственным разделением его на три части; мириться и с различными опытами, производимыми над ним в России, Австрии и Пруссии. Непрерывно в течение целого века не ослабевала в нем вера в возможность восстановления Польши. Но величайшей, принесшей так много горя, ошибкой вожаков польского народа было ставить целью своих действий восстановление Польши в границах наибольшего ее могущества, в границах «Ягеллоновской Польши»[4]. Только полное непонимание психологии русского народа и презрение к его силе, росту к политическим идеалам могло питать надежды на возможность такого решения польского вопроса, связанного с отторжением от великой России белорусских и малороссийских местностей. Между тем, эти мечтания проявились еще в 1815 г. и не прекратились до первых годов XX в.

Русское правительство боролось с большим или меньшим успехом с сепаратными стремлениями верхов польского общества, но в то же время неизменно в течение последних 60 лет заботилось о поднятии достатка массы польского населения* и в этом отношении достигло большого успеха. Применяя, хотя и через бюрократию, но в сущности демократические принципы управления Польским краем, Россия добилась освобождения массы польского народа от гнета польского дворянства. Уже в 1863 г. крестьянское население отказывалось идти за вожаками восстания против русских, ибо массе населения стало под русским владычеством легче жить, чем жилось во времена независимой «Речи Посполитой» в тройной кабале: панов, ксендзов и евреев.

Вместе с материальным ростом, в польском населении образовывалась сильная демократическая группа представителей польского народа, не связанная с традициями, всесильного ранее в Польше, дворянского элемента. Эти традиции требовали

* Н. А. Милютин и Ю. Ф. Самарин стремились создать в Польше «здоровый и многочисленный крестьянский слой» и этим путем сблизить ее с Россией и всем славянством.

защиты Ягеллоновской Польши. Новые польские деятели, придававшие, прежде всего, значение не историческим преданиям польского народа, а современному его положению, выдвинули другой идеал для решения польского вопроса — этнографический. Борьба двух течений за Ягеллоновскую Польшу и за этнографическую Польшу окончилась в первых годах этого столетия победой представителей демократической Польши, победой защитников «этнографической» Польши. К ним примкнули и представители многих польских дворянских родов. Русское Правительство помогло сделать этот новый принцип более жизненным, выделением из состава Польши Холмской губернии. Русскому сознанию всегда представлялось бы неправильным и несправедливым русское население Холмской Руси включать в автономную Польшу. Для установления правильного дружеского отношения русского населения к польскому в будущем, весьма важно, что русские поляки еще до войны признали, что только от России они могут ожидать прочного устройства будущности польского населения в его современных этнографических границах. Ни Австрия, ни Пруссия, по их заключению, не могут помочь им.

После двух тяжелых по последствиям попыток поляков России вернуть себе свободное существование силой, после видимых результатов охраны экономического роста массы польского населения и достигнутого им достатка, например, сравнительно с русскими крестьянами, лучшая часть польского народа, живущего в пределах России, убедились, что более светлое будущее для Польши нужно ожидать только в соединении ее с могучей славянской Россией. Автономная Польша в составе ИМПЕРАТОРСКОЙ России с общим с Россией войском, монетой, таможней, политикой, участием в высших государственных законодательных учреждениях — таков, в общем, был идеал, выработанный и принятый представителями польского населения еще в 1905 г. Присоединение к русской автономной Польше польских областей Пруссии и Австрии рассматривалось лишь как вероятное будущее.

С началом войны, исход которой еще не решен, хотя в окончательной победе России и ее союзников сомневаться нет серьезных оснований, снова и со стороны Австрии и со стороны Пруссии русским полякам делаются предложения отторгнуться от России и искать осуществления своих идеалов с помощью наших противников. В начале прошлого столетия Наполеон уже собрал этнографическую Польшу, примерно в тех же границах, как она

будет собираться и ныне. В существовавшем 8 лет Великом Герцогстве Варшавском поляки получили единение и желанную свободу. Но свобода эта далась полякам дорогой ценой. По свидетельству нашего историка Ключевского: «В Царстве Польском, обращенном в Герцогство Варшавское, французы производили разные преобразования, давали много идей и брали еще больше людей в солдаты и много денег. Распространяя идеи свободы, они разоряли поляков». Поляки в составе армии Наполеона храбро сражались с русскими войсками. Лилась братская кровь. В битве народов под Лейпцигом в 1814 г. погиб вместе с Понятовским почти весь польский корпус войск. Опыт собирания польской земли под главенством Франции не оказался удачным и повторения такого опыта поляки не пожелают.

Не могут поляки надеяться и на собирание их в одно автономное целое под главенством Вильгельма II, как-то предлагает Кайзер. Столетнее сожительство с немцами убедило поляков, что наиболее опасный враг поляков и всего славянства именно германцы. Они убедились, что племенная рознь слишком велика и основана на таких серьезных причинах, что подчинение автономной Польше Германии будет иметь следствием порабощение поляков германизмом не только в политическом, но также в духовном и экономическом отношениях.

Казалось бы, что объединение Польши под главенством Австрии представляется естественным, если принять во внимание те свободы, которыми пользуются поляки в Галиции. Есть сторонники такого соединения не только в Галиции, но и в Польше, но масса населения русской Польши боится такого соединения. Австрия полутруп. Приставлять к нему орган, полный жизни, опасно. Полное подчинение Австрии Германии тоже сулит полякам борьбу с германизмом при невыгодных для них условиях. Наконец, в случае победы Германии, как это ни маловероятно, германцы не отдадут Австрии для образования автономной Польши не только своих польских провинций Познани, Силезии и Западной Пруссии, но не отдадут и польско-русской территории, на которую, по завоевании ее, имеют виды как на колонию. Таким образом, по мнению наиболее разумных и спокойных поляков, если кто и может помочь польскому племени, то только Россия, и только под главенством России они надеются после победы ее над Германией и Австрией объединить разрозненные части коренной Польши с выходом к морю.

Историк Ключевский, указав, что главенство в начале прошлого столетия над Польшей французов разорило поляков, прибавляет такую характеристику результатов русского режима в Польше: «Русские молчали о свободе. Когда они стали господствовать в Польше, они клали руку на мысли, чувства, но давали ход труду и хозяйству. Офицеры в 1863 г. глазам своим не верили, глядя на благосостояние жителей». Таким образом, русские поляки тянутся к России, ибо как славяне они сознают, что в борьбе германизма со славянизмом первые попадут под удары немцев, какие бы обещания им не давались. Поляки и немцы всегда будут в двух лагерях. Полная свобода германизма в Австрии тоже окончилась бы порабощением австрийских поляков немцами. Но поляки и русские как родственные по крови народы могут быть в одном лагере, общем для всех славян, как во время происходящей ныне кровавой борьбы, так и после нее.

Этнографические границы русской Польши совпадают с административными границами 10 губерний Варшавского военного Округа, за исключением большей части уездов Сувалкской губернии, где преобладают другие народности. Наиболее современные данные о численности населения в 10 губерниях Царства Польского приведены в Статистическом ежегоднике на 1914 г. Совета Съездов представителей промышленности и торговли и в сборнике «Война и Польша» в статье «Польша в цифрах». По переписи 1897 г. население 10 польских губерний составляло 9 404 000 чел.

Руководствуясь данными переписи, Д. Менделеев в своем труде «К познанию России» дает следующее распределение жителей 10 польских губерний по национальностям:

Великороссы 267 000
Малороссы 335 000
Белоруссы 29 000
Поляки 6 763 000
Литовцы, латыши 311 000
Народы романского племени 7000
Германские народы 408 000
Армяне, греки 2000
Евреи 1 266 000
Финские народы 7000
Татарские народы 6000

По данным статистического ежегодника на 1914 г. Совета Съездов Торговли и Промышленности население польских губерний к 1914 г. возросло до 13 082 000* чел: на 1 кв. версту приходится 117 чел.

Сельское население составляет — 76,6 %.

Городское — 23,4 %.

Население главных городов:

Варшава 771 000
Лодзь 329 000
Люблин 60 000
Ченстохов 61 000

Принимая средний прирост населения всей России и для губерний Царства Польского, к 1914 г. поляков в 10 губерниях Царства Польского будет около 8 500 000 чел. Русская Польша обладает хорошо развитой промышленностью и отлично поставленной на значительной площади сельскохозяйственной деятельностью населения. В промышленном отношении главное место занимает Лодзинский район, в котором производство хлопчатобумажных изделий составляет серьезную конкуренцию московскому промышленному району. Промышленность и торговля в значительной степени в немецких и еврейских руках. Против засилья евреев в Варшаве поляки не без успеха принимают меры, бойкотируя еврейские товары. Местные землевладельцы, крупные и мелкие, могут служить нам, русским, примером по любви к своей земле, упорному труду на ней, знаниям и уменью сделать даже малоплодородную землю доходной. Крестьяне в местностях с песчаной, неплодородной почвой бедны. Их пища, главным образом, состоит из картофеля. Средний достаток польского крестьянина выше среднего достатка русского крестьянина соседних губерний.

В общем, население 10 польских губерний за последние 50 лет стало неузнаваемым, так возвысилось его экономическое положение. Население живет бойкой жизнью. Власть ксендза еще велика, особенно над женской половиной населения, но уже власть пана в прежних формах окончилась. Масса населения, невежественного еще в 1863 г., ныне сознательно относится к тому, что

* По Календарю Суворина на 1915 г. население 10 польских губерний на янв. 1913 г. показано в 11 960 000 чел.

происходит кругом. Главными своими врагами эта масса считает евреев, а за ними, особенно на левом берегу Вислы, уже обозначился медленно, но твердо наступающий на Польшу грубый бессердечный немец. Сознание, что русские теснили мысль, но помогали достатку населения, стало общим. Знакомство с положением массы польского населения в Пруссии и Австрии не располагает русских поляков искать вне России своего счастья.

Вспыхнувшая внезапно война была экзаменом для массы населения. Как один человек, ранее назначенного срока, десятки тысяч запасных явились на сборные пункты и ныне, рука в руку с русскими, отстаивают окровавленную польскую землю от варваров XX в. — немцев. Варшавское население трогательно относится к нашим войскам. Точно завеса спала с русских и польских глаз, и они почувствовали взаимную близость, родство, симпатии. Евреи, как и в прежние войны, дают нашим противникам массу шпионов и вызывают отвращение, как у русских, так и у поляков, и безжалостное отношение не только к уличенным, но и к подозреваемым. Польша до войны и Польша теперь — разные величины. Почти вся левобережная Польша разорена и потребует продолжительного времени, чтобы оправиться.

Автономная Польша в ее этнографических границах

Польское население в автономной Польше в ее этнографических границах, как изложено выше, будет, за округлением, приблизительно следующее:

Поляки и кашубы:
Западной Прусской провинции ..... 630 000 жит.
Познанской провинции 1 250 000
Силезской провинции 1 220 000
Западной Галиции и двух округах: Спиж и
Тешинском 3 050 000
русской Польши 8 500 000
Всего около 15 000 000
Евреев: около 2 000 000

Принимая во внимание другие национальности, проживающие ныне на территории будущей автономной Польши, население ее можно будет определить около 18–20 милл. чел. Начав новый исторический путь, обновленная и объединенная с Россией Польша

еще в XX в. увидит население почти в 50 милл. душ. Не Польше придется бояться русификации польских земель, а, несомненно, с годами все более будет увеличиваться опасность колонизации соседних с Польшей русских областей. Проведение границ Автономной Польши встретит на практике много затруднений. Взяв за основание этнографический состав населения, необходимо будет определить процент польского населения, дающий право на включение той или другой местности в состав Польши. Если определить право на включение в состав Польши таких местностей, в коих большая часть населения, т. е. свыше 50%, поляки, то и в этом случае в состав Польши попадут местности, почти наполовину заселенные немцами или другими народностями и обратно: в пределах Германии останутся местности, почти наполовину заселенные поляками. Проведение границы с востока может быть облегчено решением принять восточной границей Автономной Польши существующие западные границы губерний: Холмской и Гродненской. Возникает, однако, серьезный вопрос, как поступить с уездами с преобладающим польским населением Сувалкской губернии, врезавшимися клином между Восточной Пруссией и Гродненской губернией. Западная граница Холмской губернии, как недавно проведенная, заслуживает особого внимания. Сложность начертания этой границы является неизбежным результатом особого внимания к этнографическому принципу. В результате много заливов с польским населением входит в русскую сторону, а в другую, польскую сторону, входят заливы с русским населением. Неудобства такой границы, хозяйственные и административные, очень велики. Только самой внимательной работой разграничительных Комиссий на местах можно будет определить направление границы, наиболее отвечающее не только этнографическим, административным, хозяйственным, но и военным требованиям.

Представляется необходимым в отдельных случаях интересы населения тех или иных селений или местностей приносить в жертву, лишь бы граница для русских областей оказалась возможно выгодной, прежде всего, в военном отношении. Можно с основанием признать, особенно после опыта войны 1914–1915 гг., что чем граница наша с Польшей будет короче, тем это в военном отношении будет выгоднее. Но и другие соображения тоже указывают на предпочтительность резко определенных границ сравнительно с границами сложных очертаний.

Северо-Американские Штаты, позже других устанавливавшие границы между штатами, приняли, за небольшими исключениями, прямые и параллельные линии, соответствующие градусам широты и долготы. Несомненно, что спрямление граничных линий будет процессом болезненным для небольшой части приграничного населения, но невыгоды такого решения можно ослабить обменом, по возможности добровольным, земель, занимаемых, например, немцами, на земли, занимаемые поляками. В особенности может помочь регулированию пограничных вопросов очищение от немцев Восточной Пруссии, давая возможность переселения русским в восточную часть, а полякам в западную часть Восточной Пруссии. Даже для человека операция во многих случаях является спасительной. Такая операция в пограничных вопросах также может оздоровить весь сложный организм государства или провинции, обеспечить им в будущем более правильное питание духовное и материальное. Небольшие же порезы, произведенные отдельным незначительным группам населения, в несколько лет прочно заживут. Существующая граница, служившая 100 лет, во всяком случае, не представляет таких сплошных изгибов, какие представляет, например, западная граница Холмской губернии. Обрекать население на все невыгоды этой ломаной границы еще на новые 100 лет нет серьезных оснований.

Выше было указано, что в состав населения автономной Польши войдут свыше 6 милл. поляков из владений Пруссии и Австро-Венгрии. В действительности, после проведения западно-польской границы, число поляков может значительно уменьшиться, но возрастет число немцев, живущих в приграничной полосе. Позволим себе высказать мнение, что прибавление к населению России 6–8 милл. чуждого и частью враждебного населения и дарование ему прав русского подданства составит не усиление, а ослабление России. Если на великой России и лежит тяжелая миссия объединить и направить к новой жизни польский народ, то необходимо принять все меры, чтобы такая новая задача России не принесла в племенном отношении вреда, прежде всего, пограничным с Польшей русским местностям. Эти местности уже и ныне служат колониями для польского населения. Получив права русского подданства поляки, ныне русские и австрийские, получат в то же время и право переселения в северо-западные и западные губернии, что совершенно не отвечает

интересам коренного русского населения, а потому и интересам русского правительства.

Великие события происходят ныне на театре военных действий; великие события должны произойти и в результате войны. В числе таких великих событий одно из самых видных мест займет воссоединение польского народа. Вероятно, русское правительство уже занято изучением и обсуждением всех последствий для России, выгодных и невыгодных, такого воссоединения. В числе невыгодных последствий надо на видном месте поставить вероятное ополячение русских областей северо-западного и юго-западного края. Отказавшись от политического идеала Ягеллоновской Польши, получив ныне автономную Польшу в ее этнографических границах, поляки, русско-подданные, кто вольно, кто и невольно, станут проводить в жизнь, в сущности, не идеал этнографической Польши, а идеал Ягеллоновской Польши заселением и ополячением русских областей, входивших некогда в состав Литвы или Польши. При быстром приросте польского населения такой процесс может совершаться тоже очень быстро. Если прусские поляки сумели и нашли средства не только отстроить в Пруссии свою землю, но и расширить ее за счет немецких земель, несмотря на противодействие германского правительства, то задача по приобретению земель в наших губерниях крестьянских и частно-владельческих* покажется им очень легкой. Если наше правительство заранее мирится с мыслью, что в XX в. русские губернии, прилегавшие к Польше, неизбежно должны стать по составу населения и землевладения польскими, а в это время русское племя, теснимое Европой на восток, образует несколько новых губерний в Сибири — то это определит и план наших действий или, вернее, план нашего бездействия. Если же России и русскому племени важно сохранить за собой на западе приобретенные с таким трудом позиции, то надо ныне же обсудить меры, как этого достигнуть.

Несомненно, что меры эти легче принять, если бы поляки были для нас не русско-подданными, а иностранцами. Но для этого вместо автономной Польши пришлось бы создать независимую Польшу. Ныне по очень важным и сложным причинам, лежащим в значительной степени в самом характере польского

* и заселения польскими крестьянами обширных польских имений, разбитых на участки.

народа, такой опыт может быть признан опасным и потому несвоевременным.

Если со второй половины XIX в. с особой силой выразилось стремление различных народностей объединяться, то, с другой стороны, история учит, что эти народности, достигнув самостоятельности, задаются и национальной политикой, основанной на эгоизме, более или менее здоровом. При этом в преследовании национальных идеалов племенное родство с соседями или чувство благодарности к народу, помогшему своей кровью стать на ноги, уже не принимаются в расчет. Одноплеменные народы для увеличения своих пределов той или другой спорной территорией вступают в кровавую между собой борьбу. То же может, к сожалению, еще произойти между поляками и русскими. Независимая Польша с населением в 20 милл. душ очень скоро может располагать в военное время миллионной армией. Трудно надеяться, чтобы XX век ограничился колоссальной борьбой, которая теперь ведется. При новой же европейской войне, хотя и вероятнее, что России придется поддерживать именно Польшу против нового напора на нее германской расы, но возможен и другой случай, когда Польша, преследуя свои национальные, эгоистические идеалы, окажется в лагере наших врагов с целью присоединения тех или других частей России из Ягеллоновского наследия.

Автономная Польша даст несравненно более внутренних хлопот России, чем Польша независимая, но в политическом отношении более обезопасит Россию от случайностей новой европейской войны. Тем не менее, нельзя надеяться, что автономное устройство польского населения, которое в XX в. может разрастись до 50 милл. душ, при том населения, уже жившего большой исторической жизнью, составит окончательную для него формулу политической жизни. История учит, что автономное устройство того или другого государства составляет только переход к самостоятельному существованию. Переходной ступенью иногда служит вассальное подчинение более сильной державе.

Русские государи в течение XIX в. положили много трудов, чтобы помочь другим, кроме польской, народностям объединиться, освободиться, стать автономными или прямо вассальными, а затем получить самостоятельность. Нельзя сомневаться, что, быть может, уже в XX в. Русский Самодержец, когда придет время, Сам признает выгодным для России дать автономной Польше независимость. Необходимо в интересах русского народа, чтобы,

когда состоится такое решение, поляки не имели твердого основания просить о расширении пределов Польши за счет русских земель, снова базируясь на этнографических данных. Необходимо, в особенности, охранить Гродненскую, Холмскую и другие ближайшие к Польше местности, чтобы ко времени отделения Польши, как бы ни было отдаленно такое отделение, в этих местностях большинство населения не оказалось польским.

* * *

Основными причинами потери Польшей политической самостоятельности были:

- Слабость королевской власти, крайне ограниченной польским дворянством.
- Чрезмерная власть правящего класса польских магнатов, а затем шляхты.
- Бедность и забитость массы польского населения, о котором не заботились.
- Направление внешней деятельности на восток и юго-восток и слабое внимание к опасности, грозившей Польше, с Запада.

При создании автономной Польши эти основания причины ее гибели в прошлом, будут, можно надеяться, устранены в будущем. Единение автономной Польши под скипетром русского Царя обеспечить существование сильной ИМПЕРАТОРСКОЙ власти. Начала, положенные Россией в управление массой польского населения, устранили от власти польских дворян. При автономной Польше нельзя допустить, чтобы польские магнаты и дворяне вновь забрали всю власть в свои руки. Широкое участие всех слоев населения, в том числе и дворян, в местных делах обеспечить дальнейший рост благосостояния массы польского населения и рост культурного его развития. Польша, оставаясь частью России, должна будет свои планы направлять не на усиление польского элемента в местностях северо-западного и юго-западного края, а для борьбы с германизмом, ибо автономная Польша должна будет составить передовой заслон всему славянскому миру против мира германского.

Из мер, касающихся внутреннего устройства и деятельности польского населения автономной Польши, особенное значение будут иметь:

- Меры борьбы с немецким засильем.

- Продолжение борьбы с еврейским засильем.

- Меры к уничтожению влияния польского духовенства в политическом отношении.

- Меры, чтобы внутренние дела Польши не попали в руки неимущего класса с социал-революционной окраской.

Польша приобрела достаток энергией, трудами, знаниями, любовью к земле и родине землевладельческого и земледельческого слоев населения. За этой трудовой, близкой к земле частью польского населения желательно и обеспечить главную роль во всех делах автономной Польши. Для установления правильных, дружеских отношений с великой Россией — поляки автономной Польши должны отказаться навсегда от намерения полонизировать соседние с ними русские территории, особенно северо-западного края. Между тем, без принятия особых мер полонизация неизбежна. Население 10 польских губерний уже ныне настолько густое, что, по исчислению Д. Менделеева, по переписи 1897 г., приходилось на одну душу всего 1,2 десятины земли. В то же время в 6 губерниях северо-западного края на одну душу приходилось по 2,8 десятины, т. е. более чем вдвое. При быстром приросте польского населения ему станет жить еще теснее. Будучи культурнее и богаче граничащего с Польшей русского населения, поляки и двинутся за землей в направлении наименьшего сопротивления, т. е. на северо-запад.

Для России жизненно необходимо, чтобы в XX в. северо-западный и юго-западный края остались русскими по составу населения, а не стали польскими или немецкими. Достигнуть этого в настоящее время возможно только законодательным путем. Пока русское население не поднимется в достатке и культуре на равную высоту со своими западными соседями, охрана его интересов правительственной властью неизбежна. Поэтому настоятельно необходимо сохранение закона 10 декабря 1865 г., по которому населению автономного Царства Польского будет затруднена покупка земельных участков в северо-западном и юго-западном краях для земледельческих целей, или целей колонизации.

Надо надеяться, что, давая автономию населению Царства Польского, не будет повторена ошибка и несправедливость по отношению к русскому племени, когда давали особые права населению Финляндии: тогда финляндские граждане получили большие права в русских губерниях, чем русские в финляндских. Наконец, оберегая недостаточные еще материальные силы

русского народа, надо принять все меры, чтобы автономная Польша по своим внутренним делам не требовала каких-либо приплат из Государственного Казначейства.

Что касается оснований автономии Польши, то они определены в воззвании Верховного Главнокомандующего. В означенном воззвании полякам объявлено, что наступил час воскресения польского народа и братского его примирения с Великой Россией: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединиться он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке, самоуправлении». В этих сильных словах дается целая программа для действий, и определяются как общие пределы будущей автономной Польши, так и пределы ее автономных прав».

---

[1] В настоящее время ведутся работы по восстановлению имения генерала Куропаткина в с. Шешурине, неподалеку от г. Торопца, на берегу Наговского озера.

[2] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Л. 109–154.

[3] См.: Белозерова О. А. 1) Генерал Куропаткин о границах Российской империи после Первой мировой войны // Труды Девятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие». Новые исследования и материалы. 15–17 мая 2019 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. С. 120–136. 2) А. Н. Куропаткин об «Армянском вопросе» // Труды Десятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие». Новые исследования и материалы. 12–14 мая 2021 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС. 2021. С. 162–182.

[4] См.: Неменский О. Б. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления // Звенья. 2011. № 1(14).

В. Н. Бенда (Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ НЕТОЧНОСТЯХ В РАБОТАХ ДМИТРИЯ ФЕДОРОВИЧА МАСЛОВСКОГО И ДРУГИХ АВТОРОВ, КАСАЮЩИХСЯ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Характеризуя состояние вооруженных сил противоборствующих коалиций перед началом Семилетней войны, заметим, что по общему количеству личного состава в армии лидирующее положение занимала Россия, что видно из нижеприведенной таблицы[1] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Общее количество личного состава в армиях Европейских государств накануне Семилетней войны

Названия государств	Общее количество личного состава
Пруссия	142 000–145 000
Англия	91 179
Франция	211 753
Саксония	18 000
Польша	16 837
Австрия	139 000
Дания	33 946
Голландия	39 637
Россия	331 422

Заметим, что данные, приведенные в «Военно-статистическом сборнике» (см. таблицу 2)[2] и касающиеся общей численности русской армии в 1756 г. (338 354 человек. — *В. Б.*) незначительно

Таблица 2

Состав и численность русской армии в 1756 г.[3]

Полевые войска				Гарнизонные войска				Артиллерия	Итого	Особые войска (обсервационный корпус, ландмилиция, 8 гусарских полков, казаки и т. д. — *В. Б.*)	Всего
Пехота		Кавалерия		Пехота		Кавалерия					
Батальонов	Людей	Полков	Людей	Батальонов	Людей	Полков	Людей				
156	138 875	37	43 200	114	65 050	7	8500	7275	262 900	75 454	338 354

отличаются от вышеуказанных показателей, приведенных известным нашим военным историком генерал-майором Дмитрием Федоровичем Масловским.

Обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство, связанное с тем, что значительное количество исследователей и военных историков, занимавшихся ранее и занимающихся в нынешнее время изучением вопросов, связанных с анализом состояния русской армии в XVIII в., часто ссылаются на работы Д. Ф. Масловского, о некоторых из которых речь пойдет ниже[4].

Но некоторые данные, приведенные в работах Д. Ф. Масловского и характеризующие численный состав русской армии в целом, а также родов и войск, входящих в её состав, у нас вызывают сомнение.

Так, например, Д. Ф. Масловский в своей работе указывает, что сухопутная полевая действующая армия перед началом Семилетней войны насчитывала ***172 440 человек,*** гарнизонные войска — 74 548, ландмилиция — 27 758, нерегулярные войска (гусарские, слободские полки, казачьи войска различных наименований и др.) — 43 739, ***артиллерийский и инженерный корпуса — 12 937 человек***[5].

Приведенные Д. Ф. Масловским численность артиллерийского и инженерного корпусов, а также ***численность нерегулярных войск у нас вызывает сомнение.***

Во-первых, он сначала указывает численность нерегулярных войск накануне Семилетней войны в 43 739 человек, но в другом месте своей работы определяет численность нерегулярных войск в 1755 г. в ***35 703 человека,*** причем ссылается на данные Военной коллегии[6]. Получается, что он сам себе противоречит.

Во-вторых, как ранее нами было отмечено, количество личного состава артиллерийского и инженерного корпусов — 12 937 человек — приведено Д. Ф. Масловским без ссылок на какой-либо источник и без каких-либо разъяснений, на основании чего он указал такие данные о количестве личного состава артиллерийского и инженерного корпусов. Причем в последующих работах, авторы которых ссылаются на данные Д. Ф. Масловского и о которых речь пойдет ниже, эти данные также приводятся без всякого разъяснения и ссылок на какие-либо источники.

Первоначально, когда мы столкнулись с проблемой объяснения этих цифр, мы предполагали, что, может быть, это ***простая***

механическая опечатка в тексте, т. е. вместо 12 937 следует читать 2937 человек, что ближе к истине.

Тем более, что так думать нам позволяли нижеприведенные примеры. В работе известного советского военного историка Л. Г. Бескровного, который, приводя общее количество сил противоборствующих коалиций в преддверии Семилетней войны, указал, что ***вооруженные силы Пруссии составляли 155 000 человек***[7]. Причем, он ссылается на упомянутую выше работу Д. Ф. Масловского, в которой указано, что численность армии Пруссии составляла 142–145 тысяч.

Еще один пример подобного типа. В работе «История отечественной артиллерии»[8] приводятся ссылки на работу Д. Ф. Масловского «Русская ***артиллерия*** в Семилетнюю войну. Вып. II. М., 1888. Стр. 9». На самом деле работа называется «Русская ***армия*** в Семилетнюю войну»[9].

Но, внимательно изучив работы Д. Ф. Масловского, мы нашли другое обоснование цифры, определявшей, по его мнению, численность артиллерийского и инженерного корпусов в ***12 937 человек.*** По всей видимости, Д. Ф. Масловский взял эту цифру из таблицы № 21, названной «Штатный состав артиллерийского и инженерного корпуса» и приведенной в его работе[10].

Для наглядности и более полного понимания сути вышеозначенной проблемы продублируем эту таблицу в своей работе (см. таблицу 3).

Из таблицы видно, что, если просуммировать общее количество всех чинов, то получится цифра в ***12 565 человек.*** Хотя эта цифра примерно соответствует ранее обозначенному Д. Ф. Масловским количеству личного состава артиллерийского и инженерного корпусов в 12 937 человек, но все равно отличается на 372 человека.

Приводя данные в этой таблице, Д. Ф. Масловский указывает, что они извлечены из донесения Военной коллегии от 18 марта 1756 г.

Мы изучили эти донесения, которые, на наш взгляд, могут ***являться одним из достоверных источников, предоставляющих сведения о количестве личного состава полевой армии, артиллерийского и инженерного корпусов, о количестве орудий в полевой, полковой, осадной и гарнизонной артиллерии в указанный период.***

Таблица 3

Штатный состав артиллерийского и инженерного корпуса

Звание чинов	Полевой и осадной артиллерии	Гарнизонной артиллерии	Инженерной и минерной роты	При лабораториях, арсеналах и пороховых заводах	При полевом фурштате	Всего
Генерал-фельдцейхмейстер	-	-	-	-	-	1
Генерал артиллерии	-	-	-	-	-	3
Генерал-инженеров	-	-	-	-	-	3
Штаб-офицеров	7	13	10	1	1	32
Обер-офицеров	75	118	66	22	4	285
Унтер-офицеров и прочих нестроевых с мастеровыми	655	1456	745	259	276	3391
Рядовых, в т. ч. и фузелеров	1898	3787	498	144	2523	8850
Всего	2635	5374	1319	426	2804	12 565

Эти донесения, названные «Ведомости о состоянии ее императорского величества сухопутных регулярных и нерегулярных войск» датированные 18 марта 1756 г., хранятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива **(**фонд 27 (Конференция при императорском дворе), опись 1. — *В. Б.***)**. Впервые эти документы были опубликованы в работе советского историка профессора Николая Михайловича Коробкова, вышедшей в свет уже после его смерти[11].

Приведем некоторые данные из этих источников, характеризующие численный состав русской армии.

1. Всего в 78 полках полевой армии (3 кирасирских, 29 драгунских и 46 пехотных полков. — *В. Б.*) было 5377 штаб- и обер-офицеров, 29 497 унтер-офицеров, капралов и других нижних чинов, 135 838 рядовых, что ***в сумме составляло 170 712 человек.*** Помимо этого, при полковой артиллерии состояло ***1728 артиллерийских служащих.*** Общее количество личного состава в полевой действующей армии составляло ***172 440 человек***[12].

2. Общее количество людей всех чинов ***в 20 остзейских и российских гарнизонах*** составляло ***5210 человек***[13].

3. Общая численность нерегулярных войск, по нашим подсчетам, составляла примерно ***27 138 человек***[14].

4. ***Общая численность артиллерийских служащих полевой и осадной артиллерии составляла 2639 человек,*** из которых было 85 штаб- и обер-офицеров, 636 унтер-офицеров, капралов, мастеровых и прочих чинов, 1899 рядовых[15].

5. ***В полевом фурштате*** согласно штата полагалось ***2804 человека.***

Хотим обратить внимание, что некоторые числовые показатели, приведенные в указанном труде Н. М. Коробкова, у нас также вызывают сомнения. Если Николай Михайлович точно скопировал содержание архивных источников, то ошибку в итоговых подсчетах допустил автор этих документов, т. е. тот, кто их тогда составлял, а именно — обер-секретарь Сергей Попов.

Например, Н. М. Коробков, приводя численный состав полевой и осадной артиллерии и фурштата, пишет, что в общее количество полевой и осадной артиллерии — 2639 человек — входило ***104 штаб- и обер-офицера***[16] (!) (на самом деле 7 штаб-офицеров и 78 обер-офицеров[17]. — *В. Б.*). К сожалению, подлинник архивного источника нами лично не изучался, поэтому нам трудно определить того, кто допустил ошибку.

Есть и другие источники, содержащие фрагментарные сведения о численности Вооруженных сил Российской империи в начале второй половины XVIII в. Например, по данным Государственной Военной коллегии, на 21 июля 1755 г. в российской империи, полевых, гарнизонных, регулярных и не регулярных войск было следующее количество:

- в Лифляндской команде всех родов — 79 404 человека;
- в Санкт-Петербурге и около него — 62 032;
- в Финляндии — 17 753;
- в Москве и других внутренних городах — 31 842;
- на Украине и в других пограничных местах — 35 630.

Всего, кроме Сибири и других отдаленных мест — 226 661 человек[18]. С учетом того, что эти данные приведены без количества личного состава артиллерийского и инженерных корпусов, но с количеством заштатного личного состава, ***общая численность русской армии составляла 287 809 человек регулярных войск и 35 623 человек нерегулярных войск***[19].

Сравнивая эти показатели с данными, приведенными нами в таблице 2, увидим, что общая численность русской армии в 1755 г. (≈323 432 человек. — *В. Б.*) соответствовала численности армии в 1756 г., хотя и была меньше примерно на 15 000.

Помимо этого, при всех пехотных, штатных драгунских и конно-гренадерских полках числились артиллерийские команды[20].

Таким образом, опираясь на утвержденные в 1757 г. новые штаты артиллерийского и инженерного корпусов, мы полагаем, что приведенные в работе Д. Ф. Масловского данные, определяющие общее количество личного состава артиллерийского и инженерного корпусов накануне Семилетней войны в ***12 937 человек, — не совсем правильные и не соответствуют действительности.***

Мы считаем, что не совсем правильно включать в общее количество личного состава артиллерийского и инженерного корпусов численность служащих гарнизонной артиллерии, и уж тем более личный состав арсеналов, лаборатории и ***пороховых заводов,*** не имеющих непосредственного отношения к артиллерии. Тем более, что в артиллерийских штатах 1757 г. речь идет только о полевой и осадной артиллерии[21].

Сравнивая данные Д. Ф. Масловского, Н. М. Коробкова и Военно-статистического сборника и других источников, мы видим, что ***во многих источниках приводимые данные об общей***

численности сухопутных войск русской армии, в том числе артиллерийского и инженерного корпусов, в начале второй половины XVIII в., в некоторых случаях существенно отличаются друг от друга.

В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что в некоторых работах авторских коллективов, отдельных исследователей, военных историков и ученых приводятся ***отдельные спорные и сомнительные статистические и другие показатели,*** характеризующие, например, численный состав и количество материальной части в артиллерии и инженерных войсках. Порой авторы, не вникая и не объясняя суть таких данных, механически дублируют их в своих работах. ***И это повторяется, как говорится, из поколения в поколение,*** что в итоге вызывает только путаницу.

Приведем несколько примеров. Так, известный русский военный писатель и бывший начальник Николаевской академии генерального штаба генерал Н. П. Михневич в своей работе сообщает, что ***по штатному составу*** численность сухопутной армии Вооруженных сил России перед началом Семилетней войны составляла ***331 422 человека*** (совпадает с данными Д. Ф. Масловского. — *В. Б.*), в состав которой входили: полевая действующая армия — 172 440 человек (совпадает с архивными данными, приведенными Н. М. Коробковым. — *В. Б.*); гарнизонные войска — 74 548 (примерно совпадает с данными Военно-статистического сборника (73 550). — *В. Б.*); ландмилиция — 27 758; ***артиллерийский и инженерный корпуса — 12 937 человек*** (повторяет данные Д. Ф. Масловского. — *В. Б.*)[22].

Другой пример с неточной трактовкой тех или иных данных, касающихся общего количества артиллерийских орудий полевой артиллерии. Русский военный историк генерал-лейтенант А. К. Байов (Баиов), приводя в своей работе количество артиллерийских орудий, ***которое полагалось в полевой артиллерии согласно штата 1755 г.*** неверно указал количество медных мортир (вместо полагавшихся 3 указал только 2. — *В. Б.*) и неверно определил общее количество артиллерийских орудий полевой артиллерии согласно штата. Почему-то в общее количество штатных артиллерийских орудий не включены 36 6-фунтовых мортир[23].

Или, например, в труде «История отечественной артиллерии»[24] в таблице 14 приведен численный состав русской армии в 1756 г., ***включающий 14 768 человек личного состава***

артиллерии, и делается ссылка на 4-й выпуск «Военно-статистического сборника», упомянутого нами выше[25]. Но, как видно из таблицы 2, приведенной выше, численность артиллерии составляла ***7275 человек.*** Разница между данными, определяющими количество личного состава артиллерии в 1756 г., приведенными в «Военно-статистическом сборнике» и «Истории отечественной артиллерии», составила ***7493 человек,*** т. е. больше чем в два раза. К сожалению, в работе «История отечественной артиллерии» каких-либо объяснений или достоверных ссылок на источники, которые могли бы объяснить эту разницу в данных, не приводится. Заметим, что все другие показатели, за исключением общих данных, характеризующие численный состав русской армии в 1756 г. и приведенные в «Военно-статистическом сборнике», без изменений продублированы в таблице 14 «Истории отечественной артиллерии».

Проявляется аналогичная картина и с приведением в некоторых источниках ***общей численности инженерных войск*** накануне Семилетней войны. Так, уже неоднократно упомянутый нами Д. Ф. Масловский в своей работе указывает, что численность инженерного корпуса в 1756 г. составляла ***1302 человека,*** и делает ссылку на таблицу № 21[26] (см. таблицу 3, приведенную выше. — *В. Б.*)[27].

Но в этой таблице общее количество личного состава составляет 1319 человек (если добавить 3 должности генерал-инженеров, то получится 1322 человека. — *В. Б.*). Получается, что Д. Ф. Масловский опять сам себе противоречит. А в другой работе[28] цифра 1302, обозначающая численность инженерного корпуса, просто механически продублирована.

Также и в современных работах приводятся данные, касающиеся характеристики состояния русской армии в начале второй половины XVIII столетия или других вопросов, которые вызывают сомнение. Помимо этого, в некоторых случаях авторы допускают, на наш взгляд, спорные утверждения и предположения, а также приводят ссылки на несуществующие или неправильно указанные источники. Так, например, С. В. Андриайнен в своей монографии пишет, что численность гарнизонных частей и ландмилиции, носивших статус «“вспомогательных” и даже второсортных подразделений», ***составляла в 1755 г. не менее 150 тысяч человек***[29]. Из каких источников автором взяты эти показатели, или на основании каких данных он делает такое

обобщение, ***особенно то, что «гарнизонные части носили статус «"вспомогательных" и даже второсортных(!) подразделений»,*** — к сожалению, автор не указывает.

В некоторых работах, изданных в настоящее время, по всей видимости, чтобы избежать какой-либо путаницы в цифрах, приводятся только отдельные общие данные по численности сухопутной части русской армии накануне Семилетней войны, без указания численности личного состава в тех или иных родах войск. Это сделано в работе «Военная история России»[30], в которой сказано, что численность сухопутных войск, ***включавших в себя пехоту, конницу, артиллерию, а также инженерные и гарнизонные войска, накануне Семилетней войны составляла 331422 человека.*** А в других работах по военной истории России вообще никак не анализируется состояние русской армии перед началом Семилетней войны[31].

В заключение еще раз хотим обратить внимание исследователей и ученых на то, что находящуюся в письменных и в архивных источниках различного рода информацию и статистические данные, использующиеся для обозначения каких-либо количественных характеристик военной организации российского государства в XVIII в., нельзя слепо и механически дублировать в своих работах и исследованиях, тем более, без указания ссылок на источники, откуда эти данные почерпнуты. Как правило, к такой информации нужно относиться настороженно и вдумчиво, чтобы не вводить в заблуждение последующих исследователей и не создавать большей путаницы в подобного рода данных.

---

[1] Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М.: Типография Окружного штаба, 1886. С. 9.

[2] Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отдел II (Вооруженные силы). СПб.: Военная типография, 1871.

[3] Военно-статистический сборник. Вып. IV. С. 40.

[4] Масловский Д. Ф. 1) Записки по истории военного искусства в России: Вып. I. СПб.: тип. В. Безобразова и комп., 1891; 2) Материалы по истории военного искусства в России. Вып. 1–3. М.: университетская типография, 1889–1890 и др.

[5] Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну... С. 8.

[6] Масловский Д. Ф. Приложения к 1-му выпуску: Русская армия в Семилетнюю войну. М.: типография окружного штаба, 1886. Таблицы № 14, 15.

[7] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958. С. 266.

[8] История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: Воениздат, 1960. С. 221–222.
[9] Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. II. Поход графа Фермора в восточные области Пруссии. М.: Типография Окружного штаба, 1888.
[10] Масловский Д. Ф. Приложения к 1-му выпуску: Русская армия в Семилетнюю войну... Таблица № 21.
[11] Коробков Н. М. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. Семилетняя война. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1948. С. 29–43.
[12] Там же. С. 35.
[13] Там же. С. 28.
[14] Там же. С. 36–39.
[15] Там же. С. 41.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 40.
[18] Архив Князя Воронцова. Кн. 3. М.: Тип. Грачева и К°,1871. С. 65.
[19] Там же. С. 65.
[20] Военно-статистический сборник. Вып. IV. С. 42.
[21] Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е собрание (1649–1825). Т. 43: Книга штатов: Ч. 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800): 1711–1762. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии,1830. С. 294.
[22] Конспекты исторических очерков столетия военного министерства. СПб.: Тип. Т-ва М. О. Вольф, 1906. С. 300.
[23] Байов А. К. Курс истории русского военного искусства: Вып. III. Эпоха Императрицы Елизаветы. СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1909. С. 11.
[24] История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 168.
[25] Военно-статистический сборник. Вып. IV. С. 40.
[26] Масловский Д. Ф. Приложения к 1-му выпуску: Русская армия в Семилетнюю войну.... Таблица № 21. С. 300.
[27] Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. С. 63.
[28] Конспекты исторических очерков столетия военного министерства... С. 303.
[29]Андриайнен С. В. Империя проектов: государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 155.
[30] Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 217.
[31] Военная история: Учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации. М.: Воениздат, 2006.

А. А. Будко, С. Л. Спиридонов (Санкт-Петербург)

ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

В ЭТОМ ГОДУ исполняется 80 лет Победы Советского Союза над нацистской Германией и ее сателлитами в годы Великой Отечественной войны. Эта победа была достигнута благодаря героизму советских воинов, а также беспрецедентному подвигу всего советского народа, но наша страна заплатила за нее дорогую цену: общие людские потери СССР оцениваются в 26,6 млн человек[1]. При этом безвозвратные потери Красной армии составили 8 млн 668 тыс. 400 военнослужащих списочного состава[2].

В год знаменательного юбилея необходимо вспомнить и оценить особый вклад советской военной медицины в достижение нашей победы над нацизмом. Военно-медицинская служба Красной армии уже с первых дней войны должна была решать важнейшую государственную задачу по скорейшему возвращению в строй как можно большего количества раненых и больных бойцов и командиров, что являлось фактором стратегического значения[3].

Накануне Великой Отечественной войны, на I пленуме Ученого медицинского совета (далее — УМС) при начальнике Военно-санитарного управления Красной армии, его руководитель, Ефим Иванович Смирнов отметил, что «...находящиеся на излечении раненые представляют громадную ценность для действующих армий. Человек, который побывал в бою, который на практике усвоил современную боевую технику, один стоит десятка необстрелянных, не соприкасавшихся на деле с этой техникой»[4]. То есть уже в преддверии войны среди высшего руководства Красной армии было понимание, что проблема восполнения потерь личного состава не решается только за счет мобилизованных, поскольку

быстро сделать из них обученных бойцов невозможно (ил. 1).

Ил. 1. Ефим Иванович Смирнов, начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии (1939–1947), генерал-полковник медицинской службы. 1945 г. Из фондов ВММ МО РФ

Ефиму Ивановичу Смирнову, начальнику Главного военно-санитарного управления (далее — ГВСУ) Красной армии, выдающемуся деятелю отечественной медицины, генерал-полковнику медицинской службы (с 10.10.1943), принадлежит огромная заслуга в деле организации работы всей военно-медицинской службы в годы войны. Прекрасно осознавая главные задачи, стоящие перед военными медиками в условиях большой войны, он озвучил эти задачи на V пленуме УМС в феврале 1942 г.: «Мы должны: 1) вернуть в строй не менее 75% раненых; 2) свести к минимуму смертность среди раненых на этапах санитарной эвакуации; 3) свести к минимуму инвалидность среди раненых; 4) мы не должны допустить, чтобы инфекционные заболевания в войсках достигли масштабов эпидемических вспышек»[5].

На конференции хирургов Северо-Кавказского фронта в сентябре 1943 г. Е. И. Смирнов еще раз определил основную задачу медицинской службы: «Наша деятельность направлена только к тому, чтобы как можно лучше и скорее лечить раненых и больных и возвращать их обратно на фронт... Это — задача государственной важности, и от умелого выполнения ее будет зависеть наша помощь победе над врагом»[6].

Наиболее тяжелыми оказались первые дни Великой Отечественной войны. Военно-медицинская служба еще накануне испытывала нехватку кадров, а с началом войны 39,9% от всего количества врачей и 35,8% от численности больничных коек оказались на территориях, захваченных врагом. К тому же военные медики несли большие потери на полях сражений: в 1941 г. только безвозвратные потери офицеров-медиков превысили 4400 человек[7]. Значительные потери штатных санитаров, которые

Ил. 2. Санинструктор перевязывает раненого на поле боя. 1942 г.
Из фондов ВММ МО РФ

выносили раненых бойцов с поля боя и были под постоянным огнем противника, восполнялись боевыми санитарами из числа солдат. Для ликвидации дефицита были призваны работники гражданского здравоохранения, из них свыше 80 тыс. врачей. В условиях значительных материальных потерь в тыловых районах страны стала формироваться сеть госпиталей, насчитывающая более миллиона коек[8] (ил. 2).

Для усиления подготовки командно-медицинских кадров по инициативе Е. И. Смирнова в ноябре 1942 г. была проведена реформа Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (далее — ВМА им. С. М. Кирова), в составе которой появились командно-медицинский и лечебно-профилактический факультеты[9]. В академии за годы войны было подготовлено 1829 военных врачей, причем в 1941 г. было 2 досрочных выпуска[10]. Выпускники ВМА им. С. М. Кирова составили основную часть руководящих работников и главных специалистов военно-медицинской службы, а именно: 71 % начальников военно-санитарных управлений фронтов и их заместителей, 62 % начальников санитарных отделов армий и 60 % главных хирургов[11].

Мероприятия, проведенные Е. И. Смирновым, принесли заметный эффект. На 1 января 1943 г. укомплектованность

Ил. 3. Санитар Клавдия Орлова готовит раненого к эвакуации. Ленинградский фронт. Осень 1941 г. Из фондов ВММ МО РФ.
В бою 12 октября 1941 г. под г. Колпино К. А. Орлова вынесла с поля боя 43 раненых с их оружием

действующей армии врачами составляла 95 %, фельдшерами — 98 %, старшими операционными сестрами — 96,2 %, младшими сестрами — 93,8 %[12]. Численность врачей увеличилась с 44 729 чел. в июле 1942 г. до 67 507 чел. в мае 1945 г., а численность фельдшеров и операционных сестер — с 37 435 чел. в июле 1942 г. до 48 186 чел. в мае 1945 г.[13]

Всю тяжесть и опасность по спасению раненых и больных в боевых условиях разделили с мужчинами женщины-медики. Среди фронтовых врачей женщины составляли 41 %, среди военных хирургов — 43 %, среди санитарных инструкторов и санитаров — 40 %[14] (ил. 3).

Спасение раненых начиналось непосредственно на передовой. От быстрого выноса раненого с поля боя для оказания ему своевременной медицинской помощи зависели и его жизнь, и возможность его возвращения в строй. Особое внимание уделялось выносу раненых вместе с оружием, что помогало сохранять не только человеческий, но и военно-технический потенциал армии.

Ил. 4. Вынос раненого с поля боя. Ленинградский фронт. 1942 г.
Из фондов ВММ МО РФ

Об этом свидетельствует и приказ за подписью И. В. Сталина от 23 августа 1941 г. № 281 «О порядке предоставления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». В нем был расписан порядок представления к наградам военных санитаров и носильщиков, среди которых было много женщин, за вынос с поля боя раненых с их оружием[15].

Газета «Правда» отмечала большие успехи военных медиков уже в августе 1941 г.: «Каждый возвращенный в строй воин — это наша общая победа. Это — победа советской медицинской науки... Это — победа воинской части, в ряды которой вернулся старый, уже закаленный в сражениях воин... 75 % раненых после лечения возвращаются в строй...»[16] (ил. 4).

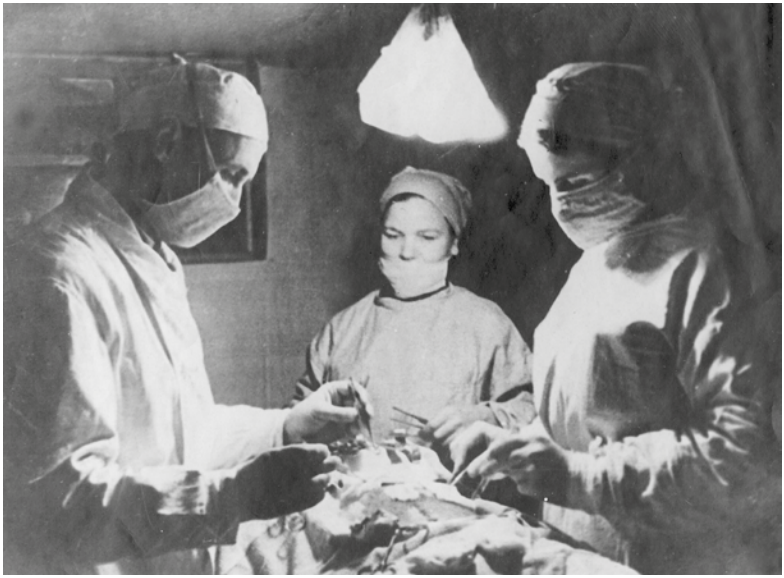
Успешная работа советской военной медицины была обусловлена разработкой и внедрением системы этапного лечения раненых и больных с эвакуацией по назначению. Эта система основывалась на теоретических трудах выдающихся отечественных ученых-медиков: Н. И. Пирогова, В. А. Оппеля, Б. К. Леонардова. Решающий вклад в ее внедрение внес Е. И. Смирнов. Основным ее элементом было четкое и последовательное оказание медицинской помощи раненым и больным, начиная с первой помощи на поле боя и заканчивая реабилитацией.

На V пленуме УМС Е. И. Смирнов также сформулировал военно-полевую медицинскую доктрину, которая имела исключительно важное значение для успешного функционирования всей системы лечения больных и раненых бойцов Красной армии: «1) единое понимание происхождения и развития болезни, единое понимание принципов хирургической и терапевтической работы в полевой санитарной службе; 2) преемственность в лечении раненых и больных на различных этапах эвакуации; обязательное наличие краткой, четкой и последовательной медицинской документации, позволяющей производить полноценную сортировку раненых и больных и обеспечивающей единую систему лечения, равно как и последовательность ее на различных этапах эвакуации; 3) наличие единой школы и единых взглядов на методы профилактики и лечения раненых и больных на разных этапах санитарной эвакуации одного эвакуационного направления; эта единая школа должна включать все лучшее, чем располагает современная медицинская наука как в теоретической, так и в практической области»[17] (ил. 5).

Военно-полевая медицинская доктрина предопределила пути совершенствования медицинского обеспечения армии, повышения его действенности. Реализация требований, изложенных в ней, была необходима, поскольку фронт пополнялся огромным числом врачей, призванных из запаса и не имевших достаточной военно-медицинской подготовки, или имевших практический опыт, приобретенный в мирное время, что не способствовало эффективной работе в военных условиях.

Благодаря неуклонному следованию принципам военно-полевой медицинской доктрины, которая не потеряла своей значимости до сих пор, военно-медицинская служба добилась высоких результатов в деле оказания помощи раненым и больным бойцам[18].

В реализации военно-полевой медицинской доктрины важную роль играла фундаментальная медицинская наука, которая должна была осваивать опыт, получаемый медиками во время войны. Для этого был необходим центр по сбору, хранению и изучению огромного количества материалов, связанных с работой военно-медицинской службы в условиях самой масштабной войны в истории. И таким центром стал Военно-медицинский музей с архивом военно-медицинских документов, созданный по инициативе Е. И. Смирнова в ноябре 1942 г. В 1943 г. музей открылся для посетителей в Москве. Через год началось



Ил. 5. Военврач 2-го ранга Д. А. Кривонос проводит операцию. Сталинградский фронт. 1942 г. Из фондов ВММ МО РФ

его перемещение в Ленинград, где находились ведущие научные центры медицинской науки — прежде всего Военно-медицинская академия, что давало возможность гораздо глубже и продуктивнее обобщать уникальные материалы, собранные сотрудниками музея[19] (ил. 6).

Количество материалов, поступавших с фронтов и из тыловых учреждений в новый музей, постоянно увеличивалось, в связи с чем увеличивался и объем работы музейного коллектива, усложнялись задачи, стоящие перед ним. Стало очевидным, что для изучения и обобщения опыта военно-медицинской службы во время войны одного только музея недостаточно. Ряд острых проблем, вставших тогда перед медициной, требовал углубленной научной разработки, поэтому в 1943 г. было принято решение о создании Академии медицинских наук СССР. Она была призвана стать координирующим центром всего здравоохранения страны, обеспечивающим своевременное изучение, обобщение и скорейшее внедрение в практику современных достижений отечественной и мировой медицинской мысли.

Ил. 6. Начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии генерал-лейтенант медицинской службы Е. И. Смирнов (слева) осматривает Музей Военно-медицинской службы Красной Армии в сопровождении начальника музея подполковника медицинской службы А. Н. Максименкова. Москва. 1943 г. Из фондов ВММ МО РФ

Толчком к интеграции научно-медицинских сил послужило постановление Совета Министров СССР от 26 марта 1946 г. № 664 «О научной разработке и обобщении опыта советской медицины во время Великой Отечественной войны», подписанное И. В. Сталиным. Благодаря четкой и слаженной работе ученых АМН СССР, Военно-медицинской академии и Военно-медицинского музея в короткие сроки были подготовлены и изданы фундаментальные труды «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 35 т., «Энциклопедический словарь военной медицины» в 6 т. и другие, внесшие значительный вклад в развитие медицинской науки и практики[20].

Великая Отечественная война явила целую плеяду выдающихся ученых-медиков, которые сыграли особую роль в медицинском обеспечении войск и в развитии военной медицины. В их числе создатель патологоанатомической службы армии Н. Н. Аничков, начальник Противоэпидемического управления ГВСУ Т. Е. Болдырев, главный хирург Красной армии Н. Н. Бурденко, главный терапевт Красной армии М. С. Вовси, заместитель

Ил. 7. Врачи Главного военно-санитарного управления Красной армии и председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Москва. 1944 г. Из фондов ВММ МО РФ.
В нижнем ряду 2-й слева — главный терапевт Красной армии полковник медицинской службы М. С. Вовси. Во 2-м ряду: 2-й слева — главный хирург Красной армии генерал-полковник медицинской службы Н. Н. Бурденко, 3-й слева — М. И. Калинин

главного хирурга Красной Армии С. С. Гироглав, главный хирург Военно-морского флота И. И. Джанелидзе, главный эпидемиолог и инфекционист Красной армии И. Д. Ионин, главный гигиенист Красной армии Ф. Г. Кротков, главный хирург Ленинградского фронта П. А. Куприянов, начальник Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова Л. А. Орбели и многие другие. Колоссальную работу по координации медицинского обеспечения фронта и тыла выполнил народный комиссар здравоохранения СССР, Уполномоченный Государственного комитета обороны Георгий Андреевич Митерев (ил. 7).

Медицинская служба ежемесячно возвращала в строй даже в трагическом 1941 г. до 200 тыс. чел., а в 1942 г. — уже до 350 тыс. чел., в 1943 г. — около 400 тыс., в 1944 г. — до 365 тыс. раненых и больных. Динамика возвращения в строй раненых и больных по тем же годам войны в тыс. человек и в процентах к среднемесячной численности наших войск характеризуется следующими цифрами: 929,3 тыс. (30,7 %) в 1941 г., 4191,8 тыс.

(78,9 %) в 1942 г., 4753,5 тыс. (74,4 %) в 1943 г. и 4386,4 (67,0 %) в 1944 г.[21] Подобных высоких показателей не было ни в одной из иностранных армий, воевавших в тот период.

Спасая других, военные медики несли значительные потери. За весь период Великой Отечественной войны погибло и пропало без вести 84 793 медика. Из них 5319 врачей, 9198 средних медицинских работников, 22 723 санитарных инструктора, 47 553 санитара и санитара-носильщика. Санитарные потери среди медицинского состава насчитывают 125 808 чел. На войсковое звено санитарной службы, действовавшее непосредственно на поле боя, приходилось до 88 % общих потерь[22].

Правительство СССР по достоинству оценило вклад военного и гражданского здравоохранения в общее дело Победы над гитлеровской Германией. 13 наиболее отличившихся руководителей военной медицины были награждены полководческими орденами (среди них — и генерал-полковник Е. И. Смирнов). За особые подвиги 42 военных медика были удостоены звания Героя Советского Союза, 18 стали кавалерами ордена Славы трех степеней. Главный хирург Красной Армии генерал-полковник Н. Н. Бурденко, начальник Военно-медицинской академии генерал-полковник Л. А. Орбели и главный хирург ВМФ генерал-лейтенант И. И. Джанелидзе стали Героями Социалистического Труда. Более 116 тыс. военных медиков и 30 тыс. работников гражданского здравоохранения были награждены различными орденами и медалями СССР. Высшей наградой Международного Комитета Красного Креста, медалью Флоренс Найтингейл были награждены 44 медицинских сестры[23] (ил. 8).

Выдающиеся советские полководцы, знаменитые маршалы Победы по окончании войны высоко ценили труд военных медиков. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «В условиях большой войны достижение победы над врагом зависит в немалой степени и от успешной работы военно-медицинской службы, особенно военно-полевых хирургов»[24].

Маршал Советского Союза А. М. Василевский отмечал: «Героические подвиги медицинских работников, сопровождавшиеся напряжением всех сил и воли, их ратный труд, связанный с риском для собственной жизни во имя спасения жизни раненых солдат и офицеров, защищавших честь и свободу отчизны и освобождавших из-под ига фашистского рабства многие народы Европы, достойны подражания»[25].

Ил. 8. Перевязка раненого в вагоне-перевязочной военно-санитарного поезда №-1052. 2-й Прибалтийский фронт. 1944 г.
Из фондов ВММ МО РФ

В своих мемуарах маршал Советского Союза И. С. Конев подчеркивал: «Мне особенно хотелось бы выделить медиков, и не только потому, что другие службы тыла значили меньше или больше; от каждой службы, от того, как она подготовлена и организована, зависело многое... Но труд медиков, призванных спасать самое дорогое — человеческие жизни, — я бы сказал, наглядно, поистине, без всяких оговорок, благороден. А на войне, где смерть косит людей без разбора, в особенности благороден»[26].

Вспоминая о Великой Отечественной войне, маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский посвятил ряд строк и медицинской службе: «Поистине наши медики были тружениками-героями. Они делали все, чтобы скорее поставить раненых на ноги, дать им возможность снова вернуться в строй. Нижайший поклон за их заботу и доброту!»[27] (ил. 9).

В целом, за период войны в лечебных учреждениях всех наименований было учтено более 22 млн 326 тыс. 905 чел. госпитализированных[28]. Усилиями военно-медицинской службы Красной армии и гражданского здравоохранения было возвращено в строй 72,3% всех раненых и 90,6% всех больных воинов, или, если считать в абсолютных показателях, свыше 17 млн человек[29]. Если

Ил. 9. Группа врачей и медсестер хирургического полевого подвижного госпиталя № 1157 3-й армии в Берлине у стен Рейхстага. Май 1945 г. Из фондов ВММ МО РФ

сопоставить эту цифру с численностью наших войск на 1 января 1945 г., которая составляла 6 млн 700 тыс. чел.[30], то можно сказать, что военно-медицинская служба обеспечила воссоздание 2,5 армий Победы! Иными словами, военные медики с честью выполнили свою главную задачу: возвращенные благодаря им в строй солдаты и офицеры освобождали Европу, штурмовали Берлин и победоносно завершили Великую Отечественную войну.

---

[1] Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М., 2020. С. 267.

[2] Россия и СССР в войнах: Книга потерь. М., 2010. С. 227.

[3] Баграмян И. Х. Всемерно повышать боеготовность медицинской службы // Военно-медицинский журнал. 1963. № 5. С. 5.

[4] Чиж И. М. Вклад медицинской службы в Победу в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 1995. № 5. С. 5.

[5] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1945–1945: Сб. документов и материалов / Под ред. М. И. Барсукова, Д. Д. Кувшинского. М., 1977. С. 105.

[6] Крутов В. С., Зюзгин С. А., Пономаренко В. Н., Цветков В. В. Роль медицинской службы в восполнении боевых потерь в личном составе в годы войны // Военно-медицинский журнал. 1995. № 4. С. 4.

[7] Будко А. А. «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом...» // Военно-медицинский журнал. 2010. № 5. С. 76.
[8] Быков И. Ю., Гайдар Б. В. Вклад Советской медицины в достижение Победы в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 2005. № 5. С. 12.
[9] Российская Военно-медицинская академия (1798–1998) / Под ред. проф. Ю. Л. Шевченко. СПб., 1998. С. 630.
[10] Быков И. Ю., Гайдар Б. В. Вклад Советской медицины в достижение Победы... С. 5.
[11] Крутов В. С., Зюзгин С. А., Пономаренко В. Н., Цветков В. В. Роль медицинской службы в восполнении боевых потерь... С. 11.
[12] Будко А. А. «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом...»... С. 80.
[13] Комаров Ф. И., Лобастов О. С. Основные итоги и уроки медицинского обеспечения Советской Армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1990. № 5. С. 10.
[14] Быков И. Ю., Гайдар Б. В. Вклад Советской медицины в достижение Победы... С. 8.
[15] Главные победы военных врачей: военные врачи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краткий историко-биографический справочник / Под общей ред. А. А. Будко. СПб., 2016. С. 10.
[16] Правда. 1941. № 218. 9 авг. С. 1.
[17] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 105–106.
[18] Шелепов А. М., Леонов И. Т., Веселов Е. И. Маршал военной медицины. СПб., 2008. С. 33–34; Комаров Ф. И. Советская военная медицина в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 1985. № 5. С. 11.
[19] Будко А. А., Чигарева Н. Г. Прошлое и настоящее Военно-медицинского музея (к 75-летию со дня образования) // Военно-медицинский журнал. 2017. № 11. С. 85–86; Будко А. А., Журавлев Д. А. Военно-медицинскому музею 70 лет // Защита и безопасность. 2012. № 4. С. 46.
[20] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М., 2015. С. 446.
[21] Чиж И. М. Вклад медицинской службы в Победу... С. 6.
[22] Главные победы военных врачей: военные врачи в годы Великой Отечественной войны... С. 93; Чиж И. М. Вклад медицинской службы в Победу... С. 9.
[23] Главные победы военных врачей: военные врачи в годы Великой Отечественной войны... С. 92–93.
[24] Вишневский А. А. Дневник хирурга. М., 1970. С. 5.
[25] Смирнов Е. И. Война и военная медицина. М., 1976. С. 6.
[26] Конев И. С. Сорок пятый. М., 1966. С. 256.
[27] Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968. С. 304.
[28] Россия и СССР в войнах: Книга потерь... С. 231–232.
[29] Быков И. Ю., Гайдар Б. В. Вклад Советской медицины в достижение Победы... С. 8.
[30] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1984. С. 515.

А. И. Бурменский, И. М. Гостев (Архангельск)

КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ НОВОДВИНСКОЙ КРЕПОСТИ В КУЛЬТУРНЫЙ ОБОРОТ

НОВОДВИНСКАЯ КРЕПОСТЬ — первая каменная бастионная крепость России, первая приморская крепость. Она была заложена на острове Линский Прилук на берегу Березовского устья (Корабельного рукава) дельты Северной Двины в 19,5 км от Архангельска в мае 1701 г. и возводилась двадцать лет. В конце июня 1701 г. гарнизон строящихся укреплений отразил нападение авангарда шведской эскадры, направлявшейся к городу-порту. На следующий год Петр I от стен строившейся крепости направится в поход на Ладогу, где осадил и взял Шлиссельбург (Орешек). Четырехбастионная каменная цитадель за следующие десятилетия станет центром крупного, глубокоэшелонированного укрепленного района береговой обороны, защищавшего Архангельск более ста лет. В 1862–1864 гг. по указу Александра II были ликвидированы главный военный порт в Архангельске и адмиралтейство, а также Новодвинская крепость.

С 1860-х гг. начался длительный период разрушения памятника. Годы запустения чередовались с целенаправленным разрушением исторических сооружений. В 1865 г. крепость была передана Архангельской епархии, которая обещала использовать крепостные здания под женское епархиальное училище и приют для престарелых священников. Однако в реальности церковь превратила крепость в каменоломню, используя материалы от разборки зданий и крепостных стен не только на собственные нужды, но и для продажи на сторону. В Первую мировую (1914–1918) и в Гражданскую войну (1918–1920) в крепости размещался склад боеприпасов. С 1930-х гг. на ее территории размещались

Ил. 1. Архангельская Новодвинская крепость с высоты птичьего полета. 2019 г. Фотография А. Поздеева

цеха спецзавода НКВД № 1 «Конвейер», а позже промышленная зона исправительного учреждения УГ 42/7. Постановлением Совета Министров РСФСР № 389 от 22 мая 1947 г. Новодвинская крепость получила статус памятника архитектуры, подлежащего государственной охране, который позже неоднократно подтверждался. Тем не менее, исправительная колония № 7 активно эксплуатировала территорию и объекты памятника вплоть до конца 2007 г., когда крепость была передана в ведение Архангельского областного краеведческого музея (ныне Архангельский краеведческий музей) (ил. 1).

С начала 2008 г. перед музеем встал вопрос о необходимости проведения на территории объекта культурного наследия федерального значения мероприятий по введению его в культурный оборот. За полтора века, прошедших после ликвидации крепости, она выпала из исторической памяти местного населения. Практически единственными источниками информации о ней был роман Ю. Германа «Россия молодая» (1952) и повесть К. Коничева «Петр Первый на Севере» (1973). Однако находящаяся в ведомстве сначала НКВД, затем ГУЛага и его наследников УИН — УФСИН, огороженная колючей проволокой, крепость не смогла стать съемочной площадкой одного из первых отечественных телесериалов «Россия молодая» и вообще была недоступна для осмотра. О ней знали только специалисты, жители близлежащих

Ил. 2. Двинской (западный) фронт крепости в 2009 г. Крупные машины и механизмы, брошенные предыдущим пользователем, уже убраны. Фотография И. Гостева

поселков на окраине Архангельска, работавшие там заключенные да рыбаки, проплывавшие на катерах мимо нее. Абсолютное большинство жителей Архангельска в лучшем случае знали только ее название, и практически никто не знал, где она расположена. Эту проблему предстояло решить.

Для обеспечения возможности показа Новодвинской крепости работа одновременно проводилась по нескольким направлениям. Прежде всего, необходимо было освободить территорию от многолетних наслоений следов хозяйствования. Крепость была практически не видна с реки из-за гор металлолома, старой списанной, брошенной автотракторной техники и водного транспорта, а также старых складских построек. На территории крепостного двора было множество производственных зданий в различной стадии руинирования, служебные постройки охраны, ряды колючей проволоки и смотровые вышки (ил. 2). На полную расчистку территории от металлолома и наземных сооружений ушло пять лет, после чего выяснилось, что слой техногенного мусора, закрывающего горизонт XIX в., состоящий из шлака, кирпича, бревен и досок, кусков металла и бетона, тканей, пластика, составляет

Ил. 3. Археологические работы, идущие одновременно с консервацией Двинских ворот и Комендантского дома крепости. 2008 г. Фотография А. Беличенко

от 0,6 до 2 м, что вызывает подсос грунтовых вод, ведущий к подтоплению исторических построек в весеннее время. Способствовало этому и искусственное расширение береговой черты перед крепостью, что сделало невозможным дренаж территории. Такие работы по восстановлению береговой черты и уборке слоя техногенного мусора потребовали проведения большого комплекса археологических и геологических исследований, а также проектных работ, которые были начаты только в 2023 г. и до настоящего времени полностью не окончены.

В 2008 г. музеем была составлена заявка на проведение первичных работ по консервации наиболее аварийных сооружений: осыпающихся арок въездных ворот, двухэтажных Комендантского и Офицерского корпусов (домов) и порохового погреба. В воротных проемах в западной и южной куртинах устанавливались кружала, остановившие осыпание арок. Данные конструкции

Ил. 4. Комендантский дом в процессе реставрации. 2014 г.
Фотография И. Гостева

исполняют свою функцию до сегодняшнего дня и будут демонтированы только после окончания реставрации зданий.

Для изучения степени сохранности оставшихся сооружений с 2008 г. начали производиться археологические раскопки. В первый год они велись внутри и вокруг Двинских ворот (ил. 3), в 2009 г. — внутри крепостного двора рядом с корпусами, а также в центре на месте сгоревшей церкви Петра и Павла, построенной летом 1702 г. для празднования тезоименитства царя и сгоревшей в 1877 г. Работы проводились силами студентов-историков местного университета. Результаты обследования не только выявили архитектурные особенности разных типов сооружений, но и элементы, считавшиеся утраченными. Полученные в ходе работ находки пополнили коллекции музея. В дальнейшем они стали основой архитектурно-археологического раздела экспозиции по крепости.

В 2010 г. под эгидой Министерства культуры Российской Федерации начались проектно-сметные работы по реставрации отдельных объектов Новодвинской крепости. В 2012 г. началась

Ил. 5. Отрезок туристического маршрута вокруг Порохового погреба: деревянные мостки, смотровая площадка со стендами, прокашиваемые тропы. 2019 г. Фотография И. Гостева

реставрация Комендантского дома и Двинских ворот (ил. 4). К сожалению, в 2014 г. финансирование было сильно урезано, в 2015 г. остановилось, в результате чего остановились и сами работы.

После производства первых консервационных мероприятий и археологических работ в 2008–2009 гг. работа с памятником осуществлялась точечно, с расчетом на возможное финансирование в будущем, например, установка технической кровли поверх кирпичных сводов порохового погреба. Доступ на остров и сам объект сильно затруднен. Чтобы популяризовать историческое, архитектурное и археологическое наследие предшественницы и прообраза Петропавловской крепости Санкт-Петербурга, привлечь туристический поток, сотрудники музея развернули работу по введению объекта в культурный оборот.

В 2011 г. работниками Архангельского краеведческого музея подготовлен и принят «Стратегический план сохранения и развития Архангельской Новодвинской крепости 2011–2025 гг.»[1]. Также запущен пробный экскурсионно-туристический маршрут в Новодвинскую крепость, выполнено оборудование экскурсионного маршрута: проложены деревянные тротуары, построены лестницы на вал, устроена смотровая площадка на шпице Флажного бастиона крепости (ил. 5), что позволило в 2012 г. запустить

Ил. 6. Занятия с детьми в летней археологической школе в Новодвинской крепости. Фотография А. Поздеева

регулярную автобусную экскурсию летнего сезона «Северный форпост» (общей длительности до 6 часов).

В 2012 г. вышло из печати первое издание буклета «Архангельская Новодвинская крепость: Краткая история», которое к сегодняшнему дню выдержало четыре переиздания[2]. На тех же материалах у стен крепости была открыта уличная плоскостная выставка об истории крепости. В 2014 г. экскурсионный маршрут «Северный форпост» победил в региональном конкурсе на лучший военно-исторический туристический проект Российского военно-исторического общества[3].

С 2012 г. по инициативе Архангельского краеведческого музея и учеников и педагогического коллектива средней общеобразовательной школы № 57 (ныне МБОУ СШ № 54) была проведена весенне-летняя волонтерская акция для школьников Архангельска «Новодвинской крепости — новую жизнь!». Это мероприятие проводится ежегодно, в мае – июне. Формат акции следующий: школьники с учителями совершают пешие походы до крепости протяженностью 8 км, для них проводятся экскурсии, занятия,

после отдыха они помогают работникам музея в подготовке экскурсионного маршрута к туристическому и полевому археологическому сезону (ил. 6). В последующие годы к акции присоединились образовательные учреждения Архангельска и Приморского района области. Оператором по приему заявок в структуре Министерства просвещения является школа № 54. В среднем в каждый сезон в акции принимают участие более двухсот учащихся и педагогов.

В 2012 г. на средства спонсоров был изготовлен и установлен поклонный крест в центре крепостного двора на месте церкви Петра и Павла, который был освящен митрополитом Архангельским Даниилом 12 июля, в День святых апостолов Петра и Павла. В этот день над крепостью вновь был поднят Российский флаг. С тех пор ежегодно к этому месту совершается крестный ход, и в крепости проводится праздничная служба. К этому дню был приурочен День Новодвинской крепости, который начинался как праздник для местных жителей. Не проводился он только в период пандемии COVID-19. За минувшие годы это стал большой общегородской праздник — фестиваль, вышедший за пределы крепости на центральную городскую набережную. Стандартными элементами каждого Дня крепости являются бесплатные экскурсии, лекции, мастер-классы, игры (для взрослой и для детской аудитории), а также костюмированные представления, выступления клубов исторической реконструкции, театральные постановки, показ фильмов (ил. 7).

В 2017 г. после долгого перерыва возобновились регулярные археологические исследования под руководством А. Бурменского, был переработан и принят уточненный стратегический план развития памятника[4]. Весной в главном здании музея — Архангельских Гостиных дворах открыта экспозиция «Архангельский север в первой трети XVIII в. Петровские реформы и Северная война» (автор И. Гостев), где представлены макеты, мультимедиа реконструкции, исторические реликвии и археологические находки из первых раскопок Новодвинской крепости.

С 2018 г. регулярно проводится полевая архитектурно-археологическая школа для школьников и студентов (под разными названиями)[5].

С 2019 г. на экскурсионном маршруте сделан доступным для показа один из самых необычных архитектурных помещений крепости — коридор и камера с бассейном сутеренга северного

Ил. 7. День Новодвинской крепости для местных жителей. 2019 г. Фотография И. Гостева

участка западной куртины. Подобных сооружений в крепостных валах изначально было двенадцать. От правильного их функционирования зависит возможность дальнейшей реставрации и эксплуатации памятника. В ходе археологических работ внутри общих границ ОКН выявлены «пустые» участки, без следов культурного слоя или архитектурных сооружений, возникшие в результате антропогенного воздействия в период существования промышленного предприятия и исправительного учреждения.

В 2021 г. было принято решение о выделении культурного слоя в отдельный объект археологического наследия под названием «Культурный слой памятника истории и архитектуры (ансамбля) «Новодвинская крепость» с прилегающей территорией форштадта». Он поставлен на государственную охрану. 6 августа 2021 г. на территории крепости был проведен масштабный субботник по расчистке территории в рамках всероссийского проекта «Чистая Арктика», в которой приняли участие не только все желающие горожане, но и руководство города и области во главе с губернатором Архангельской области А. В. Цыбульским. В конце года были разработаны и утверждены дорожная карта

Ил. 8. Реконструкторы, участники фестиваля «День Новодвинской крепости» в 2022 г. Фотография И. Гостева

и проектная документация, включающая масштабные работы по благоустройству и археологическим исследованиям (по материалам предшествующих работ).

В 2022 г. проведен масштабный фестиваль «День Новодвинской крепости», посвященный 350-летию со дня рождения Петра I. Во второй день фестиваля на территории крепости собралось не менее 6,5 тыс. посетителей и участников (ил. 8, 9). В течение летних месяцев силами сводного студенческого отряда из шести городов России была проведена подготовка территории крепости для масштабных противоаварийных и археологических работ[6]. Для популяризации крепости и проходящих на нем в 2022 г. мероприятий оператор гранта, Архангельское отделение Российских студенческих стройотрядов, запустило сайт проекта https://krepost.info с разделами об истории памятника, информацией для туристов о маршруте, информацией о фестивале. Сейчас данный сайт передан в пользование музею. Актуальная информация о памятнике также выкладывается на основном сайте музея https://kraeved29.ru/ (вход с главной страницы в специальный раздел через нажатие на логотип). Музею были также переданы права на официальные логотипы мероприятия:

Ил. 9. Посетители и журналисты на мастер-классах в «День Новодвинской крепости» в 2022 г. Фотография И. Гостева

черно-белый абрис крепости и портрет Петра I на фоне стен. Портрет Петра I — это стилизация в виде черно-белой гравюры, схожей с работой Джона Смита по живописному портрету Готфрида Неллера, фон — панорама крепости со стороны реки из книги Корнелия Де Бруина «Путешествие в Московию». С 2023 г. любое мероприятие или продукт, в том числе сувенирный, сопровождается этими логотипами. Примером подобного медиапродукта является мини-фильм, отснятый специалистами местного телеканала «Регион 29» в 2024 г. во время проведения археологических работ, целью которого являлась реклама «Дня Новодвинской крепости», проходившего в Архангельских Гостиных дворах. В 2022 г. Министерство культуры Российской Федерации провело конкурс на выполнение противоаварийных работ с применением спецтехники, которые начались осенью того же года. Исполнителем выступил ФГУП «ЦНРПМ» (Москва).

По инициативе регионального министерства культуры был составлен мастер-план по развитию объекта культурного наследия и близлежащей территории как историко-архитектурного парка под открытым небом (ил. 10). Разработчиком выступил ООО «ЛЕНГИПРОГОР». В 2023 и 2024 гг. были проведены

Ил. 10. Изометрическая проекция проектируемого туристического кластера «Новодвинская крепость». 2022 г. ЛЕНГИПРОГОР

масштабные работы по расчистке местности, по уборке балласта с участков, выявленных авторами в 2019 г. К сожалению, это вынудило ограничить свободный доступ посетителей на территорию памятника, однако экскурсионная программа для организованных групп продолжалась до осени 2024 г. На данный момент вопрос о продолжении экскурсионного обслуживания поставлен на повестку дня. Объем выполненных земельных работ не позволяет эксплуатировать более двух третей маршрута. В частности, не доступны для осмотра фоссебрея Рогаточного бастиона, Двинские ворота, Флажный бастион.

В 2023 г. помимо основных археологических работ были выполнены проектно-сметные работы по реставрации Комендантского корпуса и Двинских ворот крепости, так как предыдущий проект устарел и, как оказалось, содержал довольно много ошибок (проект сдан в 2024 г., разработчик ООО «АИК ЭНЕРГО»).

Завершение реставрации и ввод в эксплуатацию Комендантского дома станет поворотной точкой в комплексе мероприятий по введению памятника в культурный оборот. Это позволит оборудовать помещение для приема посетителей, разместить в нем экспозиционные пространства, где можно будет продемонстрировать макеты, манекены, карты, планы, схемы, чертежи, подлинные экспонаты разных эпох существования крепости. Введение

в эксплуатацию Комендантского дома даст возможность принимать и обслуживать посетителей круглогодично, что сейчас невозможно. Полученный опыт при реставрации этого здания можно экстраполировать на аналогичные работы в Офицерском доме, подвергшемся значительно большему разрушению.

Работы продолжаются. Объектами показа в крепости могут стать любые расчищенные фундаменты как сохранившихся зданий (пороховой погреб Флажного бастиона, снаружи), так и разобранных в XIX в. (остальные пороховые погреба, казармы, артиллерийский цейхгауз).

---

[1] Стратегический план сохранения и развития Архангельской Новодвинской крепости 2011–2025 гг. Архангельск, 2011. 12 с.

[2] Гостев И. М. Архангельская Новодвинская крепость: Краткая история (Буклет). Архангельск, 2012, 2013, 2018, 2019, 2022. 24 с.

[3] https://29.ru/text/gorod/2014/10/08/60304651/ (Дата последнего обращения 29.01.2025 г.).

[4] Гостев И. М., Бурменский А. И. и др. Стратегический план сохранения и развития Архангельской Новодвинской крепости 2011–2025. Исправленный и дополненный на декабрь 2016 г. Архангельск: АКМ, 2016. 12 с.

[5] В 2018 г. работа осуществлялась за счет средств гранта фонда «История Отечества» РИО, в 2024 г. проект «Полевая школа: Новодвинская крепость для всех» осуществлялся за счет средств фонда губернатора Архангельской области; Подробнее см.: Бурменский А. И. Археологическая школа 2018–2019 гг. на Новодвинской крепости. Методы реализации и результаты работ // Археология в музейных коллекциях. Архангельск, 2019. С. 161–164.

[6] За счет средств Президентского фонда культурных инициатив, проект «Россия молодая: от депрессии к месту силы».

А. В. Вахтеров, Н. М. Дусаев (Москва)

РОЛЬ ЗАПАСНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ПОЛКОВ В ФОРМИРОВАНИИ И СНАБЖЕНИИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ЧАСТЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ 53-го ЗАПАСНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ИСТОРИЯ воинских подразделений, участвовавших во Второй мировой войне, представляет собой не только хронику боевых действий, но и сложный комплекс данных, отражающих организацию, оснащение и материально-техническое обеспечение.

В нашем исследовании проанализированы числовые данные, касающиеся формирования, снабжения и технического оснащения воинских артиллерийских частей и подразделений на базе 53-го запасного артиллерийского ордена Красной Звезды полка (далее — 53 зап) (ил. 1)[1]. Основная задача 53 зап заключалась в формировании артиллерийских частей и подразделений, подготовке и обучении военнослужащих, а также в снабжении формируемых частей

Ил. 1. Исторический формуляр 53-го запасного артиллерийского полка. ЦАМО

всем необходимым — от вооружения и боеприпасов до продовольствия и медицинских запасов. Благодаря высокой организованности и профессионализму личного состава полк стал ключевым звеном в обеспечении армии ресурсами, что способствовало успешным действиям на фронте и в тылу.

Предыстория

На материалы 53-го запасного артиллерийского полка помогли выйти поисковые мероприятия по установлению боевого пути участника Великой Отечественной войны А. М. Усанова (ил. 2).

Усанов Алексей Мигалеевич, 1915 г. р., башкир, урож.: д. Чарлак, Бишкураевский с/с, Кондринский р-н, Башкирская АССР. Рабочий (автослесарь), беспартийный. В Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее — РККА) с 13.12.1940 г. (принял присягу[2]). Призван Выборгским РВК, Ленинградская обл. (г. Ленинград, Выборгский р-н)[3]. Образование: общее — 5 кл.; военное — в мае 1941 г. — 4 месяца полковой школы (или курсы

Ил. 2. А. М. Усанов (второй слева). 1935 г. Фотография из семейного архива А. В. Баженовой, внучки А. М. Усанова

младшего начальствующего состава (далее — МНС))[4]. Рядовой (1941), гвардии сержант (1945).

В Великой Отечественной войне: июль–ноябрь 1941 г. — вероятно, Юго-Западный фронт (на Украине), возможно, раненым попал в плен, в ноябре–декабре 1941 г. содержался в лагере для военнопленных в г. Минске, бежал[5]; с декабря 1942 г. по июль 1944 г. — разведчик отряда (впоследствии бригады) «Беларусь», действовавшем в Руденском и Борисовском р-не Минской области[6] (ил. 3); в конце 1944 г. до 17.04.1945 г. — в 208-м запасном стрелковом полку[7], 17.04.1945 г. направлен в 53-й фронтовой запасной артполк (приказ по 208 зсп № 151)[8]; с 19.04.1945 г. (приказ № 65) — наводчик 5-й батареи 265-го истребительного противотанкового полка 23-й отдельной истребительной противотанковой бригады[9]. Демобилизован 1.11.1948 г. (приказ по полку № 211)[10].

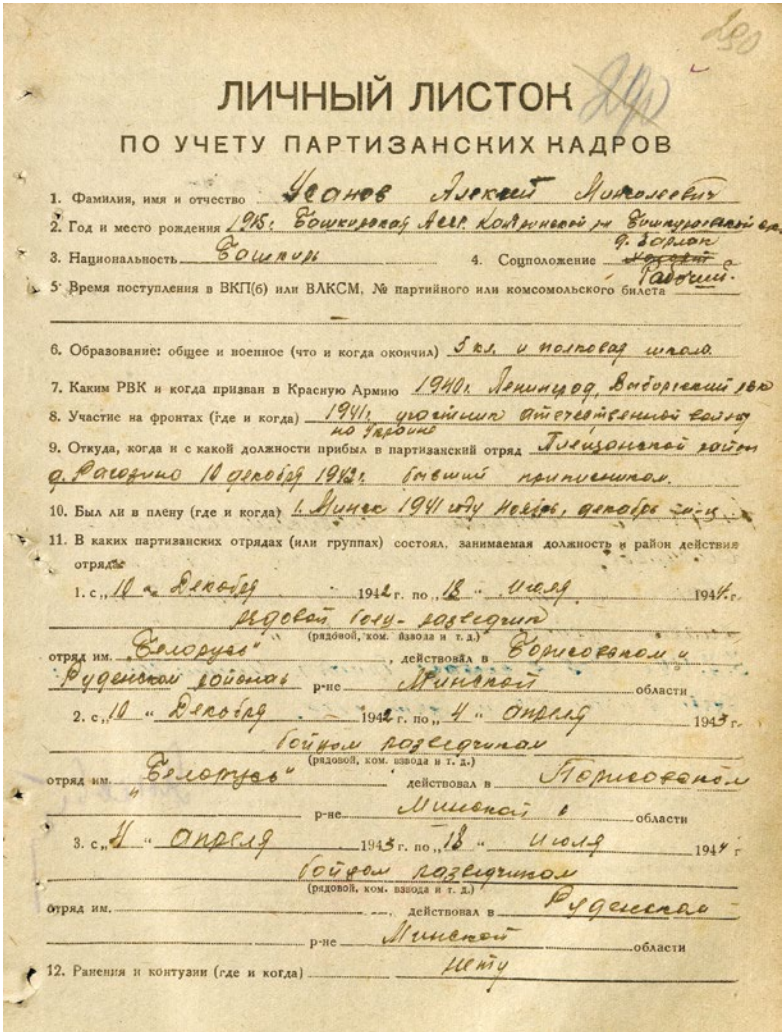
Награды: в 1944 г. представлен к награждению орденом Красной Звезды, награжден медалью «Партизану Отечественной войны» II степени[11]; в феврале 1945 г. отличился в боях за Кенигсберг, 25.05.1945 г. награжден медалью «За отвагу»[12].

Сбор и изучение материалов по участнику Великой Отечественной войны А. М. Усанову приобрели характер детектива. В электронной базе данных ЦАМО имеется отсылка на страницу Усанова А. М. на проекте «Книга памяти блокадного Ленинграда»[13].

До войны А. М. Усанов проживал в Выборгском районе г. Ленинграда, женился. В 1939 г. у четы родился сын. А. М. Усанов на войну призван Выборгским РВК. Больше свою жену и ребенка он не видел. После войны пытался разыскать своих близких, но безрезультатно, их судьба осталась неизвестной.

Историческая справка

53-й запасной артиллерийский полк сформирован 21 августа 1941 г. в Майкопе на основании директивы командующего артиллерией Красной армии маршала артиллерии Н. Н.Воронова и приказа командующего Северо-Кавказским военным округог (далее — СКВО) № 00249 (ил. 4). Полк входил в состав 26-й запасной стрелковой бригады и состоял из двух учебных и трех линейных дивизионов. В период Великой Отечественной войны полком командовали полковник Василюк и гв. подполковник Тимашев[14].



ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК

ПО УЧЕТУ ПАРТИЗАНСКИХ КАДРОВ

1. Фамилия, имя и отчество Усанов Алексей Николаевич
2. Год и место рождения 1915, Башкирская АССР Кармаскалинский р-н Кашкурганский с/с, д. Барлак
3. Национальность башкир 4. Соцположение Крестьянин с Рабочий
5. Время поступления в ВКП(б) или ВЛКСМ, № партийного или комсомольского билета
6. Образование: общее и военное (что и когда окончил) 5 кл. и полковая школа
7. Каким РВК и когда призван в Красную Армию 1940г. Ленинград Выборгский РВК
8. Участие на фронтах (где и когда) 1941г. участник Отечественной войны на Украине
9. Откуда, когда и с какой должности прибыл в партизанский отряд Полесского райкома г. Рогачево 10 декабря 1942г. бывший председатель
10. Был ли в плену (где и когда) г. Минск 1941 году ноябрь, декабрь месяц
11. В каких партизанских отрядах (или группах) состоял, занимаемая должность и район действия отряда

1. с „10" декабря 1942 г. по „18" июля 1944 г.
(рядовой, ком. взвода и т. д.) рядовой боец-разведчик
отряд им. „Белорусь", действовал в Полесском и Рудобельском войсках р-не Минской области

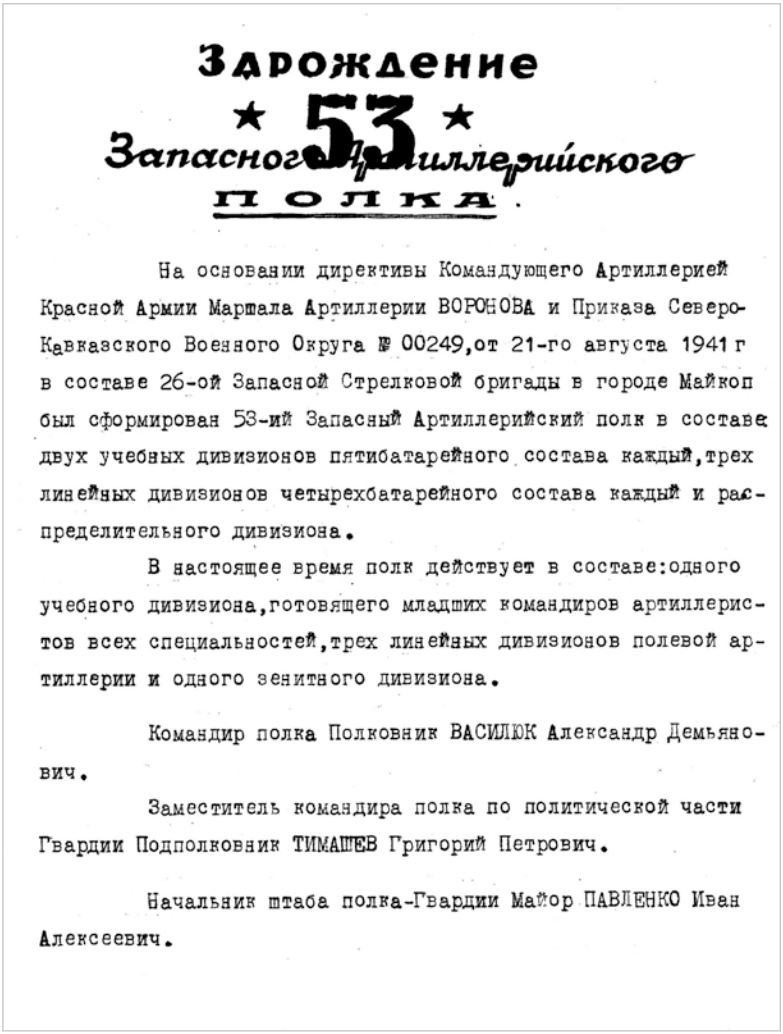
2. с „10" декабря 1942 г. по „4" апреля 1943 г.
(рядовой, ком. взвода и т. д.) боцом разведчиком
отряд им. „Белорусь", действовал в Полесском р-не Минской области

3. с „4" апреля 1943 г. по „18" июля 1944 г.
(рядовой, ком. взвода и т. д.) боцом разведчиком
отряд им. ..., действовал в Рудобельском р-не Минской области

12. Ранения и контузии (где и когда) нету

Ил. 3. Личный листок по учету партизанских кадров. А. М. Усанов. Вэб-сайт «Партизаны Беларуси»

Помимо основной задачи по формированию артиллерийских частей, с первых дней войны полк активно участвовал в борьбе с оккупантами, преодолев более шести тысяч километров и сменив 26 районов дислокации (ил. 5).



Зарождение
★ 53 ★
Запасного артиллерийского
полка.

На основании директивы Командующего Артиллерией Красной Армии Маршала Артиллерии ВОРОНОВА и Приказа Северо-Кавказского Военного Округа № 00249, от 21-го августа 1941 г в составе 26-ой Запасной Стрелковой бригады в городе Майкоп был сформирован 53-ий Запасный Артиллерийский полк в составе двух учебных дивизионов пятибатарейного состава каждый, трех линейных дивизионов четырехбатарейного состава каждый и распределительного дивизиона.

В настоящее время полк действует в составе: одного учебного дивизиона, готовящего младших командиров артиллеристов всех специальностей, трех линейных дивизионов полевой артиллерии и одного зенитного дивизиона.

Командир полка Полковник ВАСИЛЮК Александр Демьянович.

Заместитель командира полка по политической части Гвардии Подполковник ТИМАШЕВ Григорий Петрович.

Начальник штаба полка-Гвардии Майор ПАВЛЕНКО Иван Алексеевич.

Ил. 4. Формирование 53-го запасного артиллерийского полка

С 12 июня 1942 г. в боях за Сталинград[15] приняли участие учебный и 2-й дивизионы полка, поступившие в распоряжение 147-й стрелковой дивизии (далее — сд) 62-й армии (далее — А). Дивизионы сражались в районе Верхней Осиновки и станции

Ил. 5. Боевой путь 53-го запасного артиллерийского полка

Суровикино. Боевой вклад дивизионов в дело обороны Сталинграда представлен в сведениях за 28 июля 1942 г. За этот день учебный дивизион отразил 8 атак, уничтожил 2 артиллерийские и подавил 3 минометные батареи противника, были сбиты 2 вражеских самолета и уничтожено 1800 солдат и офицеров. В ходе боев за сутки погибли лейтенант Зелексон и пять курсантов. Капитаны Краснощеков, Петров, лейтенанты Зелексон и Миронов, мл. лейтенант Братчиков, военфельдшер Поливенко, ст. сержанты Красиков и Крылов награждены боевыми наградами.

С 26 февраля по 18 апреля 1944 г. пять батарей полка участвовали в освобождении Крыма, прорыве обороны фашистов на Перекопе и Сиваше в составе 2-й гв. артиллерийской дивизии (далее — АД)[16]. В боях за Перекоп и г. Геническ батареями уничтожено три артиллерийские, подавлено три артиллерийские и две зенитных батареи фашистов, уничтожено три дота и до трех рот противника. Личному составу батарей за образцовое выполнение боевых задач при прорыве обороны противника на Перекопском перешейке командованием 2-й гв. АД объявлена благодарность. 11 офицеров и солдат награждены боевыми орденами и медалями.

Ил. 6. Количество награжденных в 53-м запасном артиллерийском полку орденами и медалями Советского Союза

Орденом Красной Звезды 53-й запасной артиллерийский полк награжден 28 января 1945 г. за образцовое выполнение боевых задач во время овладения городом и крепостью Пиллау.

К концу войны в полку произведено награждений орденами: Боевого Красного Знамени — 5; Отечественной войны I ст. — 4; Отечественной войны II ст. — 9; Красной Звезды — 52; медалями: «За отвагу» — 34; «За боевые заслуги» — 43; «За оборону Москвы» — 12; «За оборону Сталинграда» — 485 (ил. 6).

Формирование воинских частей и подразделений

С августа 1941 г. по апрель 1945 г. на базе полка сформировано, обучено и отправлено на фронт[17]: 6 минометных полков; минометный дивизион; 4 отдельных минометных батареи; истребительно-противотанковый артиллерийский полк; 4 истребительно-противотанковых артиллерийских дивизиона; артиллерийский полк; 5 штабных батарей.

Только в 1942 г. сформированы и отправлены на фронт: 20 января — истребительно-противотанковый артиллерийский полк; 24 марта — 663-й артполк; в августе — 4 отдельные минометные батареи; 13 сентября — 140-й минометный полк; 18 сентября — 2-й минометный полк; 23 декабря — 486-й, 487-й, 488-й и 489-й минометные полки.

Подготовка военнослужащих-специалистов

На протяжении всей войны полк готовил необходимые кадры для формируемых частей и подразделений[18].

С августа 1941 по апрель 1945 г. 53-й полк подготовил и отправил на фронт 60 349 военнослужащих, в том числе: 5026 офицеров-артиллеристов; 3491 младший командир артиллерийских специальностей; 14 373 сержанта.

Подготовка военнослужащих осуществлялась по специальностям (ил. 7), необходимым артиллерийским и минометным частям и подразделениям (см. табл. 1).

Обеспечение формируемых частей

В формируемые части и подразделения 53-й полк передал[19]: *вооружения:* минометов — 190 единиц; стрелкового оружия — 1049 единиц; снарядов и мин — 4363 шт.; винтовочных патронов — 35 261 шт.; *приборов артиллерийского*

Таблица 1

Количество специалистов, подготовленных в 53-м запасном артиллерийском полку

№ п/п	Специальность	сержантского состава	рядовых	всего
1	Артиллеристы-противотанкисты	1709	4496	6205
2	Артиллеристы-полевики	3830	9600	13 430
3	Артиллеристы Б.М.	1856	3816	5672
4	Огневики гвард. минометов	168	287	455
5	Артиллеристы конной тяги	191	1293	1484
6	Разведчики	564	18511	3415
7	Вычислители	217	1319	1536
8	Телефонисты	599	3241	3840
9	Радисты	391	948	1339
10	Огневики-зенитчики	1902	2448	4350
11	Зенитчики-пулеметчики	70	296	366
12	Минометчики	1725	3216	4941
13	Артиллерийские мастера	189	41	230
14	Шофера	169	391	560
15	Трактористы	259	799	1058
16	Прочие специальности	534	2417	2951
ИТОГО		**14 373**	**37 459**	**51 832**

наблюдения — 88 комплектов; *средств связи:* радиостанций — 28 комплектов; телефонных аппаратов — 168 комплектов; телефонных катушек — 208 шт.; телефонного кабеля — 722 км; *лошадей* — 2540 голов.

Обслуживание и ремонт вооружения, техники, оборудования для гужевого транспорта

Также полк осуществлял ремонт и обслуживание вооружения и техники (см. табл. 2), как для собственных нужд, так и для передачи в отправляемые на фронт формирования[20].

10

Боевая деятельность полка по подготовке и отправке на фронт пополнения

За период с Августа 1941 по Апрель 1945 года полк переподготовил и направил на фронт 5026 офицеров-артиллеристов.

Подготовил из рядового состава и направил на фронт 3491 младших командиров различных артиллерийских специальностей.

Переподготовил и отправил на фронт 14373 сержантов, младших командиров и 37459 рядовых различных артиллерийских специальностей, в том числе:

№	Специальность	сержант	рядовой	всего
1	Артиллеристы-противотанкисты	1709	4496	6205
2	Артиллеристы-полевики	3830	9600	13430
3	Артиллеристы Б.М.	1856	3816	5672
4	Огневики гвард.минометов	168	287	455
5	Артиллеристы конной тяги	191	1293	1484
6	Разведчики	564	2851	3415
7	Вычислители	217	1319	1536
8	Телефонисты	599	3241	3840
9	Радисты	391	948	1339
10	Огневики -зенитчики	1902	2448	4350
11	Зенитчики-пулеметчики	70	296	366
12	Минометчики	1725	3216	4941
13	Артмастера	189	41	230
14	Шофера	169	391	560
15	Трактористы	259	799	1058
16	Прочие специальности	534	2417	2951
	ИТОГО	14373	37459	51832

Ил. 7. Сведения по подготовке в 53-м запасном артиллерийском полку артиллерийских специалистов

2 сентября 1942 г. военнослужащие полка из Сталинграда под огнем противника вывезли 48 минометов калибра 120 мм, которые после ремонта переданы в сформированные части. Кроме этого сдано на пункты сбора: артиллерийских и минометных систем — 4; стрелкового вооружения — 116 единиц; стрелянных гильз — 1600 шт.

Таблица 2

Данные по ремонту вооружения и техники

№ п/п	Наименование	Количество
Отремонтировано артиллерийской мастерской		
1	Орудия и минометы, ед-ц	427
2	Стрелковое оружие, ед-ц	1058
3	Приборы артиллерийского наблюдения, ед-ц	119
4	Артиллерийская амуниция, к-т	28
Ремонт техники силами полка		
1	Капитальный ремонт автомашин, ед-ц	61
2	Средний ремонт различной техники, ед-ц	247
Отремонтировано и передано на укомплектование других частей		
1	Автомашины и трактора, ед-ц	113
Оборудование для гужевого транспорта		
1	Пароконных бричек, шт	
	изготовлено	50
	отремонтировано	720
2	Изготовлено пароконных саней, шт	150
3	Упряжь, к-т	
	изготовлено	45
	отремонтировано	970

Следует иметь в виду, что ремонт, особенно автотракторной техники, осуществлялся при отсутствии в полку соответствующих штатных подразделений и служб, причем в условиях большой мобильности полка в условиях двигающегося фронта.

В процессе постоянной передислокации полк перевез грузов на значительное расстояние: в общей сложности 558,250

тонно-километров, для собственных нужд и в интересах фронтовых воинских формирований, что стало важным вкладом в обеспечении ряда фронтовых операций.

Хозяйственная деятельность

В рамках хозяйственной деятельности полк, в ходе всей войны, предпринимал огромные усилия *для заготовки продовольствия*[21]. За период с августа 1941 г. по апрель 1945 г. заготовлено: 2006 т зернобобовых культур; 330 т мясо-рыбных продуктов; 57 т растительного масла; 2558 т различных овощей. Эти запасы обеспечивали продовольствием полк на протяжении семи месяцев, при среднесуточной численности 4000 человек.

Одновременно изысканы возможности для обработки и засева зерновыми и овощными культурами 338 га.

Важным направлением работы полка также стало обеспечение личного состава вещевым довольствием, ремонт обмундирования и обуви, создание ремонтного фонда одежды и обуви (см. табл. 3), в том числе убывающих на фронт.

Таблица 3

Данные по вещевому довольствию

№ п/п	Наименование	Количество
Отремонтировано		
1	Шинель	11 070
2	Пара верхнего обмундирования	21 300
3	Пара нательного белья	28 600
4	Пара кожаной обуви	26 450
5	Пара валяной обуви	7200
Заготовлено для ремонта обуви на фронте		
1	Кожа и резина	4,5 т
2	Сапожная мазь	0,5 т
3	Пуговицы	20 000
4	Швейная машина	4
5	И другие необходимые материалы	

Большое внимание уделялось санитарному обеспечению. Полк провел полные санитарные обработки 209 244 военнослужащих; усилиями медперсонала санитарной роты возвращено в строй 6164 военнослужащих после лечения; своевременное выполнение санитарной службой полка противоэпидемических мероприятий в тяжелейших условиях распространенности различных остро-заразных заболеваний (например, сыпного тифа) на освобождаемых территориях, отмечено в характеристике Санитарного управления 4-го Украинского фронта[22].

Расформирован 53-й запасной артиллерийский ордена Красной Звезды полк на основании Директивы Генерального штаба Красной армии от 1 июня 1945 г. № ОРГ 1-1/153.

Таким образом, история 53-го зап представляет пример значимости запасных воинских частей как многофункциональных воинских формирований, оказавших неоценимую помощь как в боевых действиях, так и в обеспечении фронта.

Полк не только активно участвовал в сражениях, но и занимался формированием артиллерийско-минометных частей и подразделений, подготовкой новых кадров и их обеспечением всеми необходимыми видами довольствия, включая вооружение, технические средства и средства связи, обмундирование и снаряжение, продовольствие.

Продемонстрировав высокую эффективность применения как в оборонительных, так и в наступательных операциях, 53-й зап не только подготовил множество квалифицированных специалистов, но и был примером мощного ресурса для фронта, обеспечивая его всем необходимым.

---

[1] Иллюстрации, представленные в тексте статьи, из архивных фондов 53 зап // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО). Ф. 10700. Оп. 1. Д. 1; Ф. 53 зап. Оп. 325623. Д. 1.

[2] Список учета рядового и сержантского состава // ЦАМО. Ф. 1176. Оп. 2. Д. 22. Книга учета рядового и сержантского состава 265 оиптап. 1945 г. Л. 43 об.–44.

[3] Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] // Вэб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero34542597/. Свободный. Загл. с экрана.

[4] Список учета рядового и сержантского состава... Л. 43 об.–44.

[5] Личный листок по учету партизанских кадров / Запись проекта «Партизаны Беларуси» [Электронный ресурс] // Вэб-сайт «Партизаны Беларуси». Режим доступа: https://partizany.by/partisans/104292/. Свободный. Загл. с экрана/. Л. 280.

[6] Там же.
[7] Список учета рядового и сержантского состава // ЦАМО. Ф. 8504. Оп. 303239, Д. 111. Книга учета рядового и сержантского состава, 1945 г.
[8] Там же. Д. 62. Л. 21 об.–22.
[9] Там же. Ф. 1176. Оп. 2. Д. 22. Л. 43 об.–44.
[10] Там же.
[11] Личный листок по учету партизанских кадров ... Л. 280 об.
[12] Приказ 265 иптап 23 оиптабр РГК от 25.5.1945 г. № 018/н // ЦАМО. Ф. 8504. Оп. 303239. Д. 62. Книга учета рядового и сержантского состава, 1945 г. Л. 21 об.–22; Приказ 265 иптап 23 оиптабр РГК от 25.5.1945 г. № 018/н; Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1806. Л. 117–118 об.; Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Вэб-сайт «Память народа 1941-1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero34542597/. Свободный. Загл. с экрана.
[13] Страница Усанова на проекте «Книга памяти блокадного Ленинграда»; Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Вэб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero34542597/. Свободный. Загл. с экрана.
[14] Боевой путь полка // ЦАМО. Ф. 53 зап. Оп. 325623. Д. 1. Л. 1.
[15] Там же. Л. 2, 6.
[16] Там же. Л. 2, 8.
[17] Там же. Л. 4.
[18] Боевой путь полка... Л. 10.
[19] Там же. Л. 12.
[20] Там же. Л. 15.
[21] Там же. Л. 14.
[22] Там же. Л. 15.

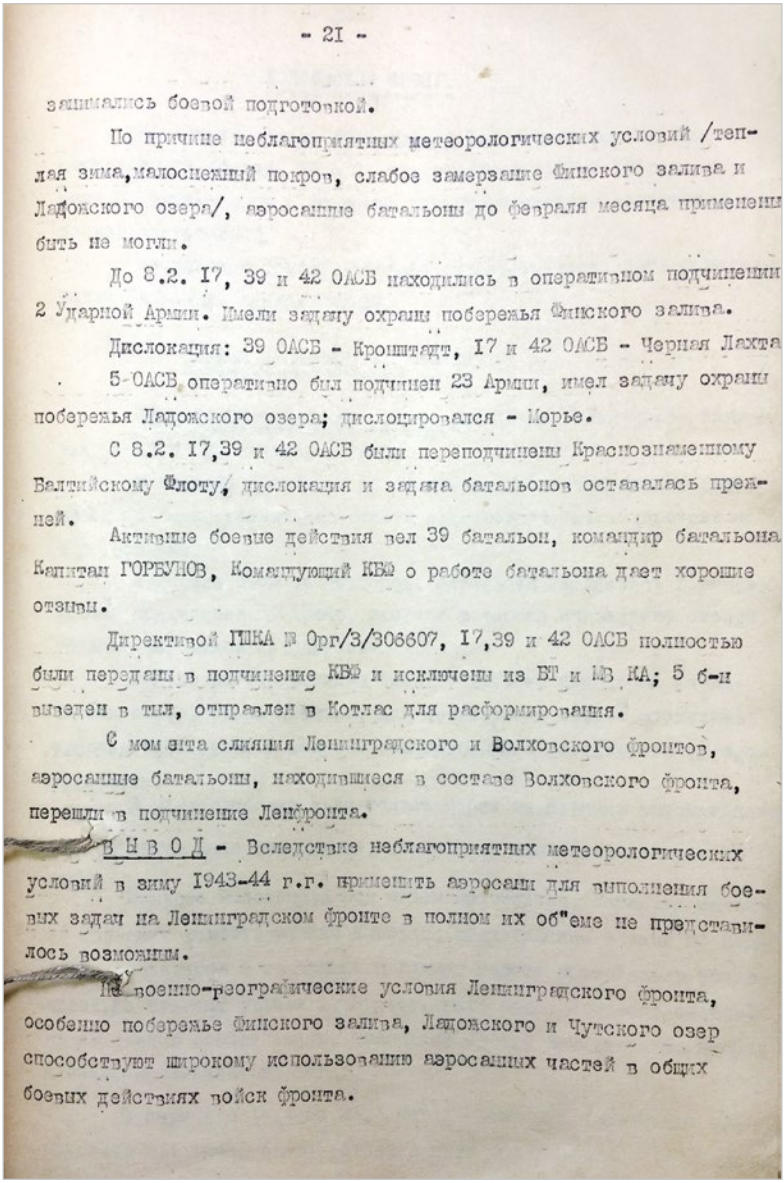
А. В. Вахтеров, С. И. Сапожников, В. М. Тарасов (Москва)

КОМАНДИРЫ АЭРОСАННЫХ БАТАЛЬОНОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

В СТАТЬЕ ПРИВОДЯТСЯ результаты исследования личных данных военнослужащих на основе сведений из учетных картотек, электронных баз и архивных фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Представлена методика сбора сведений для составления биографий воевавших героев. Одновременно приводятся примеры использования установленных личных данных для изучения истории и боевого пути воинских частей.

Историческая справка

В обороне Ленинграда с 1941 по 1944 г. активное участие принимали отдельные аэросанные батальоны (далее — оасб), входившие в состав Краснознаменного Балтийского флота (далее — КБФ), Волховского и Ленинградского фронтов (далее соответственно — ВолхФр и ЛФр/ЛенФр). Прежде всего это 39-й отдельный аэросанный транспортный батальон (далее — отасб, оасб), в течение всей войны входивший в состав Кронштадтского морского района обороны (далее — КМОР) КБФ, история которого к настоящему времени хорошо исследована[1]. Кроме 39-го оасб защищали Ленинград переподчиненные КБФ из состава 2-й Ударной армии в феврале 1944 г. в соответствии с директивой Генерального штаба Красной Армии (ил. 1) 17-й боевой и 42-й транспортный батальоны[2].



- 21 -

занимались боевой подготовкой.

По причине неблагоприятных метеорологических условий /теплая зима, малоснежный покров, слабое замерзание Финского залива и Ладожского озера/, аэросанные батальоны до февраля месяца применены быть не могли.

До 8.2. 17, 39 и 42 ОАСБ находились в оперативном подчинении 2 Ударной Армии. Имели задачу охраны побережья Финского залива.

Дислокация: 39 ОАСБ - Кронштадт, 17 и 42 ОАСБ - Черная Лахта

5-ОАСБ оперативно был подчинен 23 Армии, имел задачу охраны побережья Ладожского озера; дислоцировался - Морье.

С 8.2. 17,39 и 42 ОАСБ были переподчинены Краснознаменному Балтийскому Флоту, дислокация и задача батальонов оставалась прежней.

Активные боевые действия вел 39 батальон, командир батальона Капитан ГОРБУНОВ, Командующий КБФ о работе батальона дает хорошие отзывы.

Директивой ГШКА № Орг/3/306607, 17,39 и 42 ОАСБ полностью были переданы в подчинение КБФ и исключены из БТ и МВ КА; 5 б-н выведен в тыл, отправлен в Котлас для расформирования.

С момента слияния Ленинградского и Волховского фронтов, аэросанные батальоны, находившиеся в составе Волховского фронта, перешли в подчинение Ленфронта.

В Ы В О Д - Вследствие неблагоприятных метеорологических условий в зиму 1943-44 г.г. применить аэросани для выполнения боевых задач на Ленинградском фронте в полном их об"еме не представилось возможным.

Но военно-географические условия Ленинградского фронта, особенно побережье Финского залива, Ладожского и Чудского озер способствуют широкому использованию аэросанных частей в общих боевых действиях войск фронта.

Ил. 1. Отчет о боевых действиях аэросанных частей в зиму 1943/1944 г. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 206. Л. 21

Оба батальона активно выполняли боевые задачи[3]:

17-й оасб — в составе Приморской оперативной группировки (далее — ПОГ) ЛФр: «С 14.09.43 г. по 10.12.43 г. занимал оборону по побережью Финского залива вкл. Устье р. Коваши вкл. М. Долгово... С 10.12.43 г.... дислоцируется в дер. Черная Лахта...»[4];

42-й оасб — в районе Шлиссельбурга: «С 6 января 1943 года... придан 34 Лыжной Стрелковой Бригаде 76 Армии, в составе которой... участвовал в прорыве блокады гор. Ленинграда под Шлиссельбургом, подвозя боеприпасы»[5];

и в составе ПОГ ЛФр: «С 14 сентября по 12 декабря 1943 года личный состав находился на выполнении боевого распоряжения командующего А.Б.Т.В. П.О.Г. по охране побережья Финского залива»[6].

5-й оасб с зимы 1941/1942 г. воевал на Карельском участке советско-германского фронта, к зиме 1943/1944 г. переведен на Ладожское озеро[7] в оперативное подчинение 23-й Армии (далее — А) с задачей охраны побережья озера (ил. 2)[8], место дислокации батальона — Морье. По окончании зимней кампании батальон направлен в г. Котлас на расформирование[9].

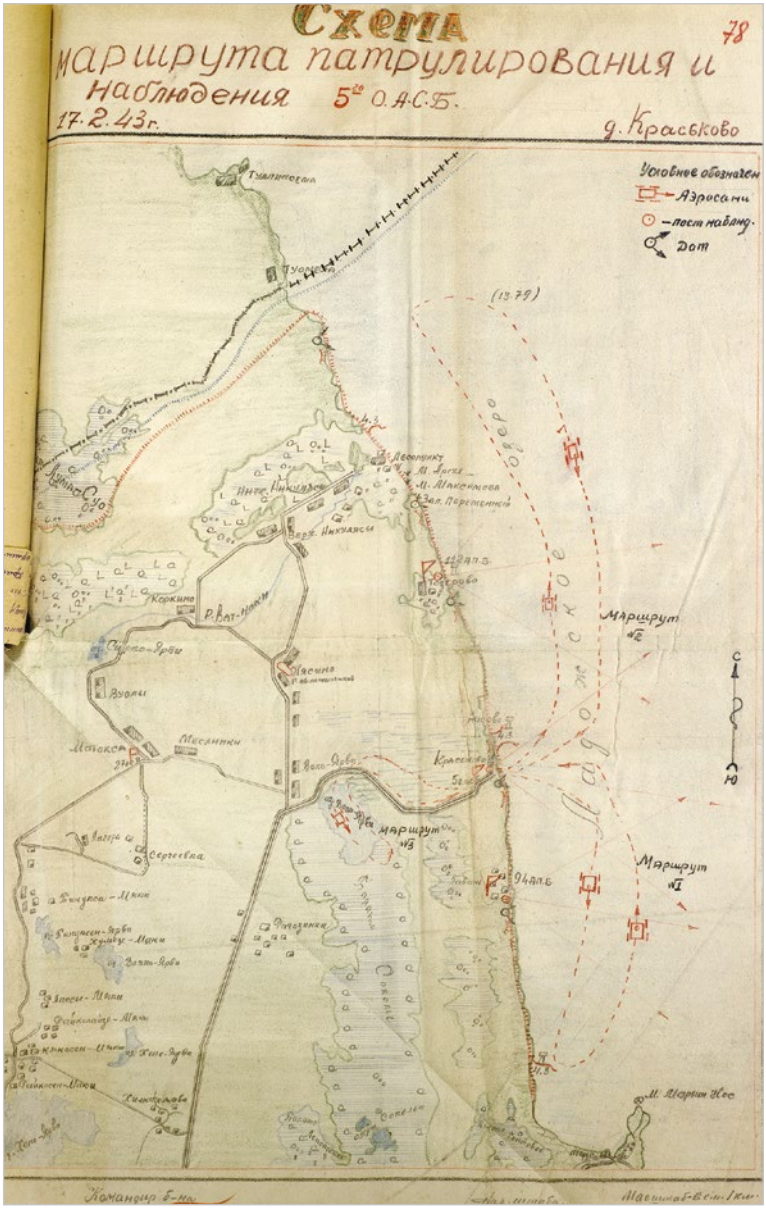
Свой вклад в дело окончательного снятия блокады города Ленинграда внесли 44-й боевой и 34-й транспортный аэросанные батальоны, героически сражавшиеся в составе ВолхФр за освобождение Новгорода в ходе Новгородско-Лужской наступательной операции (14 января – 15 февраля 1944 г.). За отличие в боях за Новгород оба батальона удостоены почетного наименования «Новгородский»[10].

Исследование истории воинских частей, при наличии документов в различных архивах, работа более-менее результативная.

С биографиями конкретных людей все несколько сложнее.

В статье приведены примеры восстановления биографий военнослужащих — командиров аэросанных батальонов, защищавших Ленинград[11]: 5-7го оасб — Антоненко Василия Алексеевича; 17-го оасб — Коновальцева Ивана Павловича; 34-го оасб — Фетисова Евгения Семеновича; 42-го оасб — Приступа Сергея Петровича; 44-го оасб — Прохотилова Михаила Алексеевича.

Технология поиска участников Великой Отечественной войны на сегодняшний день известна. На сайте ЦАМО хранится информация о всех людях, принимавших участие в событиях того времени.



Ил. 2. Схема маршрута патрулирования 5-го ОАСБ. 17.02.1943 г. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 111. Л. 78

Алгоритм поиска следующий:

- сначала обращаемся на Интернет – страницу сайта ЦАМО: https://pamyat-naroda.ru/;
- вводим ФИО и дату рождения интересующего нас человека;
- проводим анализ полученной информации и результата изучения документов.

При изучении документов можно получить следующую информацию:

- о роде войск и подразделениях, в которых служил человек;
- его звание, награды, даты и обстоятельства событий, в которых он принимал участие;
- сведения об архивах в которых хранятся документы, биографии и боевом пути военнослужащего;
- фотографии документов, касающихся всего вышеперечисленного.

При проведении некоторых исследований удается обнаружить фотографию военнослужащего военной поры: офицерского состава — чаще, рядового или сержанта — вопрос удачи[12].

5-й ОАСБ

Ил. 3. В. А. Антоненко — командир 5-го отдельного аэросанного батальона

Последний командир 5-го оасб В. А. Антоненко (ил. 3) — воевал в составе батальона с момента формирования.

Антоненко Василий Алексеевич, 22.03.1908 г. р., русский, уроженец г. Грозного (Ачхой-Мартановский р-н, Чечено-Ингушская АССР). Рабочий, из крестьян, б/п[13]. В РККА с 1932 г. Образование: общее — Грозненский рабочий факультет (1932), 2 курса нефтетехникума (1941); военное — Орловская бронетанковая (далее — БТ, бт) школа (далее — БТШ) (1934), Харьковские БТ курсы усовершенствования командного состава

(далее — КУКС) (1941), КУКС при Котласском военном училище (далее — ВУ) (1941 и 1942 гг.[14]), Ленинградская высшая школа бронетанковых и механизированных войск (далее — БТиМВ и ВБТШ) (1945)[15]. Лейтенант (1936)[16], ст. лейтенант (1942)[17], капитан (1943)[18], гвардии (далее — гв.) капитан (1945)[19]. С июля 1932 г. — курсант Орловской БТШ. С декабря 1943 г. — командир танка, командир танкового взвода (далее — тв) 10-го танкового полка (далее — тп, ТП) 10-й казачьей (далее — каз.) дивизии. В июле 1941 г. — Харьковские БТ КУКС, в октябре — Котласские КУКС. С декабря 1941 г. — командир аэросанной роты 5-го ОАСБ (I формирования)[20]. В июле 1942 г. — Котласские КУКС. С сентября 1942 г. — адъютант ст. 5-го отдельного аэросанного батальона[21], в октябре — утвержден в должности[22]. В июле 1943 г. — командир 5-го ОАСБ[23]. С августа 1944 г. — слушатель Ленинградской ВБТШ[24]. В мае 1945 г. — офицер связи штаба 63-й гв. танк. бригады (далее — тбр, ТБр). Отличился при штурме Берлина и освобождении Праги. Награды: орден Отечественной войны I ст. (1945)[25], медали: «За оборону Ленинграда» (1943)[26], «За взятие Берлина» (1945), «За освобождение Праги» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)[27].

17-й ОАСБ

О командире II формирования И. П. Коновальцеве (ил. 4) удалось собрать отрывочные сведения.

Коновальцев Иван Павлович, 14.11.1903 (1902?) г. р., русский, м. р.: г. Симферополь. Рабочий, чл. ВКП(б) с 1929 г. Образование: общее — 7 кл.; военное — экстерн за норм. пехот. уч-ще (1931), ККНС при Котласском ВУ (1942). Участник боев с белофиннами[28]. В Отечественной войне: с января 1943 г. — Приморская оперативная группа (далее — ПОГ) ЛенФр[29]. Капитан (1942)[30], майор (1944)[31]. С 23.11.1942 г. — командир 17-го

Ил. 4. И. П. Коновальцев — командир 17-го отдельного аэросанного батальона

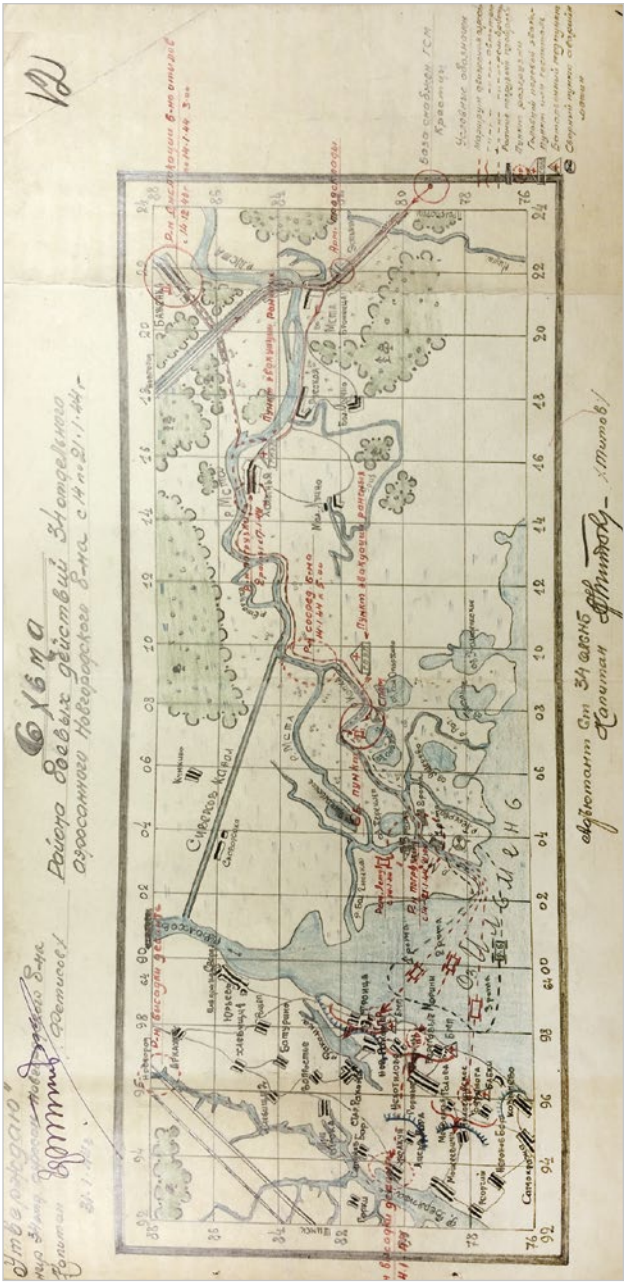
отдельного аэросанного батальона[32]. В сентябре 1944 г. — дублер командира 139-го отдельного танк. полка (далее — отп) КБФ[33]. До 18.12.1945 г. — в 139-м отп КБФ[34]. С 1947 г. — в запасе[35]. Награды: ордена: Красного Знамени (1945)[36], Красной Звезды (1944)[37]; медали: «За оборону Ленинграда»[38], «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[39].

34-й ОАСБ

Ил. 5. Е. С. Фетисов — командир 34-го отдельного аэросанного батальона

О Е. С. Фетисове (ил. 5), под командованием которого 34-й оасб, отличившийся в боях за освобождение Новгорода (ил. 6)[40], получил почетное наименование «Новгородский»[41], удалось установить только общие сведения.

Фетисов (Белобров, Фетистов, Фитисов) **Евгений Семенович,** 29.11.1910 г. р., русский, уроженец ст. Курмоярская Цимлянского р-на Ростовской обл. Служащий, чл. ВКП(б) с 1940 г. В РККА с 23.10.1935 г. и с августа 1941 г. Образование: общее — нефтяной техникум (1935); военное — курсы летчиков-наблюдателей (далее — летнабов) (1939); Челябинский центр ВВС КА (1939)[42]. В Отечественной войне: с декабря 1942 по февраль 1944 г. — ВолхФр; февраль–май 1944 г. — ЛФр[43]. Лейтенант, ст. лейтенант, капитан (1944)[44]. До мая 1944 г. — командир 34-го отдельного Новгородского аэросанного батальона[45]. С августа 1944 г. — командир 2-го лин. батальона 44-го отдельного учебного аэросанного полка (далее — ОУАСП)[46]. С мая 1945 г. — командир 1-го линейного батальона 44-го ОУАСП[47]. С 5.07.1948 г. — в запасе[48]. Награды: орден Отечественной войны I ст.[49]; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[50].



Ил. 6. Схема района боевых действий 34-го отдельного аэросанного Новгородского батальона с 14 по 21.01.44 г.
ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 232. Л. 12

42-й ОАСБ

Биографию командира 42-го оасб С. П. Приступы (ил. 7) удалось установить достаточно полно.

Приступа Сергей Петрович, 07(08).10.1907 г. р., украинец, м. р.: УССР, Сталинская обл., ст. Славянск (Славлинский р-н, г. Славянск). Рабочий, б/п. В РККА с 14.11.1929 г. (22.06.1941 г.). Образование: общее — Краматорский машиностроительный техникум; военное — курсы одногодичников и курсы начальствующего состава (далее — КНС)/курсы переподготовки командного состава (далее — КПКС[51]) Соликамского ВУ[52]. В Отечественной войне: с 23.06.1941 по 1942 г. — Юго-Западный фронт (далее — ЮЗФр); С 15.10.1942 по 6.02.1944 г. — ЛФр; декабрь 1943 г. — 42-й оасб ПОГ ЛенФр[53]. Капитан (1942)[54], майор (1945)[55]. В августе 1942 г. — в Соликамском ВУ на курсах переподготовки командиров аэросанных батальонов (далее — АЭСБ)[56]. С 1.10.1942 г. — командир 42-го отдельного транспортного аэросанного батальона (II формирования)[57]. В декабре 1943 г. — командир 42-го отасб[58]. «Участвовал в боях при прорыве блокады Ленинграда 1943 г., участник боев по охране финского побережья / Ораниенбаумский пятачок / и высадки разведчиков на берег противника с аэросаней, участник боев по ликвидации блокады Ленинграда в 1944 г., принимал активное участие в высадке десанта пехоты с аэросаней в устье реки Великой при наступлении Красной Армии на город Псков»[59]. В мае 1944 г. — в в/ч 24926, числился б/пропавшим[60]. В 1945 г. — командир 4-го отд. автотранспортного батальона (далее — оатб) 1-й Мозырской Краснознаменной дивизии морской пехоты[61]. Служил в 699-м оатб 227-й стрелковой дивизии (далее — сд, СД) 26 А[62]. С 8.09.1949 г. — в запасе[63]. Награды: орден Красной Звезды

Ил. 7. С. П. Приступа — командир 42-го отдельного аэросанного батальона

(1945)[64]; медали: «За оборону Ленинграда» (1942)[65], «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946)[66].

44-й ОАСБ

Поиск биографических данных командира 44-го оасб М. Н. Прохотилова может стать сюжетом для детективного рассказа. Долгое время в распоряжении исследователей имелись сведения разрозненного и отрывочного характера:

Прохотилов Михаил Алексеевич, 1918 г. р., русский. Служащий, чл. ВЛКСМ с 1938 г. В РККА с 1939 г. Образование: общее — среднее; военное — Орловское БТУ (1941), ККНС при Котласском ВУ (1942)[67]. Уч-к Отечественной войны[68]. Лейтенант (1942)[69]. С октября 1942 г. — адъютант ст. 44-го отдельного боевого аэросанного батальона[70]. В 1944 г. — командир 44-го ОАСБ[71].

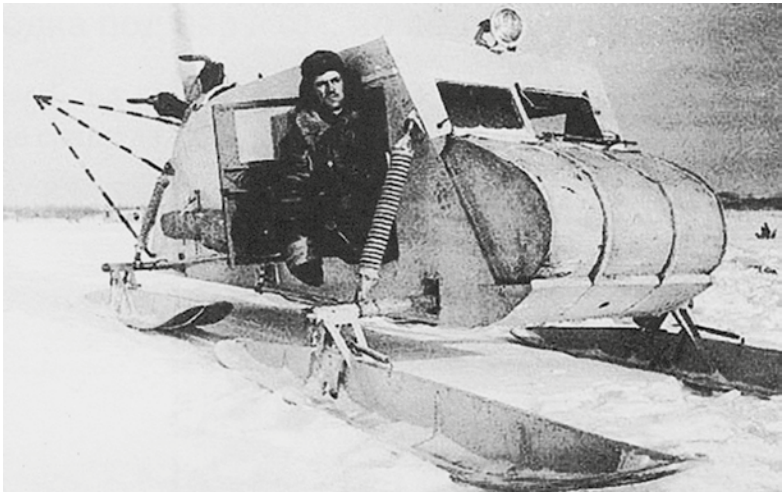
В то же время, 44-й оасб оказался «медийной», говоря современным языком, воинской частью. Последнее связано с участием батальона в составе ВолхФр в боях за освобождение города Новгорода в ходе Новгородско-Лужской наступательной операции (14 января – 15 февраля 1944 г.), за отличие в которой удостоен почетного наименования «Новгородский»[72].

Участие батальона широко освещалось в фронтовой прессе, фотографии (ил. 8–10) из которой попали в интернет и часто

Ил. 8. 44-й отдельный аэросанный батальон в рейде

Ил. 9. 44-й отдельный аэросанный батальон в ожидании

демонстрируются на различных сайтах. Первоначальный источник этих фотоматериалов пока точно установить не удалось, но, с большой долей вероятности, на одной из фотографий сам командир 44-го оасб М. А. Прохотилов (ил. 10).



Ил. 10. Вероятно, командир 44-го отдельного аэросанного батальона М. А. Прохотилов

Недавно на веб-сайте «Память народа 1941–1945 гг.» размещена фотография М. А. Прохотилова (ил. 11), изображение на которой имеет определенную идентичность с фото на ил. 10. Обнародованные материалы позволили составить более полную биографию М. А. Прохотилова.

Прохотилов (Прохатилов, Прохарилов) **Михаил Алексеевич,** 1918 г. р., русский, м. р. КазССР, Актюбинская обл., Актюбинский р-н, п. Петропавловка. Служащий, чл. ВЛКСМ с 1938 г. В РККА с 28.08.1939 г. Образование: общее — среднее; военное — Орловское БТУ (1941), ККНС при Котласском ВУ (1942)[73]. В Отечественной войне[74]: 1943–1944 гг. — 44-й оасб ВолхФр; 1945 г. — Забайкальский фронт (далее — ЗабФр)[75]. Лейтенант (1942)[76], капитан (1943)[77], майор (1945)[78], подполковник (1961)[79]. С октября 1942 г. — адъютант ст. 44-го отдельного боевого аэросанного батальона[80]. В январе 1944 г. — командир 44-го оасб ВолхФр. Вероятно, 22.04.1944 г. откомандирован из 44-го ОУАСП старшим команды № 5[81]. В конце войны — в 136-м тп 292-й СД 36-й А ЗабФр[82]. С 29.07.1961 г. — в запасе[83]. Награды: ордена: два Боевого Красного Знамени (1944[84], 1945[85]), Отечественной войны I ст. (1985)[86], Красной Звезды (1954)[87]; медали: «За боевые заслуги» (1950)[88], «За оборону Ленинграда» (1943)[89], «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)[90], «За победу над Японией» (1945)[91].

Ил. 11. М. А. Прохотилов — командир 44-го отдельного аэросанного батальона

Заключение

Изучение личных данных командиров позволяет не только восстановить их биографии, но и глубже понять условия,

в которых они действовали, что, в свою очередь, помогает сохранить память о тех, кто не жалел своей жизни в боях за свободу и независимость страны.

Изучение архивных документов дает возможность вписать новые страницы в историю Великой Отечественной войны и почтить память о беззаветной отдаче, мужестве и самопожертвовании.

Каждый из этих командиров не только исполнил свой долг, но и стал образцом силы духа и патриотизма. Они не только принимали решения под огнем и в условиях войны, но и помогали своим людям, заботясь о них и вдохновляя на дальнейшие подвиги.

Их истории — часть нашей общей памяти и национального наследия. Благодаря подобным исследованиям, мы можем глубже осознать важность вклада каждого отдельного солдата в общую победу и лучше понять уроки, которые война оставила нам.

В итоге можно сказать, что каждая биография — это не просто набор фактов, а отражение человеческих судеб, их борьбы, их стремления к жизни, как на фронте, так и в мирной жизни. Это напоминание о том, что в самые тяжелые времена человечество способно проявить величайшую храбрость и стойкость.

---

[1] Более подробно см.: Вахтеров А. В. 1) Аэросанные части Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота при обороне Ленинграда 1941–1944 гг. (по материалам Центрального архива МО России): доклад // Морская столица России. К 320-летию Санкт-Петербурга: Материалы XII научно-практической конференции «Море и флот». Санкт-Петербург, 13 апреля 2023 г. СПб., 2023 С. 120–124; 2) Аэросани на службе флота в Великой Отечественной войне (по архивным материалам Центрального архива МО России): доклад // «Курсом к Победе. Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне (к 75-летию Победы)»: Научно-практическая конференция. Центральный военно-морской музей, 16 апреля 2020 г. СПб., 2020. С. 177–187; 3) «Белые пятна» в истории формирования 39-го батальона аэросаней (статья) // «В двойном кольце блокады»: Материалы научно-исторической конференции. Музей истории Кронштадта, 25 сентября 2019 г. Кронштадт, 2019. С. 58–67; 4) Особенности боевого применения 39 отдельного аэросанного батальона Кронштадтского морского района обороны в годы Великой Отечественной войны (по материалам Центрального архива МО России): статья // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Девятой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2019 г.: В 2-х ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. Ч. I. С. 181–197; 5) Из истории 39 батальона аэросаней (по архивным материалам Центрального архива МО России): статья // Альманах «Цитадель». 2017. № 23. С. 45–54.

[2] Отчет о боевых действиях аэросанных частей в зиму 1943–44 гг. // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 206: Отчет о боевых действиях аэросанных частей в зиму 1943–44 гг. (утв. 26.07.1944 г.) М., 1944. Л. 21.

[3] Более подробно см.: Вахтеров А. В. Аэросанные части Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота... С. 120–124.

[4] Из отчета 17-го оасб от 25.02.1944 г., вх. № 01116 // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 233: Дело № 74. Отчеты о боевых действиях аэросанных частей, 1944 г. (5 января – 5 июля 1944 г.). Л. 113–113 об.

[5] Из отчета 42-го оасб от 13.02.1944 г. № 069 // Там же. Л. 114–114 об.

[6] Там же.

[7] Отчет о боевой работе 5-го аэросанного батальона с 14 декабря 1942 г. по 22 марта 1943 г. от ? апреля 1943 г., исх. № 0277 // Там же. Д. 111: Дело № 82.1. Донесения о боевых действиях аэросанных частей, 1943. Л. 76–82.

[8] Схема патрулирования 5-го О.А.С.Б. 17.02.1943 г. // Там же. Л. 78.

[9] Отчет о боевых действиях аэросанных частей в зиму 1943–44 г.г. // Там же. Дело № 206: Отчет о боевых действиях аэросанных частей в зиму 1943–44 гг. (утв. 26.07.1944 г.) М., 1944. Л. 21.

[10] Более подробно см.: Вахтеров А. В. Десантные операции аэросанных частей Волховского и Ленинградского фронтов на оз. Ильмень при освобождении Новгорода (по архивным материалам Центрального архива МО России): депонированная рукопись // «Военно-Морской Флот в победоносном 1944 году»: Материалы XIII научно-практической конференции «Море и флот». Санкт-Петербург, 18 апреля 2023 г. СПб., 2024.

[11] По 39-му оасб: биографии командного состава и списки сержантского и рядового состава см.: Вахтеров А. В. 1) «Белые пятна» в истории формирования 39-го батальона аэросаней. С. 58–67; 2) Особенности боевого применения 39 отдельного аэросанного батальона... С. 181–197; 3) Личный состав 39 батальона аэросаней на защите Кронштадта (по архивным материалам Центрального архива МО России) // Историко-краеведческий альманах «История Кронштадта». 2019. № 2 С. 30–34. 4) Из истории 39 батальона аэросаней. С. 45–54.

[12] Вахтеров А. В., Дусаев Н. М., Сапожников С. И. Данные учетно-послужных картотек, именных списков и картотек при поиске человека и установлении обстоятельств создания и деятельности отдельной части (по архивным материалам Центрального архива МО России): депонированная рукопись // «Военно-Морской Флот в победоносном 1944 году»: Материалы XIII научно-практической конференции «Море и флот». Санкт-Петербург, 18 апреля 2023 г. СПб., 2024.

[13] УПК В. А. Антоненко // ЦАМО. Учетная послужная картотека; Именной список участников обороны города Ленинграда 5-го отдельного аэросанного батальона, до 7.8.1943 г.; Ф. 377. Оп. 10901. Д. 68, № записи 1530311944.

[14] Материалы (документы) по формированию 5-го отдельного аэросанного батальона (ведомости укомплектованности личным составом, вооружением, матчастью и имуществом, акт на сформирование, приемо-сдаточный акт), 13–29.12.1942 г. // ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 13.

[15] УПК В. А. Антоненко // ЦАМО. Учетная послужная картотека...

[16] УПК В. А. Антоненко: приказ НКО от 1936 г. № 184/л // ЦАМО. Учетная послужная картотека; Приказ АБТУ КА от 17.11.1942 г. № 01023 // ЦАМО. Ф. 5 оасб. Оп. 90681. Д 2. Л. 23.

[17] УПК В. А. Антоненко: Приказы ГАБТУ КА от 17.11.1942 г. № 01086 и АрхВО от 24.10.1942 г. № 00861 // ЦАМО. Учетная послужная картотека: Приказ ГАБТУ КА от 17.11.1942 г. № 01086. Ф. 5 отд. аэросан. б-н. Оп. 90681. Д. 2. Л. 25.
[18] УПК В. А. Антоненко: Приказ ЛенФр от 6.9.1943 г. № 01527 // ЦАМО. Учетная послужная картотека.
[19] Наградной лист на В. А. Антоненко // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1868.
[20] УПК В. А. Антоненко // ЦАМО. Учетная послужная картотека.
[21] То же, там же.
[22] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 13: Материалы (документы) по формированию 5-го отдельного аэросанного батальона...
[23] УПК В. А. Антоненко // ЦАМО. Учетная послужная картотека; Именной список участников обороны города Ленинграда 5-го отдельного аэросанного батальона, до 7.8.1943 г.
[24] УПК В. А. Антоненко // ЦАМО. Учетная послужная картотека.
[25] Наградной лист на В. А. Антоненко // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1868.
[26] Именной список участников обороны города Ленинграда 5-го отдельного аэросанного батальона, до 7.8.1943 г....
[27] УПК В. А. Антоненко // ЦАМО. Учетная послужная картотека.
[28] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 7: Дело № 6. Штатно-должностные списки командно-начальствующего и младшего начальствующего состава аэросанных батальонов, 1942 г. Л. 84.
[29] Отчет 17-го оасб от 25.02.1944 г., вх. № 01116 // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 233: Дело № 74. Отчеты о боевых действиях аэросанных частей, 1944 г. (5 января – 5 июля 1944 г.). Л. 113–113 об.
[30] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 25: Материалы (документы) по формированию 17-го отдельного аэросанного батальона (ведомости укомплектованности личным составом, вооружением, матчастью и имуществом, акт на сформирование, приемо-сдаточный акт). 23.11–14.12.1942 г. 36 л.
[31] Отчет 17-го оасб от февраля 1944 г. // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 233. Л. 113–113 об.
[32] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ)...
[33] Наградной лист Коновальцева И. П. от 12.09.1944 г. // ЦВМА. Ф. 88. Оп. 2. Д. 353. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93980542/. Свободный. Загл. с экрана.
[34] УПК Коновальцева И. П. // ЦАМО. Учетно-послужная картотека. Запись проекта «Дорога Памяти»...
[35] Сведения о личном составе // ЦАМО. Картотека личных дел, ящ. К-3213. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_polit1004853/. Свободный. Загл. с экрана.
[36] Документ от 13.11.1945 г. // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 42, ящ. 25. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Вэб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93980542/. Свободный. Загл. с экрана.
[37] Документ от 3.11.1944 г. // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 42, ящ. 25. Запись проекта «Дорога Памяти»...

[38] УПК Коновальцева И. П. // ЦАМО. Учетно-послужная картотека. Запись проекта «Дорога Памяти»...
[39] То же, там же.
[40] Схема района боевых действий 34-го отдельного аэросанного Новгородского б-на с 14 по 21.1.44 г. // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 232: Дело № 74-1. Отчеты о боевых действиях аэросанных частей, 1944 г. Л. 12.
[41] См.: Вахтеров А. В. Десантные операции аэросанных частей Волховского и Ленинградского фронтов...
[42] Приказ АрхВО от 29.8.1944 г. № 0410 // ЦАМО. Ф. 4824 (44 оуасп). Оп. 90685. Д. 2: Дело № 09, ч. 3. По личному составу, 1944 г. Л. 69–121; Штатно-должностной список офицерского состава 44-го отдельного учебного аэросанного полка по штату № 07/500. Ф. 4824 (44 оуасп), Оп. 90687с. Д. 28: Дело № 07. Штаты, изменения и дополнения к ним, 1945 г. Л. 22.
[43] Приказ АрхВО от 29.8.1944 г. № 0410 // ЦАМО. Ф. 4824 (44 оуасп). Оп. 90685. Д. 2: Дело № 09, ч. 3. По личному составу, 1944 г. Л. 69–121; Штатно-должностной список офицерского состава 44-го отдельного учебного аэросанного полка по штату № 07/500. Л. 22.
[44] Штатно-должностной список офицерского состава 44-го отдельного учебного аэросанного полка по штату № 07/500: Приказ ВолхФр от 12.1.1944 г. № 09 // ЦАМО. Ф. 4824 (44 оуасп). Оп. 90687с. Д. 28. Л. 22.
[45] Штатно-должностной список офицерского состава 44-го отдельного учебного аэросанного полка по штату № 07/500: Приказ АВО от мая 1944 г. № 0410 // Там же.
[46] Приказ АрхВО от 29.8.1944 г. № 0410 // ЦАМО. Ф. 4824 (44 оуасп). Оп. 90685. Д. 2: Дело № 09, ч. 3. По личному составу, 1944 г. Л. 69–121.
[47] Приказание по в/ч 31888 от 30.05.1945 г. // ЦАМО. 4824 (44 оуасп). Оп. 83262. Д. 7: Дело № 8. Раскомандировка личного состава 3-го ОУАСБ и связанные с ней перемещения по в/ч 31888, 29.05.1945–5.6.1945 г. Л. 5; Штатно-должностной список офицерского состава 44-го отдельного учебного аэросанного полка по штату № 07/500: Приказ АВО от мая 1944 г. № 0410. Л. 22.
[48] Списки призыва и демобилизации // ВК г. Москвы. Ф. Останкинский РВК. Д. 21000018. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat31472902/. Свободный. Загл. с экрана.
[49] Штатно-должностной список офицерского состава 44-го отдельного учебного аэросанного полка по штату № 07/500... Л. 22; приказ ВС ВолхФр от 29.01.1944 г. № 3/н // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4491. Л. 64, 66. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero37830560/. Свободный. Загл. с экрана.
[50] УПК Фетисова Е. С. // ЦАМО. Учетно-послужная картотека; Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Вэб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero91497081//. Свободный. Загл. с экрана.
[51] ГАБТУ КА от 13.8.1942 г. № УК АБВТ/1141 // ЦАМО. Ф. 60128 (Соликамское ТУ). Оп. 35365. Д. 19: Переписка по личному составу, 1942 г. Л. 75.
[52] УПК Приступы С. П. // ЦАМО. Учетно-послужная картотека, шк. 167, ящ. 14. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память

народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана; Штатно-должностной список батальона от 16.12.1943 г., исх. № 0542; Штатно-должностной список 42-го Отдельного Аэросанного Батальона на 15 декабря 1943 года // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 203: Дело № 73. Списки личного состава бронепоездных частей, 1943 г. С. 279, 282.

[53] Сведения об убытии офицерского состава с момента прибытия 42-го ОАСБ на Ленинградский фронт по состоянию на 15.12.1943 г. от 16.12.1943 г., исх. № 0542 // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 203: Дело № 73. Списки личного состава бронепоездных частей, 1943 г. С. 279–280.

[54] ГАБТУ КА от 13.08.1942 г. № УК АБВТ/1141 // ЦАМО. Ф. 60128 (Соликамское ТУ). Оп. 35365. Д. 19: Переписка по личному составу, 1942 г. Л. 75.

[55] УПК Приступы С. П. // ЦАМО. Учетно-послужная картотека, шк. 167, ящ. 14. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[56] ГАБТУ КА от 13.08.1942 г. № УК АБВТ/1141 // ЦАМО. Ф. 60128 (Соликамское ТУ). Оп. 35365. Д. 19: Переписка по личному составу, 1942 г. Л. 75.

[57] Приказ Соликамского ВУ от 1.10.1942 г. № 0283 // ЦАМО. Ф. 60128 (Соликамское ТУ). Оп. 35365. Д. 17: Приказы по комплектованию ОАТ батальонов, 1942 г. Л. 61 об.–62, 68.

[58] Штатно-должностной список батальона от 16.12.1943 г., исх. № 0542; Штатно-должностной список 42-го Отдельного Аэросанного Батальона на 15 декабря 1943 года // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 203: Дело № 73. Списки личного состава бронепоездных частей, 1943 г. С. 279, 282.

[59] Наградной лист Приступы С. П. к приказу ТМОР КБФ от 27.05.1945 г. № 25 // ЦАМО. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1362. Л. 228. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[60] Приказ ГУК МВС СССР от 17.07.1946 г. № 01227 (отменен приказом ГУК СА № 01237-50) // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 25. Л. 63, 65 об. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[61] Наградной лист Приступы С. П. к приказу ТМОР КБФ от 27.05.1945 г. № 25 // ЦАМО. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1362. Л. 228. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[62] УПК Приступы С. П. // ЦАМО. Учетно-послужная картотека, шк. 167, ящ. 14. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[63] То же, там же.

[64] Приказ ТМОР КБФ от 27.05.1945 г. № 25 // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 70, ящ. 25. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт

«Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[65] Ук. ПВС СССР от 22.12.1942 г. // ЦАМО. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1362. Л. 228; Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[66] Приказ 1-го дмп СБФ от 28.06.1946 г. // ЦВМА. Ф. 88. Оп. 10330. Д. 37. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8078668/. Свободный. Загл. с экрана.

[67] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 7: Дело № 6. Штатно-должностные списки командно-начальствующего и младшего начальствующего состава аэросанных батальонов, 1942 г. Л. 102.

[68] Там же.

[69] Там же.

[70] Там же.

[71] Действия 44-го батальона аэросаней в период боев по захвату города Новгорода войсками Волховского фронта... Л. 23–31.

[72] См.: Вахтеров А. В. Десантные операции аэросанных частей Волховского и Ленинградского фронтов на оз. Ильмень. Материалы XIII научно-практической конференции «Море и флот». Санкт-Петербург, 18 апреля 2023 г. СПб., 2024.

[73] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 7: Дело № 6. Штатно-должностные списки командно-начальствующего и младшего начальствующего состава аэросанных батальонов, 1942 г. Л. 102.

[74] Там же.

[75] Наградной документ на Прохотилова М. А. от 30.09.1945 г. // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 71, ящ. 9. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.

[76] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 7: Дело № 6... Л. 102.

[77] Список офицерского состава в/ч 31888 (команда № 5) // ЦАМО. Ф. 4824 (44-й оуасп). Оп. 83265. Д. 6: Дело № 3. Откомандирования из части 44-го отд. учебного аэросанного полка за 1944 г. 22.6–27.7.1944 г. Л. 12–12 об.

[78] Наградной документ от 30.09.1945 г. // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 71, ящ. 9. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.

[79] УПК Прохотилова М. А. / ЦАМО. Учетная послужная картотека. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.

[80] ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35242. Д. 7: Дело № 6... Л. 102.

[81] Список офицерского состава в/ч 31888 (команда № 5)... Л. 12–12 об.

[82] УПК Прохотилова М. А. / ЦАМО. Учетная послужная картотека. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.

[83] Там же.

[84] Приказ ВС ВолхФр от 29.01.1944 № 03-н // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4491. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.
[85] Приказ 36 А ЗабФр от 11.09.1945 // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 71, ящ. 11. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.
[86] Приказ МО СССР от 06.04.1985 г. № 75 // ЦАМО. Юбилейная картотека награждений, шк. 49, ящ. 19. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.» Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.
[87] Наградной документ на Прохотилова М. А. от 05.11.1954 г. / ЦАМО. Картотека награждений, шк. 71, ящ. 9. Запись проекта «Дорога Памяти» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Память народа 1941–1945 гг.». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93335743/. Свободный. Загл. с экрана.
[88] Наградной документ на Прохотилова М. А. от 15.11.1950 г. / ЦАМО. Картотека награждений, шк. 71, ящ. 9. Запись проекта «Дорога Памяти»...
[89] Акт БТиМВ ВолхФр от 20.09.1943 г. № Л-1398 // ЦАМО. Ф. 204. Оп. 103. Д. 99. Т. 2. Запись проекта «Дорога Памяти»...
[90] Наградной документ на Прохотилова М. А. от 09.05.1945 г. // ЦАМО. Картотека награждений, шк. 71, ящ. 9. Запись проекта «Дорога Памяти»...
[91] Наградной документ на Прохотилова М. А. от 30.09.1945 г. // Там же.

В. С. Великанов (Москва)

РИЖСКИЙ ПОХОД РУССКОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО КОРПУСА А. И. РЕПНИНА В 1701 Г.

ОТПРАВКА вспомогательного корпуса А. И. Репнина к Риге в 1701 г. была первым опытом совместных операций российских войск с какими-либо иностранными союзниками. Первым к этой теме обратился Н. Г. Устрялов в четвертом томе своей «Истории царствования Петра Великого», опубликовав краткий рассказ об этом событии, а также несколько писем из переписки А. И. Репнина[1]. Значительный объем служебных документов вспомогательного корпуса сохранился в 96-м фонде «Дела Шведские» Российского Государственного архива древних актов[2]. Находящиеся там еженедельные отписки А. И. Репнина были приведены Н. Н. Поповым в виде одной сводной публикации в приложениях к истории Ростовского полка, который принимал участие в Рижском походе[3]. Ввод в оборот дополнительных источников и архивных материалов позволяет уточнить и дополнить ранее приведенные сведения.

Первоначальная договоренность об отправке русского вспомогательного корпуса для участия совместно с саксонцами в осаде Риги была достигнута еще в ноябре 1699 г. при заключении Преображенского союзного договора («его королевскому величеству толиким числом людей, елико мы наилутче возможем вспомогати»)[4]. В самом договоре численность последнего зафиксирована не была, но устно стороны договорились о 20 тысячах полностью экипированной и вооруженной пехоты, а также о предоставлении царем своему союзнику осадных орудий и припасов для осады Риги. Одним из условий, выдвинутых российской стороной, было обязательство вступить в войну со Швецией только после заключения формального мирного договора с Турцией.

Поэтому в феврале 1700 г. саксонцы начали боевые действия самостоятельно, рассчитывая, что вспомогательные российские войска и артиллерия прибудут не позднее апреля–мая. Попытка захватить Ригу внезапным наскоком оказалась неудачной (шведы успели подготовить город и гарнизон к обороне), и саксонскому командующему Я. Флеммингу пришлось довольствоваться взятием небольшого Коброн-шанца, расположенного напротив города на левом берегу Двины, и крепости Дюнамюнде, запиравшей устье реки.

Полноценную осаду саксонцы запланировали на лето 1700 г. К концу июля они сосредоточили напротив Риги около 23–24 тыс. чел., и король Август II настолько был уверен, что царские подкрепления вот-вот прибудут, что 27 июля написал напрямую псковскому воеводе И. И. Головину и новгородскому князю И. Ю. Трубецкому с вопросом, когда вверенные им войска прибудут, наконец-то, под Ригу[5]. Однако летом 1700 г. русские войска и осадная артиллерия так и не прибыли, и в середине сентября саксонцы были вынуждены снять осаду с Риги и отойти на зимние квартиры в Курляндию. К царю Петру I был отправлен фельдмаршал герцог Карл Евгений де Кроа с целью договориться о присылке обещанных подкреплений весной уже следующего года. Однако добиться четких договоренностей ему не удалось: 30 ноября 1700 г.[6] русская армия под Нарвой была разбита шведами, а сам де Кроа попал в шведский плен.

Для выработки дальнейших планов ведения войны со Швецией в конце февраля 1701 г. в Биржах состоялась встреча царя Петра I с королем Августом II и польско-литовскими сенаторами, результатом которой стало заключение 9 марта 1701 г. нового договора, уточнявшего и дополнявшего союзное соглашение 1699 г. В частности, российская сторона прямо обязалась предоставить в распоряжение своего союзника «от 15 до 20 тысяч удобной и благообученной пехоты <...> и оных добрым оружием и достаточными воинскими припасами удовольствовать». На каждый полк должно было быть дано по 2 полковые пушки с 200 выстрелами, а также по 2 лошади и телега на 10 человек. Русские полки должны были присоединиться к союзникам в Динабурге и до этого момента снабжаться за собственный счет, а после — перейти на полное довольствование за счет польско-саксонской стороны[7]. На состоявшемся там же, в Бирже 11 марта военном совете было решено, что королевская армия совместно с русским

вспомогательным корпусом в августе 1701 г. осадит Ригу, а главная русская армия будет отвлекать противника диверсиями («не вдаваясь в решительные действия») под Печорами и Нарвой, а также в Карелии и Финляндии[8].

Сбор вспомогательного корпуса начался лишь в середине апреля. Командование им поручили генералу Аниките (Никите) Ивановичу Репнину (1668–1726). На тот момент ему было всего 33 года, и весь его боевой опыт сводился к участию в двух осадах Азова в 1695 и 1696 гг. Летом 1700 г. он был произведен из подполковника Преображенского полка сразу в полные генералы и назначен командующим одного из трех генеральств (дивизий). Царский указ о назначении командующим корпусом и выступлении в поход к Риге был отправлен А. И. Репнину, который на тот момент был губернатором в Новгороде, 28 апреля[9]. В приложенных к указу «статьях», подготовленных в Посольском приказе, содержались общие инструкции: в поход следовало идти через Псков и дальше к Динабургу; на марше «идти в осторожности»; не доходя до саксонцев несколько переходов, отправить к ним кого-либо из старших офицеров для того, чтобы договориться о совместных действиях, а соединившись с ними — провести смотр и подготовить ведомость войск[10]. Дальнейшие инструкции Репнин должен был получить уже в походе. Вместо него новгородским губернатором в тот же день 28 апреля был назначен генерал-майор Яков Вилимович Брюс[11]. Уже в ходе сбора войск польско-саксонский посланник при российском дворе Кенигсек передал просьбу, чтобы вспомогательный корпус шел не к Динабургу, а к Кокенхаузену. Первоначально российское правительство было против, так как Кокенхаузен был ближе к Риге, и существовал риск, что русские полки будут на марше атакованы шведами[12], но в итоге пришли к компромиссу: корпус будет передан под саксонское командование в Динабурге, и дальше они уже сами переведут его в Кокенхаузен.

В состав корпуса Репнина вошли 19 наиболее боеготовых полков всех трех генеральств: солдатские полки полковников Ивана Буша, Кашпира Гулица, Николая Вердена, Алексея Дедюта, Андрея Романовского, Петра Буковина, Романа Брюса (все — генеральство А. И. Репнина), Ивана Трейдена, Ивана Мевса, Юрия Абрама, Ивана Сака, Ильи Бильса, Михаила Страусбурга, Данила Купера, Матвея Трейдена (все — генеральство А. М. Головина), Томоса Юнгора, Вилима Швейдина (оба из генеральства

А. А. Вейде), Романа Брюса (новгородский), псковский стрелецкий полк Юрия Вестова. Все указанные полки, кроме полков Брюса и Вестова, были сформированы весной–летом 1700 г. из новобранцев в Москве и низовых (поволжских) городах. Полки генеральств Головина и Вейде принимали участие в Нарвском походе и неудачном сражении 30 ноября 1700 г. Потери в личном составе были незначительны, но была утрачена значительная часть вооружения и амуниции, которые были восполнены лишь к апрелю 1701 г.[13] Полк Р. Брюса был создан в январе 1701 г. из остатков двух новгородских солдатских полков («Брюсов и Куломов полки написаны в один полк всего 800 чел. и отданы Роману Брюсу»)[14].

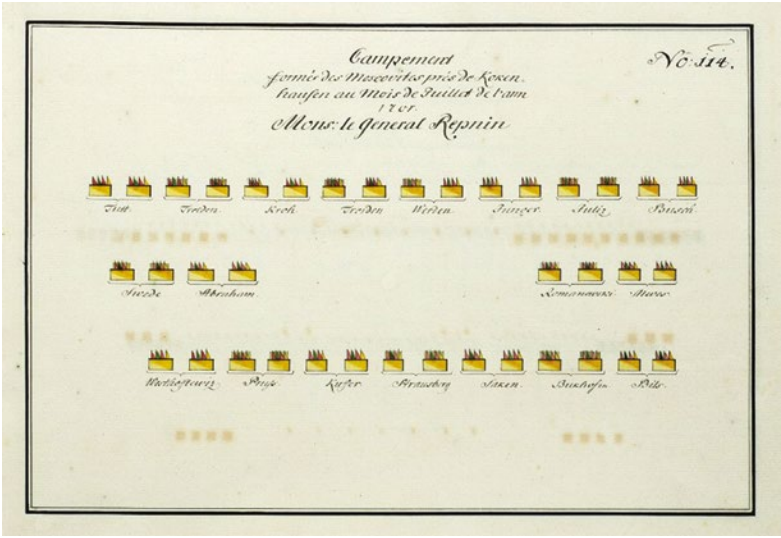
Большая часть полков находилась с Репниным в Новгороде, еще несколько полков должны были присоединиться к корпусу во Пскове. Полки, находившиеся в Новгороде, выступили в поход 26 (15) мая 1700 г. В 15 полках насчитывалось 15 517 чел. (444 офицера и 15 073 нижних чина): И. Буша — 1028, К. Гулица — 984, Н. Вердена — 986, П. Буковина — 1129, З. Кро — 1011, А. Дедюта — 1031, А. Романовского — 1016, Т. Юнгора — 1040, И. Трейдена — 1114, И. Мевса — 988, Ю. Абрама — 1043, В. Швейдена — 1090, И. Бильса — 991, И. Сака — 1062 и М. Страусбурга — 1004[15]. Вместо умершего в феврале полковника З. Кро его полк временно принял подполковник Еремей Шварт[16]. Во Пскове к Репнину присоединились оставшиеся полки (к этому моменту полковник М. Трейден также уже умер, и его полк принял его брат, подполковник этого же полка Тимофей Трейден), и там же войска вспомогательного корпуса осмотрел генерал-адъютант короля Августа Арнштедт, оценивший их невысоко: «о солдатах говорил, что много среди них людей плохих, безодежных и без жалования; требовал добрых и вооруженных»[17].

Репнин выступил из Пскова 7 июня (26 мая), разделив свой корпус на три колонны/бригады (под своей командой, и полковников К. Гулица и Н. Вердена). Уже на марше полк Кро принял подполковник Денис Рыддер, ранее указанный в этом чине в полку Т. Юнгора[18], а Е. Шварт был переведен на его место. Через Остров и Режицу (совр. лат. Rezekne) русские полки 30 (19) июня прибыли к Якобштадту (совр. лат. Jekabpils), где их встретил саксонский генерал Кристиан Дитрих Робель (Christian Dietrich Robel), принявший командование над корпусом. От Якобштадта войска Репнина выступили к Кокенхаузену (лат. Koknese),

старому средневековому замку, захваченному саксонцами еще в октябре 1700 г., который они планировали сделать своей опорной базой на правом берегу Двины.

В это время основные силы саксонской армии (7 пехотных, 4 кирасирских и 3 драгунских полка) находились на левом берегу Двины напротив Риги, а на правом берегу у Кокенхаузена располагался небольшой корпус под командованием генерала К. Робеля (2 пехотных и 2 драгунских полка)[19]. Ригу защищал сильный шведский гарнизон (около 4,8 тыс. чел.) под командованием лифляндского генерал-губернатора фельдмаршала графа Эрика Дальберга, а остальные шведские силы (около 24 тыс. чел.) находились в глубине Лифляндии и Эстляндии[20]. Шведское командование еще в декабре 1700 г. определило, что главной целью кампании 1701 г. будут операции против польско-саксонской армии. Исходя из этих планов, основные силы шведской армии (около 9,5 тыс. чел.) под командованием Карла XII к концу мая сконцентрировались в Дерпте и 17 июня выступили в поход к Риге. Шведам необходимо было пройти около 250 км, средняя скорость движения составляла около 12 км в день (мы специально акцентируем на этом внимание, чтобы развеять миф о стремительных маршах Карла XII)[21].

Первые русские полки подошли к Кокенхаузену 21 июня, а весь корпус собрался 25-го. По прибытии в Кокенхаузен русским полкам был устроен еще один смотр саксонским главнокомандующим генерал-фельдмаршалом А. Штейнау. В наличии имелся 17 551 урядник и рядовой, в «нетях» (заболели и отпущены обратно во Псков, умерли и дезертировали) — 254[22]. Штейнау, в отличие от Арнштедта, результатами остался доволен и писал Августу II, что «в Московском войске было 20 тысяч; все люди хороши, кроме, может, 50 человек, требующих обучения, вооружены голландскими ружьями, у некоторых полков шпаги заменяли штык. Солдаты маршируют исправно, работают усердно и быстро, исполняют все, что прикажет фельдмаршал; особенно надобно похвалить, что у них нет ни одной женщины, ни собаки, и московский генерал на военном совете с жалобою просил, чтобы женам саксонских мушкетеров запрещено было утром и вечером приходить в русский лагерь и продавать вино, потому что московитяне предаются пьянству и дебоширству. Генералу Репнину 40 лет [на самом деле Репнину было 33 года. — *В. В.*], в военном деле мало мыслит, впрочем, очень любознателен и почтителен.



Ил. 1. Боевой порядок русского корпуса А. И. Репнина на смотре в г. Кокенхаузене 25 июня 1701 г. Государственный архив земли Гессен. Марбург, Германия

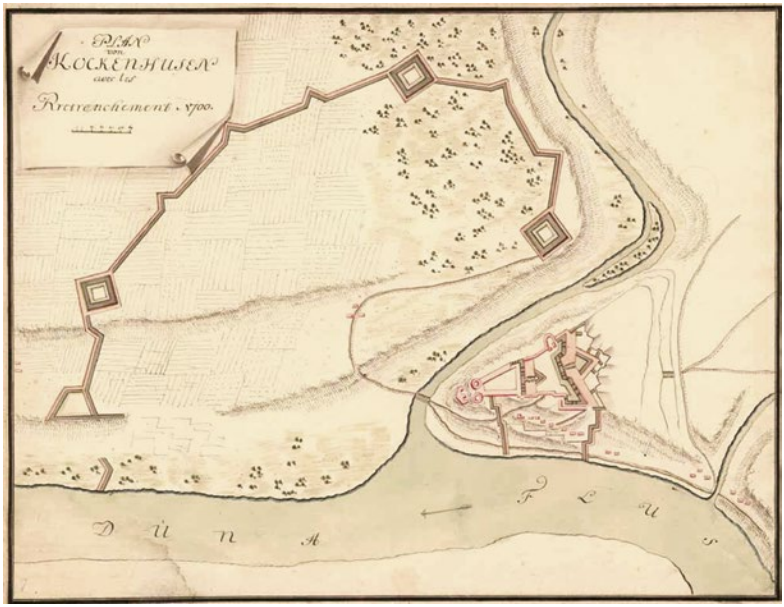
Все офицеры из немцев, люди старые и малоопытные»[23]. По результатам смотра был составлен рисунок боевого порядка русского корпуса, одна из копий которого хранится в Государственном архиве земли Гессен в Марбурге (ил. 1)[24].

4 июля в Кокенхаузене состоялся военный совет, на котором с саксонской стороны присутствовали фельдмаршал А. Штейнау, генерал К. Робель, генерал-майор Ганс Генрих Востомирский (Hans Herrmann Wostromirsky von Rockittnigk) и королевский комиссар Бозен; с русской — А. И. Репнин, полковники К. Гулиц и Н. фон Верден. Союзники рассматривали два варианта шведских действий: атака через Двину или высадка в тылу союзной армии в Либаве. В итоге на совете было принято решение воздержаться от активных действий, и выждать начала операций со стороны Карла XII. На случай шведской атаки было принято решение построить, расширить и усилить укрепления Кокенхаузена, построив дополнительный земляной ретраншемент на правом берегу Двины, для чего Репнин обещал отряжать ежедневно по 4 тыс. чел. на земляные работы. Также на шведский берег планировали послать три полка саксонских драгун для разведки

и охранения. На усиление саксонской группировки под Ригой Репнин обещал послать четыре полка (на следующий день были отправлены полки Т. Юнгора, Т. Трейдена, Д. Рыддера и Ю. Вестова). В тот же день в Кокенхаузен вернулся один из передовых саксонских отрядов, сообщивший, что шведский король Карл XII с армией выступил в поход и должен вскоре прибыть в Ригу.

Одной из проблем стало снабжение. В соответствии с Бирженским договором, с момента поступления вспомогательного корпуса под саксонское командование снабжение русских полков должны были осуществлять саксонцы. Однако нормы довольствия в саксонской армии и российской не совпадали. Саксонцы исходили из собственных штатов, по которым полк насчитывал 1265 чел., или 1767 «долей» (норм выдачи по два фунта хлеба в день: полковник — 25 «долей», капитан — 7, рядовой — одна, и т. д.)[25]. Российские полки не имели единых штатов, и количество рот варьировалось от 8 до 12. На организационные проблемы наложились языковые — в русском корпусе не хватало переводчиков и писарей со знанием немецкого языка для того, чтобы предоставить саксонцам необходимые документы: «которыя ведомости к фельдмаршалку и к Бозену на письме русском и тех не принимают, велят писать на немецком письме; также о воинских всяких управлениях отдают пункты на письме каждый вечер у слова (при пароле) и тех переводить и ведомостей писать в московском войске некому, переводчика нет». В итоге спустя несколько дней снабжение полков было налажено, но, как писал в своей отписке А. И. Репнин, оно было недостаточно: «Солдатам хлеба дают по договорным статьям по два фунта на человека и тем недовольствуются, а работа им земляная ныне велика, всегда по четыре тысячи человек на день; а сержантам против договоров в полтора против солдата ведают и о том с Бозеном говорено, и он отговаривается приказами, а знатно есть в хлебе скудость. А московских полков начальные люди хлеба никто не берут и впредь имать не станут. Съестных всяких припасов в войске продажных ничего нет, и тем начальным людям и солдатам зело нужно, а которые и привезут и то перекупить саксонцы»[26]. При этом самостоятельно закупить продовольствие русские солдаты не могли: жалование им было выдано российскими деньгами, которые местные торговцы отказывались принимать[27].

Находившиеся у Кокенхаузена основные силы русского корпуса ежедневно занимались земляными работами по сооружению



Ил. 2. Укрепления русского корпуса А. И. Репнина у г. Кокенхаузена. Июнь–июль 1701 г. Государственный архив земли Гессен. Марбург, Германия

вокруг старого замка новых укреплений (ил. 2). Вооружение нового укрепления должны были составить русские орудия, доставленные из Смоленска (их король Август II просил прислать еще летом прошлого года). Полки бригады Т. Юнгора прибыли к Коброн-шанцу 10 июля и встали лагерем рядом с саксонцами.

Тем временем шведская армия Карла XII 18 июля подошла к Риге, где уже заранее были подготовлены речные суда для переправы. Для того чтобы ввести в заблуждение противника в направлении Кокенхаузена был отправлен отряд майора Й. Мейерфельда, который должен был создать видимость движения шведских сил в этом направлении. Эта уловка частично удалась: на усиление отряда Робеля 18 июля прибыл сам А. Штейнау с четырьмя кирасирскими полками. Однако в тот же день были захвачены шведские пленные, которые сообщили о том, что вся королевская армия у Риги и готовится на следующий день переправиться через Двину. Штейнау с саксонской кавалерией немедленно выступил обратно по левому берегу реки и отправил

приказ Робелю также идти с оставшимися в Кокенхаузене саксонскими и русскими полками к Риге[28]. Репнин выступил в тот же день с девятью солдатскими полками (И. Буша, Н. Вердена, А. Дедюта, И. Мевса, В. Швейдена, П. Буковина, И. Бильса и Д. Купера), остальные шесть должны были выступить на следующий день, 19 июля[29]. Однако русские полки к решающим событиям под Ригой так и не успели.

Утром 19 июля шведская армия Карла XII переправилась через Двину ниже Риги. Для того чтобы отвлечь саксонцев шведы направили к Даленхольму в двух милях вверх по реке отряд полковника М. Хельмерсена (600 чел. из полков рижского гарнизона с 12 орудиями), которые должны были создать видимость переправы на том направлении. Едва получив известия о переправе Карла XII, саксонцы немедленно попытались сбросить шведов обратно в реку, но все их атаки были отбиты, и они были вынуждены отступить в беспорядке[30]. Русские войска в сражении 19 июля участия не принимали. Ранним утром три полка Юнгора (Т. Юнгора, Т. Трейдена и Д. Рыддера) были направлены в шанцы на остров Даленхольм для отражения фальшивой атаки Хельмерсена. Когда стало ясно, что основная переправа состоялась ниже по реке, и Юнгор получил приказ вернуться, то было уже поздно: сражение закончилось, и саксонцы отступали в беспорядке. Вместе с частью саксонских войск Юнгор отступил вверх по реке, где соединился с Робелем и Репниным, которые утром 19 июля находились в восьми милях от Риги (т. е. примерно в одном дневном переходе). На коротком военном совете было решено отойти в Курляндию к Бауску, а в Кокенхаузене оставить два саксонских (пехотный и драгунский) и один российский полки[31].

При отходе от Риги в гарнизонах небольших укреплений на Двине остались около 830 русских солдат: в гарнизоне Дюнамюнде (переименованного саксонцами в марте 1700 г. в Августбург) — две роты (250 чел.) полка Юнгора, рота полка Трейдена (105) и рота полка Рыддера (107) под общим командованием подполковника Е. Шварта; на острове Лютцельхольм (лат. Луцавсала) — рота полка Юнгора (197) и Трейдена (102); в Шифредуте — 51 чел. полка Трейдена; в Штерн-шанце — 17 стрельцов Вестова[32]. Их судьба сложилась по-разному. Гарнизону на острове Лютцельхольм 19 июля была предложена капитуляция, однако командующий русским отрядом капитан Алферий (Генрих)

Емельянов сын фон-Шлиппенбах ответил отказом. Его отцом был Мельхиор (в России — Емельян) фон Шлиппенбах, лифляндский дворянин, дослужившийся до чина полковника на русской службе, а дядей — известный шведский (а затем и российский) генерал Вольмар Антон фон Шлиппенбах, командовавший в 1701–1704 гг. шведскими войсками в Лифляндии. В ночь с 9/20 на 10/21 июля шведский отряд М. Хельмерсена (600 чел.) атаковал русский отряд, который оказал ожесточенное сопротивление и был почти весь уничтожен, кроме нескольких десятков человек, сдавшихся в одном из шанцев. Алферий Шлиппенбах, видимо, попал в шведский плен, так как известно, что умер он только в 1729 г. Шведы также понесли серьезные потери, были убиты более 80 чел., включая самого Хельмерсена и майора Лилленштерна[33]. В память о погибших русских солдатах на острове Лютцельхольм был возведен небольшой курган с памятной надписью, а в 1891 г. поставлен памятник.

Союзные войска отходили от Риги на юг к Бауску по дороге через Гросс-Эккау (лат. Iecava). Шведы не стали их преследовать и двинулись по другой дороге на юго-запад к столице Курляндии Митаве (лат. Jelgava), которую заняли 23 июля, захватив там большие запасы продовольствия и фуража, собранные саксонцами[34]. В тот же день их передовые дозоры появились в окрестностях Бауска, чем сильно встревожили союзное командование, опасавшееся, что шведы двинутся к этому городу на перехват союзной армии. Было решено, что к Бауску двигаться опасно, и союзники повернули на юго-восток к Бирже, оставив для прикрытия несколько саксонских конных полков. В тот же день русские полки переправились на левый берег реке Мемеле (лат. Memele, лит. Nemunėlis) и 24 июля прибыли в Биржу. Здесь 25 июля состоялся очередной военный совет с участием фельдмаршала А. Штейнау, герцога курляндского Фердинанда Кетлера (формальный со-командующий саксонской армии), А. И. Репнина и саксонского генералитета, на котором было решено продолжить отход на юго-запад в Польшу. Русскому вспомогательному корпусу был дан «апшит», т. е. он был отпущен с саксонской службы и получил разрешение вернуться обратно в Россию. Для прикрытия его марша к Динабургу саксонцы согласились выделить 100 драгун, но припасов дать не смогли, так как в Бирже и окрестностях «хлебных и харчевых припасов ни малого нет <...> хлебными запасами не токмо московским, но и саксонским

великая скудость, и от походов и от хлебной скудости имеют великую нужду; и саксонские рейтары и солдаты многие в рознь идут». На этом, фактически, служба русского вспомогательного корпуса закончилась, и теперь ему предстоял обратный путь домой. В тот же день в Биржу прибыли шесть полков (А. Романовского, Ю. Абрама, М. Страусбурга, Р. Брюса, И. Трейдена, И. Сака) из Кокенхаузена[35].

В Кокенхаузене после ухода всех полков вместе с саксонцами полковника Бозена были оставлены 1015 русских солдат и офицеров под командованием майора полка Романовского Василия Кучумова: по 42 чел. от последних шести полков «для караулов», остальные — «для хлебных запасов и обозов», а также больные. 27 июля к Кокенхаузену по левому (курляндскому) берегу Двины подошел крупный шведский отряд (якобы «многолюдством тысяч с 20 или больше конницы и пехоты»). Саксонский комендант полковник Бозен поспешил, не дожидаясь переправы противника, оставить замок и отступить с гарнизоном (включая тысячу русских солдат) по правому (лифляндскому) берегу к Динабургу (лат. Daugavpils)[36]. При оставлении Кокенхаузена имевшаяся в крепости артиллерия была частично взорвана, частично — затоплена в Двине. Позднее шведы достали их из воды и вместе с останками уничтоженных стволов перевезли в Стокгольм, где придворный художник Я. Фелотт зарисовал их с фотографической точностью для альбома, описывающего трофеи короля Карла XII. Всего им было изображено 28 «кокенхаузских трофеев»: 24 орудия, три бомбарды и одна мортира[37]. К сожалению, на рисунках отсутствует масштабная линейка и какие-либо дополнительные сведения о калибре или размере орудий. Согласно атрибуции А. Н. Лобина среди трофеев изображены 13 русских (одна 10-фунтовая пищаль «Лисица», отлитая в 1575 г. мастером А. Чоховым; остальные — калибром 1,5–6 фунтов), одно саксонское и 10 польско-литовских орудий, 3 польско-литовские бомбарды и одна 2-пудовая русская мортира, отлитая в 1655 г. мастером Ф. Аникеевым. Укрепления Кокенхаузена были также взорваны.

Полки Репнина выступили из Биржи 26 июля и двинулись к Динабургу. Марш проходил трудно, местность была болотистая и малонаселенная, и солдаты испытывали нехватку продовольствия и фуража («солдаты ныне люди томные, от многаго и скораго похода и от хлебной скудости отощали; также и лошади под казной и под пушки и которые даны солдатам все приустали»).

28 июля к Репнину присоединились 950 чел. майора В. Кучумова, бывшие ранее в Кокенхаузене (он привел почти всех, кроме около 60 больных и отставших). По прибытии в Динабург выяснилось, что запасов в городе нет, и местные власти рекомендовали русским как можно скорее выдвигаться в свои пределы, где они смогут обеспечить себя продовольствием и фуражом. Не задерживаясь надолго в Динабурге, Репнин выступил через Режицу и Остров обратно во Псков, куда прибыл 16 августа. По возвращении корпус Репнина насчитывал 16 824 чел. (в том числе 539 офицеров и 16 285 урядников и рядовых): полк И. Буша — 1046 чел., К. Гулица — 916, Н. Вердена — 907, А. Дедюта — 893, А. Романовского — 787, П. Буковина — 873, Р. Брюса — 771, И. Трейдена — 1112, И. Мевса — 954, Ю. Абрама — 925, И. Сака — 981, И. Бильса — 842, М. Страусбурга — 1002, Д. Купера — 864, А. Шневенца — 890, Т. Юнгора — 592, В. Швейдена — 1024, Х. Абрама — 685, Ю. Вестова — 760 чел.[38] Обращает на себя внимание, что по сравнению с началом лета в составе полковых командиров произошли очередные изменения: Р. Брюс принял полк Д. Рыддера («у которого был Захарей Крой»), а его полк («новгородский») был вновь передан Х. Абраму. Полком Тимофея/Матвея Трейдена командовал полковник Андрей Шневенц. По сравнению с маем численность корпуса уменьшилась на 980 чел., из них 830 остались у Риги. Таким образом, санитарные потери и дезертиры составили 150 чел.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о судьбе тех русских солдат и офицеров, которые остались в гарнизоне Дюнамюнде. Сразу же после успешной переправы через Двину шведы обложили крепость, но, не имея осадной артиллерии, были вынуждены ограничиться блокадой. Русско-саксонский гарнизон под командованием саксонского полковника Бозена продержался до декабря 1701 г., когда в крепости подошли к концу запасы продовольствия, и капитулировал 21/11 декабря на условиях свободного выхода гарнизона. В Дюнамюнде шведы захватили 79 пушек и 18 мортир, часть из них были шведскими, а часть — саксонскими, свезенными в крепость осенью 1700 г. Пушки: 36 24-фунтовые, 2 16-фунтовые, 21 12-фунтовая, 10 6-фунтовых, 10 3-фунтовых (вкл. две бывшие шведские, захваченные весной 1700 г.). Мортиры: 4 196-фунтовые, 4 96-фунтовые, 4 64-фунтовые, 3 32-фунтовые, 3 16-фунтовые. Описание всех захваченных пушек приведено в «Спецификации...»[39], а рисунки 20 пушек

и 5 мортир приведены в упоминавшейся нами работе шведского придворного гравера Я. Фелотта[40].

На момент сдачи Дюнамюнде союзный гарнизон насчитывал 1047 чел., сколько из них было русских, неизвестно[41]. После капитуляции их перевели в Курляндию, где они содержались до «Преполовленьева дня» (церковный праздник Преполовение Господне, отмечаемый через 25 дней после Пасхи; в 1701 г. он приходился на 26 мая по старому стилю), а оттуда перевезены в Кольберг и дальше через Бранденбург прибыли в Дрезден. Из саксонской столицы русская часть гарнизона выступила в Краков («явились у Королевского Величества в Кракове у короля Августа, и Королевское Величество отпустил нас чрез Польскую землю до города Киева»), и далее через Киев в Москву[42].

На этом фактически закончился первый опыт совместных действий русских войск с польско-саксонскими союзниками. В ходе Рижского похода сразу же ярко проявились логистические проблемы, связанные с тем, что союзники были не способны в оговоренном объеме взять на себя полноценное снабжение русских полков, при этом сами нормы и лимиты продовольствия и фуража не были четко определены и отличались в российской и саксонской армиях. Еще одной проблемой был языковой барьер, который затруднял взаимодействие между российским и саксонским командованием. К сожалению, никакие выводы из полученного опыта Петром I сделаны не были, и данные проблемы ярко проявились при следующей попытке передать русский вспомогательный корпус на польско-саксонскую службу в 1704–1707 гг.

---

[1] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1863. С. 96–98, 105–106; Ч. 2. СПб., 1863. Приложения II. С. 194–195, 200–201 и др.

[2] РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. Ед. хр. 10.

[3] Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. М., 1902. Т. 1. Приложения. № 37. С. 137–151.

[4] Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ). Т. 1. (1688–1701 гг.). СПб., 1887. № 282. С. 304–310; Северная война 1700–1721 гг.: Сб. документов. Т. 1. 1700–09. М., 2009. № 2. С. 16–20.

[5] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. С. 553.

[6] Здесь и далее все даты приводятся по современному григорианскому календарю. В 1701 г. в России использовался юлианский календарь, «отставший» от него на 11 дней. В Швеции юлианский календарь отличался от григорианского на 10 дней.

[7] ПиБ. Т. 1. № 365. С. 435–439.

[8] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. С. 89–96.
[9] РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. Ед. хр. 10. Л. 1.
[10] Там же. Л. 4–6; Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Приложения. № 36. С. 132–137.
[11] РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. № 10. Л. 2.
[12] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. С. 97.
[13] Подробнее см.: Великанов В. С. Состояние русской армии после нарвского поражения, зима 1700–1701 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции, 18–20 мая 2016 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. 2. С. 26–42.
[14] РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. Ед. хр. 1. Л. 344 об. Об участии солдатского полка Р. Брюса в Нарвском сражении 19/30 ноября 1700 г. см.: Великанов В. С. «И с тех шанцов безо всякого повреждения отошли...» (эпизод сражения при Нарве 30 ноября 1700 г.) // Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз». 2018. № 77–78 (1–2/2018). С. 130–133.
[15] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7-А. Дела разных городов. Ед. хр. 90. Л. 89–103.
[16] Там же. Л. 93.
[17] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 195.
[18] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7-А. Дела разных городов. Ед. хр. 90. Л. 96.
[19] Karl XII på slagfältet; karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1918. S. 368–369; Походы Карла XII. Т. 2: Западная Двина и Клишов. М., 2014. С. 12.
[20] Karl XII på slagfältet... S. 361–367; Походы Карла XII. Т. 2. С. 8–10.
[21] Karl XII på slagfältet... S. 371; Походы Карла XII. Т. 2. С. 15.
[22] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 200.
[23] Там же. Ч. 1. С. 98.
[24] Campement formé des Moscovites près de Kokenhausen au Mois de Juillet de l'ann 1701. Эл. ресурс: http://www.digam.net/image.php?file=img/dokumente/5754/1.jpg&b=1000&h=auto.
[25] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7-А. Дела разных городов. Ед. хр. 90. Л. 26–27.
[26] Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Приложения. С. 142–143.
[27] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 195.
[28] Karl XII på slagfältet... S. 373–374; Походы Карла XII. Т. 2. С. 17; Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Приложения. С. 143–144.
[29] Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Приложения. С. 144.
[30] Karl XII på slagfältet... S. 373–374; Походы Карла XII. Т. 2. С. 33–39.
[31] Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Приложения. С. 146–147.
[32] Там же. С. 145–146.

[33] Adlerfeld G. The military history of Charles XII, King of Sweden. V. 1. London, 1740. P. 80.
[34] Wisocki-Hochmuth L. Dagbok af en Ingenior-Officer antagligen L. Wisocki-Hochmuth, 1700–1708 // Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. B. 2. Lund, 1903. S. 133.
[35] Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Приложения. С. 147–149.
[36] Там же.
[37] Thelott P. J. Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Saxen och Pehlen fur de kriget med Guids hielp och segerrika wapn se wid fastningars intagande som uti battallier, erofrade tropheen ahren 1700, 1707 och 1702. [S.l., s.a.]. Band 1. Fol. 63–75. Автор благодарит канд. ист. наук А. Н. Лобина за помощь в атрибуции.
[38] Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведскаго короля // Материалы Военно-учетного архива. Вып. 1. СПб., 1871. Стб. 69–70.
[39] Specification, Des Geschützes, Welches Sr. Kön. Maj. zu Schwed. Bey Eroberung Der Dünamünde, Den 22. Decembr. 1701 Von denen Sachsen zu Theil worden. Stockholm, 1701. 8 s.
[40] Thelott P. J. Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung... Fol. 77–88.
[41] Schuster O., Francke F. U. Geschichte der Sächsischen Armee. T. 1. Leipzig, 1885. S. 150; Adlerfeld G. The military history of Charles XII... V. 1. P. 101–102.
[42] Татарников К. В. Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия (сб. док. в 2 т.). М., 2015. Т. 2. С. 2277–2278.

С. Е. Виноградов (Москва)

ИСПЫТАНИЯ БРОНЕВЫХ ПЛИТ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ И КРЕЙСЕРОВ СТРЕЛЬБОЙ ИЗ ОРУДИЙ НА ГЛАВНОМ ПОЛИГОНЕ КОМИССИИ МОРСКИХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОПЫТОВ В 1909–1917 гг.

В СЕНТЯБРЕ 1854 г. для испытания образцов морского артиллерийского вооружения, боеприпасов, брони и составления таблиц стрельбы в составе Морского министерства была образована Комиссия морских артиллерийских опытов (КМАО). Для обеспечения ее деятельности на южной окраине Санкт-Петербурга — Волковом поле была выделена земля под полигон с возведением на нем артиллерийской батареи. Официально как постоянная комиссия в составе 11 человек она была утверждена циркулярным предписанием Инспекторского департамента Морского министерства № 284 от 6 ноября 1856 г. В связи с быстрым расширением городской застройки полигон к концу 1879 г. был перенесен на северо-восток от города («Охтенское поле»). Здесь имелись обширные пустоши, прилегавшие к железнодорожной станции «Ржевка», а опытные стрельбы можно было производить в общем направлении от центра Петербурга на северо-восток, в сторону Ладожского озера. С 10 августа 1885 г. КМАО состояла в ведении Главного инспектора морской артиллерии Морского технического комитета (начальника артиллерийского отдела МТК). 19 октября 1911 г. при преобразовании МТК в Главное управление кораблестроения (ГУК) она была переподчинена последнему, оставшись в ведении начальника его артиллерийского отдела[1].

Испытаниям плит корабельной брони изначально уделялось значительное внимание. Начиная с 1860-х гг. непрерывно совершенствовалась техника военного кораблестроения,

в создании корпусов боевых кораблей перешли от дерева к железу, а с 1870-х гг. — к стали. Это позволило при сравнительно незначительном росте линейных размеров корпусов кратно повысить нагрузки от вооружения, двигательных установок, запаса топлива и броневой защиты. Последняя категория фигурировала в разряде приоритетных, поскольку в связи с быстрым совершенствованием материала и конструкции орудийных стволов и снарядов резко прогрессировала артиллерийская мощь кораблей. Это, в свою очередь, требовало увеличения площади броневой защиты и роста толщины плит, а также изысканий в области улучшения их материала, что позволяло увеличивать сопротивляемость брони действию снарядов в рамках прежнего веса. Основным методом исследования прочности брони являлось ее натурное испытание опытным расстрелом из орудий на полигоне с последующим изучением полученных повреждений и их оценкой.

Помимо исследовательского расстрела экспериментальных броневых плит аналогичному натурному испытанию подвергались броневые плиты серийной поставки, изготовленные для их установки на корабли. Из партии плит по совокупности визуальных критериев выбирались одна или более, в каждую из которых производилось несколько выстрелов из орудия. При этом уменьшенная дистанция выстрела в условиях полигона компенсировалась соответствующим уменьшением кинетической энергии снаряда, что достигалось пропорциональным сокращением заряда пороха. Если избранная плита (плиты) выдерживала испытание, вся партия допускалась к установке на корабль. Таков был, в общем, принцип натурной оценки пригодности изготовленных заводами плит броневой защиты, оформившийся в методиках всех морских держав к рубежу XIX–XX столетий.

Исход Русско-японской войны 1904–1905 гг. привел к большим переменам в составе и облике боевых флотов мира. Несмотря на существенный рост возможностей минно-торпедного оружия, следствием воздействия которого стала потеря обеими воюющими сторонами многих боевых единиц, в том числе крупнейших классов — линейных кораблей и крейсеров, — морская артиллерия сохранилась в виде основного боевого средства войны на море. Более того, она существенно укрепила свои позиции, поскольку успехи в конструкции орудий, орудийных установок и, в особенности, оптико-механическом приборостроении позволили достигать более устойчивого поражения противника.

Все это, в свою очередь, укрепило позиции корабельной брони как основного средства противостояния разрушительному действию артиллерии.

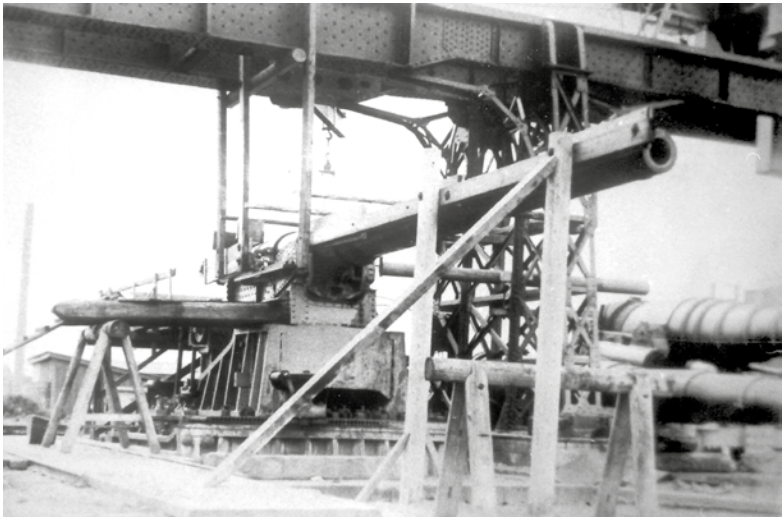
Совершенствование военных флотов также выражалось в росте боевых возможностей кораблей основных классов и, соответственно, их размеров. В отношении линейных кораблей и больших крейсеров это проявилось в наибольшей степени — их новое поколение, так называемые дредноуты, несли в 2–3 раза больше тяжелых орудий (от 8 до 12, против общепринятых до этого четырех) и ощутимо прибавили в скорости хода, что привело к росту линейных размерений и водоизмещения. В итоге для дредноутов требовалось больше — примерно наполовину — брони, чем для их предшественников прежней генерации. Все вышеизложенное определяло контуры явления, заключавшегося в необходимости интенсифицировать производство броневой защиты для боевых кораблей и береговых башенных батарей, попутно внося усовершенствования в броневую сталь как материал, с целью получения ее новых, более прочных сортов. Это также вело к увеличению объемов опытных исследований броневых плит обстрелом их из орудий.

И, наконец, важнейшим обстоятельством, прямо влиявшим на количество полигонных изысканий обстрелом броневых плит из орудий и интенсивность стрельб, был состав программ военного кораблестроения, принятых в порядке пополнения флота новыми кораблями перед Первой мировой войной. В июне 1909 г. на казенных верфях в Петербурге были заложены четыре первых линкора-дредноута типа «Севастополь», но окончательно финансирование для них было отпущено Государственной думой лишь 19 мая 1911 г. (постройка уже шла). В этот же день Дума отпустила средства на постройку новых кораблей для Черноморского флота, из них трех дредноутов. Через год, 6 июня 1912 г. были вотированы четыре огромных сверхдредноута типа «Измаил», четыре крейсера типа «Светлана» для Балтики и два крейсера типа «Адмирал Нахимов» для Черного моря. Наконец, 24 июня 1914 г. была принята программа кораблестроения для Черного моря, куда входил линкор-дредноут и два крейсера. Таким образом, по состоянию на лето 1914 г. в России находились в разной стадии постройки 12 дредноутов и 8 крейсеров (последние — двух схожих между собой типов), все из которых являлись броненосными кораблями. Общее количество брони для них должно было

превысить 120 000 т. Для ее испытания в составе партий броневых плит следовало изготовить около 10 000 т опытных плит, подлежащих расстрелу из орудий на Главном полигоне КМАО.

В рассматриваемый период испытанием брони для кораблей флота и береговых башенных установок по-прежнему занималась Комиссия морских артиллерийских опытов, постоянное пребывание которой было определено на Главном морском полигоне[2] Морского министерства. Полигон оснащался необходимым вооружением (артиллерийские орудия различных калибров и моделей), оборудованием (краны и погрузочно-разгрузочные приспособления, мастерские) и инфраструктурой (железнодорожные пути, пневмопроводы, линии электропередач, водопровод, служебные и складские помещения) для выполнения возложенных на КМАО задач. Стрельбы, обслуживание механизмов, производство монтажно-демонтажных и погрузочно-разгрузочных работ осуществлял вольнонаемный персонал и отдельная флотская рота морского полигона. Планирование опытных работ, руководство ими, а также подведение итогов, включая необходимые расчеты по технической части, осуществляла группа из 10–15 морских офицеров артиллерийской специальности, числившихся по МТК (ГУК).

Наибольшую проблему представляли испытания самых толстых броневых плит в 100–400 мм, которыми защищались корпус по ватерлинии, траверзы, барбеты, орудийные башни и боевые рубки линкоров и крейсеров. Они относились к типу поверхностно-упрочненных, так называемых «цементированных», плит вертикальной брони и являлись самыми сложными в производстве. Вес исходного стального слитка для них, отливаемого из мартеновской печи из высокопрочной легированной стали (обычно хромоникелевой) мог достигать 60 т. Такой слиток толщиной до 1 м после остывания в изложнице вновь разогревался до 800–850 °С и прокатывался несколько десятков раз на броневом стане, после чего его толщина уменьшалась до требуемой величины. Последующая серия операций по насыщению поверхностного слоя плиты углеродом («цементация»), закалка и окончательная отделка требовала еще до 150–200 суток времени. Полный цикл производства поверхностно-упрочненной броневой плиты главного пояса по ватерлинии линейного корабля, толщиной 250 мм и размерами после обрезки 5500 × 2500 мм (вес до 27 т) требовал порядка 7–9 месяцев работы[3].



Ил. 1. Опытная универсальная установка на Главном морском полигоне КМАО, конец 1890-х гг. На установке — 10-дм орудие в 45 калибров. РГА ВМФ. Публикуется впервые

С 1890-х гг. испытания стрельбой толстых броневых плит выполнялись из орудий новых моделей калибра 10 и 12 дм (254–305 мм, длина соответственно 45 и 40 калибров). Их образцы были спроектированы подполковником МТК А. Ф. Бринком и изготовлены на Обуховском заводе в 1892–1894 гг. Для установки этих орудий на батарее Главного морского полигона Санкт-Петербургский металлический завод по заказу МТК в 1894 гг. разработал универсальную (поскольку на ней могли испытываться как 10-дм, так и 12-дм орудия) платформу (ил. 1). Изготавливая платформу, завод уложился в четыре месяца. В декабре 1894 г. она была принята в казну. В конце марта 1895 г. с нее было проведено первое испытание нового 12-дм орудия[4]. Его успех положил начало систематической работе по отстрелу как новых стволов артиллерийских орудий перед их поступлением на флот, так и апробации опытных броневых плит, а также образцов от их валовых партий, заготовляемых для новых кораблей. Испытания плит более тонкой брони толщиной 25–150 мм, предназначенной для защиты корпусов кораблей в оконечностях, а также их внутренней защиты (палубы, траверзы, переборки и т. п.) производились из орудий калибром 75–203 мм.

Поставка брони для боевых кораблей Российского императорского флота с рубежа 1900–1910-х гг. осуществлялась преимущественно казенным Ижорским заводом, состоявшим в ведении Морского министерства. Это было старейшее предприятие броневой отрасли России, выделка плит для кораблей началась здесь с 1866 г.[5] Завод своевременно модернизировал свои производственные мощности для соответствия новейшим технологиям бронепроизводства: в 1880-е гг. — сталежелезной брони-компаунд, затем, в 1890-е — поверхностно-упрочненной по способу Гарвея, затем Круппа. Помимо этого Ижорский завод самостоятельно совершенствовал методы выделки брони, в итоге не уступавшей по качеству продукции лучших мировых производителей. На рубеже XIX–XX столетий этот успех был связан с работами начальника броневого отдела завода инженера И. К. Названова, который внес много новых идей в технологии изготовления разных видов брони, ускорявших и удешевлявших ее производство. Способ Названова в части выделки палубной брони был по достоинству оценен британскими фирмами «Бирдмор» и «Виккерс», заимствовавшими его у русских специалистов во время постройки в 1905–1907 гг. в Англии крейсера «Рюрик»[6].

В 1892–1908 гг. корабельную броню выпускал также Обуховский сталелитейный завод морского ведомства, основной специализацией которого были артиллерийские орудия для армии и флота, башенные и палубные установки, а также снаряды. Его броневой отдел хорошо показал себя на поприще бронепроизводства, но после сильного пожара в бронеотделочном цехе в апреле 1908 г., причинившего значительный ущерб, он был закрыт, а оставшееся оборудование передано на Ижорский завод.

С октября 1909 г. Ижорский завод приступил к разрешению новой важной задачи: выделке броневых плит для первой серии отечественных линкоров типа дредноут — четырех кораблей типа «Севастополь», крупнейших из до сих пор созданных для русского флота. Эта работа потребовала напряжения всех сил предприятия. Для каждого корабля вес брони приближался к 7000 т (6955 т, без учета броневой настилки палуб, отнесенной к весу корпуса), а для всей серии достигал почти 28 тыс. т. С учетом же изготовления контрольных плит для полигона (еще 8–10 % суммарно по весу всех плит) он переваливал за 30 тыс. т. Соответствующие усилия предполагались и в отношении собственно испытательных стрельб по этим опытным плитам на Главном

полигоне КМАО, для чего по расчетам должно было потребоваться не менее 250 артиллерийских выстрелов.

Стрельбы велись с полигонской платформы из 12-дм/40 орудия снарядами весом 331 кг. Испытуемые плиты, по одной от каждой партии брони (подборка броневых плит единого предназначения и толщины), отбирались артиллерийскими приемщиками МТК при Ижорском заводе по принципу выделения наихудшей из них по совокупности визуальных признаков: «слабость цементации, сухость волокон и пузырчатость в изломе»[7]. Принималось, что если «наихудшая» по виду плита успешно пройдет пробу, то и прочие в представленной партии будут не хуже. Превышение сопротивления опытной плиты ударам снарядов засчитывалось как надлежащее, дополнительно не оплачивалось и работало разве что на авторитет производителя. И наоборот, при небольшом недоборе плитой прочности вся партия могла быть принята с понижением стоимости до 5%, при более значительной — полностью забракована, с переделкой поставщиком за собственный счет.

Ижорский завод успешно справился с работой. Расстрел плит являл, как правило, их повышенную прочность по сравнению с заданной. Так, по итогам обстрела в декабре 1912 г. плиты толщиной 75 мм для линкора «Петропавловск» из 120-мм орудия было получено превышение плитой прочности на 16% выше контрольной[8]. Испытания стрельбой плит для «севастополей», продолжавшиеся на полигоне, нарастая по интенсивности, с 1910 по 1912 г., выявили только эпизодические недостатки (точечный откол лицевого слоя, местные деформации, волосяные микротрещины), число которых оказалось невелико. В этот же период завод начал крупную модернизацию своих мощностей под потребности производства брони для кораблей новых морских программ, однако один он полностью удовлетворить масштабным задачам военного кораблестроения уже не мог.

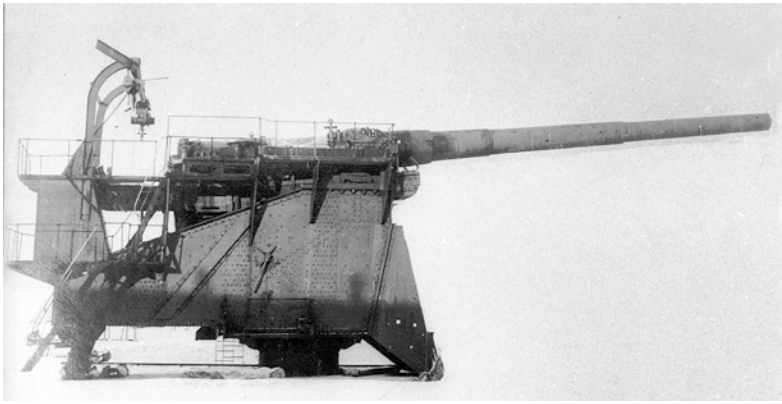
Еще одним крупным русским металлургическим предприятием, обратившимся с 1900-х гг. к выделке корабельной брони, был мариупольский завод частного Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества. Поначалу он выделывал только относительно тонкую (до 25 мм) палубную броню, получаемую прокаткой. После принятия в 1911 г. программы усиления Черноморского флота новыми кораблями завод, рассчитывая на крупные и выгодные заказы брони для линкоров и крейсеров,

приступил к экстренной модернизации своих броневых мощностей. Был создан новый отдел для изготовления наиболее толстых поверхностно-упрочненных толстых плит, выделка которых отличалась наибольшими затратами и трудоемкостью[9]. Ввиду данных приготовлений ГУК в 1912 г. выдал заводу наряд на изготовление брони дредноута «Екатерина II»[10]. Суммарный вес всего бронирования линкора по проекту равнялся 8308 т (34,9 % от нормального водоизмещения корабля в 23 873 т), а общая сумма, следуемая заводу за поставку, составляла 6 966 727 р.[11]

В первую очередь поставлялось внутреннее бронирование (палубы, скосы, траверзы, переборки), которое разбивалось на 8 партий (наименьшая — I партия весом 105 т, самая крупная — VIII партия весом 400 т; нумерация отражала последовательность поставки)[12]. Летом 1913 г. началось производство толстой поверхностно-упрочненной брони для линкора (бортовые плиты, защита башен, барбетов, боевых рубок, казематов вспомогательной артиллерии), всего требовалось изготовить 6066 т такой брони. Поставка ее подразделялась на 17 партий по 300–400 т, от каждой из которых отправлялась для расстрела в Петербург по одной плите[13].

Первые две партии по 16 поясных плит (вес каждой партии 386,8 т) были отправлены на постройку корабля в Николаев в апреле–июне 1914 г. Одновременно в Петербург на полигон для испытаний от них выслали по одной контрольной плите. При расстреле они выдержали пробу «удовлетворительно при предельной пробиваемости на 6,75 % выше контрольной». Контрольная плита 3-й партии (16 плит общим весом 391,1 т) также выдержала испытание на полигоне «при предельной пробиваемости на 8 % выше контрольной»[14]. Это был большой успех новоиспеченного производителя.

Эти плиты испытывались уже по новым техническим условиям (ТУ № 241 от 1912 г.), регламентирующим испытания контрольных плит стрельбой на полигоне. Согласно Ст. 75 Техусловий от партии выбиралась одна плита. Для оценки соответствия плиты заданным качествам ее устойчивости к попаданиям снарядов был введен термин «боевая обороняемость» — численное значение дистанции, на которой она должна была выдерживить удар снаряда. Так, для плит главного броневого пояса толщиной 262,5 мм линкоров типа «Императрица Мария» это значение принималось равным 87 кабельтовых (16 100 м) для 12-дм



Ил. 2. Установка 12-дм орудия в 52 калибра на батарее Главного морского полигона КМАО, 1914 г. Собрание автора

бронебойного снаряда русского образца весом 471 кг при скорости встречи снаряда с броней 600 м/с[15].

С конца 1912 г. КМАО усовершенствовала процесс отстрела испытуемых броневых плит, начав применять для этого 12-дм орудия новой модели длиной в 52 калибра (ил. 2). Это потребовало дооборудования Главного морского полигона необходимым числом установок для таких орудий. Они должны были стать материальной основой нового комплексного подхода к испытаниям артиллерийского вооружения и предназначались не только для стрельб по опытным плитам, но и для пробы новых 12-дм орудий для дредноутов и морских крепостей (по состоянию на 1 февраля 1912 г. заказано Обуховскому заводу 195 стволов) и их станков[16]. Существовала также задача выборочных испытаний поступавших от заводов партий 12-дм снарядов, общее число которых по заказам достигало почти 20 тыс. шт.

Согласно расчетам ГУК и КМАО для надлежащего решения всего комплекса тестовых задач требовалось соорудить на полигоне три испытательных установки для 12″/52 орудий. Одна установка, «с качающимися частями станка для 12-дм пушки в 52 калибра, с подъемными и поворотными механизмами, с приспособлениями для подачи к пушке и досылки, приспособлениями для открывания замка и продувания», предназначалась для отстрела броневых плит и образцов снарядов. Она допускала наведение орудия в диапазоне углов вертикального наведения

от –5 до +35°. Еще две установки «без качающихся частей станка, без кронштейнов, с приспособлениями для вращения платформы вручную» предполагалось задействовались для испытаний 12-дм орудий вместе с их станками и подцапфенными кронштейнами. Договор на поставку всех этих платформ был заключен ГУК с Металлическим заводом 16 декабря 1911 г.[17] Цена комплектной установки «с фундаментными работами и установкой всех частей на батарее» определялась в 350 000 р. Двух остальных, аналогично — по 80 000 р. (всего 510 000 р.)[18].

Обе неполные платформы прибыли на полигон в конце октября 1912 г.[19] После непродолжительных монтажно-наладочных работ оказалось возможным перейти к отстрелу предназначавшихся для балтийских дредноутов 12-дм орудий вместе с их станками. Что касается третьей («полной») платформы, то к ее сборке на полигоне приступили в августе 1913 г., испытание платформы стрельбой состоялось в феврале 1914 г. Оснащение батареи полигона тремя установками для новых 12-дм/52 орудий надлежащим образом решало задачу испытания опытных плит, поступающих от Ижорского и Мариупольского заводов от новых партий брони, заказы на которые ГУК выдал в течение 1913 г.

Ижорский завод, уже изготавливавший броню для черноморских линкоров «Императрица Мария» и «Император Александр III», в июле 1913 г. получил наряд на изготовление броневой защиты для четырех балтийских крейсеров типа «Светлана». В состав поставки входили: броневая настилка верхней и нижней палуб, броня котельных кожухов, а также бортовые плиты толщиной 25–75 мм из брони цементированной и нецементированной. Суммарно на каждый из четырех крейсеров по наряду приходилось по 1195 т брони (стоимостью, по подсчету Ижорского завода, «кругло по 500 000 руб. на каждый»)[20]. Также ему был выдан наряд на броню для трех сверхдредноутов типа «Измаил» (головной корабль, а также «Кинбурн» и «Бородино») общим весом около 35 000 т, а в марте 1915 г. — на половину брони (3640 т) для черноморского дредноута «Император Николай I».

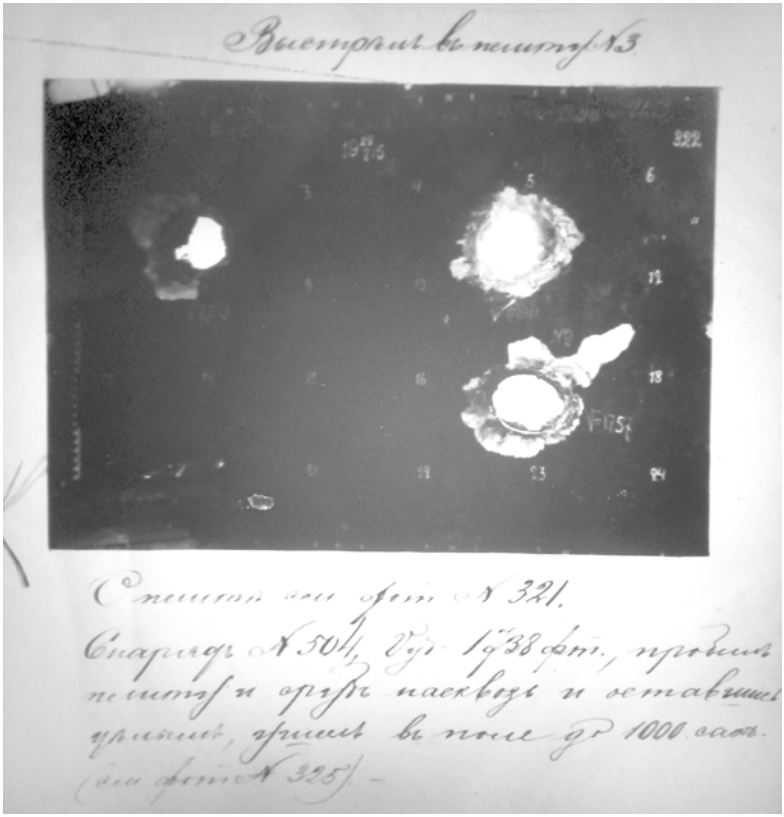
Мариупольский завод в мае 1913 г. получил заказ на изготовление брони для линейного крейсера «Наварин» общим весом 11 470 т. В декабре 1913 г. последовал заказ на изготовление дополнительной брони нижней палубы для всех четырех «измаилов» (1200 т), в апреле 1914 г. — на поставку части брони для крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Лазарев» (1040 т).

В марте 1915 г. последовали еще два крупных контракта — на изготовление брони для крейсеров «Адмирал Корнилов» и «Адмирал Истомин» (3200 т) и на поставку второй половины брони для «Императора Николая I»[21].

Примечательно, что успешное начало испытаний образцов брони для какого-либо заказа (корабля) не означало стабильность тренда в последующем. И испытания плит на полигоне позволяли четко следить за этим. Так, первые три партии толстых поясных плит для «Екатерины II» дали прочность по итогам испытаний на 6,5–8 % более заданной, но 4-я партия стала провалом, показав результат на 10 % ниже требуемого. Вся партия из 16 плит общим весом 400,1 т формально подлежала браковке. Однако учитывая остроту ситуации на Черном море — вступление в войну Турции на стороне Германии и появление мощного линейного крейсера «Гебен» (который по боевой мощи почти равнялся всем наличным броненосцам Черноморского флота), — руководство Морского министерства стремилось ввести «Екатерину II» в строй как можно скорее. Поэтому Никополь-Мариупольское общество было уведомлено «о приеме этих плит в казну со скидкой 15 % с контрактной стоимости брони всей этой партии»[22].

История повторилась еще раз в октябре 1914 г. При предъявлении к сдаче партии из 24 250-мм плит для того же линкора испытание контрольной плиты дало «результаты значительно низшие, чем требуется Техническими условиями». Расстрел двух дополнительных плит подтвердил картину: недобор прочности около 9–10 %. Новый случай привел к официальному разбирательству в ГУК с представителями завода — вопрос стоял о забраковании всей партии. Однако, поскольку изготовление новых плит взамен отклоненной поставки требовало «не менее 8 месяцев», распоряжением адмирала И. К. Григоровича наличные плиты «были приобретены по цене со скидкой до 15 % от их контрактной стоимости»[23] (ил. 3).

4 марта 1915 г. в ГУК состоялось совещание по вопросу об испытаниях стрельбой контрольных броневых плит и претензиях производителей брони — Ижорского и Мариупольского заводов — к способу испытаний плит на полигоне, в котором оба они усматривали создание нежелательных для их продукции условий. Смысл претензии был в том, что полигон определял контрольную скорость пробивания плиты по формуле для снарядов



Ил. 3. Опытная броневая плита для линейного корабля «Екатерина II» после испытания на Главном морском полигоне, 1914 г. РГА ВМФ

без наконечников, а стрелял снарядами с наконечниками, на наличие которых полигон вводит непонятную для непосвященных скидку. Поэтому производители, усматривая в такой скидке (от 9 до 25 %) отсутствие внятной системы, выступили за отстрел плит снарядами без наконечников (вопрос возбудил 10 февраля 1915 г. начальник Ижорского завода И. Н. Воскресенский). Объяснялся председатель КМАО генерал-майор Ф. Д. Ремесников. Выступавший генерал-лейтенант А. Н. Крылов заявил, что методика отработана обширными опытами в 1911–1914 гг. и «определение процента скидки с контрольной скорости, вычисленной по формуле, ведется правильно и рационально»[24].

Генерал-майор Ремесников заметил, что за последние два года из 16 контрольных плит Ижорского завода не выдержала испытаний лишь одна плита, в то время как из 15 контрольных плит Мариупольского завода не выдержали 8. При этом, продолжал он, «разница для плит Никополь-Мариупольского общества первых партий и последних выражается почти в 20 %, хотя снаряды для испытаний части их брались из одной и той же партии». Артиллерийский приемщик полковник П. Г. Филиппов доложил результаты командировки по данному вопросу на броневой завод в Мариуполе и отметил, что отступлений от технологии он не выявил, но допускает возможность относительного понижения качества именно плит в силу их более «протяженного строения» по толщине. По его мнению, следовало бы понизить требования на 5–6 % против существующих. Начальник Ижорского завода И. Н. Воскресенский поддержал данное предложение для плит толще 225 мм, «с которыми только и происходят недоразумения», несмотря на их успешный химический анализ. В итоге совещание приняло решение продолжать отстреливать броневые плиты снарядами с наконечниками, плиты толщиной более 225 мм принимать при отклонении до 3 %. Руководству Мариупольского броневого завода было указано, что производство брони, «начиная с 4-й партии для “Императрицы Екатерины Великой” происходит с упущением, кроющимся, по-видимому, в уменьшении времени термообработки и в меньшей тщательности при выделке плит». 25 апреля 1915 г. журнал совещания утвердил морской министр адмирал И. К. Григорович, что означало его вступление в силу[25].

Полигонные испытания выявляли иногда интересные факты, идущие вразрез с теоретическими построениями. Подобное имело место при испытании плит из новых, только что начатых выделкой сортов стали, которым относилась, например, броневая сталь русского изобретателя Г. Г. Гантке, выполняемая без цементации лицевого слоя. В феврале 1915 г. при испытании на полигоне плиты из брони Гантке толщиной 75 мм для крейсера «Адмирал Грейг», выделки Ижорского завода, из 120-мм орудия бронебойными снарядами без наконечников все 7 снарядов пробили плиту навылет (один засел в плите). Плита показала прочность на 14 % ниже заданной. Через месяц испытания были продолжены стрельбой по той же плите, из того же орудия снарядами с наконечниками. Все три снаряда плиту не пробили,

прочность ее, таким образом, была оценена на 16% выше требуемой. Данный противоестественный итог породил в ГУК, КМАО и на Ижорском заводе волну разноречий, принимая во внимание, что аналогичная плита Ижорского завода для однотипной «светланы» из стали крупповской цементированной восприняла удары обоих типов снарядов совершенно идентично, показав стойкость на 16% более заданной[26]. Расследование данного случая, по обстоятельствам военного времени, затянулось до самого конца старого порядка.

Весьма примечательным аспектом испытания броневых плит стрельбой на полигоне является вопрос самой стоимости этих стрельб. Так, стоимость испытания контрольной бортовой плиты толщиной 262,5 мм для линкора «Императрица Екатерина Великая» из 12-дм орудия в 52 калибра одним выстрелом получалась равной 1651 р. Она складывалась из погашения стоимости пушки (425 р.), погашения стоимости сруба и установки плиты (642 р.), стоимости бронебойного снаряда (489 р.) и стоимости заряда и собственно производства выстрела (95 р.). Поскольку для испытания требовалось два выстрела, суммарно получалось 3302 р.[27]

В случае 8-дм орудия стоимость испытания составляла 717 р. В нее входило: погашение стоимости орудия — 125 р., погашение стоимости сруба и установки его с навешиванием плиты — 262 р., стоимость 8-дм бронебойного снаряда — 285 р., стоимость заряда и производство выстрела — 45 р. Для серии из четырех выстрелов, произведенных в процессе испытания в данную плиту, суммарный расход составлял 2868 р.[28] Если плита выдерживала, расход по пробе стрельбой оплачивала казна, если нет, то сам завод.

Подводя некоторый итог развитию вопроса об испытаниях образцов броневых плит для линейных кораблей и крейсеров русского флота, состоявших в постройке в последнее десятилетие Российской империи, следует в первую очередь отметить достаточную стройность и продуманность данной системы. Испытания проводились по отработанной методике на основе обоснованных научно-теоретических разработок отечественных ученых и специалистов. Применялись новейшие модели артиллерийского вооружения, оценочные критерии постоянно дополнялись и совершенствовались. Пробы стрельбой позволяли ясно отслеживать качество представляемых плит и существенно способствовали

получению флотом объективной картины состояния образцов броневой защиты его новых кораблей.

---

[1] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 423. Оп. 1. Предисловие. Л. 1.

[2] В делопроизводственной переписке именовался также как «Охтенский полигон» и как «Охтенская морская батарея».

[3] Воскресенский И. Н. Производство брони. Л.: ВМА РККА, 1924. С. 10, 11; Костенко В. П. Броневая защита боевых кораблей. Т. II. Технология брони и конструкция броневой защиты (рукопись). Воениздат, 1948. С. 148.

[4] РГА ВМФ. Ф. 423. Оп. 3. Д. 8. Л. 7; Прибавление III к Отчету о занятиях Морского Технического комитета по артиллерии за 1894 год. Беглый очерк работ по морской артиллерии с осени 1891 по осень 1894 г. СПб.: Типография Морского министерства, 1897. С. 7.

[5] Городков Г. Адмиралтейские Ижорские заводы. Краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 110.

[6] Подробнее см.: Виноградов С. Е. Броня крейсера «Рюрик». Опыт англо-русского сотрудничества в области военно-морских технологий начала XX века // Военно-исторический журнал. 2018. № 9. С. 22–28.

[7] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 752. Л. 27.

[8] Там же. Д. 820. Л. 74 об.

[9] Там же. Д. 1. Л. 1–6.

[10] С июня 1915 г. — «Императрица Екатерина Великая».

[11] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 6. Д. 43. Л. 55.

[12] Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 64 об.; Оп. 6. Д. 43. Л. 55.

[13] Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 66.

[14] Там же. Оп. 6. Д. 597. Л. 267, 291, 295, 302.

[15] Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 29.

[16] Каждое орудие перед поступлением на корабль или береговую батарею должно было пройти испытание стрельбой на полигоне 9 контрольными выстрелами.

[17] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 116. Л. 419–429; Ф. 421. Оп. 2. Д. 1976. Л. 442, 443.

[18] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1357. Оп. 1. Д. 2476. Л. 133.

[19] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 119. Л. 77.

[20] Там же. Оп. 6. Д. 347. Л. 6.

[21] Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 130, 195–199; Оп. 6. Д. 345. Л. 132; Ф. 418. Оп. 1. Д. 1995. Л. 100.

[22] Там же. Оп. 6. Д. 598. Л. 8.

[23] Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 123; Оп. 6. Д. 598. Л. 6, 7.

[24] Там же. Оп. 6. Д. 861. Л. 338.

[25] Там же. Л. 336.

[26] Там же. Оп. 2. Д. 820. Л. 52–53 об., 89.

[27] Там же. Оп. 2. Д. 598. Л. 192.

[28] Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 331.

К. А. Воденисова (Москва)

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

НАЧАЛО СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (далее — СВО) среди прочего выдвинуло на первый план вопросы социальной защиты участников боевых действий и членов их семей.

Социальная защита данной категории граждан в течение XX в. стала почти национальной традицией России. Особое развитие данная традиция получила в годы Великий Отечественной войны[1].

В архивных фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО и МО России) наряду с материалами, характеризующими боевую работу воинских частей и подразделений, попадаются документы, освещающие организацию социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Частота обнаружения подобных документов свидетельствует о системной работе в этом направлении, как на фронте, так и в тылу. Документальное подтверждение наличия такой системы практически разрушает один из мифов, направленных против истории нашей Победы в Великой Отечественной войне, о том, что советское военно-политическое руководство и командиры всех уровней воевали, не жалея людей.

Меры по сбережению личного состава в боевых условиях

Несмотря на весь накал боев и всю тяжесть боевых будней, неоправданная потеря личного состава в Красной Армии не поощрялась, а даже наоборот, дело было наказуемо. По каждому случаю неоправданной потери личного состава проводилась проверка. По ее результатам, в зависимости от обстоятельств произошедшего и тяжести последствий, особенно приведших к гибели военнослужащих или нанесения вреда здоровью той или иной степени тяжести, виновные из числа командования привлекались к ответственности, вплоть до лишения свободы и расстрела, замена которых на штрафной батальон была счастьем[2].

Командование Красной Армии всех уровней было обязано принимать все необходимые меры для предотвращения так называемых «небоевых потерь», например, в зимних условиях от обморожения[3].

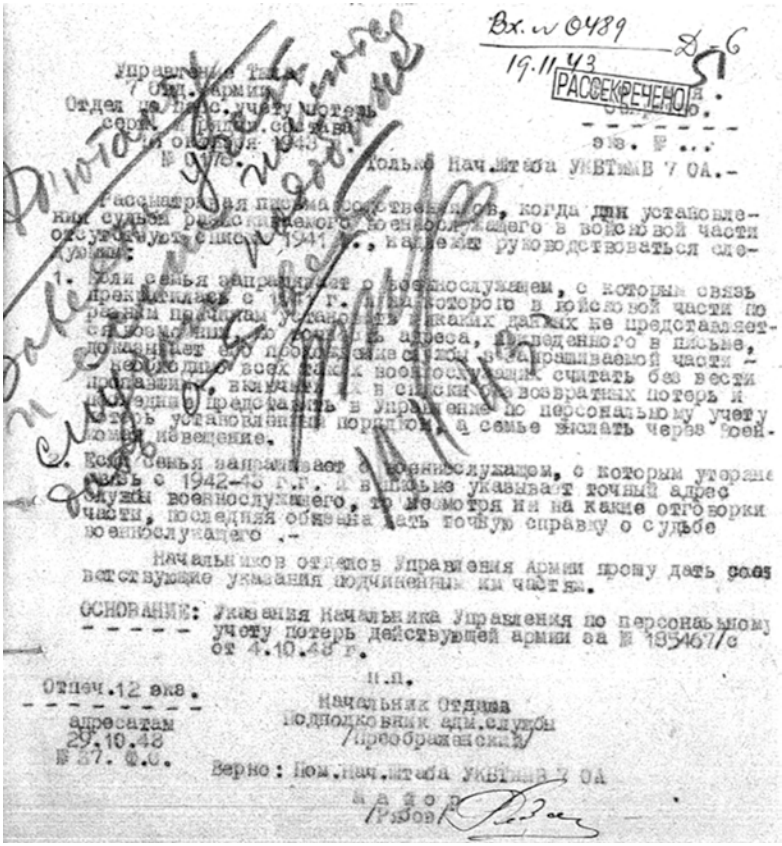
Наличие системы мер, направленной на сбережение личного состава, обусловлено следующими обстоятельствами.

1. Заменить убывшего человека просто, а вот вышедшего из строя нужного специалиста — сложно. Призванного на действительную военную службу необходимо подготовить как специалиста. В сводках на убыль и необходимое пополнение указывается общее количество, и подробно — по необходимым воинским учетным специальностям (далее — ВУС).

2. На командирах всех степеней лежала обязанность своевременно сообщать родственникам погибших/пропавших без вести по месту жительства. От своевременного оповещения зависело получение семьями погибших военнослужащих соответствующих пенсий и иных пособий.

3. Особая забота военного командования — избежать безвестных потерь. Причина такой заботы проста: в тылу у каждого военнослужащего семья, которая живет за счет денежных средств, пересылаемых военнослужащим. При его гибели семья получает пособие и/или пенсию, если факт гибели установлен.

Для оперативного учета потерь в Красной Армии создавались подразделения по учету потерь, входившие в структуру управлений (отделов) тыла. Помимо персонального учета потерь, в обязанности данных подразделений входило выявление недостатков при организации учета потерь и принятия мер по их устранению.



Вх. № 0489
19.11.43
РАССЕКРЕЧЕНО

Управление тыла
7 Отд. армии
Отдел по учету потерь
серж. [illegible] состава
№ 0/76 16 октября 1943 г.

Нач. штаба УКВТыла 7 ОА.

Рассматривая письма родственников, когда они установленным судьей реального военнослужащего в войсковой части отсутствуют с [illegible] 1941 г., надлежит руководствоваться следующим:

1. Если семья запрашивает о военнослужащем, с которым связь прекратилась с 1941 г., а в письме которого в войсковой части по разным причинам установить никаких данных не представляется возможным, то [illegible] адреса, приведенного в письме, доканчивает его пребывание службы запрашиваемой части – необходимо всех таких военнослужащих считать без вести пропавшими, включив их в списки безвозвратных потерь и сообщение представлять в Управление по персональному учету потерь установленным порядком, а семье послать через военкомат извещение.

2. Если семья запрашивает о военнослужащем, с которым утеряна связь с 1942-43 г.г. и в письме указывает точный адрес службы военнослужащего, то несмотря ни на какие отговорки части, последняя обязана дать точную справку о судьбе военнослужащего.

Начальникам отделов Управления Армии прошу дать соответствующие указания подчиненным им частям.

ОСНОВАНИЕ: Указания Начальника Управления по персональному учету потерь действующей армии за № 193467/с от 4.10.43 г.

Отпеч. 12 экз.
адресатам
29.10.43
№ 37. Ф.С.

м.п.
Начальник отдела
подполковник авт. службы
/Преображенский/

Верно: Пом. нач. штаба УКВТыла 7 ОА
капитан
/Рябов/

Ил. 1. Письмо Управления тыла 7-й отдельной армии от 16 октября 1943 г.

В письме отдела учета персональных потерь сержантского и рядового состава (далее — отдел учета потерь) Управления тыла 7-й отдельной армии (далее — ОА) разъясняется порядок учета без вести пропавших (ил. 1), оповещения родственников: «Если семья запрашивает о военнослужащем, с которым утеряна связь... и в письме указывается точный адрес службы военнослужащего, то, несмотря ни на какие отговорки части, последняя должна дать точную справку о судьбе военнослужащего»[4].

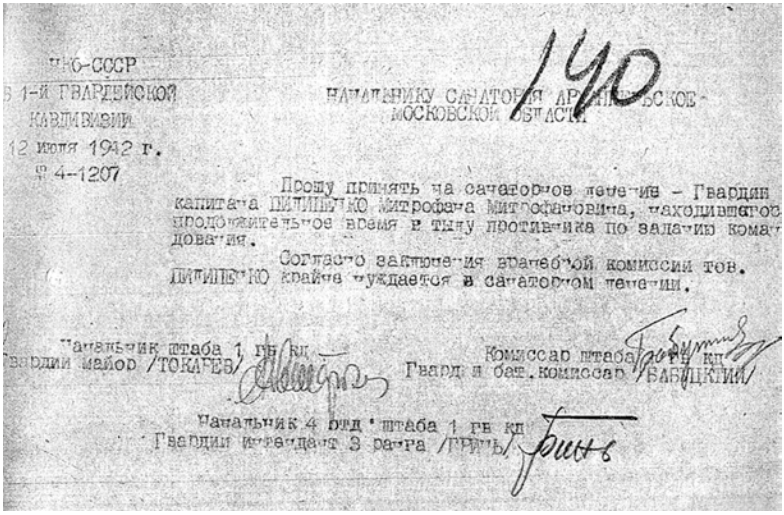
Представляет интерес ссылка, на основании которой появилось данное письмо, — указание начальника Управления по персональному учету потерь действующей армии от 4.10.1943 г.

После отмены медальонов, в которые военнослужащие на вкладышах заносили свои данные, основным документом личности военнослужащего стала красноармейская книжка. В войсках появилась порочная практика изъятия командирами подразделений красноармейских книжек у рядовых и сержантов перед боем. Подобное приводило к «обезличиванию» погибшего и невозможности установления его личности. Подразделениями по учету потерь подобная практика пресекалась самым строгим образом, вплоть до привлечения к дисциплинарной ответственности виновных из числа командного состава[5].

Изучение разрозненных документов подобного рода указывает на наличие в Красной Армии стройной системы по учету потерь и защиты прав военнослужащих в случае их гибели, ранения или попадания в категорию «пропал без вести»:

- налицо наличие определенной законодательной и нормативной правовой базы, регламентирующей данное направление деятельности специально уполномоченных органов;

- определены специально уполномоченные органы и должностные лица, выполняющие обязанности по выполнению задач данного направления;



НКО-СССР
В 1-й ГВАРДЕЙСКОЙ
КАВДИВИЗИИ
12 июня 1942 г.
№ 4-1207

140

НАЧАЛЬНИКУ САНАТОРИЯ АРМ[illegible]СКОВ-
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Прошу принять на санаторное лечение – Гвардии капитана ПИЛИПЕНКО Митрофана Митрофановича, находившегося продолжительное время в тылу противника по заданию командования.

Согласно заключения врачебной комиссии тов. ПИЛИПЕНКО крайне нуждается в санаторном лечении.

Начальник штаба 1 гв кд
Гвардии майор /ТОКАРЕВ/

Комиссар штаба 1 гв кд
Гвард и бат. комиссар /БАБИЦКИЙ/

Начальник 4 отд штаба 1 гв кд
Гвардии интендант 3 ранга /ГРИНЬ/

Ил. 2. Направление на санаторно-курортное лечение гв. капитана Пилипенко М. М.

- просматривается строгая система учета и реагирования от Наркомата обороны до командиров низовых звеньев.

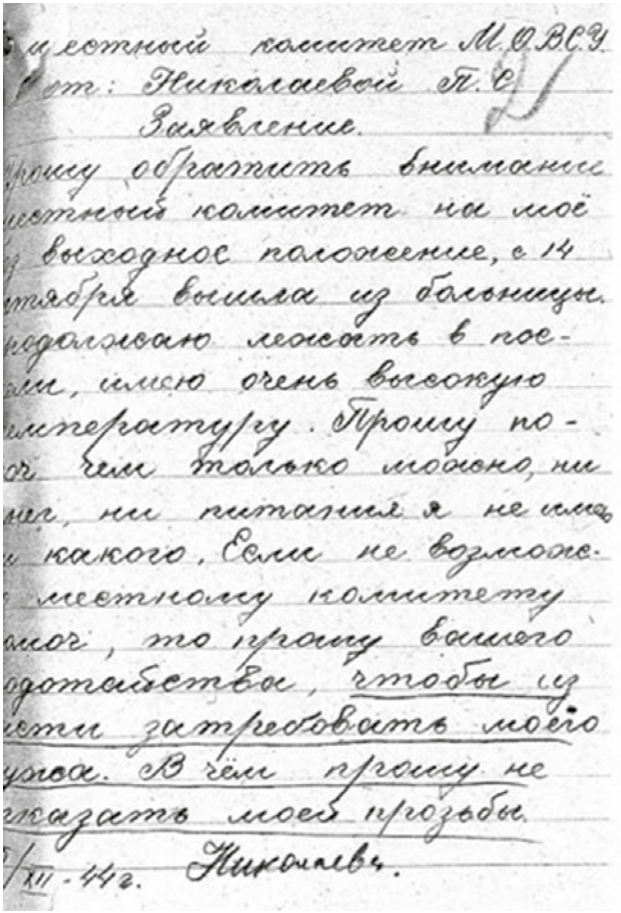
В ходе войны принимались меры не только по сохранению жизни военнослужащих, но и сбережению их здоровья. В фондах 1-го гвардейского кавалерийского корпуса сохранился интересный документ (ил. 2) — направление на санаторно-курортное лечение гв. капитана Пилипенко М. М., вернувшегося из тыла противника, где выполнял специальное служебное задание[6].

Защита прав военнослужащих и членов их семей

Военнослужащие, сотрудники силовых структур и члены их семей во время войны сами нуждаются в защите. Для военнослужащего, выполняющего боевые задачи, важно осознавать, что в тылу с его семьей все в порядке.

Кроме заботы о военнослужащем немалое внимание государству приходится уделять вопросам социальной защиты членов их семей. Логика очень простая: оттого как живёт семья военнослужащего в тылу зависит его моральное состояние и личная боеготовность.

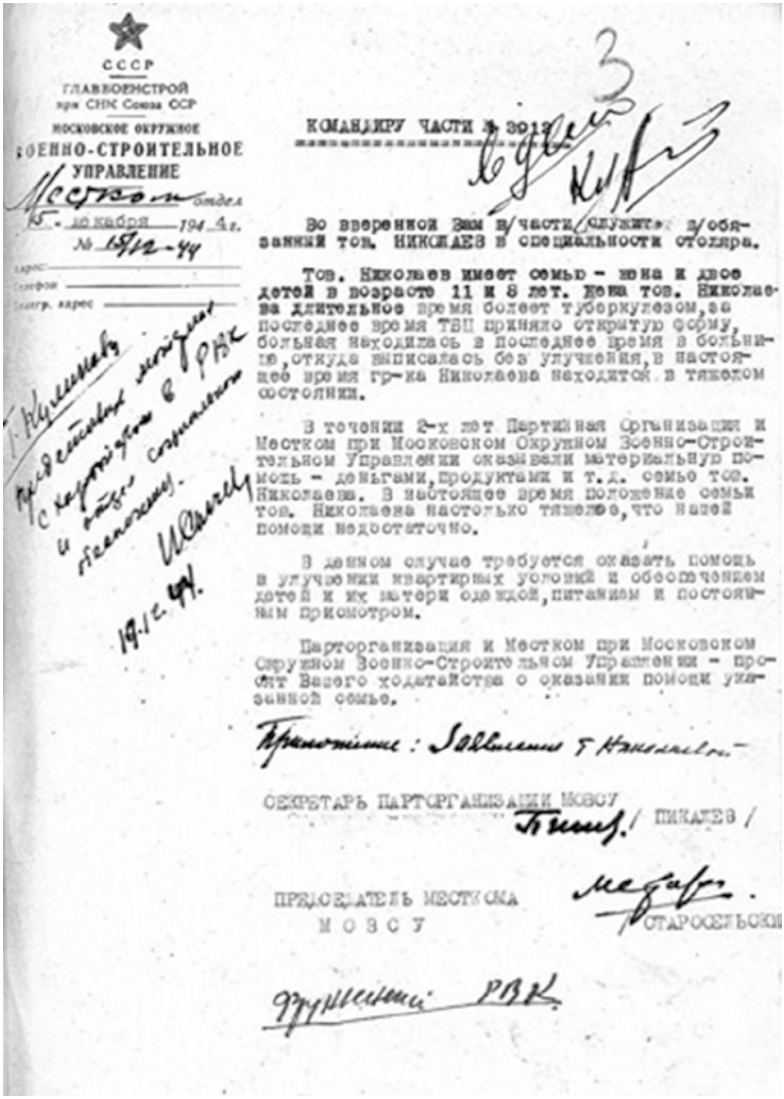
В материалах 3-й отдельной аэросанной ремонтной роты (далее — оасрр) сохранилась переписка командира роты с местными органами власти по месту проживания семьи военнослужащего, оказавшейся в тяжелом положении[7]. Жена военнослужащего 3-й оасрр И. П. Николаева обратилась по месту работы с заявлением об оказании помощи оказавшейся в тяжелом положении семье (ил. 3)[8]. Местный комитет ВКП(б) Московского окружного военно-строительного управления (далее — местком и МОВСУ) обратился с ходатайством на имя командира части (3-я оасрр была отдельной, имела статус отдельной воинской части) об оказании помощи семье Николаева (ил. 4), приложив указанное выше письмо[9]. К перечисленным документам командир роты приложил рапорт рядового 3-го отделения 2-го взвода И. П. Николаева (ил. 5) с просьбой об оказании содействия семье, оказавшейся в «очень тяжелом положении. Жена болеет, старшей дочери 12 лет, сын лежит в больнице»[10]. Далее весь собранный материал направлен в исполнительный комитет Фрунзенского районного совета депутатов трудящихся г. Москвы (далее — Фрунзенский райсовет) по месту проживания семьи рядового Николаева. Принятие необходимых мер местными органами власти не заставило



Ил. 3. Письмо П. С. Николаевой, жены военнослужащего 3-й отдельной аэросанной ремонтной роты И. П. Николаева

себя ждать. Семье военнослужащего: оказана материальная помощь в размере единовременного пособия; ежемесячное пособие увеличено вдвое; выданы карточки на усиленное питание; семья поставлена на учет на улучшение жилищных условий (ил. 6)[11].

Обращают на себя внимание сроки: заявление Николаевой в местком МОВСУ до 15 декабря — ответ Фрунзенского райисполкома в феврале. Т. е. в течение месяца с небольшим помощь была оказана — это в условиях войны и почтовой переписки.



СССР
ГЛАВВОЕНСТРОЙ
при СНК Союза ССР
МОСКОВСКОЕ ОКРУЖНОЕ
ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
Местком отдел
15 декабря 194 4 г.
№ 1512-44

КОМАНДИРУ ЧАСТИ № 3012

Во вверенной Вам в/части служит в/обязанный тов. НИКОЛАЕВ в специальности столяра.

Тов. Николаев имеет семью - жена и двое детей в возрасте 11 и 8 лет. Жена тов. Николаева длительное время болеет туберкулезом, за последнее время ТВП приняло открытую форму, больная находилась в последнее время в больнице, откуда выписалась без улучшения, в настоящее время гр-ка Николаева находится в тяжелом состоянии.

В течении 2-х лет Партийная Организация и Местком при Московском Окружном Военно-Строительном Управлении оказывали материальную помощь - деньгами, продуктами и т.д. семье тов. Николаева. В настоящее время положение семьи тов. Николаева настолько тяжелое, что нашей помощи недостаточно.

В данном случае требуется оказать помощь в улучшении квартирных условий и обеспечением детей и их матери одеждой, питанием и постоянным присмотром.

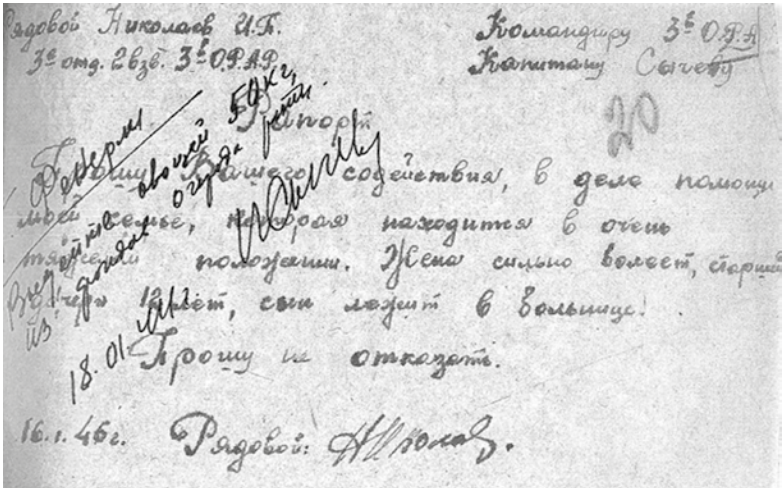
Парторганизация и Местком при Московском Окружном Военно-Строительном Управлении - просит Вашего ходатайства о оказании помощи указанной семье.

Приложение: Заявление т. Николаева.

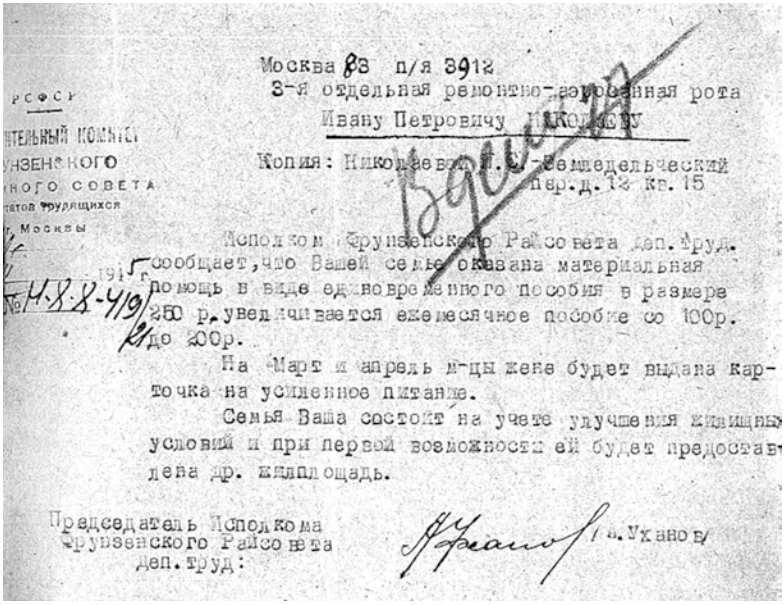
СЕКРЕТАРЬ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ МОВСУ / ПИКАЕВ /

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТКОМА МОВСУ / СТАРОСЕЛЬСКИЙ /

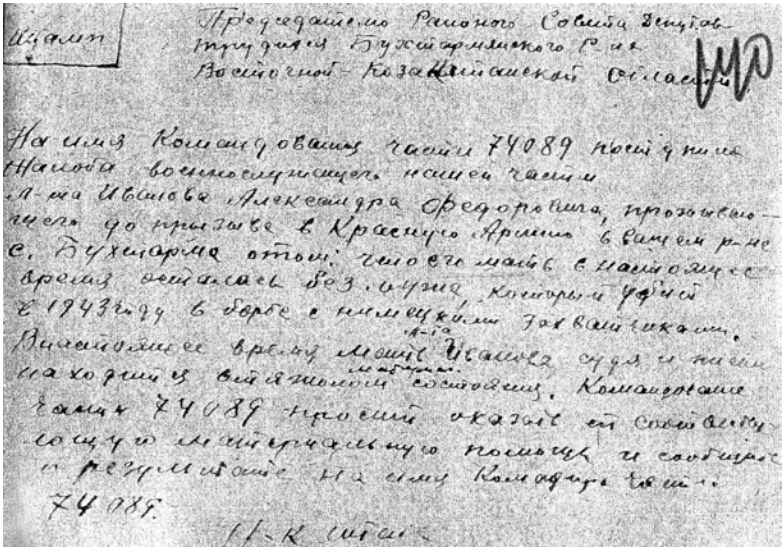
Ил. 4. Ходатайство местного комитета ВКП(б) Московского окружного военно-строительного управления об оказании помощи семье И. П. Николаева



Ил. 5. Рапорт рядового 3-й отдельной аэросанной ремонтной роты И. П. Николаева с просьбой об оказании содействия семье



Ил. 6. Ответ председателя исполкома Фрунзенского райсовета г. Москвы И. П. Николаеву



Ил. 7. Проект письма начальника штаба в/ч 74089 председателю районного совета депутатов трудящихся Бухарского района

Забота о личном составе — прямая обязанность командиров всех степеней. Данное положение предписано воинскими уставами. Пока не удалось установить, насколько усилия командира части, описанные выше, были частной инициативой, либо это прямая и непосредственная обязанность.

Документы такого рода попадают в поле зрения исследователя фрагментарно, но частота их обнаружения указывает на существующую в Красной Армии систему социальной защиты как самих военнослужащих, так и членов их семей.

В архивных фондах 265-го истребительного противотанкового артиллерийского полка обнаружены два интересных документа. Один документ описывает схожую с рассмотренной выше ситуацию (ил. 7). В данном случае начальник штаба воинской части информирует председателя районного совета депутатов трудящихся Бухарского района о поступившей командованию жалобе военнослужащего *о непринятии мер местными властями* к бедственному положению его матери, потерявшей на войне мужа. Далее начальник штаба просит местные власти материальную помощь «...и сообщить о результате на имя командира части...»[12].

Документ свидетельствует о наличии законодательных положений, обязывающих местные власти оперативно реагировать на запросы, связанные с бедственным положением семей военнослужащих. Примечателен и второй из обнаруженных документов. Командир в/ч 74089 обратился к наркому связи Украинской ССР по факту неполучения проживающей в Киеве семьей военнослужащего подполковника Погудина денежного перевода из г. Шауляя Литовской ССР. Так как семья военнослужащего находилась «в очень тяжелом положении», командир части обратился с просьбой: принять срочные меры; о принятых мерах уведомить командование части[13].

Выводы

В период Великой Отечественной войны сложилась современная российская правовая система по снижению потерь от боевых действий на территории театра военных действий. Проведенные ранее исследования позволяют утверждать, что в основе данной системы лежат три блока[14]:

1 — правил и мер по максимальному снижению потерь среди гражданских лиц, сохранению имущества местного населения;

2 — мер уголовного, административного (дисциплинарного) и гражданского преследования за преступления против военнослужащих, гражданского населения и его имущества;

3 — мероприятия социального характера по защите и обеспечению прав и законных интересов военнослужащих.

Недавно обнаруженные в фондах ЦАМО новые документальные свидетельства позволяют добавить в указанную выше конструкцию еще один элемент — специально уполномоченные органы, отвечающие:

в войсках — за обеспечение прав и интересов военнослужащих в период военной службы;

местные органы власти — за обеспечение социальной защиты семей военнослужащих в местах их проживания.

[1] Более подробно см.: Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов (на примерах Великой Отечественной войны): статья // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. Ч. III. С. 409–419; Вахтеров А. В.,

Воденисова К. А. Российская система правовой защиты участников военных конфликтов (по документам Центрального архива МО России и из опыта проведения контртеррористических операций в Северокавказском регионе): статья // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Десятой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12–14 мая 2021 г. В 3-х ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. I. С. 234–253.

[2] См.: Вахтеров А. В., Воденисова К. А. Правовой статус военнослужащих штрафных частей Красной Армии (по архивным материалам из фондов Центрального архива МО России): статья // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды XI Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 г. В 3-х ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. Ч. 1. С. 261–279.

[3] Приказание начальника штаба 32-й армии от ноября 1942 г. № 01572 // ЦАМО. Ф. 1622 (313 сд). Оп. 1. Д. 13. Л. 95; Вахтеров А. В., Косиковский А. Р. Опыт Гражданской войны в формировании, боевой подготовке и применении мобильных отрядов лыжных подразделений и аэросанных частей (на примере подавления вооруженного мятежа в Восточной Карелии) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 17–19 мая 2017 г. В 4-х частях. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. I. С. 402–423.

[4] Циркулярное письмо Управления тыла 7-й ОА от 16.10.1943 г. № 0178 // ЦАМО. Ф. 31 оасб. Оп. 90683. Д. 4: Дело № 6. Руководящий материал по личному составу 31-го ОАСБ, 1943 г. Л. 51.

[5] Директивное письмо начальника Управления тыла 7-й ОА от 28.10.1943 г. № 1871416 // Там же. Л. 54; Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов... С. 409–419.

[6] Письмо начальнику санатория «Архангельское» Московской обл. от 12.07.1942 г. № 4-1207 // ЦАМО. Ф. 1 гв. КК. Оп. 2. Д. 2. Л. 140.

[7] Письмо П. С. Николаевой; Запрос местного комитета Московского окружного военно-строительного управления от 15.12.1944 г. № 15/12-44; Рапорт Николаева от 16.01.1945 г.; Ответ исполкома Фрунзенского райсовета г. Москвы // ЦАМО. Ф. 5600/4 (3-я отд. аэрос. рем рота). Оп. 113835с. Д. 20: Дело № 1. Входящие бумаги. Л. 2, 3, 20.

[8] Письмо П. С. Николаевой // Там же. Л. 2.

[9] Ходатайство местного комитета ВКП(б) Московского окружного военно-строительного управления от 15.12.1944 г. № 15/12-44 // Там же. Л. 3.

[10] Рапорт Николаева от 16.01.1945 г. // Там же. Л. 20.

[11] Ответ исполкома Фрунзенского райсовета г. Москвы // Там же. Л. 21.

[12] Проект письма начальника штаба в/ч 74089 председателю районного совета депутатов трудящихся Бухарского района // ЦАМО. Ф. 11176. Оп. 2. Д. 16: Дело № 10. Переписка разная, 1954 г. Л. 140.

[13] Письмо командира в/ч 74089 наркому связи УССР от 2.10.1945 г. № 134 // Там же. Л.153.

[14] См.: Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов... С. 409–419; Вахтеров А. В., Воденисова К. А. Российская система правовой защиты участников военных конфликтов... С. 234–253.

А. Л. Волков (Астрахань)

БОЕВАЯ И СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА РУССКОЙ АРМИИ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

К СОЖАЛЕНИЮ, до настоящего времени в отечественной исторической литературе в целом преобладает достаточно негативная оценка военных преобразований, осуществленных императором Павлом I (ил. 1).

С конца XIX в. в отечественной историографии начинает складываться представление, что во время правления Павла I происходит «опруссачивание» русской армии, когда гатчинские «спешные порядки», внедренные новым императором, привели к тому, что русские войска резко потеряли в боеспособности и «действительная военная наука» сменилась «прусской шагистикой», в армии «исчезла инициатива», была введена «устаревшая прусская форма», а войска готовились к войнам по таким же «устаревшим уставам»[1].

Ил. 1. Император Павел I

Основная задача исследования видится в определении, насколько подготовка войск отвечала требованием ведения войны в конце XVIII в., а также, как войска готовились к предстоящим баталиям. Таким образом, в данной статье мы не будем углубляться в описание уставного

порядка исполнения тех или иных строевых экзерциций или тактических приемов.

Анализируя боевые действия конца XVIII в., можно совершенно точно констатировать, что оружейный огонь развернутых в линию батальонов оставался доминирующим способом ведения боя. Залп батальона численностью примерно в 600–700 человек, развернутого в линию, давал примерно 1000–1200 выстрелов в минуту[2].

При этом линейное построение войск, и прежде всего пехоты, в конце XVIII в. оставалось основным для армий всех европейских держав. К примеру, прусская и австрийская армия использовали в качестве основного боевого построения пехоты развернутый трехшереножный строй, а в бою зачастую и двухшереножный, который увеличивал плотность огня[3]. В России устав 1796 г., равно как и во Франции Регламент 1791 г. предписывали построение пехоты развернутым строем в три шеренги.

Средний показатель темпа выстрела из пехотного ружья составлял порядка 2–3 выстрелов в минуту, а в реальном бою скорострельность могла быть еще ниже. Таким образом, скорость и правильность выполнения приемов заряжания огнестрельного оружия являлась одним из определяющих слагаемых успеха в пехотном бою конца XVIII в., равно как и поддержание равнения в строю при перемещении войск по полю боя. Что в любой европейской армии рассматриваемого периода добивалось исключительно длительной «муштровкой» солдат, т. е. вырабатыванием у них устойчивых навыков ведения боя в любых условиях.

Длинные развернутые линии батальонов, чтобы поддержать равнение в рядах, перемещались по местности с весьма небольшой скоростью. По русскому уставу 1796 г. шаг солдата должен был соответствовать ¾ аршина, или 53,35 см. В результате чего темп марша составлял 75 шагов в минуту. Также в боевой ситуации применялся скорый шаг — 108 шагов в минуту. Примерно схожий темп был предусмотрен и французским уставом — 76 и 120 шагов соответственно.

Таким образом, павловский устав 1796 г. в вопросе скорости перемещения пехоты на поле боя отвечал современным на тот период представлениям о способах ведения боя инфантерией.

Наконец, отметим, что во второй половине XVIII в. русская армия пережила смену тактики ведения боя, которая от оборонительного характера в Семилетней войне преобразовалась

в атакующую и агрессивную, с широким использованием максимально быстрого сближения с противником вкупе с выработанной в войсках психологической устойчивостью к штыковому бою[4].

При этом, например, в Итальянской кампании и в самом крупном полевом сражении Швейцарской кампании — двухдневной битве в Муттенской долине русская армия проводила штыковые атаки в развернутом линейном построении, за исключением случаев, когда построение в линию было невозможно по условиям местности, неоднократно опрокидывая французские пехотные колонны.

Таким образом, можно сделать вывод, что никакого игнорирования иностранного, прежде всего французского, боевого опыта не было. Французская армия еще только развивала свое тактическое превосходство, прочие же армии воевали в рамках линейной тактики, реалиям которой соответствовал и русский устав 1796 г.

Теперь обратимся к системе боевой и строевой подготовки, созданной императором Павлом I.

Основой данной системы, без сомнения, служат армейские уставы, принятые уже 29 ноября (10 декабря) 1796 г.: «Воинский устав государя императора Павла Перваго о полевой пехотной службе», «Его Императорскаго Величества Воинский устав о полевой Кавалерийской службе» и «Его Императорскаго Величества Воинский устав о полевой Гусарской службе». В новых уставах была прописана четкая организационная структура и штаты армейских полков, единые правила строевой и боевой подготовки войск.

Относительно авторства и происхождения пехотного устава 1796 г. в отечественном историческом сообществе до настоящего времени нет единого мнения. Большинство авторов традиционно ссылаются на «прусскую основу» данного документа, при этом только в начале XXI в. историки Е. И. Юркевич и А. Л. Жмодиков поставили «прусское происхождение» устава под сомнение. Вместе с этим, изучение положений устава 1796 г. позволяет сделать ряд интересных выводов.

В том числе, при сравнении уставов 1763 и 1796 гг. находится в вопросах обучения рекрут и солдат много идентичных или заимствованных положений «екатерининского устава»[5]. Таким образом, устав 1796 г. фактически объединил в себе почти сорокалетний себе опыт строевой подготовки нижних чинов в русской армии[6].

Аналогичная ситуация наблюдается и в вопросах огневой подготовки войск — совпадают процессы заряжания и управления стрельбой[7].

Интересен фактически компромиссный характер нового устава относительно спорного вопроса о необходимости произведения пехотой прицельной стрельбы. Дело в том, что среди русских военачальников второй половины — конца XVIII в. единого мнения по этому поводу не было. При этом устав 1763 г. предписывал проводить прицельную стрельбу, за что выступал А. В. Суворов, ратовавший также и за ускоренную перезарядку, в то же время, например, генерал-майор граф С. Р. Воронцов, генерал фон Мейендорф и генерал-поручик князь А. И. Вяземский считали, что гораздо важнее обучать войска быстрой перезарядке, что повышало плотность огня[8].

А. И. Вяземский писал, что солдат должен уметь стрелять от пяти до четырех выстрелов в минуту[9]. Отметим, что устав 1796 г. предписывал солдату «голову опустить, и глядеть, куда стреляет»[10].

Примечательно и мнение армейского «фрунтового» офицера Л. Н. Энгельгардта о новом уставе. Оказалось, что «эволюции были просты, требовались только одна точность и мелочи удобопонятные»[11]. Данное утверждение является весьма ценным наблюдением. Причем наблюдение и выводы армейского офицера, привыкшего к строевой службе, а не к «клабам и маскарадам» столичного Петербурга в «век золотой Екатерины».

Относительно кавалерийских уставов «Его Императорскаго Величества Воинский устав о полевой Кавалерийской службе» и «Его Императорскаго Величества Воинский устав о полевой Гусарской службе» отметим, что реформы в кавалерии назрели, поскольку кавалерийский устав 1763 г. повторял положения еще устава 1756 г., а войска накопили за прошедшее время немалый опыт.

К положительным моментам новых уставов следует отнести введение двухшереножного строя, построение колонн из середины, точность исполнения, — все это усиливало, так сказать, «фрунтовую часть» русской кавалерии[12]. Даже А. К. Байов указывает, что кавалерийские уставы и наставления Павла I давали хорошую «узко-строевую подготовку» и являлись средством выработки «истинного кавалерийского духа»[13].

Наконец, кавалерийские уставы, по мнению К. В. Татарникова, отличались от пехотного устава большей последовательностью и ясностью изложения[14].

В данном случае отметим, что сам устав предписывал кавалерии действовать весьма агрессивно, причем в качестве успеха атаки указывалась необходимость движения единым фронтом на неприятеля, держать равнения линии, двигаться по прямой линии[15].

При этом рассматривались нюансы атаки на пехоту и кавалерию, причем давались конкретные указания, как приучать лошадей к стрельбе, а пехоту — к виду атакующей кавалерии[16]. При этом в бою перестроение из колонны в боевую линию — деплояда, один из наиболее сложных маневров, должен был выполняться на максимальной скорости в минимально короткое время[17].

Атака была основным видом боя и проводилась в сомкнутом строю против противника, находящегося в «устройстве», и в рассыпном строю атаковали уже расстроенного противника, причем атака производилась на галопе без соблюдения строя[18]. Предусматривались и способы атаки противника во фланг, а также фланкировка — действия цепи кавалеристов огнестрельным оружием против противника с целью заставить его расстроить ряды, в случае удачи следовала атака неприятеля всем полком[19].

Наконец, стоит отметить, что все вышеописанные маневры могут выполняться при условии хорошей индивидуальной конной подготовки солдата. При этом требования к уровню подготовки не отличались какими-то завышенными показателями, что было особенно важно, поскольку со времен прошлого царствования русская кавалерия качеством одиночной выездки всадников не отличалась. Полностью исправить эту ситуацию, по всей видимости, к началу кампании 1799 г. не удалось, но в целом выучка русской кавалерии выглядела на достаточном уровне даже по сравнению с лучшей континентальной кавалерией того времени — австрийской.

Кроме того, пехотный устав 1796 г. создал правовую основу единого обучения армейских подразделений. В части шестой главы 5 П.XI «Как полки состоят под Инспекторами и какую имеют Инспекторы власть» Устава 1796 г. прямо пишется: «Во всех полках наблюдать равенство как в экзерциции, так и в одеянии, под опасением лишения чинов, как Шефу, Инспектору или Командиру не отваживаться переменять что-либо в экзерциции или в одежде, но оставаться всему так, как от Государя предписано»[20].

Вышеприведенное требование устава и последующий затем жесткий контроль со стороны императора практически пресекли самоуправство полковых командиров, ранее муштровавших вверенные им части по собственному усмотрению. Зачастую эта муштра мало соответствовала требованиям тогдашнего екатерининского устава.

Кроме того, органами военного управления была проведена работа по созданию условий для скорейшего внедрения устава в войска, что нашло свое отражение в «Предложении, данном Военной коллегии от президента оной Графа Салтыкова “О приведении в исполнение изданных трех уставов о воинской службе двух о конной и одного о пехотной”»[21].

Военной коллегии предписывалось разослать войскам копии уставов, «дабы с получения оных к приведению войск в новое положение тотчас приступили и во всем при устроении их теми Уставами руководствовались»[22].

При этом в новых уставах отдельно подробно прописывались обязанности офицера по подготовке рекрутов[23]. Определялась ответственность офицера за надлежащую строевую подготовку подразделения[24].

В соответствии со сложившейся практикой во все инспекции были отправлены офицеры, хорошо знавшие «обряд, порядок и фрунт» новой службы, с целью на местах разъяснить требования нового устава. Причем уполномоченные для этого офицеры забирались в самые дальние уголки империи. Так, для этой цели в Оренбургскую и Сибирскую инспекции был назначен подполковник Ф. Ф. Эртель, имевший репутацию энергичного и педантичного гатчинского служаки, которую он блестяще доказал на примере обучения новым уставам Лейб-гренадерского полка, который был обучен новому строю всего за 12 дней и 25 ноября 1796 г., участвуя в первый раз на разводе в Высочайшем присутствии, удостоился благоволения императора[25].

Кроме того, в январе 1797 г. было приказано из всех полков прислать в Санкт-Петербург по одному офицеру, квартирмейстеру, унтер-офицеру, рядовому и барабанщику для принятия новых образцов мундиров, изучения порядка службы, экзерциций. Н. А. Грязев из гренадерского полка Розенберга (Московский гренадерский) позднее воспоминал, что в период с 21 по 26 января 1797 г. он вместе с остальными направленными чинами посещал Экзерциргауз для обучения разным приемам, в том числе

Ил. 2. Вахтпарад в Гатчине

приемам обращения с оружием, разным маршам, разводному параду и так далее[26]. При этом император лично следил, чтобы из полков присылали офицеров и солдат «ревностных и радеющих».

Кроме того, устав четко определял способ обучения войск. В п. 12 главы IV части пятой говорится, что «В учебные месяцы, когда полк собран, то по крайней мере учить по два раза в неделю по ротам, не собирая батальонов, дабы Капитаны и Командиры имели время выправить своих людей; а два раза в неделе учить побаталионно или всем полком. При таковом учении солдатам иметь в неделе три дни отдыху, а полк в сие время можно привести в порядок без отягощения людей, и не много будет слабых или больных»[27].

Когда полк находился в походе, учения осуществлялись следующим образом. В полковом лагере с 5.00 до 9.00 утра учение рекрутов, с 13.00 до 15.00 — барабанщиков, дважды в неделю батальонные учения, но не более чем четвертью личного состава[28].

При этом в Петербурге батальонные и полковые учения проходили практически весь год либо на Дворцовой площади, либо на Царицыном лугу[29]. Продолжительность подобных учений составляла от 2 до 3 дней, что в общем давало 6–8 учебных дней

Ил. 3. Г. Шварц. Маневры в Гатчине при Павле I

в месяц, и зачастую на них присутствовал император с сыновьями[30] (ил. 2).

Наконец выучка войск проверялась на маневрах и смотрах. Отметим, что в отечественной историографии укоренилось мнение, будто маневры крупных масс войск были весьма редки, ничем не отличались от обычных учений, а на первое место вышел педантизм, красота ружейных приемов, механическое воспроизведение движений на ограниченном пространстве[31]. В тоже время из современных авторов только Е. И. Юркевич обратил внимание на то, что маневры занимали важное место в деле обучения войск, и постепенно они становились все масштабнее.

Так, в маневрах 4–8 сентября 1800 г. принимало участие до 20 батальонов пехоты и 5 эскадронов кавалерии при 12 орудиях[32] (ил. 3). В маневрах в Гатчине 1, 3, 7, 10 и 15 сентября 1797 г. участвовало 7514 человек[33].

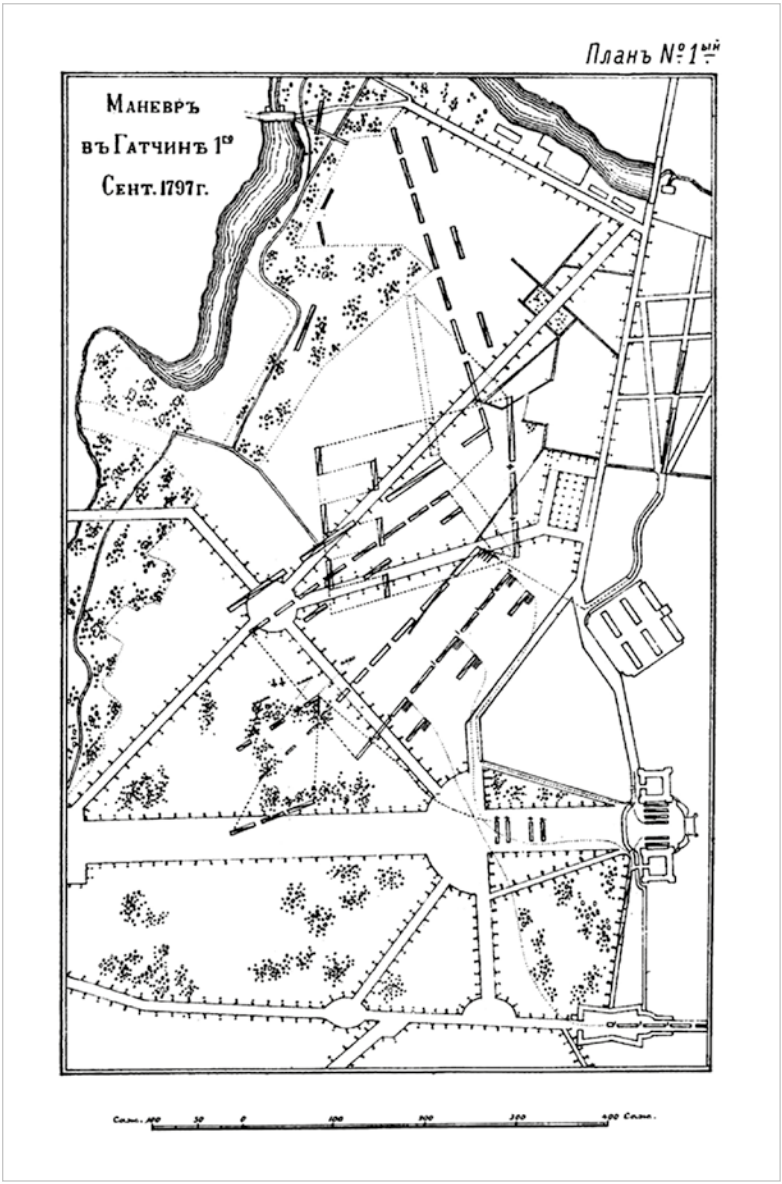
Кроме того, поездки императора по стране также зачастую имели целью проверить выучку войск. Так, например, посетить Казань Павел I планировал сразу после коронации, но эту поездку удалось осуществить только в 1798 г. Императорский вояж в Казань начался в мае 1798 г., и маршрут главы государства пролегал практически через все центральные губернии государства,

Ил. 4. Г. Шварц. Маневры в Гатчине при Павле I

причем кортеж проследовал через Москву, Владимир, Нижний Новгород, а уже возвращаясь из Казани, император почтил своим присутствием Ярославль, Тихвин. 12 мая 1798 г. в Москве состоялся большой смотр войск под командованием фельдмаршала И. П. Салтыкова, а затем трехдневные маневры, в которых приняло участие в общем числе пехоты и конницы 16 627 человек[34]. Собственно в Казани маневры прошли с 26 по 28 мая, в которых было задействовано 13 000 солдат при 20 орудиях[35].

Постараемся выделить лишь общие закономерности и те приемы, которые будут использоваться войсками в войне 1799 г.

Итак, в программу маневров в обязательном порядке входил церемониальный марш войск (проверка навыков строевой подготовки), а также два, а иногда более дней маневров, имевших определенный сценарий, как-то: атака неприятеля, захват какого-либо участка местности, оборона и так далее (ил. 4). Войска в обязательном порядке выделяли авангард, в состав которого входили егеря, казаки, артиллерия, а также тяжелая пехота — сводно-гренадерские батальоны. Кроме того, для авангарда могли формировать сводные части прямо во время маневров. Например, на маневрах в сентябре 1797 г. в Гатчине все батальоны тяжелой пехоты выделяли по два ряда, из которых было составлено три сводных



Ил. 5. План маневрам в Гатчине 1 сентября 1797 г.

батальона, усиливавших авангард[36] (ил. 5). Кроме того, войска делились на дивизии, а также на авангард, главные силы и арьергард. Кавалерия сводилась в импровизированные бригады.

В сценарии маневров в обязательном порядке входило движение пехотных колонн к месту «боя» под прикрытием кавалерии, если она, конечно, участвовала в учениях, с последующим развертыванием в боевую линию, после чего пехотные линии демонстрировали навыки ведения ружейного огня плутонгами, затем был батальный огонь, огонь отступными и наступными плутонгами. Также отрабатывался проход первой линии сквозь вторую, а затем вторая, по завершении, проходила таким же образом сквозь первую[37]. В обязательном порядке производилось построение пехотных и кавалерийских подразделений из двух линий в одну (алиенимант), причем пехота производила либо огонь с места, либо «атаковала» неприятеля[38]. При этом во время маневров внимание уделялось не только пехотным атакам в линейном построении, но и в колоннах. Так, 15 мая 1798 г. на московских маневрах пехота второй линии, построившись в колонны под прикрытием других войск, «на штыках» форсировала мост и, в свою очередь, развернулась в боевую линию[39]. Отметим, что «атака моста», в том числе и «в штыки», встречается практически во всех маневрах, и ее стоит рассматривать как опыт преодоления в колоннах любых препятствий и дефиле.

Зачастую отрабатывалась и атака лесных массивов не только егерями, но и гренадерскими частями, т. е. батальонами тяжелой пехоты, как это было в сентябре 1797 г. в Гатчине, когда гренадерские батальоны лейб-гвардии Семеновского и Измайловского полков атаковали лес уже после занятия ими соседней господствующей высоты[40].

Отметим также, что маневры в сентябре 1797 г. в Гатчине, Москве в мае 1798 г. носили чрезвычайно динамичный характер с постоянной отработкой действий воинских подразделений арьергарда или специально выделенных батальонов во фланг противника, т. е. наличествовал маневр на «поле боя» с усилением войск на нужном направлении, что никак не вяжется с «классической картиной» линейной тактики.

Оценивая действия кавалерии, следует отметить, что в маневрах роль ее была чрезвычайно разнообразна. Прежде всего, как указывалась выше, кавалерия вела рекогносцировку местности, прикрывала марш и развертывание пехоты, действовала

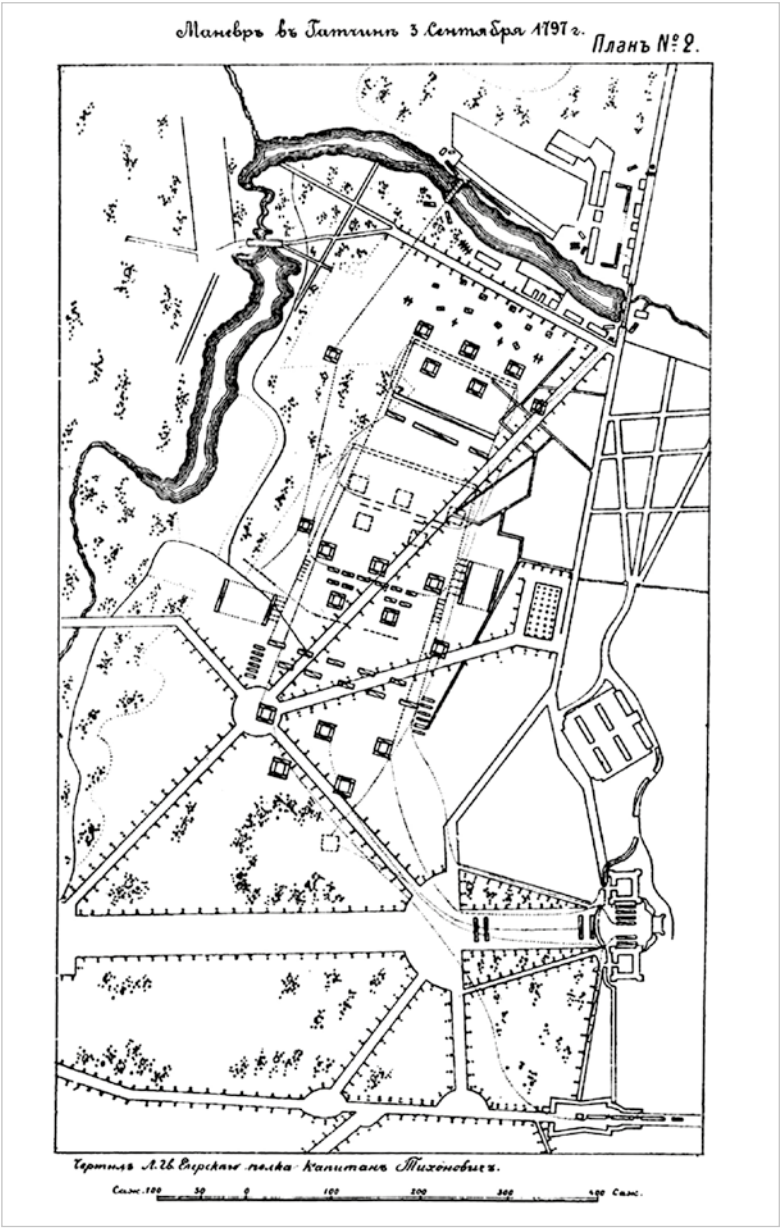
в авангарде совместно с егерями, прикрывала отход пехотных частей. Особое внимание нам стоит обратить на то обстоятельство, что практически на всех маневрах «отыгрывается» один и тот же сценарий: атака первой линии кавалерии, ее отход, атака второй линии кавалерии, за это время первая собирается и либо прикрывает отход второй линии, либо атакует вновь. Таким образом на противника обрушивается каскад из серии кавалерийских атак.

Например, 13 мая 1798 г. на московских маневрах была произведена «полная атака» карьером пяти кирасирских и одного драгунского полка, развернутых в линию — всего порядка 30 эскадронов, от которой, по запискам очевидцев, «тряслась земля»[41]. Причем и данное движение, и последовавшая затем атака гусар, «величественная и ужасная», производились «с совершенною живостью и искусством»[42].

Наконец интересный опыт использования кавалерии был 3 сентября 1797 г. в Гатчине (ил. 6), когда войска отрабатывали действия против иррегулярного неприятеля. Собственно, здесь мы видим и построение пехоты в каре ан-эшекье (использование опыта сражений под Фокшанами и Рымнике, как говорится, налицо), причем в каре сворачиваются не только основные силы, но авангард и арьергард, которые прикрывают фланги главных сил[43]. Причем вся эта масса пехоты движется вперед, маневрирует на поле боя, занимает возвышенности. По условиям маневров «отступающая» русская кавалерия занимает позиции между каре, казаки рассыпаются по флангам, кареи отражают огнем неприятеля, и вот уже русская кавалерия, выезжая со своих позиций, строится в две линии, гусары — на флангах второй линии, причем первая линия идет карьером в «полную атаку», вторая за ней на рысях поддерживает движение, гусары заходят во фланг «неприятелю», а казаки прорываются еще дальше, преследуя отступающего неприятеля[44].

Кроме того, на маневрах отрабатывался прием, который заключался в прохождении «отступающей» кавалерии через промежутки в пехотных линиях и сбор по аппелю конницы уже под прикрытием пехоты[45]. Отметим, что такой способ фактически предназначался, по всей видимости, в том числе и для того, чтобы приучить пехоту к виду приближающейся кавалерии, равно как и кавалерию к виду «устроенной» пехоты.

Несколько слов стоит сказать и об артиллерии. Без сомнения, павловские реформы артиллерии имели важнейшее значение для



Ил. 6. План маневрам в Гатчине 3 сентября 1797 г.

русской армии. Собственно, император требовал от нее сочетания быстроты маневра с прицельной стрельбой. Поразительна скорость, с которой орудие переводилось в боевое состояние — порядка 10 секунд от остановки до первого выстрела[46]. При этом при Павле I артиллеристы были освобождены от участия в церемониальных маршах и прочей шагистики. Но их учеба подразделялась на лабораторные (две недели) и лагерные (месяц) занятия и производилась с 1 мая по 1 августа[47]. Во время лагерных занятий артиллерия отрабатывала действия на месте и в движении[48]. Много времени уделялось и стрельбе из орудий по мишеням ядрами и картечью.

Во время маневров артиллерия формировала батареи, которые должны были поддерживать войска, причем зачастую в батареи определялось до трети орудий «стороны», т. е. артиллерия массировалась на определенных участках, где должно было осуществляться наступление. Отдельно отрабатывались действия группами по 2–3 орудия, приданными различным подразделениям, например, авангарду.

При этом на маневрах 1800 г. в Гатчине действия артиллерии и пехоты осуществлялись с учетом опыта прошедшей кампании, поскольку в «деле» участвовали полки и батальоны, воевавшие в Голландии в августе–ноябре 1799 г. Например, сводно-гренадерский батальон Матюшина, стоявший на возвышенности и «атакованный» двумя батальонами «неприятеля», был вынужден отступать, прикрываемый эскадроном лейб-казаков и егерями с одной стороны, и сдерживая «неприятеля» огнем орудия, по всей видимости, отступавшего вместе с батальоном, под прикрытием гренадерской роты[49]. Фактически данный маневр повторяет эпизод сражения при Кастрикуме 6 октября 1799 г., когда артиллерия, действуя впереди отступавших с боем русских батальонов, своим огнем сдерживала фланговые атаки противника, пока на выручку не подошли гренадерские батальоны полковника Я. Дубянского.

В завершение исследования видится необходимым сделать ряд выводов. Прежде всего отметим, что отрабатываемые в учебный период и продемонстрированные войсками на маневрах навыки и тактические эволюции в целом вполне отвечали реалиям тогдашних боевых действий, ибо участие, к примеру, в сражении пехотного батальона представляло собой череду передвижений, перестроений и, конечно же, слаженного ведения огня как

основного способа ведения боя в конце XVIII в. Данные навыки войска продемонстрировали на достаточно приемлемом уровне даже для столь требовательного человека как император Павел I.

Наконец регулярно проводившиеся маневры фактически уровня дивизия — корпус были важнейшим звеном в строевой и боевой выучке войск. Практиковавшиеся в их ходе тактические приемы соответствовали действовавшим на тот момент уставам и, без сомнения, способствовали тому, что войска, обученные по единой программе, были способны исполнять эволюции даже в составе сводных подразделений, поскольку постоянных дивизий в тот момент еще не существовало. Впрочем, войска инспекции, в определенной степени, можно считать таковыми, при условии, конечно, что части будут сражаться вместе. При этом обратим внимание, что тактические эволюции слаженно выполнялись, в том числе, и крупными массами войск, а сами «баталии» были достаточно динамичны и демонстрировали вполне достойное знание войсками современных на тот момент способов ведения боя. Кроме того, старшие начальники имели возможность попрактиковать многие способы ведения боя, как, например, те же «полные атаки» кавалерией, получая необходимый для войны опыт.

Немаловажным условием боевой подготовки войск являлось обучение взаимодействию различных родов войск на поле боя, и прежде всего пехоты и артиллерии, кавалерии и егерей, а также собственно пехоты и кавалерии. Маневры 1800 г. показывают, что использование опыта, полученного во время боевых действий, было, однако его не систематизировали, поскольку времени прошло еще не так много с окончания кампании. Те же «голландские» полки стали прибывать в Россию только в июне 1800 г. Но использованные ими на маневрах приемы нареканий не вызвали. Известный же приказ относительно взысканий по итогам сентябрьских маневров 1800 г. следует отнести, наверное, прежде всего к тому, что маневры — это все-таки некое «идеальное» сражение, но даже оно сопровождается досадными и неприятными ошибками, которые распространены и в реальных сражениях. Но это недовольство императора было проявлено в отношении конкретных ошибок конкретных людей и никак с качеством обучения и выучки русских войск связано не было.

При этом в кампании 1799 г. ни одно сражение русской армией не было проиграно по причине плохой или недостаточной

обученности войск каким-то эволюциям или тактическим приемам. Столкнувшись с лучшей европейской армией, русские показали себя достойным и опасным противником, а через пятнадцать лет, в покоренном Париже, они станут самой эффективной военной силой Европы.

---

[1] Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796–1801 гг. // Русская старина. Т. XVIII. 1877. Вып. 1–4 СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1877. С. 590; Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VI. Эпоха императора Павла. СПб., 1910. С. 38.

[2] Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб.:Издательский дом «Империя», 1999. С. 191.

[3] Голицын Н. С. Военная история новейших времён. Часть первая. Войны 1-й французской революции и республики 1792–1801. Отделение первое. Первые четыре года (1792–1795). СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», по Мойке № 5, 1874. С. 26.

[4] Леонов О. Г. Регулярная пехота: 1698–1801. М.: ТКО «АСТ», 1995. С. 137.

[5] Волков А. Л. Несколько замечаний о «пруссачине» императора Павла Первого и воинском уставе «О полевой пехотной службе» 1796 г. // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XVIII Всероссийской научной конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. С. 292–293.

[6] Там же. С. 297.

[7] Волков А. Л. Русские мотивы «прусского» устава императора Павла I // Вестник исторических наук. 2023. Т. 1. № 1. С. 16.

[8] Там же. С. 17.

[9] Вяземский А. И. Записка военная, писанная князем Андреем Ивановичем Вяземским в ноябре 1774 г. // Архив князя Вяземского: князь Андрей Иванович Вяземский. СПб., 1881. С. 16–17.

[10] Его императорского величества воинский устав о полевой пехотной службе с планами. М.: В Сенатской типографии, 1797. С. 60.

[11] Энгельгардт Л. Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М.: Изд. «Русский архив», 1868. С. 202.

[12] Марков М. И. История конницы. Кн. 3. От Фридриха Великого до Александра Суворова. М.: Кучково поле, 2009. С. 309.

[13] Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VI. Эпоха императора Павла. СПб., 1910. С. 52.

[14] Татарников К. В. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов: В двух томах. М.: «Русская панорама», 2010. Т. 1. С. 19.

[15] Жмодиков А. Л. «Наука побеждать». Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД «Клио», 2017. С. 344.

[16] Там же. С. 344–345.

[17] Рогожан Н. Драгунские полки русской армии в царствование императора Павла I https://reenactor.ru/ARH/PDF/Rogozan_01.pdf?ysclid=lzbkeqbrsy910346393.

[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Воинский устав государя императора Павла Перваго о полевой пехотной службе. СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1797. С. 107–108.
[21] Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. XXIV. № 17.587 С. 23–26 (Предложение, данное Военной Коллегии от Президента оной графа Салтыкова «О приведении в исполнение изданных трёх Уставов о воинской службе: двух о конной и одного о пехотной») С. 23–26.
[22] Там же. С. 24.
[23] Воинский устав государя императора Павла Перваго о полевой пехотной службе. С. 85–86.
[24] Там же. С. 88.
[25] Судравский В. К. История Лейб-гвардии гренадерского полка 1756–1906 гг. Т. I. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1906. С. 284–285.
[26] Грязев Н. А. Мой журнал. СПб.: Наука, 2019. С. 92.
[27] Воинский устав государя императора Павла Перваго о полевой пехотной службе. С. 36.
[28] Леонов О. Регулярная пехота... С. 221.
[29] Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 143.
[30] Там же.
[31] Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. С. 53.
[32] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 16627.
[33] История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. Атлас. Приложение VII. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 28.
[34] Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Восемнадцатый век. СПб.: Тип. Н. П. Собко, 1902. С. 281.
[35] Бартенев П. Осмнадцатый век. Исторический сборник. Книга четвертая. М., 1869. С. 466.
[36] История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. Атлас. Приложение VII. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 23.
[37] Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 281–282.
[38] Там же. С. 282.
[39] Там же. С. 283.
[40] История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. С. 25.
[41] Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 281.
[42] Там же. С. 281.
[43] История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. С. 25.
[44] Там же.
[45] Там же. С. 27.
[46] Юркевич Е. И. Строевая и боевая подготовка русских артиллеристов в 1796–1801 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 45.
[47] Там же. С. 46.
[48] Там же. С. 47.
[49] РГВИА. Ф.846. Оп. 16. № 16627.

Н. В. Гаврилкин (Москва)

305-мм БАШЕННЫЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ УСТАНОВКИ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА, СОЗДАНИЕ И ПОСТАНОВКА НА ВООРУЖЕНИЕ ПРИМОРСКИХ КРЕПОСТЕЙ РОССИИ. 1910–1945 г.

ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. Главное управление Генерального штаба Российской армии занялось составлением программы развития сухопутных и морских вооруженных сил империи, в том числе приморских крепостей.

В декабре 1909 г. в «Записке о государственной обороне» военный министр Российской империи генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов писал: «Стратегическое назначение крепостей заключается в том, чтобы облегчить своей армии и флоту свободу действий и затруднить в том же противнику, при этом задачу свою крепости должны выполнять с возможной экономией в расходовании живой силы, в качестве гарнизона. Наиболее крупным и притом общим недочетом всех наших крепостей является отсталость и несовершенность их устройства и вооружения».

В связи с превосходством в дальности стрельбы орудий неприятельского флота отмечалась недостаточность вынесения по флангам крупнокалиберных береговых батарей, что создавало необеспеченность защиты от обстрела рейдов и портовых сооружений.

Для исправления указанных недостатков предлагалась «Программа усиления крепостей на ближайшее десятилетие», которая предусматривала вооружение крепостей «могущественными образцами орудий, для обеспечения порта от огня с моря», при этом в первую очередь было намечено «усиление приморского фронта установкой на флангах сильных батарей, вооруженных крупнейшими современными пушками, а также устройство батарей,

предназначенных своим огнем удалять противника, который попытался бомбардировать порты с моря».

В это время в Российской империи было 11 приморских крепостей, из них 5 на Балтийском море, 4 на Черном море и 2 на Тихом океане. В соответствии с возможными задачами флота усилению подлежали приморские крепости: на Балтийском море Ревель с добавочными укреплениями у Поркалауда, Кронштадт, Усть-Двинск и Свеаборг, на Черном море Севастополь и Очаков, на Тихом океане Владивосток и Николаевск-на-Амуре. При этом крепости, являющиеся главными оперативными базами флота на каждом море, предполагалось вооружить 305-мм батареями.

Стоимость переоснащения приморских крепостей оценивалась в 195,7 млн р., из которых 26,1 млн р. — на создание приморского фронта и установку крупнокалиберных батарей[1].

Начало истории 305-мм орудий в 52 калибра длиной следует отнести к 11 февраля 1903 г., когда на заседании Морского технического комитета по артиллерии было принято решение об увеличение мощности орудий на 20 %, для чего требовалось увеличить до 50 калибров длину орудий и производить из них стрельбу при больших давлениях[2].

Проект 305-мм орудия был разработан в Артиллерийской чертежной МТК полковником И. А. Шульцем под руководством генерал-майора А. Ф. Бринка и представлен Главному инспектору морской артиллерии генерал-лейтенанту А. С. Кроткову в августе 1905 г. Наряд на изготовление орудий был дан Обуховскому сталелитейному заводу в марте 1907 г.

305-мм орудие в 52 калибра длиной сделало первый выстрел на Морском полигоне 9 февраля 1909 г. В августе 1910 г. стрельба из данного орудия демонстрировалась товарищу военного министра генерал-лейтенанту А. А. Поливанову, членам Артиллерийского комитета ГАУ генерал-лейтенантам Г. А. Забудскому, Н. И. Петровскому, Р. А. Дурлахеру и коменданту Кронштадтской крепости генерал-лейтенанту А. А. Маниковскому[3].

30 сентября 1910 г. на заседании Артиллерийского комитета ГАУ были рассмотрены проекты открытых, колодезных (барбетных) и башенных установок для 305-мм пушек, представленных как русскими, так и иностранными заводами. Рассмотрев эти проекты, Артиллерийский комитет высказался за колодезные установки, считая, что такие установки по сравнению с открытыми лучше укрывают большую часть механизмов, подачу и прислугу

по сравнению с открытой. Но по экономическим соображениям и учитывая необходимость срочного вооружения современными артиллерийскими установками берегов Финского залива, Артиллерийский комитет решил для ближайшей потребности заказать Санкт-Петербургскому металлическому заводу открытые установки.

В дальнейшем, на основании Журнала Артиллерийского комитета № 848-1911 г. был произведен запрос заводам о проектах колодезной и башенной установки со следующими требованиями: должен быть обеспечен внутренний проход из блока в установку, установка должна быть приспособлена к 305-мм пушке Морского ведомства и оборудована электрическим управлением с автоматическим заряжанием во время производства вертикального наведения при всех углах возвышения от 0° до 15°. Причем Артиллерийский комитет указал: «Если будет признан необходимым немедленный заказ, не ожидая ответа на запрос, то дать заказ по проекту колодезной установки Металлического завода, которая удовлетворяет всем поставленным требованиям и которая в главной части аналогична открытым установкам, что облегчает обучение личного состава и уменьшает общее количество запасных частей».

Прислали свои проекты колодезных и башенных установок заводы: Путиловский, Металлический, Виккерс, Шнейдер, Шкода, Крупп, Кокериль (Бельгия) и Сен-Шамон, последний через Франко-Русский завод, который передал его Обуховскому заводу, который собственного проекта не представил. Наиболее разработанным был проект Металлического завода, составленный для 305-мм пушек Морского ведомства, затем Путиловского, остальные заводы представили лишь эскизные проекты, не удовлетворяющие требованиям ГАУ.

Общая характеристика всех систем установки в отношении их устройства состояла в следующем: все системы с откатом по оси орудия, с гидравлическим компрессором, воздушным накатником, зубчатым подъемным и поворотным механизмами, подачей боевых припасов в особых зарядниках и досылкой их цепным прибойником (завод Сен-Шамон представил пружинный досылатель). Проекты Металлического и Путиловского (частично) заводов при принятии зарядника и автоматического поста управления удовлетворяли требованиям ГАУ. Металлический завод заявил сроки изготовления первой башенной установки в 1 год

10 месяцев, Путиловский — 2 года 2 месяца, последней (при расчете на 12 установок) — через 3 года 6 месяцев. Меньший срок изготовления Металлического завода объясняется наличием большого количества рабочих чертежей главных частей установки, проверенных работой на 305-мм морских башенных и открытых береговых установках.

Обращаясь к вопросу, какой тип для 305-мм установки — колодезный или башенный — следует принять, Артиллерийский комитет пришел к заключению, что двухорудийные колодезные установки недопустимы и что колодезная установка должна быть только одноорудийной.

Стоимость двух одноорудийных колодезных установок, оценивалась в 1 млн 210 тыс. р., а одинаковой по силе своего огня с ними одной двухорудийной башенной установке — в 1 млн 138 тыс. р. Видно, что одна двухорудийная башенная установка на 70 тыс. р. дешевле двух одноорудийных колодезных.

На основании изложенного Артиллерийский комитет решил отдать предпочтение двухорудийным башенным установкам.

Башенные установки должны были по проекту иметь вертикальное бронирование толщиной 305 мм, крышу 102 мм и располагаться на металлическом фундаменте (жестком барабане). Так как никакой испытанной башенной установки на момент заседания Артиллерийского комитета не было, предписывалось проектировать береговую башенную установку по системе, принятой во флоте, т. е. Металлического завода[4].

В мае 1912 г. с Санкт-Петербургским металлическим заводом заключен контракт на изготовление шести 305-мм башенных установок, второй заказ на восемь установок был передан заводу в ноябре 1913 г. Тела орудий изготавливал Обуховский сталелитейный завод, а броню поставлял Ижорский завод[5].

Первая башня должна быть собрана на заводе и предъявлена к приемке без брони через два года после заключения контракта, затем каждые 1,5 месяца завод должен был сдавать по одной установке, последнюю — в марте 1917 г. Первые погоны и установочные части должны быть сданы через год после подписания контракта, затем через каждые два месяца.

Места под башни должны быть подготовлены казной для первой башни через 13 месяцев после подписания контракта, затем каждые два месяца. Стоимость изготовления одной башенной установки без монтажа на месте составила 503,1 тыс. р.[6]

В марте 1914 г. ГАУ указало порядок установки и сборки 305-мм башенных установок: № 1–4 на фортах Николаевский и Алексеевский Кронштадтской крепости, 5–8 в Севастопольской крепости, 9 и 10 в Усть-Двинске, 11–14 во Владивостоке.

Стоимость монтажа башен на месте составляла: 4 башенные установки во Владивостоке — 80 тыс. р. за башню; 2 башенные установки в Усть-Двинске — 60 тыс. р. за башню; 2 башенные установки в Севастополе — 50 тыс. р. за башню[7].

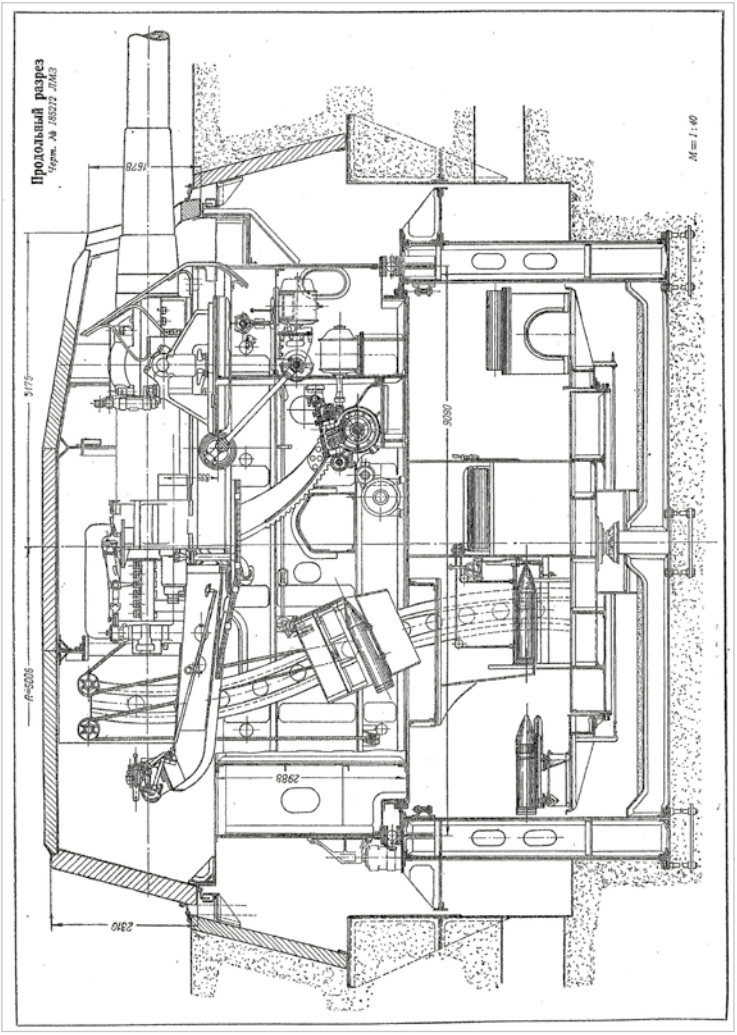
Башенная установка состояла из поворотной и неподвижной частей, а поворотная часть, в свою очередь, из вращающегося стола башни и подачной трубы. Стол башни делился на две части: верхнее боевое отделение и нижнее рабочее. В боевом отделении башни находились орудия на станках и посты управления наведением орудий и вращения башни, в рабочем — механизмы горизонтального и вертикального наведения, лебедки зарядников и прибойников. Снаряды и заряды подавались из погребов на снарядную вращающуюся платформу внизу подачной трубы, далее в перегрузочное отделение и посредством зарядников к орудиям. Такая схема отделила верхнюю часть башни от погребов, что важно в смысле безопасности погребов от взрыва, а также обеспечила непрерывность подачи и уменьшение времени подачи боезапаса из погребов к орудиям при вращении башен.

Зарядники со снарядом и двумя полузарядами поднимались к орудиям, заряжание было возможно в диапазоне углов от +3° до +15° и осуществлялось цепным прибойником. Промежуток между выстрелами составлял 40 секунд. Угол возвышения орудий — от –1° до +35°, угол горизонтального обстрела — 360°[8].

Вертикальная броня башни имела толщину 305 мм, крыша — 203 мм, качающиеся щиты, перекрывающие амбразуры — 50 мм. Неподвижная броня кирасы имела спереди толщину 254 мм, а сзади — 127 мм.

Боекомплект батареи составлял по 200 выстрелов на орудие. В него входили бронебойные и фугасные снаряды Военного ведомства весом 446,9 кг. Боевой заряд бездымного пороха весом 141 кг придавал снарядам начальную скорость 793 м/с и обеспечивал дальность стрельбы 29 км (ил. 1).

По проекту батарея состояла из двух броневых башен, бетонированной постройки, служащей для них основанием, силовой станции и командного пункта. Стоимость постройки батареи оценивалось в 850 тыс. р.



Ил. 1. 305-мм башенная двухорудийная установка, вертикальный разрез

Изготовление первых четырех башенных установок на Металлическом заводе проводилось достаточно быстро: в августе 1914 г. завод изготовил главные части башен, в том числе столы и станки; в октябре части трех башенных установок были предъявлены на заводе артприемщику ГАУ, а в марте 1915 г. три башенные установки были предъявлены к приемке на заводе[9].

Первая башенная установка в это время была собрана в цеху Металлического завода для осмотра и согласования с представителями ГИУ и ГАУ.

Первые четыре башенные установки в срочном порядке были установлены на фортах Николаевский и Алексеевский Кронштадтской крепости.

Следующие четыре башенные установки были приняты артприемщиком ГАУ и в сентябре 1915 г. готовы к отправке в Батум и Севастополь, так как в феврале 1915 г. решено было из числа четырех 305-мм башенных установок, изготавливаемых для Владивостока, две башни передать в Михайловскую крепость, Батум[10].

Но в сентябре 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего по представлению Главного управления кораблестроения принял решение о передаче четырех башенных установок, предназначенных для крепостей Батум и Севастополь, морскому ведомству, для усиления обороны главной базы Балтийского флота — Морской крепости имени Императора Петра Великого в Ревеле. Башенные установки предполагалось возвратить военному ведомству, заказав их на средства Морского министерства по окончании войны[11].

В ноябре 1916 г. была готова на Металлическом заводе очередная, девятая башенная установка, предназначенная для Севастопольской крепости. В это же время на батарее № 25 полностью были закончены бетонные работы и велась подготовка для монтажа конструкций башни.

23 октября 1916 г. морской министр обратился к военному министру с просьбой: «В настоящее время идут усиленные работы по скорейшему окончанию линкора «Александр III», одновременно производится усиление защиты Рижского и Финского заливов путем установки 305-мм пушек.

Дабы не задерживать готовность названного корабля, а с другой стороны, успеть до начала навигации выгрузить на укрепляемых островах станки и орудия, просим передать взаимообразно

два станка 305-мм пушек, ныне находящиеся в работе на Санкт-Петербургском металлическом заводе, для Севастопольской крепости»[12].

Просьба морского ведомства была выполнена, станки 305-мм орудий переданы, соответственно, отправка башенной установки в Севастопольскую крепость была отложена.

В ноябре 1917 г. ГАУ уведомило Металлический завод об отказе изготовления и сдачи последних четырех башенных установок, так как до 1 марта 1918 г. они «безусловно, не могут быть исполнены и сданы»[13].

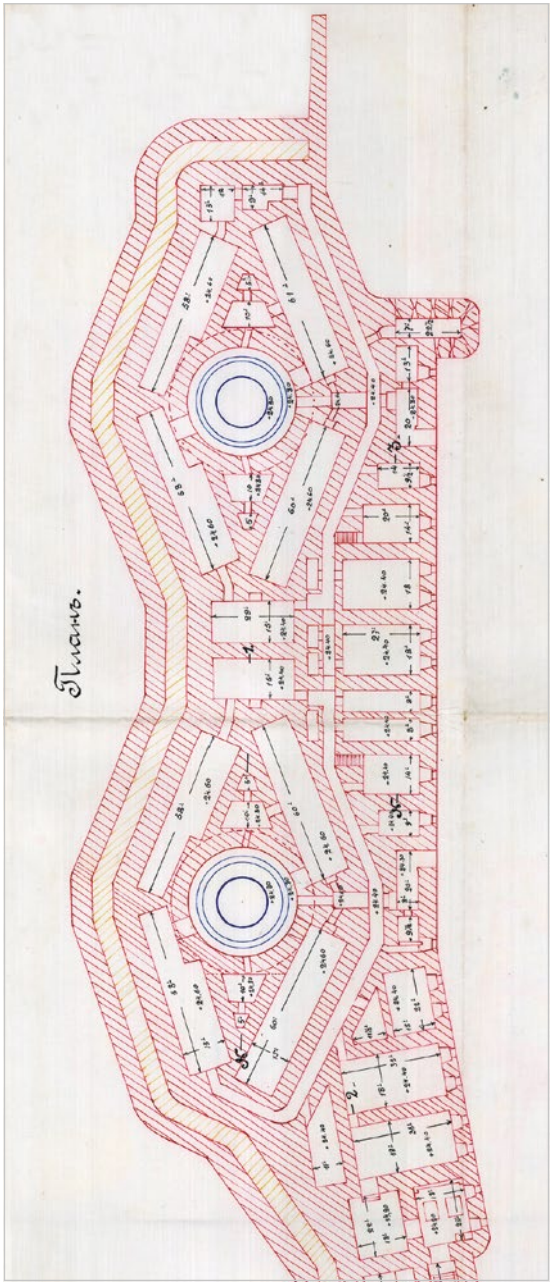
Практически сразу по окончании Гражданской войны Революционный Военный Совет Республики принял решение о достройке 305-мм батарей в Севастополе, на основании чего на Металлическом заводе им. Сталина вернулись к производству 305-мм башенных установок. В это время на заводе в разной степени готовности находились шесть 305-мм башенных установок, из которых одна полностью готова к отправке, вторая требовала только незначительных работ, для доделки третьей и четвертой установки на заводе были все необходимые поковки и изделия[14]. Эти четыре установки завод изготовил и отправил на место установки в Севастополь.

Таким образом в течение 1913–1933 гг. Металлический завод изготовил и сдал военному и морскому ведомствам 12 305-мм башенных установок из 14 заказанных ГАУ в 1912–1913 г.

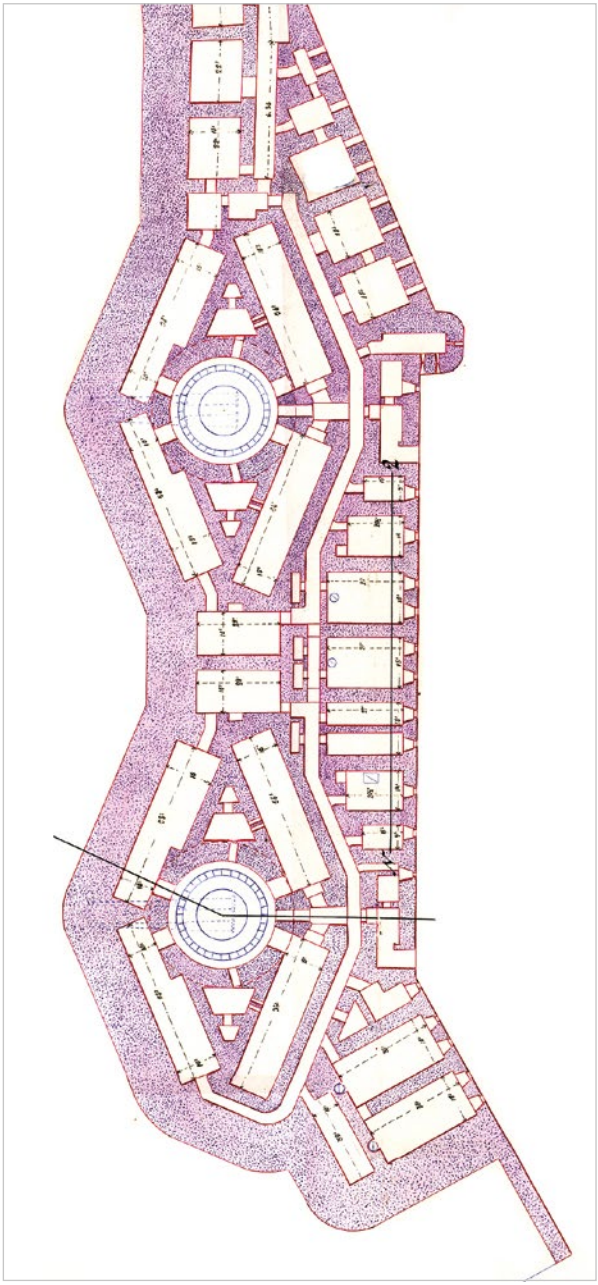
Кронштадт (ил. 2, 3)

Запиской «О мероприятиях по государственной обороне» 1909 г. за Кронштадтской крепостью были закреплены функции тыловой и хозяйственной базы флота, а также обеспечение защиты столицы и императорской резиденции от обстрела с моря. Для чего требовалось строительство передовых батарей на расстоянии в 60 км западнее Санкт-Петербурга около мыса Ининеми на северном берегу Финского залива и около деревни Красная Горка на южном берегу, что улучшило бы условия борьбы с неприятельским флотом, не допуская обстрел рейда и портовых складов и обеспечило бы Российскому флоту выход с боем в открытое море[15].

В 1912 г. началось строительство фортов, а в начале 1914 г. — бетонные работы на башенных батареях. Работы велись высокими



Ил. 2. План бетонного блока двухорудийной башенной береговой батареи форта Николаевский (Инно). 1914 г.



Ил. 3. План бетонного блока двухорудийной башенной береговой батареи форта Алексеевский (Красная Горка). 1914 г.

темпами, уже в декабре 1914 г. на батареях были установлены жесткие барабаны и подвижная броня[16].

В конце 1915 г. 305-мм башенные батареи фортов Алексеевский (Красная Горка) и Николаевский (Ино) успешно прошли приемные испытания и были приняты в казну.

В мае 1918 г. 305-мм башенная батарея форта Николаевский была взорвана при угрозе захвата финскими войсками[17].

305-мм башенная батарея форта Красная Горка приняла участие в Гражданской войне, вела огонь по белогвардейским войскам, наступавшим на Петроград, по кораблям мятежного Кронштадта.

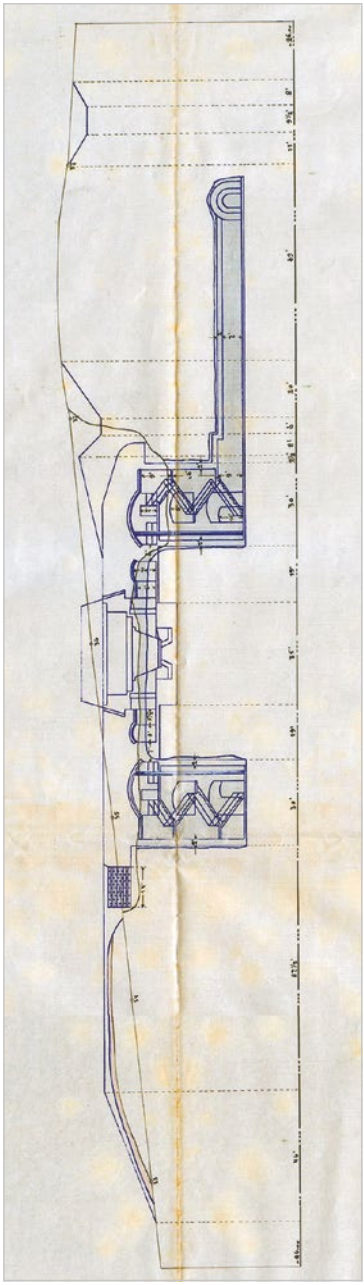
В годы Великой Отечественной войны 305-мм батарея форта Красная Горка входила в состав 31-го Отдельного артиллерийского дивизиона Ижорского сектора береговой обороны Балтийского флота. В 1941 г. немецкие войска в ходе наступления на Ленинград были остановлены на пределе дальности стрельбы 305-мм батарей форта. Своим огнем батареи обеспечили проход кораблей при эвакуации военно-морской базы Ханко. 311-я башенная батарея приняла участие в контрбатарейной стрельбе и в операции по снятию блокады Ленинграда, за время войны произвела 76 стрельб, выпустив 695 снарядов[18].

31-й Отдельный артиллерийский дивизион Кронштадтской военно-морской крепости был награжден орденом Красного Знамени.

В 1960 г. в соответствии с законом «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» от 15 января 1960 г. дивизион был расформирован, башни с орудиями законсервированы и впоследствии порезаны на металл[19].

Владивосток (ил. 4)

12 октября 1912 г. на заседании Комиссии по вооружению Владивостокской крепости были выбраны позиции для двух башенных батарей: у 55-й высоты в районе бухты Тихой на полуострове Муравьева-Амурского для обеспечения правого фланга сухопутной оборонительной линии, а также городских и портовых сооружений от бомбардировки с моря, и на Русском острове, для защиты акватории бухты Новик от обстрела со стороны Уссурийского залива.



Ил. 4. Разрез бетонного блока двухорудийной башенной береговой батареи № XIX на Русском острове Владивостокской крепости с показом тоннельных погребов

Окончательно места установок башенных батарей утвердили в сентябре 1913 г. Проекты батарей разработали военные инженеры капитаны С. А. Маккавеев и Н. Н. Шелавин.

В 1914 г. проекты двух башенных 305-мм батарей — № VII у 55-й высоты вблизи б. Тихой и № XIX на Русском острове в 2 км севернее м. Вятлина на четыре орудия каждая — были утверждены, и началось их строительство. По требованию ГАУ бетонирование закладных частей установок должно было быть закончено к концу 1914 г., а жесткие барабаны предполагалось отправить во Владивосток не позднее марта 1915 г.

Устройство бетонных блоков владивостокских башенных батарей отличалось от 305-мм башенных батарей Кронштадта, Севастополя и Морской крепости Императора Петра Великого, где зарядные и снарядные погреба располагались в бетонных массивах вокруг нижних частей башенных установок на уровне их перегрузочных отделений. Во

Владивостоке погреба боезапаса тоннельного типа укрыли намного ниже их перегрузочных, а на уровень перегрузочных отделений снаряды и заряды предполагалось подавать по вертикальным шахтам с помощью специальных подъемников, причем предусматривалась возможность накопления непосредственно у башен четырех снарядов для поддержания скорострельности при переходе на ручную подачу снарядов.

К 1916 г. на 305-мм башенной батарее № VII выполнили почти все тоннельные работы, отделали их бетоном, велась подготовка к монтажу башенных установок, но предназначенные для Владивостока башни были переадресованы сначала в Михайловскую крепость (Батум), а затем переданы в Морскую крепость Императора Петра Великого.

На батарее № XIX на Русском острове были выполнены только скальные и тоннельные работы[20].

В советское время к работам по достройке батарей не возвращались.

Севастополь (ил. 5, 6)

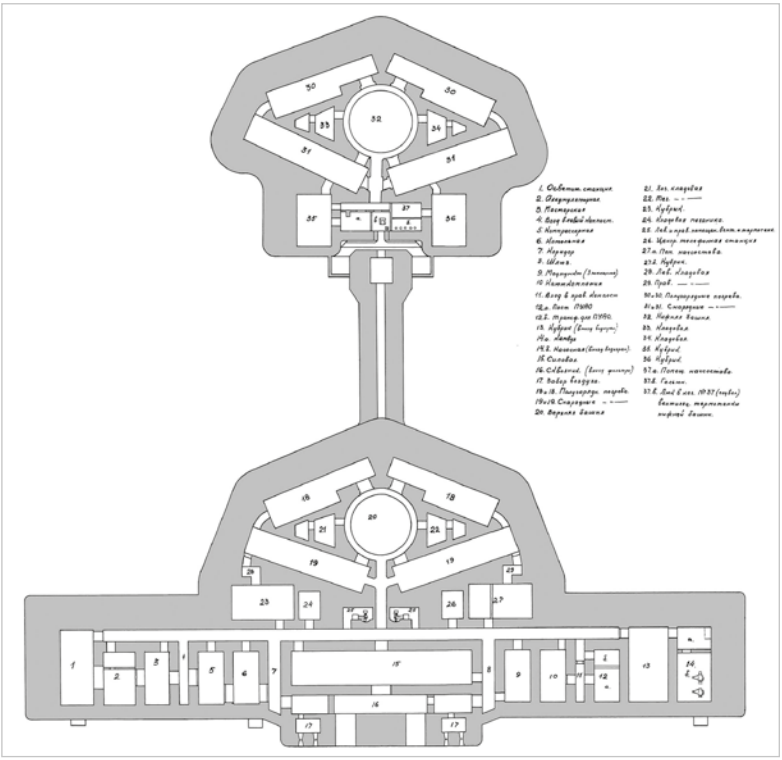
Работы по строительству береговых батарей двух 305-мм башенных батарей № 25 и 26 проводились на основании Высочайше утвержденного 23 июля 1912 г. «Временного положения о производстве работ по созданию крепости вновь и по усилению и поддержанию существующих распоряжениями крепостных распорядительных комитетов»[21].

Проект башенной батареи № 25 на высоте южнее Херсонесского маяка был утвержден на заседании Инженерного комитета Главного инженерного управления 20 августа 1913 г.[22]

Строитель батареи — младший производитель работ Управления строителя Севастопольской крепости подполковник В. Р. Гулишамбаров.

На время прекращения работ по строительству батареи в 1918 г. на ней были закончены бетонные работы, установлены жесткие барабаны, доставлена и установлена неподвижная броня первой и второй башен. На первой башне были расточены погоны, готовились приступить к монтажу башни[23].

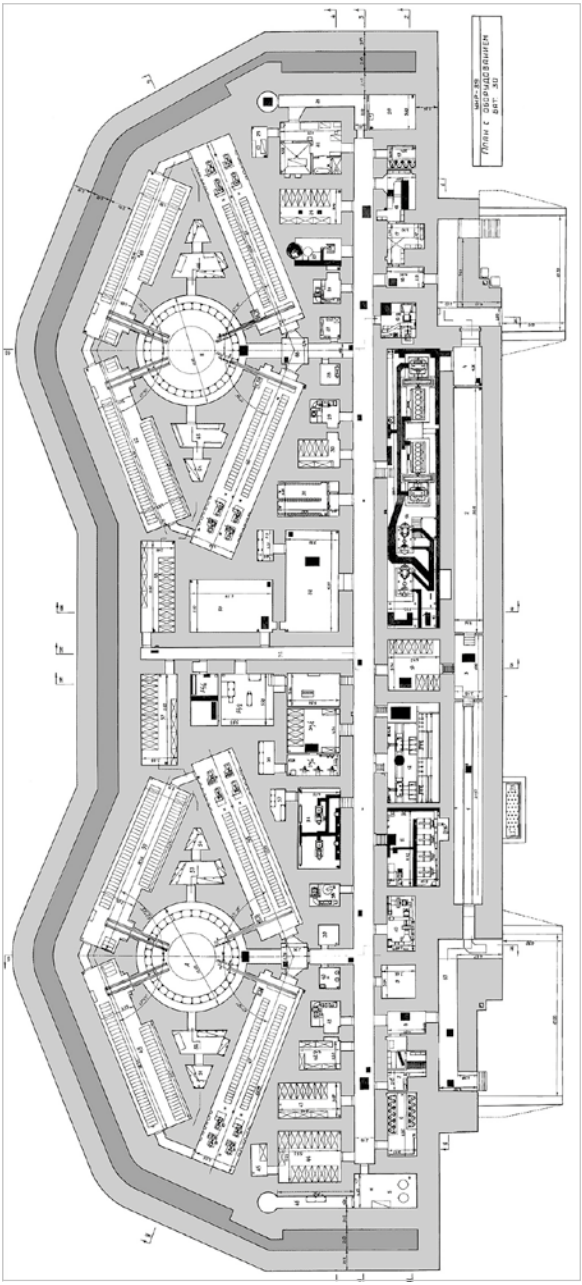
Работы были продолжены в 1925 г., когда начальник снабжения РККАФ утвердил договор с Ленинградским государственным машиностроительным трестом на работу по приведению



Ил. 5. План бетонного блока двухорудийной башенной береговой батареи № 35. Севастопольская крепость. 1934 г.

в порядок, по доделке и сборке двух 305-мм двухорудийных башенных установок на батарее № 8 в Севастопольской крепости. Проект переделки башенного блока с усиленным покрытием (предусматривалась защита от 406-мм снаряда) и усиленной тыльной стенкой был разработан военными инженерами Б. К. Соколовым и В. В. Выставкиным. Части башен были доставлены в Севастополь в декабре 1924 г.[24] К сентябрю 1926 г. башенные установки были смонтированы и сданы флоту на ручное действие[25].

В октябре 1927 г. по предложению РВС МСЧМ в целях зашифрования числа береговых батарей береговой обороны Черного моря, 305-мм батарею № 8 переименовали в № 35, а батарею № 26 в № 30[26].



Ил. 6. План бетонного блока двухорудийной башенной береговой батареи № 30. Севастопольская крепость. 1936 г.

Проект второй 305-мм батареи № 26 Севастопольской крепости рассмотрен на заседании Инженерного комитета Главного военно-технического управления в августе 1914 г. и утвержден в июне 1915 г., докладывал строитель батареи военный инженер полковник А. Н. Смирнов. В отличие от 305-мм батареи № 25 Южной группы, которая имела два отдельных бетонных блока (по одному для каждой башни), соединенных потерной, на батарее № 26 башни разместили в общем блоке, вытянутом по фронту. Конструкция бетонного блока батареи проектировалась на основании «Временной инструкции для устройства перекрытий и стен казематированных крепостных помещений 1913 г.».

Напольные стены блока рассчитывались на два попадания 305-мм снарядов морской артиллерии и проектировались слоистой конструкции: 2,4 м бетона, 2,1 м песчаной прослойки и 2,1 м бетона. Своды казематов с противооткольной металлической одеждой и слоем асфальтобетона над ней проектировались из монолитного бетона толщиной в 2,4 м. Такое перекрытие рассчитывалось на попадание одного 305-мм снаряда.

Строительство батареи шло довольно быстро, но в 1915 г. их темп замедлился. Тем не менее, к осени 1917 г. работы по строительству орудийного блока батареи были выполнены на 70 %. Передняя часть напольных стен слоистой конструкции была выполнена до верхней плоскости перекрытия, а боковые, тыльная и внутренние стены — до пят сводов.

9 марта 1928 г. на заседании Революционного Военного Совета СССР под председательством К. Е. Ворошилова было принято необходимым достроить 305-мм башенную батарею № 30.

К середине 1934 г. на батарее был завершен монтаж башенных установок, внутреннего оборудования, инженерных коммуникаций и произведен пробный отстрел. Батарея вступила в строй, хотя различные доделки и исправления на ней велись еще в течение шести лет.

Батареи № 30 и 35 входили в состав 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Черноморского флота.

17 июня 1942 г. батарея № 30 была окружена германскими войсками, но ее личный состав под командованием майора Г. А. Александера сражался в казематах и подземных сооружениях еще девять суток. Большая часть защитников батареи погибла, а командир взят в плен и расстрелян немцами.

2 июля 1942 г. личный состав батареи № 35 заранее приготовленной взрывчаткой и глубинными бомбами взорвал погреба боезапаса.

Батарея № 30 вместе с батареей № 35 в составе 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона Главной базы Черноморского флота были своеобразным «костяком» системы артиллерийской обороны крепости и нанесли противнику серьезный урон в живой силе и технике. За время осады Севастополя батареи провели 301 стрельбу, выпустив 2377 снарядов.

18 июня 1942 г. приказом наркома военно-морского флота СССР № 136 1-й Отдельный артиллерийский дивизион был преобразован в гвардейский[27].

Таллин

Летом 1915 г. было решено в срочном порядке построить на острове Нарген (Найсар) 305-мм батарею № 10. Строительство началось в октябре 1915 г., с использованием готовых башен военного ведомства, работы проводились срочными темпами. Строителем батареи был подполковник И. И. Унгерман. Полностью батарея была введена в строй в сентябре 1916 г.

Башни располагались в отдельных двухэтажных бетонных блоках, между башнями находился бетонный блок командного пункта батареи, совмещенный с силовой станцией. Общая длина батареи по фронту составляла 180 м. Толщина монолитных стен башенных блоков составляла 4,5 м, перекрытия — 2,5 м.

При приближении немецких войск 27 февраля 1918 г. батарея была взорвана.

Батарея № 15 (№ 334)

Решение о постройке батареи на острове Вульф (Аэгна) было принято летом 1912 г., но строительство началось только в октябре 1915 г. после получения готовых башен военного ведомства. Производителем работ был полковник Б. И. Надаров. Первая башня введена в строй июле 1917 г., вторая башня осталась недостроенной. В феврале 1918 г. организовано уничтожение батареи, при этом первая башня была повреждена, а вторая башня осталась целой. Батарея была восстановлена, пробные стрельбы были произведены в мае 1920 г.[28]

В 1941 г. батарея № 334 приняла участие в обороне Таллина, выпустила 360 снарядов и была взорвана при оставлении столицы Советской Эстонии[29].

Батум и Усть-Двинск

Для 305-мм башенных батарей были выбраны места установки в Усть-Двинске на острове Магнусгольм, а в Батуме — у форта № 2 Михайловской крепости. Работы по условиям военного времени ограничились отрывкой котлованов и подготовкой к строительству фундаментов башенных установок. В 1915 г. все работы были прекращены и в советское время не возобновлялись[30].

Оценивая боевой путь 305-мм башенных установок, следует отметить, что как в силу современной и совершенной конструкции, так и по воле исторических событий данному оружию выпала уникальная в истории вооружений судьба. Орудия башенных установок вели огонь по противнику во время Гражданской и Советско-финляндской войн. Звездный час их пробил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В эти суровые годы 305-мм пушки башенных установок вели интенсивный огонь по противнику на огромном протяжении фронта и внесли решающий вклад в оборону Ленинграда, Таллина, Севастополя.

---

[1] Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 170. Л. 103.
[2] Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 421. Оп. 8. Д. 116. Л. 54.
[3] Там же. Ф. 423. Оп. 3. Д. 56. Л. 70.
[4] РГВИА. Ф. 504. Оп. 9. Д. 368. Л. 19.
[5] Там же. Оп. 10. Д. 220. Л. 1.
[6] Там же. Оп. 9. Д. 1192. Л. 3.
[7] Там же. Ф. 802. Оп. 2. Д. 873. Л. 155.
[8] Береговая артиллерия. Пособие для младших командиров. М.; Л., 1936. С. 38.
[9] РГВИА. Ф. 506. Оп. 1. Д. 166. Л. 4.
[10] Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 180. Л. 162.
[11] Там же. Л. 462.
[12] Там же. Д. 220. Л. 252.
[13] Там же. Д. 234. Л. 241.
[14] РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 214. Л. 43.
[15] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 170. Л. 82.
[16] Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 180. Л. 213.
[17] РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 139. Л. 106.

[18] АО ЦВМА. Ф. 130. Д. 12232. Л. 338.
[19] ЦВМА. Ф. 834. Оп. 025597. Д. 24. Л. 2.
[20] Авилов Р. С., Аюшин Н. Б., Калинин В. И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 266–269.
[21] РГВИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 279. Л. 15.
[22] Там же. Д. 855. Л. 6.
[23] РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 214. Л. 12.
[24] Там же. Д. 611. Л. 18.
[25] РГА ВМФ. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 347. Л. 188.
[26] Там же. Д. 420. Л. 4.
[27] Гаврилкин Н. В., Стогний Д. Ю. Севастополь: батарея № 30. 70 лет в строю // Цитадель. № 12. СПб.: Остров, 2005. С. 20; Гаврилкин Н. В. Артиллерийская башенная батарея № 35 // Там же. С. 45.
[28] Тамеев А. Двенадцатидюймовая ипостась четырнадцатидюймовых башен // Арсенал-Коллекция. 2014. № 2 (20). С. 4.
[29] Гаврилкин Н. В. Создание русского 12-дм орудия в 52 калибра длиной: опыт статистического исследования // Цитадель. № 25. СПб.: Остров, 2019. С. 73.
[30] РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 180. Л. 295; Ф. 802. Оп. 2. Д. 886. Л. 54.

П. Ф. Гёзалов (Баку, Азербайджанская республика)

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ В СОСТАВЕ КОННО-МУСУЛЬМАНСКИХ ПОЛКОВ КАК УЧАСТНИКИ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН 1828–1829 и 1877–1878 гг.

ТЕРРИТОРИЯ современного Азербайджана вошла в состав Российской империи в начале XIX столетия. В этот период на территории Южного Кавказа существовало более 20 независимых и полунезависимых азербайджанских государств — ханств и султанств. Такими государствами были: Ардебильское, Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Карадагское, Кубинское, Макинское, Марагинское, Нахичеванское, Сарабское, Талышинское, Тебризское, Шекинское, Шемахинское, Урмийское, Хойское и Эриванское ханства, Илисуйское (Елисуйское) султанство и Джаро-Белоканские вольные общества, а также зависимые от своих сильных соседей Джаватское ханство, Арешское, Борчалинское, Казахское, Куткашинское, Памбакское, Сальянское, Шамшадильское и Шурагельское султанства. В результате двух Русско-персидских войн в первой четверти XIX столетия территория исторического Азербайджана была разделена между Россией и Персией на Южную и Северную части.

Чтобы использовать военный потенциал присоединенных государственных образований в русско-турецкой, варшавской и крымской военных кампаниях Российской империи, было принято решение о создании конно-мусульманских полков. Первые иррегулярные полки, сформированные из азербайджанцев, появились в России в самом начале царствования императора Николая I (1825–1855). В военных действиях приняли участие Бакинский, Елисаветпольский, Закатальский, Шурагельский

Ил. 1. Почетное знамя первого конно-мусульманского полка. 1828 г. Национальный музей истории Азербайджана

и Эриванский конно-иррегулярные полки, а также Александропольский конный дивизион и Борчалинская конная сотня. Состав первого конно-мусульманского полка был сформирован из азербайджанского населения Карабаха. Его командиром был назначен российский офицер, заместителем — азербайджанец, штабс-капитан Гюльмаммед бек. У полка до наших дней сохранились два знамени, хранящиеся в Национальном музее истории Азербайджана: боевое знамя под № 460 и почетное знамя под № 462 (ил. 1, 2).

Информацию о знамени второго конно-мусульманского полка в документах не удалось обнаружить, обычно в таких случаях оно остается в военных частях того города, где была боевая служба.

Третье знамя конно-мусульманского полка из коллекции Национального музея истории Азербайджана под инвентарным номером 459 изготовлено из квадратной ткани желтого цвета. Как

Ил. 2. Боевое знамя первого конно-мусульманского полка. 1828 г. Национальный музей истории Азербайджана

и на других знаменах, на нем изображен двуглавый орел с вензелем Николая I: буква Н и цифра 1, под орлом имеется лента с надписью на фарси «Четвертый полк». Полк был составлен из населения азербайджанцев-мусульман, регионов Борчалы, Газах, Шемшедил и Гянджи (Елизаветполь).

Четвертое знамя конно-мусульманского полка в коллекции Национального музея истории Азербайджана под инвентарным номером 456 представляет собой квадратную ткань синего цвета с двуглавым орлом, под которым имеется лента с надписью на фарси «Четвертый полк». Полк состоял из населения азербайджанцев-мусульман Иревани и Нахичивани.

Отличившийся в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Закавказский полк вначале был размещен на Кавказе. Позже, в 1834 г., он участвовал в подавлении восстания в Польше. Тот же полк, служивший как личный конвой князя Варшавского графа Ивана

Федоровича Паскевича, принимал участие в подавлении восстания на границах с Венгрией. В 1853–1856 гг. Закавказский полк участвовал в Крымской войне и после ее окончания был расформирован. За активное участие в боевых сражениях полку было вручено в 1848–1849 гг. годах почетное знамя Святого Георгия. С 1924 г. оно хранится в коллекции Национального музея истории Азербайджана под номером 444.

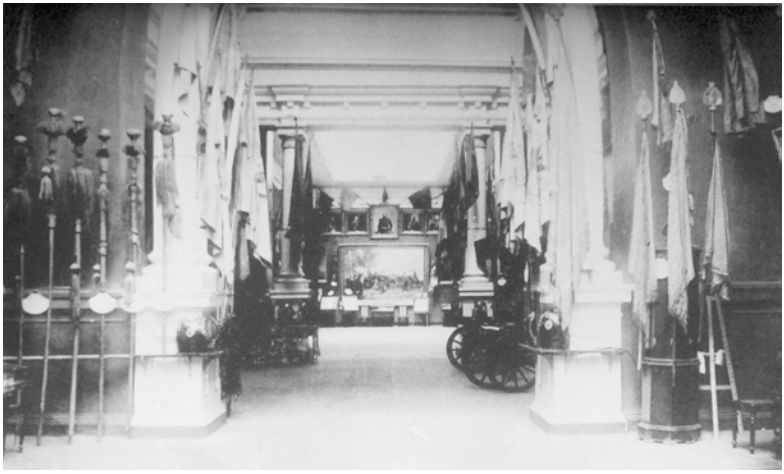
Особо отличившийся в Русско-турецкой войне Закатальский конно-мусуллманский иррегулярный полк высочайшим приказом в октябре 1878 г. был пожалован Георгиевским знаменем с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». Этим же приказом 3-й сотне полка были пожалованы знаки отличия на головные уборы с надписью: «За дело под Баязетом в 1877 году»[1]. Знамя Закатальского полка хранится с 1925 г. в коллекции Национального музея истории Азербайджана под № 470. Также в коллекции хранятся знамена 1-й, 2-й, 3-й сотен полка под инв. № 464, 465 и 466.

По Гюлистанскому (1813) и Туркманчайскому (1828) договорам Азербайджан был разделен между Российской империей и Иранским государством Каджаров. Аннексия как Южного, так и Северного Азербайджана сопровождалась ликвидацией государственности и ее атрибутов. И если ханы в Южном Азербайджане пусть номинально, но сохраняли власть на своих родовых землях, а также атрибуты своей власти, в Северном Азербайджане царизм проводил целенаправленную политику уничтожения или изгнания ханских родов. Преследуя далеко идущую политику замены азербайджанской знати российским дворянством, царизм ликвидировал все атрибуты государственности и символы власти. Даже титул «хан» можно было носить только после подтверждения прав на этот титул, что было чрезвычайно редко (например, Аббасгулу ага Бакиханов, происходивший из рода бакинских ханов, так и не смог получить подтверждения своих прав на ханский титул, хотя верой и правой служил России, был удостоен звания полковника русской армии, награжден орденами и медалями империи). С ликвидацией ханств Северного Азербайджана их знамена превратились лишь в исторический памятник, в качестве трофея подтверждающий могущество Российской империи.

Один из основателей российской вексиллологии П. И. Белавенец указывает, что знамена, поступившие с Кавказа, императору были переданы в Царскосельский дворцовый арсенал[2].

Ил. 3. Кавказский военно-исторический музей. 1888 г.

Естественно, в арсенале они не экспонировались и вообще были скрыты от глаз публики. О знаменах вновь вспомнили в 1888 г., когда в Тифлисе был открыт Кавказский военно-исторический музей (КВИМ), (он же Храм Славы) (ил. 3). Предполагалось привезти в него трофейные Кавказские знамена, а также трофеи Русско-персидских и Русско-турецких войн. Открытие музея было приурочено к посещению Кавказа императором Александром III и его семьей, поэтому второпях была подготовлена экспозиция, состоявшая только из батальных картин[3]. После отъезда императора об идее привезти из Санкт-Петербурга знамена забыли. Как указывает авторы путеводителя, «первые 18 лет своего существования Музей не имел ни правильной организации, ни настоящего хозяина... и потому находился в полном забвении»[4]. В марте 1906 г. КВИМ был подчинен Военно-историческому отделу при Штабе Кавказского военного округа. В том же году Царскосельский дворцовый арсенал был ликвидирован, а его материалы переданы в три музея: Эрмитаж, Артиллерийский исторический музей и КВИМ[5]. В КВИМ были переданы штандарт Джавад хана Гянджинского и восемь знамен Гянджинского ханства, одно Бакинского ханства, шесть Нухинского ханства, два, взятые в боях за Иревань (указаны как персидские), три, взятые



Ил. 4. Торжественное открытие экспозиции Кавказского военно-исторического музея. 1907 г.

в бою под Асландузом (также указаны как персидские) и два, взятые при штурме Ленкорани[6]. Передача именно этих знамен объясняется, на наш взгляд, направленностью КВИМ как музея, призванного отразить могущество русской армии в боях за Кавказ. 11 февраля 1907 г. состоялось торжественное открытие экспозиции КВИМ с участием наместника императора на Кавказе и главнокомандующего войсками Кавказского военного округа графа Воронцова-Дашкова[7] (ил. 4, 5).

В условиях развала Российской империи азербайджанский народ получил шанс освободиться от гнета царизма и восстановить свою государственность. 28 мая 1918 г. Азербайджанский национальный совет принял Декларацию о независимости. За короткий период своего существования (23 месяца) республика добилась очень многого. Преобразования в области государственного строительства, экономики, образования, военного строительства были направлены на укрепление независимости страны. Одним из первых мероприятий было принятие атрибутов государственности. 21 июня 1918 г. был принят Государственный флаг Азербайджанской Республики с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красной материи. 9 ноября 1918 г. он был заменен трехцветным, состоявшим из зеленого, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмигранной

звездой[8]. Упрочение основ государственности требовало пропаганды истории и традиций государственности. При содействии правительства началось создание музея «Истиглал» — первого азербайджанского музея широкого профиля[9]. Усилиями первопроходцев музейного дела в Азербайджане Гусейна Мирза-Джамалова и Мамеда Ага оглы начался сбор исторических реликвий. Был поднят вопрос о передаче Азербайджану предметов — символов государственности, хранящихся в Музее Славы. Однако последовавшие военно-политические события и оккупация Азербайджанской Республики не позволили довершить задуманное. В исследуемый период знамена азербайджанских ханств оказались разделенными на две группы, хранимые в Эрмитаже и КВИМ. Российские военные знамена хранились в Артиллерийском историческом музее (АИМ), знамена иных государств и народов — в Эрмитаже. В 1918 г. знаменная коллекция АИМ была эвакуирована в Ярославль, где в результате пожара из пяти тысяч знамен погибло 2 тысячи[10]. В 20-х гг. XIX в. знамена из Эрмитажа стали передаваться в АИМ, в Эрмитаже временно оставили около 300 наиболее важных русских знамен. В результате количество знамен в коллекции АИМ вновь достигло пяти тысяч[11]. В 1927 г. был составлен «Краткий указатель коллекции Артиллерийского Исторического музея», где отмечено, что в ней помимо прочих имеется свыше тысячи знамен турецких и вообще мусульманских. Как отмечал автор-составитель указателя

Ил. 5. Граф И. И. Воронцов-Дашков (1837–1916)

Ил. 6.Давуд Шарифов, директор Азербайджанского государственного музея. 1921–1928 гг.

П. И. Белавенец, «в числе этих знамен масса уников, даже не известных на родине, так как они не были зарисованы своими соотечественниками»[12].

В июне 1920 г. в Баку был создан Азербайджанский государственный музей, и вопрос о необходимости возвращения в него исторических атрибутов государственности был поднят вновь[13].

Включение Грузии в состав Советской России в феврале 1921 г. изменило ситуацию. В марте 1922 г. и Азербайджан, и Грузия вошли в состав единого государства Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика. В сентябре 1924 г. в Баку начал работу Всеазербайджанский краеведческий съезд. В заключительной резолюции съезда было отмечено, что Народный комиссариат АзССР должен предпринять шаги по возвращению в Азербайджан азербайджанских исторических предметов, хранящихся в музеях союзных республик[14]. В январе 1925 г. Коллегия Наркомата АзССР заслушала доклад директора Азербайджанского государственного музея Давуда Шарифова (ил. 6) о необходимости возвращения в республику исторических материалов из центральных музеев СССР и союзных республик, а затем приняла постановление о командировании специалистов Азербайджанского государственного музея в центральные музеи[15]. Наиболее удачной оказалось командировка Д. Шарифова: в Азгосмузей были переданы материалы из КВИМ, а также некоторые археологические материалы. Среди них оказались и исторические атрибуты государственности, а также упомянутые знамена расформированных конно-мусульманских полков[16].

В статье исследуются: Георгиевское знамя Самогитского гренадерского полка для 3-го действующего и 4-го резервного

Ил. 7. Георгиевское знамя Закатальского иррегулярного конно-мусульманского полка. 1877–1878 гг. Национальный музей истории Азербайджана

батальонов, утвержденное 30 июня 1833 г. (изображение взято из книги Г. В. Вилинбахова «Государственный Герб России. 500 лет»[17]; Георгиевское знамя, врученное Закатальскому иррегулярному конно-мусульманскому полку, сформированному в 1877–1878 гг. из мусульманского населения Закатальского округа, за проявленную отвагу в годы Русско-турецкой войны (хранится в знаменной коллекции Музея истории Азербайджана, инв. № 470 (ил. 7). Также в коллекции имеются четыре знамени сотенных батальонов, входящие в состав вышеотмеченного полка. Одно из них представляет собой одноцветное полотно бордового цвета с бахромой с трех сторон и надписью «ЗАК.ПОЛ.2 СОТНЯ» (ил. 8).

Георгиевское знамя Самогитского гренадерского полка для 3-го действующего и 4-го резервного батальонов, утвержденное 30 июня 1833 г.[18]. Это полотно четырехугольной формы, по центру в медальоне (венке) с короной на желтом фоне изображен двуглавый орел, увенчанный одной короной, на груди размещен герб Москвы — Святой Георгий Победоносец. На полотне зеленого цвета от центрального медальона к углам проходят красно-белые полосы, образуя георгиевский крест. На зеленом фоне с четырех сторон полотна по частям размещена надпись «За отличие въ 1807 году Противъ Французовъ и за Варшаву 25 и 26 августа 1831 года». В углах полотна изображен венок с короной, в котором размещен вензель императора Николая I. Навершие знамени имеет пикообразную форму, с Георгиевским крестом внутри. Подобное навершие имеет знамя иррегулярного конно-мусульманского полка с вензелем императора Николая I (ил. 9).

Ил. 8. Знамя 2-й сотни Закатальского иррегулярного конно-мусульманского полка. 1877–1878 гг. Национальный музей истории Азербайджана

Ил. 9. Навершие знамени иррегулярного конно-мусульманского полка с вензелем императора Николая I. Национальный музей истории Азербайджана

Второе полотно из знаменной коллекции Азербайджана имеет четырехугольную форму, размером 150 на 135 см. Оно двухстороннее, все изображения и надписи одинаковы на обеих сторонах. Древко прикреплено к полотну

Ил. 10. Знамя 1-й сотни Закатальского иррегулярного конно-мусульманского полка. 1877–1878 гг. Национальный музей истории Азербайджана

знаменными гвоздями. Навершие знамени пикообразное, простой формы, сохранность полотна, древка и навершия хорошая (ил. 10). По центру в медальоне (венке) с короной, изображен двуглавый орел, увенчанный двумя малыми коронами и одной большой, соединенными между собой синей лентой. В когтях орел держит символ монархической власти, в правой лапе — скипетр, в левой — державу. На крыльях у орла

Ил. 11. Почетное знамя Закавказского конно-мусульманского полка. 1828–1829 гг. Национальный музей истории Азербайджана

изображены восемь гербов крупных царств и княжеств в составе Российской империи. На правом крыле размещены гербы Царств Астраханского, Польского, Херсонеса Таврического и соединенные гербы Киевского, Владимирского, Новгородского Великих княжеств. На левом крыле изображены гербы Царств Казанского, Сибирского, Грузинского, Великого княжества Финляндского (ил. 11).

На груди орла изображен герб Москвы — Святой Георгий Победоносец. От центра к краям полотна проходят черные и белые полосы, образуя крест. На четырех сторонах полотна, по частям размещена надпись «ЗА ОТЛИЧiЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877 И 1878 ГОДОВЪ». В углах полотна изображен венок с короной, в котором размещен вензель императора Александра II.

---

[1] Артиллерийский Исторический Музей. Знамённый отдел. Краткий указатель коллекций / Сост. П. И. Белавенец. Л.: АИМ, 1927. 51 с.

[2] Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997. 167 с.

[3] Указатель по Кавказскому Военно-Историческому Музею Военно-Исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1907.

[4] Там же.

[5] Артиллерийский Исторический Музей. Знамённый отдел...

[6] Там же.

[7] Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920), Законодательные акты (сборник документов). Баку, 1998.

[8] Артиллерийский Исторический Музей. Знамённый отдел...

[9] АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 366, 393; РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.

[10] Гёзалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности. Баку, 2010; АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 811.

[11] ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Отделение 1. 1839. СПб., 1840. С. 202–203. № 12098.

[12] Гёзалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности; Гизетти А. Л. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 21.

[13] Гёзалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности.

[14] Гёзалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности; Гизетти А. Л. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах... С. 55, 87.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Артиллерийский Исторический Музей. Знамённый отдел...

[18] Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет.

П. Ф. Гёзалов (Баку, Азербайджанская республика)

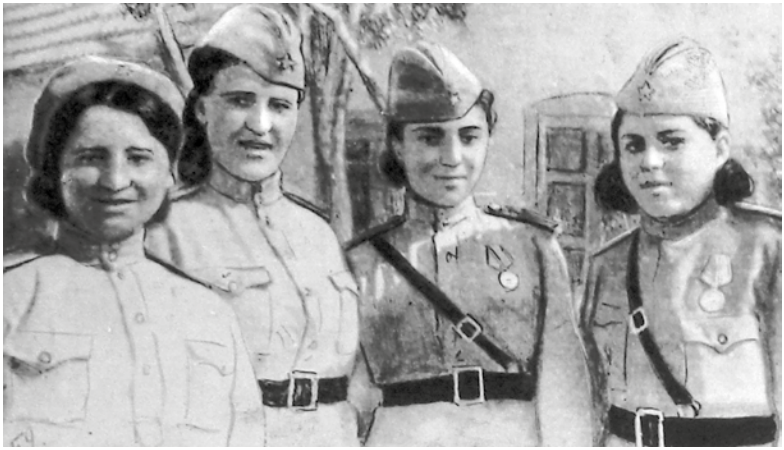
БОЙЦЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Посвящается 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)

В 2025 ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ со дня Великой Победы, и это не просто цифра, — это большой праздник для каждого гражданина бывшего СССР и потомков участников, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны; это священная память о тех, кто отдал свои жизни и здоровье ради всех нас и мира во всем мире.

22 июня 1941 г. Германия без объявления войны вторглась в пределы Советского Союза. В тот же день в столице Азербайджанской ССР Баку состоялся многолюдный митинг трудящихся. После окончания митингов и собраний, прошедших в городах и селах Азербайджана, колонны рабочих, колхозников и интеллигенции направлялись в военные комиссариаты, настаивая на отправке в действующую армию. В РККА было призвано около 700 тысяч жителей Азербайджанской ССР, из которых более 350 тысяч погибло. Свыше 40 тысяч человек, в том числе девушки, в начале войны подали заявление в Военный комиссариат Азербайджанской ССР с просьбой отправить их добровольцами на фронт. В течение первых десяти дней войны в одном Дзержинском районе Баку 1200 женщин-работниц, домохозяек и учащихся подали заявление с просьбой зачислить их в санитарные дружины и отправить на фронт[1] (ил. 1, 2).

К 4 июля в Баку в народное ополчение записалось 75 тысяч человек, в Кировабаде — 10 тыс., в Нахичеванской АССР — 7 тыс. В течение 1941 г. в целом по Азербайджанской ССР в народное ополчение вступили 186,7 тысяч человек[2].



Ил. 1. Медсестры 416-й стрелковой дивизии (слева направо): старший сержант Назаркет Яхьява, санитарка Дарья Шарибарденко, А. Абасова и Р. Ахмедова

Свыше ста тысяч выходцев из Азербайджана за отвагу и мужество, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков, были награждены орденами и медалями СССР, более сотни из них было присвоено звание Героя Советского Союза, 43 удостоенных этого высокого звания были азербайджанцами: Ази Асланов, Исрафил Мамедов, Гафур Мамедов и др. (ил. 3–5).

В годы войны Азербайджан был главным поставщиком на фронт нефти и нефтепродуктов, более 80 % нефти СССР добывалось в Баку.

1 февраля 1942 г. по указанию ГКО во всех регионах тыла Центральное справочное бюро при Совете по эвакуации провело перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Согласно данным переписи, в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано 2745 чел., среди которых 114 русских, 65 украинцев, 2545 евреев, 13 поляков, а также армяне, татары, молдаване и грузины. В Городской и Дзержинский районы Баку, согласно переписи, из эвакуированных к 1 февраля 1942 г. прибыло 387 русских, 386 евреев, 168 украинцев, 73 армянина, 5 грузин, 7 азербайджанцев, 11 поляков, 8 татар, а также представители других народов[3].

В Азербайджанской ССР было сформировано 87 батальонов и 1123 отряда самообороны, а также пять национальных стрелковых дивизий. 416-я Таганрогская, 77-я Симферопольская, 223-я Белградская, 402-я и 396-я дивизии — это части и соединения, личный состав которых в значительной степени был сформирован из уроженцев Азербайджана. Они с боями прошли от предгорьев Кавказа до Прибалтики, Восточной Европы и Берлина. Так, в составе 416-й дивизии насчитывалось 11 050

Ил. 2. Медсестры 416-й стрелковой дивизии:
в верхнем ряду (слева направо): Баюк-Ханым Мирджавадова, Сакина Байрамова;
в нижнем ряду (слева направо): Таира Дадашева, Рахима Баблева, Ася Расулова

азербайджанцев, 291 русский, 225 армян, 110 грузин, 99 украинцев и представителей других национальностей. В 223-й Белградской дивизии удельный вес азербайджанцев в личном составе равнялся 86,1%[4]. 223-я стрелковая дивизия сформирована на основании постановления ГКО СССР № 795сс от 14 октября 1941 г. из сокращаемого контингента тыловых учреждений фронта (на базе 168-го запасного стрелкового полка). Первоначально дислоцировалась в Сумгаите. Формирование частей соединения проходило на территории Азербайджанской ССР в районе Губа – Сарван – Чархы – Кусары – Девечи. Директивой Ставки ВГК № 170005 от

Ил. 3. Ази Ахад оглы Асланов (1910 – 24 января 1945) — советский военачальник, гвардии генерал-майор танковых войск, дважды Герой Советского Союза

Ил. 4. Кафур Насыр оглы Мамедов (5 марта 1922 – 18 октября 1942) — Герой Советского Союза

Ил. 5. Исрафил Магерам оглы Мамедов — Герой Советского Союза

2 января 1942 г. переброшена в район Махачкалы[5]. Директивой НКО СССР № Орг/2/534 от 3 февраля 1942 г. преобразована в азербайджанскую национальную дивизию. В действующую армию поступила 15 мая 1942 г. (с преобразованием Закавказского ВО во фронт). Директивой Ставки ВГК № 170441 от 07 июня 1942 г. включена в состав 44-й армии, развертываемой в районе Махачкалы для прикрытия бакинского направления[6]. Директивой Ставки ВГК № 170536 от 30 июля 1942 г. дивизии приказано занять Дербентские и Самурские позиции, а директивой № 170628 от 29 сентября 1942 г. — участок по южному берегу Терека. В конце ноября 1942 г. 223-я дивизия сменяет части первого эшелона и до 1 декабря 1942 г. обороняет рубежи от Каспийского моря до Гудермеса. В рамках наступательной фазы Битвы за Кавказ она участвовала в Моздок-Ставропольской (до 24 января 1943 г.) и Тихорецко-Ейской (с 24 января до 4 февраля 1943 г.) наступательных операциях. Затем соединение участвует в Краснодарской наступательной операции (с 9 февраля до 16 марта 1943 г.). 1 июня 1943 г. дивизия вместе с другими соединениями 46-й армии передана в состав Юго-Западного фронта. 23 июля 1943 г. она выведена в резерв Ставки ВГК, но уже 7 августа вновь вернулась в действующую армию. Соединение участвует в Донбасской наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.), а затем в Битве за Днепр, Днепропетровской операции (с 23 октября до 23 декабря 1943 г.[7]). После завершения Битвы за Днепр дивизия участвует в освобождении Правобережной Украины (Днепровско-Карпатская операция). Первоначально (до конца февраля 1944 г.) в составе 57-й армии 2-го (с 22 февраля 1944 г. 3-го Украинского) фронта удерживает плацдарм на правом берегу реки Ингулец, а затем участвует в Березнеговато-Снигиревской (5–18 марта 1944 г.) и Одесской 26 марта – 14 апреля 1944 г.) наступательных операциях. По завершении освобождения Правобережной Украины дивизия до августа 1944 г. находится в позиционной обороне, а затем принимает участие в освобождении Молдавии (Кишиневско-Измаильская операция 20–29 августа 1944 г.), Румынии и Болгарии. В сентябре 1944 г. соединение было перегруппировано на болгаро-югославскую границу и приняло участие в освобождении Югославии. В ходе Белградской наступательной операции (28 сентября – 20 октября 1944 г.) части 223-й стрелковой дивизии вместе с другими соединениями 57-й и 46-й армий, Дунайской военной флотилии

и Народно-освободительной армии Югославии 20 октября 1944 г. вступили в Белград. За отличие при освобождении города дивизии присвоено почетное наименование «Белградская»[8]. По окончании Белградской операции дивизия участвует в освобождении Венгрии. В рамках Будапештской наступательной операции соединение было задействовано в Секешфехервар-Эстергомской операции (20 декабря 1944 – 13 февраля 1945 г.), в ходе которой был создан внешний фронт окружения Будапешта. После взятия венгерской столицы дивизия в составе 46-й армии 2-го Украинского фронта приняла участие в наступлении на Вену (13 марта – 15 апреля 1945 г.). В рамках Венской наступательной операции 223-я стрелковая дивизия участвует в Дьерской операции (13 марта – 4 апреля 1945 г.) и непосредственно в штурме австрийской столицы (с 4 по 15 апреля). За отличие при освобождении Вены она награждена орденом Красного Знамени. В конце войны дивизия приняла участие в Братиславско-Брновской операции (25 марта – 5 мая 1945 г.), освободив ряд районов Чехословакии.

Приказом командующего войсками Закавказского военного округа от 22 февраля1942 г. начинается формирование 416-й стрелковой дивизии со штабом в городе Уджары Азербайджанской ССР. В составе дивизии 1054-й и 1374-й стрелковые полки были сформированы в Агдаме, 1373-й полк — в Геокчае, 1368-й полк — в Сумгаите[9]. В день 22-й годовщины установления Советской власти в Азербайджане, 28 апреля 1942 г., в жизни личного состава дивизии произошло радостное событие: солдаты принимали военную присягу. По-особому торжественно звучали слова красноармейской клятвы. Именно в эту знаменательную дату было вручено 416-й дивизии боевое знамя!

Приказом Ставки Верховного Главнокомандующего 7 июня 1942 г. 416-я дивизия была передана в состав 44-й армии и переброшена на Северный Кавказ, в район Леваши – Гуниб – Ботлих[10]. Прибыв на Северный Кавказ, соединение занимает оборону на правом берегу реки Сулак у Чир-Юрта и Акай-Тала Дагестанской АССР. 26 ноября 416-я дивизия сменяет на рубеже Новоледнев – Капустино 69-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию и тут же вступает в соприкосновение с противником. В ноябре 1942 г. отличилась на Ачикулакско-Моздокском направлении. Командиру дивизии полковнику Т. А. Алыярбекову было присвоено звание генерал-майора (ил. 6). 26 ноября, сменив

Ил. 6. Командир 416-й стрелковой дивизии генерал-майор Т. А. Алыярбеков

части 63-й Кавказской кавалерийской дивизии, 416-я стрелковая дивизия, входившая в состав 44-й армии, впервые вступила в бой с гитлеровскими захватчиками на рубеже сел Новоледнев и Капустино. До 30 ноября она вела оборонительные бои с превосходящими силами противника. Командование Северной группы войск Закавказского фронта включило 416-ю стрелковую дивизию в ударную группировку[11]. Перейдя 2 декабря в наступление из района северо-восточнее станицы Иберская, она в тот же день овладела с. Новоледнев силами 1373-го стрелкового полка под командованием С. Масина (ил. 7). 1363-й и 1374-й стрелковые полки (под командованием, соответственно, майоров А. Джабарова и В. А. Мацкевича) совместными усилиями выбили фашистов из с. Капустино[12]. 2 и 3 декабря полки 416-й стрелковой дивизии, преодолевая яростное сопротивление противника, продолжали наступление. В боях в районе Моздока отличились многие воины. Примером для всех бойцов 1374-го стрелкового полка, особо отличившегося в боях за с. Капустино, служили бакинцы: парторг полка Дадашев, комсорг полка Алекперов, заместитель командира батальона капитан Сулейманов[13]. Отмечая героизм воинов 416-й азербайджанской стрелковой дивизии, Ф. Е. Боков подчеркивает: «За лаконичными словами “дивизия с честью решила свою задачу” стоит массовый героизм красноармейцев, командиров и политработников». Успешные боевые действия, мужество и героизм воинов 416-й азербайджанской стрелковой дивизии в первых наступательных боях были отмечены командующим Закавказским фронтом генералом армии И. В. Тюленевым. За храбрость и высокие боевые

Ил. 7. Боевое знамя 1373-го стрелкового полка 416-й стрелковой дивизии

качества, проявленные в боях у станицы Ищерская, 144 солдата и офицера дивизии были награждены боевыми орденами и медалями.

18 августа1943 г. 416-я дивизия в составе 44-й армии Южного фронта переходит в наступление на укрепления противника в районе сел Русское и Берестово. 27 августа она прорвала оборону врага, продвинувшись вглубь территории противника до 20 км, и создала условия для продвижения главных сил. В течение суток, освободив населенные пункты Богачевка, Мокрый Чалтырь, Васильевка, Петропавловка, Степной, Черниговский, соединение вышло к Миусскому заливу, тем самым завершив окружение Таганрогской группировки противника. В 5 часов утра 30 августа 1943 г. 416-я дивизия, состоявшая на 90% из азербайджанцев, при поддержке 6-й гвардейской танковой бригады вошла в Таганрог и улицу за улицей очистила город от немцев. За освобождение Таганрога ей было присвоено почетное наименование «Таганрогская». Из приказа Верховного Главнокомандующего: «В честь

победы под Таганрогом сегодня, 30 августа, в 19 часов 30 минут столица нашей Родины Москва салютует нашим доблестным войскам, освободившим Ростовскую область и город Таганрог, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий»[14]. Солдатам дивизии была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Многие бойцы и командиры 416-й дивизии, отличившиеся при прорыве «Миус-фронта» и штурме Таганрога, были удостоены высоких наград.

После освобождения Таганрога 416-я стрелковая дивизия совершила 35-километровый марш и заняла позиции в районе населенных пунктов Екатериновка и Ново-Григорьевка. Перед соединением была поставлена задача — прорвать оборону частей 3-й горно-егерской дивизии противника, удерживавшей важный кальмиусский рубеж, прикрывавший подступы к Мариуполю. Наступление началось 7 сентября 1943 г. В ходе двухдневных ожесточенных боев дивизия во взаимодействии с другими соединениями прорвала оборону противника по фронту на 8–9 и на глубину 12–14 километров. В боях при прорыве кальмиусского рубежа обороны было уничтожено до 4000 солдат и офицеров противника. Получив пополнение из Азербайджана численностью 1500 бойцов, дивизия выбила немцев из района Константиновки и вышла к реке Молочной. В течение ночи, с 14 на 15 октября, во взаимодействии с 54-м стрелковым корпусом штурмовые части дивизии форсировали реку и захватили плацдарм на ее берегу. С 15 по 20 октября части дивизии участвуют в тяжелых боях по расширению плацдарма. 23 октября 416-я дивизия освободила Мелитополь, в ходе боев совместно с другими соединениями разгромила 111-ю и 336-ю пехотные дивизии вермахта. За боевые заслуги в освобождении Мелитополя она была награждена орденом Красного Знамени, а всему личному составу объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Участвуя в Одесской наступательной операции, 29 марта 1944 г. 416-я дивизия освободила районный центр Березанку, а на следующий день — села Червону Украину и Нечаянное. 5 апреля она совместно с другими частями 5-й ударной армии переходит в наступление с целью освобождения Одессы. 10 апреля город был полностью освобожден от немецкой оккупации. В боях за Одессу 416-й дивизией было взято в плен более 2 тысяч солдат и офицеров противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР за освобождение Одессы дивизия

Ил. 8. Взятие Берлина. 1945 г.

была награждена орденом Суворова II степени, а более 500 бойцов — медалями и орденами.

Утром 21 апреля 1945 г. 416-я дивизия одной из первых ворвалась на окраины Берлина (ил. 8). В тот же день она штурмует город Штраусберг. 30 апреля штурмовые отряды 416-й дивизии прорвались к Шлоссплацу. 1 мая части 1373-го и 1374-го полков штурмуют опорный пункт противника — дворец кайзера Вильгельма. Одним из первых в здание ворвался батальон под командованием капитана Хейрулла Гюльмамедова. Штурмовая группа под командованием старшего лейтенанта Вахаба Османова с боями пробивается на верхние этажи и на крышу здания. В 3 часа дня старший лейтенант Вахаб Османов и младший сержант В. Алексеенко водрузили над дворцом кайзера Вильгельма красный флаг. Ночью с 1 на 2 мая бойцы 416-й дивизии овладели зданием комической оперы и, продолжая наступление в сторону Бранденбургских ворот, с тыла штурмовали Рейхсбанк и после нескольких часов боя полностью овладели им. Бойцы 1373-го полка, наступая в сторону Бранденбургских ворот, занимают бывшее здание советского посольства в Берлине (ил. 9). Начальник политотдела 416-й дивизии полковник Рашид Меджидов водрузил красное знамя над зданием. Совместно

Ил. 9. Немецко-фашистские пленные. Берлин. 2 мая 1945 г.

с другими частями 416-я дивизия занимает Берлинский университет и здание Министерства внутренних дел. Ранним утром 2 мая бойцы 1373-го полка вышли на Маризенплац. Бойцы Мамедов, Ахмедзаде, Бережной и Андреев под руководством лейтенанта А. Меджидова водрузили знамя победы над Бранденбургскими воротами. Вскоре после этого у Бранденбургских ворот был проведен митинг. Член Военного Совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков писал в своих мемуарах: «Первым выступил генерал В. П. Зюванов. Он с большим подъемом говорил о подвигах наших воинов при штурме Берлина и о великом значении победы. “Последний выстрел в историческом сражении за Берлин, — сказал генерал, — прозвучал здесь, у Бранденбургских ворот, и этот выстрел сделали сыны азербайджанского народа. Память о героях штурма столицы фашистской Германии будет жить в веках. Мы с вами — счастливые люди, участники битвы и живые свидетели того, как победоносно завершилась война...”».

[1] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 6. М.: Воениздат, 1952. С. 208.

[2] Мадатов Г. А. Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку: Элм, 1975. С. 25.
[3] Сборник военно-исторических материалов... С. 192.
[4] Там же. С. 177.
[5] Мехтиев Б. М. 223-я Краснознаменная Белградская. Баку: Азернешр, 1983.
[6] Там же. С. 189.
[7] Там же. С. 161.
[8] Там же.
[9] Зейналов Р., Бородецкий Л. 416-я Таганрогская. Баку: Книжное издательство, 1969. С. 5.
[10] Боков Ф. Е. Бессмертный подвиг сынов Азербайджана. Краткий военно-исторический очерк о боевых действиях 416-й стрелковой дивизии. Баку: Азербайджаниздат, 1971, С. 25–26.
[11] Хаджи Мурат Ибрагимбейли. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 1977.
[12] Боков Ф. Е. Бессмертный подвиг сынов Азербайджана. С. 25–26.
[13] Там же. С. 34–35.
[14] Приказ Верховного Главнокомандующего 30 августа 1943 года № 5. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt005.htm

П. Ф. Гёзалов (Баку, Азербайджанская Республика),
В. П. Соломонов (Санкт-Петербург),
Е. Э. Эльц (Санкт-Петербург)

ВКЛАД АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ В КАВКАЗСКОМ И КАСПИЙСКОМ РЕГИОНАХ

В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ азербайджанский народ вместе с другими советскими гражданами боролся за освобождение своей Родины от нацистской Германии и тем самым внес свой высокий вклад в Победу. Каждый пятый житель Азербайджана воевал на этой войне. При населении в 3,4 млн человек (по состоянию на 1941 г.) на фронт ушли около 700 тыс. человек, в том числе более 10 тыс. женщин. Только в первые дни войны более 40 тыс. сыновей и дочерей Азербайджана добровольно подали заявления в военные комиссариаты об отправке на фронт, 186 704 человека записались в ополченцы. Вскоре на территории республики было организовано 87 истребительных батальонов, 1124 отряда самообороны и 15-тысячный отряд ПВО. Для воинских частей было подготовлено 15 тысяч медсестер и санитарных команд, 750 связистов, 3 тысячи водителей[1]. Воины из Азербайджанской ССР участвовали в боях за Брестскую крепость, обороне Ленинграда, обороне Москвы, битвах за Сталинград, Кавказ, на Курской дуге. На Украине азербайджанцы воевали в основном на Крымском полуострове. Они также участвовали в освобождении Прибалтики и Восточной Европы, битве за Берлин. Более 400 тысяч азербайджанцев были награждены боевыми наградами и медалями, 14 воинов стали полными кавалерами ордена Славы, 43 азербайджанца за воинскую доблесть и подвиги были удостоены звания Героя Советского Союза, 16 из них посмертно, свыше 170 тысяч награждены

боевыми орденами и медалями[2]. Первым азербайджанцем, ставшим Героем Советского Союза, был старший сержант Исрафил Мамедов, воевавший на Северо-Западном фронте. Безусловно, стоит отметить, что в роте, которой командовал азербайджанский Герой Советского Союза лейтенант Мелик Магеррамов, под его командованием за Родину сражались 19 Героев Советского Союза. Генерал-майор танковых войск Ази Асланов был дважды удостоен звания Героя Советского Союза.

По приказу Ставки Верховного Главнокомандующего от 18 октября 1941 г. на базе 168-го запасного стрелкового полка 46-й армии начала формироваться 223-я Азербайджанская стрелковая дивизия. Части дивизии были созданы в районах Азербайджана (ил. 1). Там солдаты проходили боевую подготовку. 223-я Азербайджанская стрелковая дивизия сформировала 1037-й, 1039-й (два боевых знамени полка хранятся в знаменитой коллекции Национального музея истории Азербайджана), 1041-й стрелковые полки, 818-й артиллерийский полк, учебный пехотный батальон, 351-й мотострелковый разведывательный, 332-й истребительно-противотанковый дивизион, 669-й минометный дивизион, 587-й саперный батальон, 385-ю роту химической защиты, 752-й батальон связи, 176-ю зенитно-артиллерийскую батарею, 820-й санитарный батальон, 422-ю автомобильную роту[3]. 223-я Краснознаменная стрелковая дивизия прославилась в боях за Моздок, Георгиевск, украинский город Кировоград, молдавские города Бендеры и Кишинев, столицу Австрии Вену, столицу Югославии Белград. За участие в освобождении Белграда дивизия получила название Белградской. Азербайджанская 223-я пехотная дивизия также участвовала в освобождении Румынии и Венгрии. За три месяца весеннего наступления 1944 г. она очистила от противника 950 кв. км советской территории и освободила 90 населенных пунктов. В ходе Ясско-Кишиневской операции азербайджанские бойцы разгромили 257-ю пехотную дивизию вермахта, а в бою в районе югославской Боговины — подразделение вермахта численностью 2,5 тыс. солдат и офицеров[4]. Участвуя в наступлении на территории Австрии, 223-я дивизия освободила 4 города и 44 населенных пункта.

Азербайджанская 402-я стрелковая дивизия была сформирована в августе 1941 г. на Закавказском фронте. 26 августа 1941 г. командующий Закавказским фронтом подписал директиву о формировании 402-й азербайджанской дивизии. Формирование

Ил. 1. Батальон 223-й стрелковой дивизии

дивизии началось в райцентре Нагорного Карабаха — городе Ханкенди. Личный состав дивизии: офицеры — 1295 человек, младшие командиры — 1088, рядовые — 8104 человека. 9400 бойцов и командиров дивизии, т. е. 90 % личного состава составляли азербайджанцы. С октября 1941 по апрель 1942 г. она находилась в составе группы советских войск в Иране[5]. В октябре 1942 г. дивизия была переброшена на Северный Кавказ, где героически заняла оборону на подступах к городу Грозному. Подразделения

402-й стрелковой дивизии в упорных и ожесточенных боях освободили населенные пункты Отрашниково, Старо-Бухирово, Ширкутовское, Хохлатский, Смирновка, Поти-Онин, Сборный, Найденовский. В это же время подразделения 833-го полка майора Акима Аббасова сдерживали контрудар немцев северовосточнее Моздока на рубеже Ишерская — Капустино — Новоледнев — Майорск. Противник ввел в бой от 70 до 100 единиц бронетехники. Бойцы майора Аббасова отбили 13 контратак немцев. Фашисты понесли большие потери в бронетехнике и, утратив ударную мощь, вынуждены были отойти. За стойкость и героизм, проявленные в бою, 75 бойцов и командиров 833-го стрелкового полка были награждены орденами и медалями СССР. Сам майор Аббасов был награжден орденом Боевого Красного Знамени. К концу 1942 г. в 402-й стрелковой дивизии в живых оставалось до 4 тысяч человек — менее половины штатного состава[6]. Поэтому было принято решение использовать 402-ю дивизию для пополнения 416-й. С этого момента 402-я стрелковая стала учебной национальной дивизией, на базе которой готовились и затем отправлялись на фронт бойцы и командиры азербайджанской национальности. Боевое знамя Таганрогской Краснознаменной ордена Суворова 416-й Азербайджанской стрелковой дивизии, а также все полковые знамена хранятся в знаменном собрании Национального музея истории Азербайджана.

Азербайджанская Краснознаменная ордена Суворова 416-я стрелковая дивизия была сформирована на основании приказа командующего войсками Закавказского военного округа от 22 февраля 1942 г.[7] Прошла боевой путь от Кавказа до Берлина. Получила почетное наименование Таганрогская. Воины освобождали Таганрог, Мелитополь, в начале февраля 1944 г. разгромили 9-ю стрелковую дивизию вермахта. Они были в первых рядах войск, освобождавших Одессу, Кишинев и Варшаву. В феврале 1945 г. 416-я дивизия во взаимодействии с 295-й прорвала оборону немецких войск и вошла в город Кюстрин, который считался воротами Берлина. В апреле они приняли участие в штурме немецкой столицы. 1 мая в три часа дня после ожесточённых боев 373-й стрелковый полк дивизии овладел Дворцом кайзера, водрузив на нем Красное знамя[8]. Утром 2 мая 1945 г. группа бойцов дивизии во главе с лейтенантом Меджидовым водрузила Красное знамя над Бранденбургскими воротами (ил. 2). Вскоре у Бранденбургских ворот прошел митинг. Член Военного совета

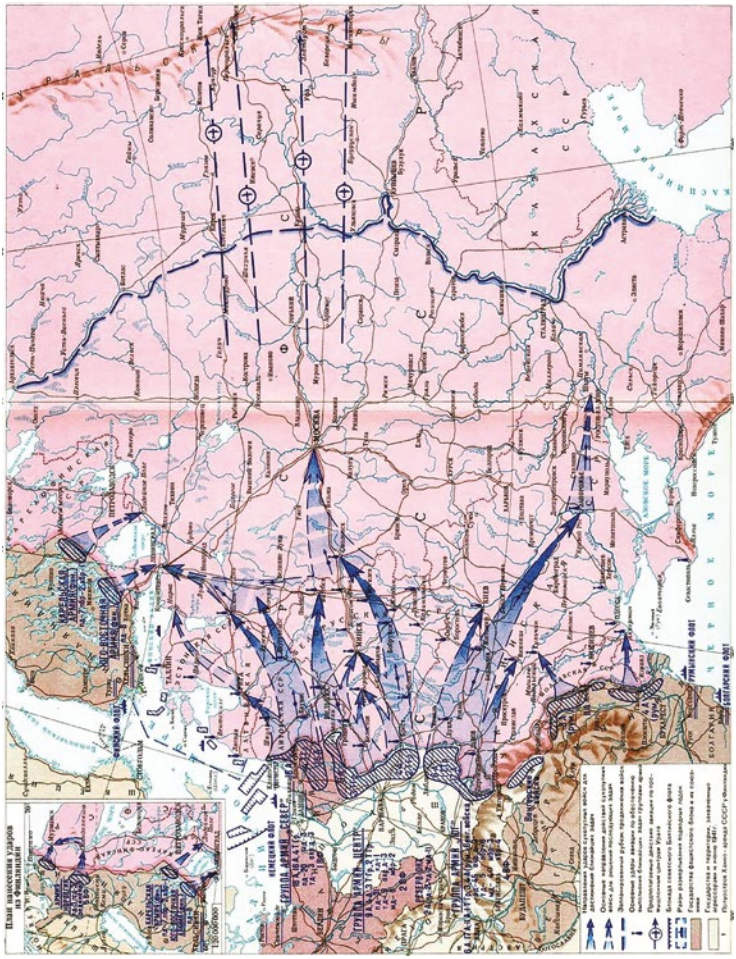
Ил. 2. Красное Знамя над Бранденбургскими воротами. 2 мая 1945 г.

5-й ударной армии генерал-лейтенант Федор Ефимович Боков в своих мемуарах писал: «Первым выступил генерал Владимир Павлович Зюванов. Он с большим воодушевлением говорил о подвигах наших воинов при штурме Берлина и о великом значении победы: «Последний выстрел в исторической битве за Берлин, — сказал генерал, — прозвучал здесь, у Бранденбургских ворот, и этот выстрел сделали сыны азербайджанского народа»[9].

В начале войны наиболее компактно азербайджанские бойцы были сосредоточены в личном составе 77-й горнострелковой дивизии. Первой операцией этого соединения в 1941 г. стало участие советских войск в Иране, предпринятое в связи с обострившейся военно-политической обстановкой на южной границе СССР[10]. 77-я Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия освобождала территорию Крыма и Прибалтики от фашистских оккупантов. За героизм, проявленный при освобождении Симферополя, 77-й дивизии было присвоено почетное наименование Симферопольская. 7 мая 1944 г. она штурмом овладела проходом к Севастополю — Сапун-горой. Боец Абдулазиз Курбанов под огнем противника достиг вершины и водрузил над нею Красное Знамя. Дивизия завершила войну в Курляндии. 8 мая 1945 г. в районе Дзинтари части вермахта сложили оружие и сдались в плен ее боевым отрядам.

Путь 396-й стрелковой дивизии, которая была сформирована в сентябре–октябре 1941 г. на Закавказском фронте в городе Гусар Азербайджанской ССР в рамках выполнения постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 11 августа 1941 г., оказался трагичным. В ноябре 1941 года она вошла в состав 51-й армии. В рамках Керченско-Феодосийской десантной операции высадилась в районе Феодосии и впоследствии действовала в Крыму. С февраля 1942 г. 396-я дивизия использовалась как азербайджанская национальная дивизия. Во время немецкого наступления 11-й армии в Крыму в мае 1942 г. она была уничтожена, многие ее бойцы пали смертью храбрых.

Сталинградская битва — одно из решающих сражений в годы Второй мировой войны. Именно героическая оборона Сталинграда позволила сорвать планы немцев по прорыву к Волге — главной транспортной артерии, по которой бакинская нефть доставлялась в центральные районы Советской России. Столкнувшись с упорным сопротивлением советских войск, понимая, что попытка мгновенно завоевать сердце союзного государства Москву провалилась, Адольф Гитлер обратил свое внимание на юг страны[11]. Целью нацистов был подрыв советской промышленности, для этого немецким войскам было крайне необходимо захватить нефтяные месторождения в Азербайджане и главную транспортную артерию, по которой топливо поставлялось в европейскую часть страны, — реку Волгу (ил. 3). Однако осуществить эти планы помешали защитники Сталинграда, когда 17 июля 1942 г. началось крупнейшее в истории сухопутное сражение[12]. Если бы все пошло так, как задумал Адольф Гитлер, и немцы оказались в Азербайджане, где были сосредоточены практически все нефтяные и топливные отрасли промышленности Советского Союза, трудно даже сказать, каков был бы дальнейший ход войны. В годы Великой Отечественной войны на бакинских нефтяниках лежала особая ответственность. Они добывали более 80 % топлива всего Советского Союза. За первый год войны было перевезено более 23 млн тонн нефти (ил. 4). Из Азербайджанской ССР на военные нужды было отправлено более 75 млн тонн нефти (ил. 5). Бои за Сталинград длились 200 дней. Ценой огромных потерь и силой невероятной доблести братские народы СССР дали достойный отпор немецким войскам и полностью переломили ход Второй мировой войны. Трудно переоценить влияние Сталинградской битвы на дальнейшую



Ил. 3. Карта военных действий Второй мировой войны

Ил. 4. Рабочие нефтяного промысла. Баку. 1943 г.

историю, ведь именно после Сталинграда Красная армия перехватила инициативу, профашистские режимы во многих странах были поколеблены, а государства, сохранявшие в то время нейтралитет, наконец-то приняли решение признать Германию агрессором.

Нас отделяют от тех событий 80 лет, но уроки истории до сих пор хранятся в памяти народов, участвовавших в этих сражениях. И самое главное, что только вместе народы-освободители смогли победить оккупанта. В боях бойцы не спрашивали друг у друга национальности. Именно поэтому дата Победы стала памятной в России и странах бывшего Советского Союза, а также в государствах, бывших союзниками в годы Второй мировой войны. В Азербайджанской Республике ежегодно на государственном уровне отмечается День Победы. В мероприятиях принимают участие Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев и первый вице-президент, президент Фонда Гейдара Алиева и Фонда культуры Азербайджана Мехрибан Алиева. Они встречаются с ветеранами Великой Победы и выражают им свою высокую признательность и благодарность.

Следует отметить, что для азербайджанских историков принципиально важным является тезис об отечественном характере

Ил. 5. Транспортировка бакинской нефти эшелонами на фронт

войны для своего народа, что отражает признание азербайджанской историографией интеграцию азербайджанского народа в советскую общность, восприятие интересов советской нации как своих собственных[13]. С. Маркедонов подчеркивает объединяющее значение празднования Дня Победы, особо почитаемой даты для наших стран, который является ключевым событием формирования национальной идентичности, стержнем внутриполитического и внешнеполитического нарратива[14]. При этом, в настоящее время официальные лица и историки ставят акцент на особый вклад Азербайджана в Победу Советского Союза[15]. В целом можно говорить об устойчивом единстве, которое проявляется в настоящее время в Азербайджане при оценке итогов Второй мировой войны, места и роли в ней республики, чему способствует активная государственная историческая политика, в том числе ежегодные встречи Президента Азербайджанской Республики с ветеранами войны, президентские распоряжения по улучшению их материального положения, публичные выступления официальных лиц по случаю памятных дат[16].

Официальный исторический нарратив Азербайджана подчеркивает неоценимый вклад азербайджанского народа и ресурсов в Победу, ключевую роль нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности в обеспечении советских войск нефтепродуктами[17], роль азербайджанцев в освобождении европейских стран[18].

В традициях азербайджанской историографии[19] публикации Национального музея истории Азербайджана уделяют внимание подвигу партизан и вкладу азербайджанских ученых в Победу, а также роли национальных дивизий Азербайджанской ССР. На материале музейной коллекции исследуются научные достижения Юсуфа Мамедалиева, известного разработкой высокооктанового авиационного топлива в годы Великой Отечественной войны[20]. Предметом изучения стали боевые знамена воинских подразделений, имеющих азербайджанское происхождение и героически сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны[21]. Отмечена ростом интереса тема азербайджанских партизан, воевавших в тылу врага во времена Второй мировой войны[22]. В 2022 г. в Русском доме в Баку состоялась выставка «Азербайджанцы в движении Сопротивления стран Европы», представленная научным сотрудником Института философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана Ильхамом Аббасовым.

Все это создает основы для более тесного сотрудничества между Россией и Азербайджаном в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне. Такому сотрудничеству, безусловно, способствует Содружество Независимых Государств, которое поддерживает проведение научных мероприятий, выставок, коммемораций и юбилейных дат, а также создание мемориалов, посвященных Второй мировой войне.

Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств участников СНГ реализует межгосударственный проект «Великая Победа, добытая единством». В нем принимали участие Георгий Заплетин, автор-составитель книги «Служили Родине и науке...» об азербайджанских ученых, внесших весомый вклад в достижение Победы над врагом, историк и дипломат Эльхан Алескеров, посвятивший книгу «Утраченное время» памяти земляков, сложивших голову в борьбе за освобождение Европы от фашизма.

В Русском доме в Баку, в том числе при поддержке СНГ, проводились выставки и конференции, посвященные Сталинградской битве. В мероприятиях СНГ и Россотрудничества активную роль играют Национальный музей истории Азербайджана и Музей независимости Азербайджана.

Ведущими центрами изучения национальной истории в Азербайджане считаются Институт истории имени А. А. Бахиканова

Национальной академии наук Азербайджана и Бакинский государственный университет. Широкую известность приобрели исследования о вкладе Азербайджана в Победу в Великой Отечественной войне историка Азербайджанского государственного педагогического университета Маиса Амрахова и сотрудника Национального музея истории Азербайджана Шафы Мовсумова. Постоянным участником международных научных конференций Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, посвященных Второй мировой войне, является доктор философии по истории Парвин Гёзалов. В 2024 г. он представил доклад «Вклад бойцов из Азербайджанской ССР в период Белорусской стратегической наступательной операции 1944 г.».

Помимо научных, образовательных организаций и учреждений культуры важнейшая роль в сотрудничестве в области истории принадлежит министерствам иностранных дел России и Азербайджана, посольствам, консульствам, Россотрудничеству и Фонду Гейдара Алиева. В России соучредителем и партнером многих научных и выставочных мероприятий, посвященных Второй мировой войне, является Российское военно-историческое общество. По инициативе РВИО в 2024 г. была проведена Международная научная конференция «1944 год в истории Второй мировой войны». На конференции Майис Исраил Оглу Амрахов, заведующий отделом истории Азербайджанской Республики Института истории имени А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, представил доклад «Участие Азербайджана в очищении советских территорий и Восточной Европы от нацизма».

Историки вносят важный вклад в интерпретацию накопленных фактов, рассказывают о трагических событиях, подчеркивая важность сохранения памяти о них. Участвуя в дискуссиях и диалогах, поддерживаемые музеями, они могли бы способствовать росту институционального сотрудничества и расширению спектра совместно изучаемых тем. Одной из перспективных тем для совместного изучения может стать Трансиранский маршрут ленд-лиза.

Известно, что Трансиранский маршрут, или Персидский коридор, был одним из способов доставки грузов по программе ленд-лиза в СССР в годы Великой Отечественной войны. Первые поставки в СССР по Трансиранскому маршруту начались в ноябре 1941 г. Грузы шли через Иран, где силами союзников

были реконструированы автомобильные и железные дороги, к портам на Каспии (Энзели, Ноушехр, Чамхале), а затем судами Каспийской военной флотилии доставлялись в Баку и Астрахань; дальнейшая перевозка вглубь СССР производилось железнодорожным транспортом. Всего за период с осени 1941 по осень 1945 г. в СССР «было поставлено через Трансиранский маршрут 4160 тыс. т грузов, что составляет целых 23,8% от общего объема поставок по программе ленд-лиза»[23]. Таким образом, значение Трансиранского маршрута для снабжения Советского Союза стратегическими грузами нельзя недооценивать. Среди военных грузов, поставляемых через Иран и Азербайджан, можно перечислить «танки, пушки, тягачи, химикаты, медь, свинец, электрические кабели, рельсы, станки, высокооктановый бензин, необходимый для самолетов»[24]. Однако военной продукцией поставки не ограничивались: «с осени 1941 г. в СССР началась поставка муки, сахара, консервированных продуктов, которые сыграли важнейшую роль в обеспечении Красной Армии и гражданского населения продовольствием»[25]. К сожалению, о Трансиранском маршруте и его историческом наследии в научном, исследовательском, просветительском, медийном пространстве Российской Федерации говорят и пишут гораздо меньше, чем, например, о наиболее известном маршруте ленд-лиза — Северных (Арктических, Полярных) конвоях.

Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (далее — Фонд «МЦСК») — некоммерческая организация, созданная в Санкт-Петербурге в 2018 г., в своей деятельности направляет усилия на сохранение памяти о подвиге участников союзных конвоев 1941–1945 гг. В течение шести лет фонд вывел тему Северных конвоев на новый уровень, создавая просветительские и творческие проекты, организуя конференции и выставки, представляя Санкт-Петербург и Россию на международном уровне. При этом, понимая необходимость изучения истории и усилий по сохранению памяти о Персидском коридоре, Фонд «МЦСК» прилагает усилия по расширению архивов, сбору исторической и исследовательской информации о данном маршруте, а также ищет возможности расширения и укрепления контактов с Азербайджанской Республикой, без которой сохранение памяти о совместных операциях Великой Отечественной войны было бы невозможно. Перспективы таких контактов между нашими странами лежат, по нашему мнению, в обширном

историческом наследии Трансиранского маршрута и его части, пролегавшей на территории Азербайджанской Республики. В 1941–1945 гг. для обустройства портов, аэродромов, железных дорог и в последующих транспортных операциях были задействованы тысячи людей, в первую очередь — представителей Азербайджана. Так, потребовалась реконструкция морского порта Баку: «...соорудили дополнительные причалы, позволявшие производить прямую перегрузку техники и материалов в железнодорожные вагоны»[26]. В 1942 г. в строй была введена железнодорожная линия Кизляр — Астрахань, которая «позволила доставлять ленд-лизовские грузы из Баку в Астрахань и далее в регионы страны. Проведенные работы по усилению технического оснащения... причалов Бакинского порта дали возможность к весне 1942 г. утроить ежемесячный объем перевозок Трансиранским коридором»[27]. В историческом обзоре на сайте www.ens.az М. Зейналова пишет: «Железная дорога Тебриз — Джульфа обслуживалась железнодорожниками Азербайджана. Западные танки и другая бронетехника сгружались в окрестностях Сумгайыта». Автор отдельно подчеркивает «безукоризненную работу транспортной системы Азербайджана», позволившую эффективно, быстро доставлять, разгружать и распределять грузы для фронта[28].

Учитывая объемы строительства и реконструкции, а также объемы поставляемых грузов и задействованных в этих операциях строителей, работников портов, железной дороги, можно говорить о большом потенциале совместной работы России и Азербайджана по сохранению памяти о Трансиранском маршруте и людях, своим героическим трудом и службой приближавших Победу. В Азербайджанской Республике помнят и чтут память людей и событий, связанных с поставками стратегических грузов в 1941–1945 гг.: в память о летчиках, которые учились летать в Азербайджане на полученной по ленд-лизу авиатехнике, при поддержке посольства России в 2020 г. в г. Гяндже была открыта мемориальная доска на здании летной военной школы.

Одним из способов взаимодействия с музейными организациями Азербайджанской Республики по теме союзных конвоев и Трансиранского маршрута может стать совместная организация выставки, включающей предметы, фотографии, документы, освещающие разные аспекты истории маршрута. Основой может служить имеющаяся у Фонда «МЦСК» мобильная выставка «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.», созданная

в 2023 г. и экспонировавшаяся в Санкт-Петербурге в Российском государственном музее Арктики и Антарктики и в Музее «Особняк Румянцева» (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). Информация о выставке была представлена и на международном уровне: 15–17 октября 2024 года в Стамбуле (Турция) состоялась IX Международная конференция организации «Участие молодежи в сохранении культурного наследия», в которой приняли участие представители 18 стран, в том числе Азербайджана, Индии, Ирана, Турции, Омана, Пакистана, России и др. Доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета Е. Э. Эльц представила на конференции доклад «Проблемы и перспективы передвижных выставок исторических музеев», рассказав, в числе прочего, о коллекции и опыте выставочной деятельности Фонда «МЦСК». На сайте международной организации «Участие молодежи в сохранении культурного наследия» опубликована видеозапись, подготовленная Е. Э. Эльц и директором Фонда «МЦСК» В. П. Соломоновым, рассказывающая о выставке «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.».

Сохранение памяти о Трансиранском маршруте ленд-лиза может иметь большой потенциал как для двустороннего сотрудничества России и Азербайджана, так и в перспективе привлечет внимание представителей таких дружественных стран как Индия и Иран, чьи граждане помогали в доставке грузов через Каспийское море и Азербайджан в СССР. Совместные образовательные, просветительские, выставочные проекты, обмен опытом исследований, поисковой, архивной работы будут неоценимым вкладом в сферу международного культурного сотрудничества и в историческую память об общей Победе над нацизмом в 1941–1945 гг.

---

[1] Мадатов Г. А. Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку, 1975. 403 с.
[2] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 6. М., 1952. С. 177.
[3] Мехтиев Б. М. 223-я Краснознаменная Белградская. Баку: Азернешр, 1983. 286 с.
[4] Там же.
[5] Буниятов З. М., Зейналов Р. Э. От Кавказа до Берлина. Баку, 1990. 221 с.
[6] Там же.
[7] Зейналов Р., Бородецкий Л. 416-я Таганрогская. Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1969. С. 254.
[8] Антонов В. С. Путь на Берлин. М., 1975. 378 с.
[9] Там же.

[10] Багиров Н. Т., Джавадов У. А., Зейналов Р. Э., Фельдман Ф. Г., Харченко М. О. 77-я Симферопольская: краткая история. 2-е изд., доп. Баку, 1981. 133 с.
[11] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 6. М., 1952, 208 с.
[12] Ибрагимбейли Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 1977. 319 с.
[13] Безугольный А. Ю. Современная закавказская историография Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. С. 41–45.
[14] Маркедонов С. Политика и история: как меняется память о Великой войне в Азербайджане, Армении и Грузии // Евразия. Эксперт. 7 мая 2020. URL: https://www.eurasia.expert/kak-menyaetsya-pamyat-o-velikoy-voyne-v-azerbaydzhane-armenii-i-gruzii/ (дата обращения: 18.01.2025).
[15] Маркедонов С. День Победы в Закавказье. Нетипичное единство в конфликтном регионе (2015). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/den-pobedy-v-zakavkaze-netipichnoe-edinstvo-v-konfliktnom-re/ (дата обращения: 06.01.2025).
[16] Нифталиев И. В. Переосмысление традиционных концепций и стирание «белых пятен» в истории участия Азербайджана во Второй мировой войне. URL: https://www.academia.edu/42360237/ дата обращения: 12.01.2025).
[17] Президент Азербайджана Ильхам Алиев: «9 Мая — день нашей общей Великой Победы!» // Национальная оборона. 2020. № 5. С. 36–40.
[18] Алиева С. И. Г., Аскер А. Азербайджанцы в годы Второй мировой войны // Современная научная мысль. 2015. № 2. С. 46–62.
[19] Азербайджан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: библиография / Сост. М. Велиева, Л. Ширинова; науч. ред. К. Тахиров; ред. М. Джафарова. Баку, 2020. 560 с.
[20] Алыева Г. Деятельность выдающегося химика, ученого Юсифа Мамедалиева во время Второй Мировой войны. Национальный музей истории Азербайджана — 2017: сб. статей. 2017. С. 72–80 [на азербайдж. языке].
[21] Гёзалов П. Боевое знамя 416-й орденов Красного Знамени и Суворова II степени Азербайджанской Таганрогской стрелковой дивизии // Национальный музей истории Азербайджана — 2014: сб. статей. 2014. С. 209–216.
[22] Сафарова Р. Партизанка Фируза Фаталиева // Национальный музей истории Азербайджана — 2017: сб. статей. 2017. С. 66–73 [на азербайдж. языке].
[23] Бирюков В. А., Кулаков В. О. Трансиранский маршрут в системе ленд-лиза в годы Второй мировой войны //Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. 2020. С. 87.
[24] Там же, С. 85.
[25] Там же, С. 86.
[26] Трусова Т. Н. Обеспечение перевозок грузов ленд-лиза по железным дорогам // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого. 2022. С. 465–472.
[27] Там же. С. 471.
[28] Зейналова М. Промышленность, транспорт, наука и культура Азербайджана в годы Великой отечественной войны. https://www.ens.az/ru/promishlennost-transport-nauka-i-kultura-azerbaydzhana-v-1941-1945-gg (дата обращения: 10.01.2025).

В. В. Горбунов (Барнаул)

ДОСПЕХИ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ*

В КОНЦЕ III В. ДО Н. Э. в истории народов центральноазиатского региона произошли важные изменения, обусловленные созданием державы Хунну (209 г.), центр которой первоначально находился в Ордосе и Южной Монголии. Основатель этой державы шаньюй Модэ вскоре завоевал обширные области на севере (201 г.), включая северные районы Монголии, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь, вместе с территорией Алтая. Эти политические события открыли новую эпоху в жизни кочевых племен Центральной Азии, существенным образом перекроив этническую карту и вызвав гибель старых и создание новых объединений.

Для закрепления завоеваний хунну переселяли лояльные племена на новые земли. Видимо, и на Алтае появились такие пришельцы. Элита предыдущего объединения (пазырыкская культура) была уничтожена или эмигрировала, а остатки местного населения были включены в новое объединение кочевников. В археологии оно получило название булан-кобинская культура. Погребальная обрядность кочевников Алтая по сравнению с хуннской имеет четкое своеобразие, тогда как в материальном комплексе на раннем этапе культуры прослеживается преобладающее влияние хуннской традиции, особенное сильное в области военного дела[1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Жизнь кочевников Алтая сначала протекала под эгидой подчинения державе Хунну. Они, как и другие вассальные племена, должны были поставлять в войско хунну вспомогательные контингенты, которые могли участвовать в разгроме юэчжей (177–165 гг.), в войнах с империей Хань (133–90 гг.), в среднеазиатских походах (46–36 гг.) и в междоусобной борьбе северных хунну с южными (48–93 гг.). На этот период приходится продвижение «булан-кобинцев» в северные предгорья (междуречье рек Катуни и Бии), где при их участии складывается еще одна общность (майминская культура)[2].

На рубеже I/II в. н. э. северные хунну потерпели ряд поражений от сяньби (87–117 гг.), и часть их кочевий признала власть победителей. Земли Алтая оказались в сфере влияния новой державы, которая достигла пика своего могущества в период правления Таньшихая (147–181 гг.). Вспомогательные отряды кочевников с Алтая могли участвовать в его западных походах (151–155 гг.) и в набегах на территорию Китая (156–177 гг.). После смерти Таньшихая начался процесс децентрализации державы Сяньби. Он ненадолго был прерван вождем Кэбиненом, но после убийства последнего (235 г.) держава окончательно распадается на отдельные племена и союзы. Основой стратегии «булан-кобинцев» в это время, видимо, было сохранение собственных земель. В середине III в. н. э. племена северных сяньби объединяет клан Тоба (258 г.), контролировавший земли, куда входил и Алтай. Тоба принимали активное участие в войнах с другими народами за раздел территории Северного Китая и постепенно смещались в его пределы. В целом на протяжении сяньбийского периода число населения на Алтае увеличивается. Очевидно, здесь укрывались остатки разбитых племен из сопредельных земель, о чем свидетельствуют археологические данные[3].

В середине IV в. н. э. на освободившихся от сяньби землях образуется Жужанский каганат (359 г.), и Алтай попадает в сферу его влияния. Сначала жужани терпят поражение от империи Тоба-Вэй (391 г.), но вскоре их предводитель Шелунь проводит важную военную реформу, повышающую боеспособность орды, и они приступают к экспансии. Отряды кочевников Алтая, очевидно, привлекались в составе жужанского войска для набегов на северные границы Тоба-Вэй (403–410 гг.), а также для отражения ответных рейдов тобаских армий (424–430, 439–458 гг.). Наиболее активно их могли использовать на северо-западных

рубежах во время войн жужаней со среднеазиатскими хунну — княжеством Юэбань (400–419 гг.). С этими событиями связано проникновение части «булан-кобинцев» на юг Западной Сибири, завершившееся сложением здесь новой общности (одинцовская культура). В середине V в. н. э. жужани, захватив владение Гаочан в Восточном Туркестане (460 г.), переселили на Алтай 500 семей племени ашина в качестве своих данников-кузнецов, и здесь начинает формироваться племенной союз тюрок, в состав которого интегрируются и местные кочевники[4].

Несмотря на политическую зависимость от крупных держав Центральной Азии, объединение кочевников Алтая сохраняло свои этнокультурные особенности более 650 лет (201 г. до н. э. – 460 г. н. э.). Во многом это объясняется должным уровнем развития военного дела. Многие достижения в этой области заимствовались и усваивались благодаря участию в военных предприятиях хунну, сяньби и жужаней.

Комплекс вооружения кочевников Алтая II в. до н. э. – первой половины V в. н. э. включал: оружие дальнего (луки и стрелы), среднего (копья) и ближнего (мечи, боевые ножи и кинжалы) боя, а также доспех (панцири и шлемы). Изучением этих материалов занимался целый ряд исследователей[5], но они достаточно обширны и требуют создания отдельной обобщающей работы монографического плана. В данной статье мы обратимся к анализу только защитных средств.

В целом находки доспехов редки в археологических памятниках Алтая, но в объектах булан-кобинской культуры, к настоящему времени, обнаружена их весьма представительная серия. Данные материалы рассматривались оружиеведами в более широком хронологическом или территориальном контексте[6]. Определенные трудности создавала неопубликованность защитных средств из памятников сяньбийского периода (II – 1-й половины IV в. н. э.), которые не позволяли проследить линию развития доспеха на всем протяжении существования рассматриваемого объединения[7]. На сегодняшний день, благодаря новым находкам в погребальных комплексах и введению в научный оборот предметов из старых раскопок, данный разрыв преодолен. Это позволяет рассмотреть доспех кочевников Алтая хунно-сяньбийского времени как отдельное явление.

Источниками по оборонительному вооружению выступают главным образом вещественные материалы из погребальных и,

в меньшей степени, поселенческих памятников. Полезную информацию содержат и наскальные рисунки, изображающие воинов в доспехах.

Вещественные находки представлены защитными пластинами, которые обнаружены на восьми могильниках (16 погребений) и одном поселении.

1. Могильник Берель, курган № 3. В погребении человека с тремя лошадьми найдена полоса из четырех пластин[8]. Из другого вооружения присутствовали меч и два боевых ножа.

2. Могильник Верх-Уймон, курган № 35. В погребении зафиксирована одна пластина, вместе с наконечниками стрел[9].

3. Могильник Кокса, курган № 1. Впускное погребение человека с конем содержало шесть обломков, из которых реконструируются три пластины[10]. Кроме этого, с умершим были положены лук, стрелы, меч и боевой нож.

4. Могильник Кок-Паш. Остатки доспехов обнаружены в шести погребениях по обряду одиночной ингумации: курган № 27 — две пластины; курган № 28 — 20 пластин; курган № 29 — 50 пластин; курган № 33 — семь пластин; курган № 39 — 20 пластин; курган № 40 — четыре пластины[11]. Во всех указанных могилах было и оружие в разном сочетании: стрелы, меч, боевые ножи.

5. Могильник Степушка, курган № 20. В детском захоронении обнаружена одна пластина[12]. Другого вооружения нет.

6. Могильник Чендек, курган № 2. Погребение человека с конем сопровождалось фрагментом панциря из трех полос по девять пластин в каждой[13]. Из оружия здесь были лук и стрела.

7. Могильник Чобурак-I, курган № 33. В погребении женщины с конем найдена одна пластина[14]. Другого вооружения не было.

8. Могильник Яломан-II. Доспехи найдены в четырех объектах данного некрополя. В курганах № 57 и № 61, содержащих женские захоронения с конем, находилось по две пластины, без иного вооружения[15]. В кургане № 31 — кенотаф с конем, найдена полоса из 14 пластин[16]. Вместе с ней там присутствовали лук, колчан со стрелами и два боевых ножа. В кургане № 29 — погребение мужчины с двумя конями, зафиксирован целый панцирь (около 400 пластин)[17]. Здесь также имелся лук, колчан со стрелами, меч и два боевых ножа.

9. Поселение Купчегень-1. Из культурного слоя этого памятника опубликована одна панцирная пластина[18].

По типологии инвентаря и в ряде случаев по радиоуглеродному анализу два объекта с пластинами (Яломан- II, кург. 57, 61) относятся к хуннскому периоду (II в. до н. э. – I в. н. э.), еще два объекта — к сяньбийскому периоду (II – первая половина IV в. н. э.), а все остальные — к жужанскому периоду (вторая половина IV – первая половина V в. н. э.).

Приведенные вещественные находки оборонительного вооружения позволяют составить представление об основных видах доспеха для воинов, прежде всего о панцирях и в какой-то степени, видимо, о шлемах. При этом самостоятельное значение имеет анализ защитных пластин.

Всего в памятниках булан-кобинской культуры обнаружено порядка 559 пластин от 17 панцирей. Для классификационного описания и типологического анализа можно использовать 506 пластин. Наиболее значимыми представляются их следующие признаки: материал изготовления (группа), структура набора в составе панциря (разряд), направление длинных сторон (раздел), система расположения отверстий (отдел), форма пластины (тип), количество отверстий (вариант).

Группа I. Железные. Пластины изготовлены из железа.

Разряд I. Ламеллярные. Пластины соединяются между собой при помощи ремешков.

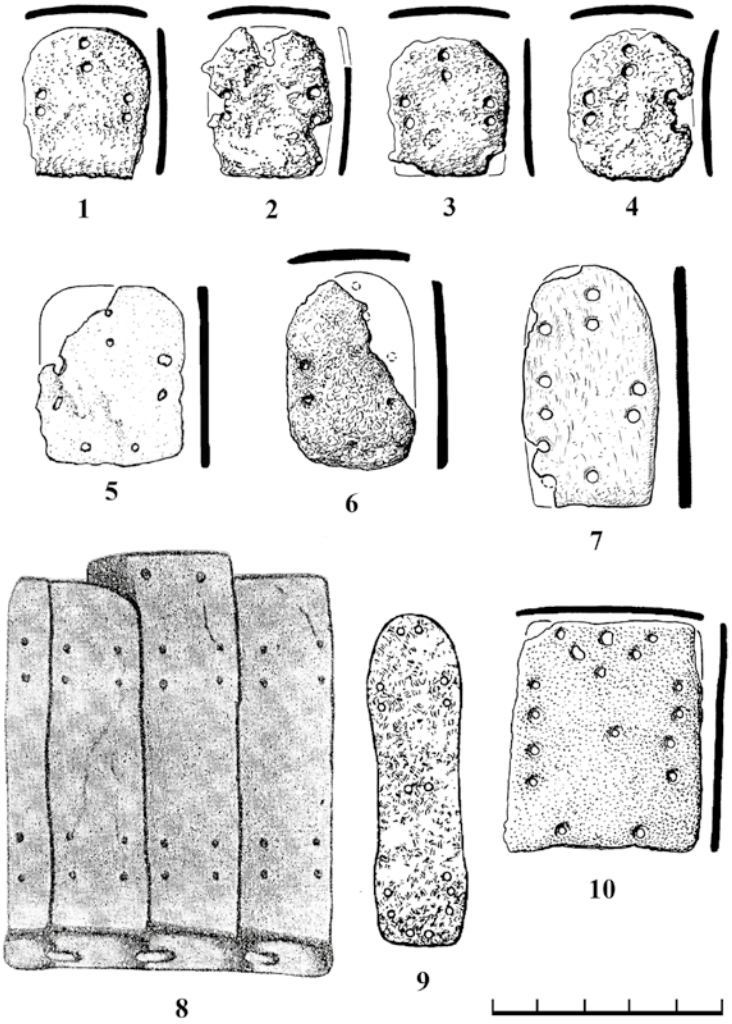
Раздел I. Вертикальные. Пластины длинной стороной направлены по вертикали.

Отдел I. С боковыми и срединными (верхними) отверстиями. Вдоль длинных (боковых) сторон пластин расположены отверстия для их соединения в горизонтальную полосу, а для вертикального крепления между полос предназначены отверстия, расположенные в средней части пластин, ближе к их верхнему краю.

Тип 1. Овальнопрямоугольные. Верхний край пластины закруглен, а нижний прямой. *Вариант а* — с 6 отверстиями: 4 боковых (2 с одной и 2 с другой стороны) и 2 срединных. 4 экз. от 2 панцирей, размеры 3,1–3,3 × 2,7–2,8 см, Яломан-II, кург. 57, 61 (ил. 1, *1–4*).

Отдел II. С боковыми и срединными (верхними и нижними) отверстиями. Отличается от предыдущего отдела наличием срединных отверстий еще и у нижнего края пластин, также служащих для крепления между полос.

Тип 2. Овальнопрямоугольные. *Вариант а* — с 8 отверстиями: 4 боковых (2 и 2) и 4 срединных (2 верхних и 2 нижних). 1 экз.



Ил. 1. Железные пластины от панцирей и шлемов:
1–4 — Яломан-II; *5* — Степушка, *6* — Чобурак-I, *7* — Купчегень-1,
8 — Берель, *9* — Верх-Уймон, *10* — Кок-Паш

от 1 панциря, 4 × 3,1 см, Степушка, кург. 20 (ил. 1, *5*). *Вариант б* — с 7 отверстиями: 4 боковых (2 и 2) и 3 срединных (2 и 1). 1 экз. от 1 панциря, 4,3 × 2,7 см, Чобурак-I, кург. 33 (ил. 1, *6*). *Вариант в* — с 10 отверстиями: 7 боковых (5 и 2) и 3 срединных (2 и 1). 1 экз. от 1 панциря, 5,5 × 3,1 см, Купчегень-1 (ил. 1, *7*).

Отдел III. С боковыми, срединными (верхними и нижними) и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями. Отличие от предыдущего отдела состоит в дополнительных отверстиях вдоль верхнего и нижнего края пластин, предназначенных для крепления канта.

Тип 3. Прямоугольные. Пластина имеет форму прямоугольника. *Вариант а* — с 18 отверстиями: 8 боковых (4 и 4), 4 срединных (2 и 2), 6 окантовочных (3 вверху и 3 внизу). 4 экз. от 1 панциря, 9 × 3,2 см, Берель, кург. 3 (ил. 1, *8*).

Отдел IV. С боковыми и срединными (верхними и центральными) отверстиями. Боковые отверстия смещены ближе к углам пластин и служат как для их соединения в полосу, так и для крепления канта. Срединные отверстия расположены по верхнему краю и в центре пластин и предназначены для соединения между полос.

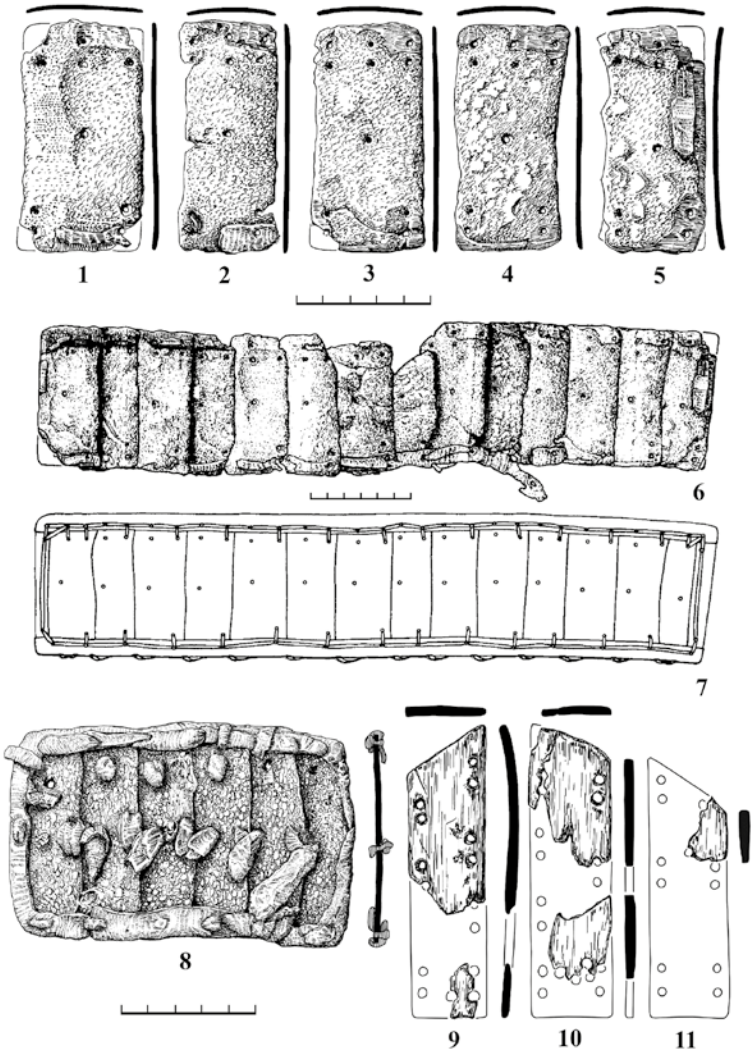
Тип 4. Прямоугольные. *Вариант а* — с 11 отверстиями: 8 боковых (4 и 4) и 3 срединных (2 вверху и 1 в центре). 11 экз. от 1 панциря, 8,6–9 × 3,6–4,6 см, Яломан-II, кург. 31 (ил. 3, *1–3*).

Тип 5. Прямоугольные волнистовырезные. Один бок пластины имеет выемки, напоминающие волну. *Вариант а* — с 11 отверстиями: расположение аналогично типу 4а. 3 экз. от 1 панциря, 8,7–9 × 3,8–4 см, Яломан-II, кург. 31 (ил. 3, *4, 5*).

Отдел V. С боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (нижними) отверстиями. Для крепления канта имеются специальные отверстия только по нижнему краю.

Тип 6. Овальнопрямоугольные вогнутые. Боковые стороны пластины сужены к центральной части. *Вариант а* — с 15 отверстиями: 9 боковых (4 и 5), 4 срединных (2 и 2) и 2 окантовочных. 1 экз. от 1 панциря, 7,2 × 2 см, Верх-Уймон, кург. 35 (ил. 1, *9*).

Отдел VI. С боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями. Пластины данного отдела имеют отверстия по всему периметру и в центре с четко разграниченными функциями: для соединения в полосу — боковые, для крепления между полос — срединные, для окантовки — дополнительные верхние и нижние.



Ил. 3. Пластины и полосы от панцирей:
1–8 — Яломан-II, *9–11* — Кокса;
1–8 — железо, кожа, *9–11* — рог

Тип 7. Прямоугольные. *Вариант а* — с 17 отверстиями: 8 боковых (4 и 4), 3 срединных (2 и 1) и 6 окантовочных (4 вверху и 2 внизу). 50 экз. от 1 панциря, 5–5,5 × 4–4,3 см, Кок-Паш, кург. 29 (ил. 1, *10*). *Вариант б* — с 11–12 отверстиями: боковых 4 (2 и 2), срединных 3 (2 и 1), 4 (2 вверху, 1 в центре, 1 внизу), окантовочных 4 (2 и 2). 400 экз. от 1 панциря, 7,5–10,2 × 2,5–3,4 см, Яломан-II, кург. 29 (ил. 3, *8*; 4, *16, 17*). *Вариант в* — с 11–16 отверстиями: боковых 8 (4 и 4), 4 (2 и 2), 7 (2 и 5), срединных 3 (2 и 1), 4 (2 и 2), 5 (2 и 1 и 2), окантовочных 4 (2 и 2). 27 экз. от 1 панциря, 8,1–9,8 × 5–6,8 см, Чендек, кург. 2 (ил. 2, *1–5*).

Группа II. Роговые. Пластины изготовлены из рога.

Разряд I. Ламеллярные.

Раздел I. Вертикальные.

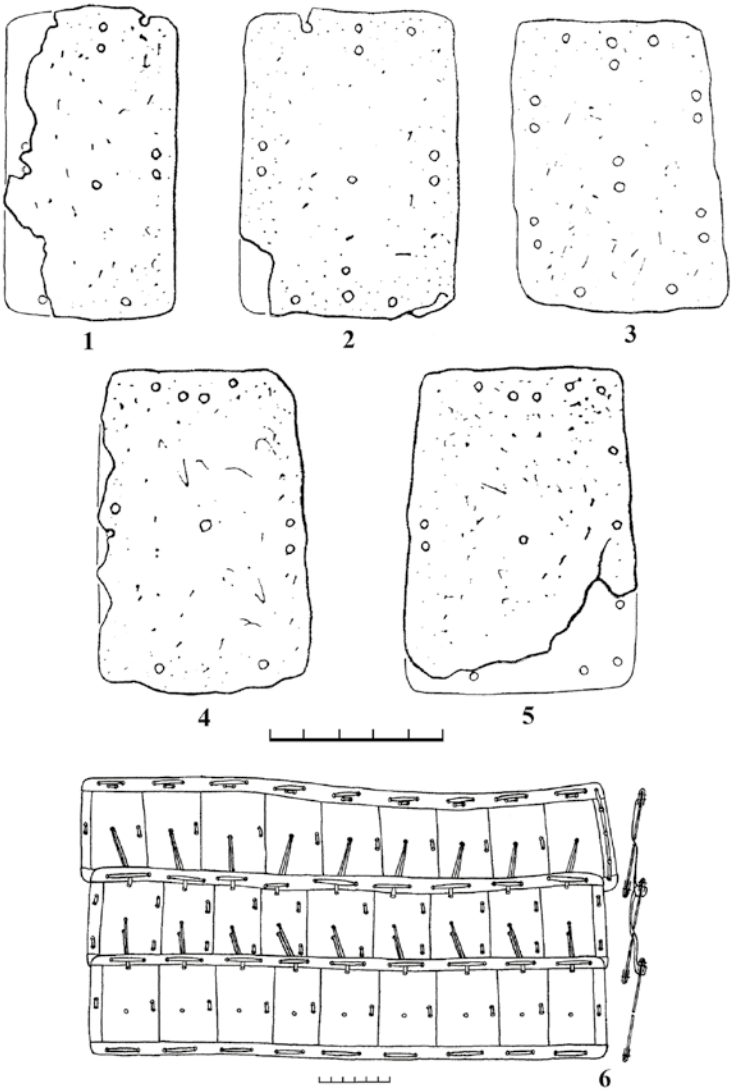
Отдел VII. С боковыми и срединными (верхними или нижними) отверстиями. Данный отдел предполагает соединение только в одну полосу, а срединные отверстия могут являться результатом починки пластин.

Тип 8. Прямоугольные со скошенным краем. Вариант а — с 12–19 отверстиями: боковых 11 (6 и 5), 14 (6 и 8), 15 (6 и 9), окантовочных 1 (вверху или внизу), 4 (внизу). 3 экз. от 1 панциря, 9,7–11 × 2,9–3,1 см, Кокса, кург. 1 (ил. 3, *9–11*).

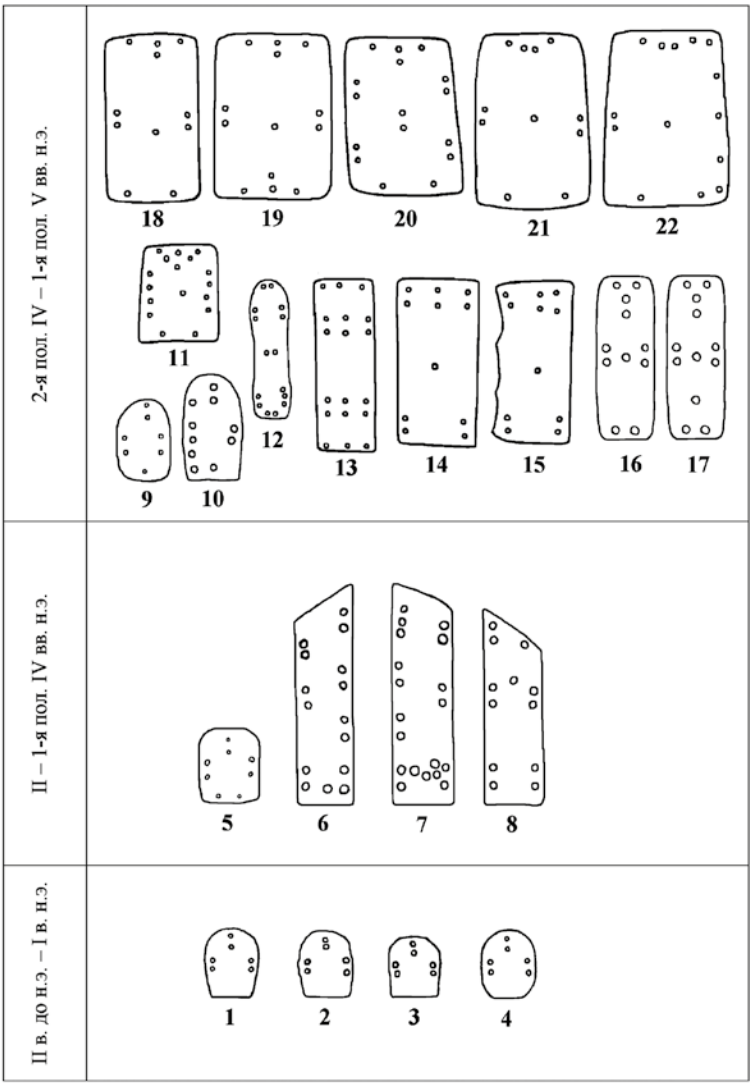
В результате систематизации материала выделено две группы, один разряд, один раздел, семь отделов и восемь типов панцирных пластин, дополненных 12 вариантами.

Рассмотрим развитие защитных пластин в рамках представленной выше периодизации. В хуннский период встречены только пластины типа 1а (ил. 4, *1–4*). Они полностью аналогичны изделиям хуннских оружейников конца III в. до н. э. – I в. н. э. и не встречаются позднее III в. н. э.[19] Судя по малому числу находок, в это время железный пластинчатый доспех не имел широкого распространения и поступал на Алтай в виде импорта из ремесленных центров державы Хунну. То, что такие пластины обнаружены в двух богатых погребениях женщин, говорит об их использовании в погребальной практике как своеобразных подношений-оберегов[20].

В сяньбийский период находки пластин все еще малочисленны. Железный экземпляр типа 2а (ил. 4, *5*) по форме восходит к хуннской традиции, а по системе отверстий к циньско-ханьской. Наиболее активное бытование таких пластин приходится на II в. до н. э. – V в. н. э.[21]. Они могли попасть на Алтай от



Ил. 2. Железный доспех из могильника Чендек:
1–5 — пластины, *6* — реконструкция части панциря



Ил. 4. Эволюция защитных пластин у кочевников Алтая во II в. до н. э. – V в. н. э.

кочевников сяньби, у которых аналогичные изделия встречаются достаточно часто[22]. Роговые пластины типа 8а (ил. 4, *6–8*), скорее всего, использовались для бронирования воротника панциря. Похожие изделия из кости есть в памятниках саргатской культуры III/II в. до н. э. – III в. н. э., а из железа — в сяньбийском комплексе 1-й трети IV в. н. э. Роговые пластины архаичны для данного периода и завершают бытование брони из такого материала на Алтае, связанное с традициями населения лесостепных районов Западной Сибири[23]. В погребальной практике этого периода продолжается использование отдельных пластин как оберегов, что видно по помещению их в детскую могилу. Однако появляется и фрагмент доспеха в мужском погребении, видимо, подчеркивающий профессиональный статус воина, на что указывает и достаточно полный комплект оружия.

В жужанский период наблюдается резкое увеличение числа погребений с доспехами. Это 12 могил, в которых редко есть одна пластина, чаще это полоса из нескольких пластин или несколько полос и даже целый панцирь. Велико и разнообразие пластин. Единично еще встречаются мелкие пластины типа 2 б–в (ил. 4, *9, 10*) хунно-китайско-сяньбийского облика, редки крупные пластины с китайской системой отверстий типа 3 (ил. 4, *13*) и абсолютно преобладают экземпляры с сяньбийской системой отверстий — типы 4–7 (ил. 4, *11, 12, 14–22*)[24]. Вырабатываются в этот период и собственно «булан-кобинские» черты в оформлении брони. Речь идет о снабжении окантовочными отверстиями не только низа, но и верха пластины — отделы III и VI (ил. 4, *11, 13, 16–22*)[25]. Кроме того, на Алтае очень рано зафиксированы пластины с фигурным оформлением боков — типы 5 и 6 (ил. 4, *12, 15*) — ставшие популярными в раннем Средневековье[26]. Погребальная практика еще демонстрирует помещение пластины-оберега в женскую могилу, но в остальных захоронениях панцири идут в комплекте с оружием, выступая профессиональным маркером мужчин-воинов.

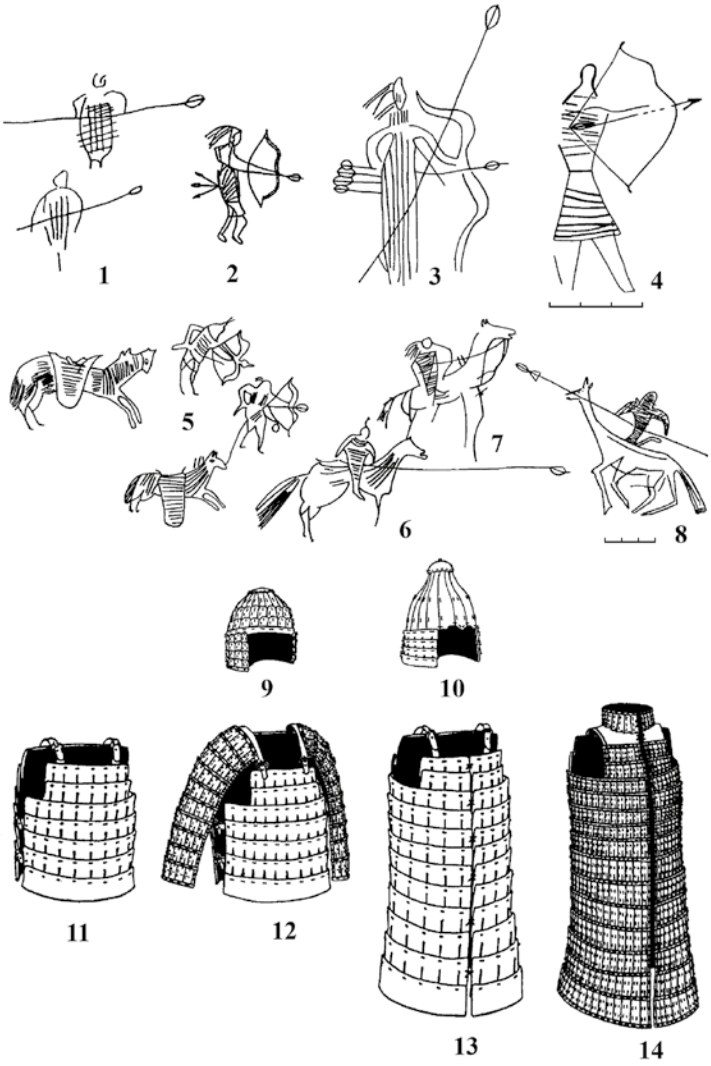
Судить о покрое панцирей кочевников Алтая позволяет находка из кургана № 29 могильника Яломан-II. Это одночастная ламеллярная кираса, с основой из пяти горизонтальных длинных полос, охватывающих торс от подмышек до начала бедер, которые завязывались спереди. Верх спины дополнительно прикрывали две полосы, а верх груди — четыре самые короткие полосы. Также панцирь имел наплечные полосы, соединяющие

нагрудную часть с наспинной, и небольшие нарукавья, закрывающие руки выше локтей[27].

Эту информацию можно дополнить за счет анализа наскальных рисунков пеших, спешенных и конных воинов из Горного Алтая (ил. 5, *1–8*). Изображения панцирей выполнены в технике граффити и показаны контуром, совпадающим с телом человека либо имеющим самостоятельные очертания. Панцири заштрихованы горизонтальными, вертикальными и пересекающимися линиями. Горизонтальную штриховку можно рассматривать как бронирование отдельными длинными полосами — ламинарная структура, а сетка и вертикальные линии передают ламеллярную структуру бронирования. По покрою среди них можно выделить простую ламинарную кирасу (ил. 5, *5, 7, 11*), ламинарную кирасу с ламеллярными нарукавьями (ил. 5, *8, 12*), ламеллярный (ил. 5, *1*) и ламинарный халат (ил. 5, *2, 4, 13*), ламеллярный халат с воротником (ил. 5, *3, 14*).

Простые кирасы из нагрудника и наспинника, без дополнительных деталей, были распространены у хунну и сяньби (конец III в. до н. э. – III в. н. э.). Они имели ламеллярную структуру и набирались из одинаковых пластин, аналогичных типам 1 и 2[28]. Поэтому и на Алтае мы можем предполагать такие панцири. Ламеллярные халаты, в том числе и с воротником, характерны для китайского доспеха, применялись хунну и сяньби. Причем последние использовали воротник и с кирасой. В целом данная деталь просуществовала на панцирях до V в. н. э.[29]. Относительно кирас и халатов ламинарной структуры можно сказать, что они появляются в IV в. н. э. и изобретателями этих доспехов, скорее всего, были сяньби, от которых они и могли попасть на Алтай при посредничестве жужаней[30].

Шлемы в памятниках Алтая рассматриваемого времени пока не найдены. Однако на их наличие могут указывать защитные пластины типов 1а и 2 а–б, по форме и параметрам схожие с деталями ханьских и хуннских шлемов конца III – начала I в. н. э.[31]. Они набирались ламеллярным способом из мелких пластин, имели купол сферической формы с плоским навершием, нащечники и назатыльник или сплошную бармицу. Изображение такого шлема можно подразумевать на одном из наскальных рисунков, где голова воина полностью заштрихована (ил. 5, *8, 9*). Шлемы другой конструкции читаются еще на трех рисунках (ил. 5, *3–5*). Они переданы общим контуром и сливаются с головой человека,



Ил. 5. Наскальные рисунки воинов и реконструкции доспехов:
1, 3, 5–8 — Кара-Оюк, *2* — Боочи, *4* — Бичекту-Бом, *9* — ламеллярный шлем, *10* — узкопластинчатый шлем, *11* — ламинарная кираса, *12* — ламинарная кираса с ламеллярными нарукавьями, *13* — ламинарный халат, *14* — ламеллярный халат с воротником

но имеют четко выделенное навершие. На одном из них есть плюмаж из перьев, на остальных внизу вертикальные и горизонтальные линии, передающие ламеллярную и ламинарную бармицы. Эти изображения очень похожи на шлемы сфероконической формы, тулья которых собиралась из изогнутых пластин-полос и венчалась полушаровидным навершием (ил. 5, *10*). Такой шлем найден в сяньбийском могильнике II в. н. э., а воины в таких наголовьях показаны на статуэтках династии Тоба-Вэй конца IV в. н. э.[32] Данные шлемы имели у сяньби двух- или трехрядную бармицу из пластин, аналогичных типу 2 а–б[33], что может дополнительно указывать на их существование у кочевников Алтая.

Археологические материалы позволяют выделить среди вооружения кочевников Алтая два основных набора. В первом встречаются только луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы, и его можно сопоставить с легковооруженными воинами. Во втором, помимо этого оружия, присутствуют копья, мечи, панцири и шлемы, и его можно соотнести с латниками. Защитными средствами обладал, прежде всего, командный состав, но по мере увеличения их числа ими могли снабжаться и воины-дружинники[34].

В целом развитие оборонительного вооружения у населения Алтая во II в. до н. э. – первой половине V в. н. э. прошло путь от следования чужим образцам до выработки своеобразных черт. В хуннский период воины Алтая использовали простые ламеллярные кирасы и сферические шлемы такой же структуры (ил. 6), скорее всего, импортного происхождения. Эти доспехи были слишком ценными, и в погребения попадали лишь отдельные пластины от них, которые выполняли символическую функцию. В сяньбийский период разнообразие доспеха несколько увеличилось, появились панцири с воротником и пластинчатые сфероконические шлемы с ламеллярной бармицей (ил. 7). По крайней мере, часть деталей доспехов, особенно из рога, могла изготовляться уже на месте. В погребения помимо отдельных пластин стали класть их полосы, выполняющие функцию профессионального маркера. В жужанский период число и разнообразие доспехов значительно возрастает. Появляются ламеллярные кирасы с оплечьями и нарукавьями, халаты с воротниками и новая структура брони — ламинарная, используются пластинчатые шлемы (ил. 8). В погребениях преобладают полосы из пластин (ил. 3, *6, 7*), встречается по несколько полос (ил. 2, *6*) и целые панцири. Видимо, в это время панцирных пластин из железа

Ил. 6. Конный латник Алтая II в. до н. э. – I в. н. э. (реконструкция автора, рисунок О. С. Лихачевой)

Ил. 8. Спешенный латник Алтая второй половины IV – первой половины V в. н. э. (реконструкция автора, рисунок Д. В. Позднякова)

Ил. 7. Конный латник Алтая II – первой половины IV в. н. э. (реконструкция автора, рисунок О. С. Лихачевой)

имелось уже достаточно, и большая их часть производилась местными оружейниками. Косвенно об этом говорят находки на поселениях, а более определенно — самобытные детали оформления пластин — отверстия для верхнего канта и фигурные бока. Последняя деталь будет унаследована тюркским доспехом и широко распространится по Евразии в эпоху Средневековья.

---

[1] Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. № 3. С. 38; Горбунов В. В., Тишкин А. А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 84.

[2] Горбунов В. В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н. э. – V в. н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 163.

[3] Тишкин А. А., Горбунов В. В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. № 3. С. 42.

[4] Тишкин А. А., Горбунов В. В. Алтай в жужанское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. № 4. С. 40.

[5] Худяков Ю. С. 1) Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 28–37; 2) Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 36–38, 45–51; Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. Сер. II. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 37–82; Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 89–90.

[6] Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. С. 90; Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 66–67.

[7] Горбунов В. В. Основные этапы... С. 159, рис. 1–3.

[8] Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 55, рис. 4.-13; Сорокин С. С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. X. С. 234, рис. 23, *14*.

[9] Соенов В. И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 53–54, рис. 1, *3*.

[10] Горбунов В. В., Тишкин А. А. Погребение воина булан-кобинской культуры на могильнике Кокса (материалы раскопок И. С. Руденко на Алтае) // Российская археология. 2023. № 2. С. 200–201, рис. 2, *1–3*, 3, *13–15*.

[11] Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. Рис. 7, 8, 10, 11, 13, 15–17; Горбунов В. В. Военное дело... 2003. С. 15.

[12] Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. С. 14–15, рис. 60, *12*.

[13] Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. С. 10–11, 42–43, рис. 2–4.

[14] Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 53, рис. 7, *1*.

[15] Горбунов В. В., Тишкин А. А. Комплекс вооружения... 2006. С. 83, рис. 1, *7–10*.

[16] Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 166, рис. 1.-*2*.

[17] Тишкин А. А., Горбунов В. В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. н. э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 55–56, рис. 2–4.

[18] Константинов Н. А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 24, рис. 4, *6*.

[19] Горбунов В. В. 1) Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 81; 2) Доспехи кочевников хунну // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Десятой Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 365, ил. 1, *5*, 4, *1, 3*.

[20] Горбунов В. В., Тишкин А. А. Комплекс вооружения... 2006. С. 84.

[21] Горбунов В. В. Этнокультурные признаки... С. 82.

[22] Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. Рис. 2, *7, 12, 17, 18*.

[23] Горбунов В. В., Тишкин А. А. Погребение воина... С. 200–201.

[24] Горбунов В. В. Военное дело... 2003. С. 52–53.

[25] Горбунов В. В. Этнокультурные признаки... С. 82–83.

[26] Там же. С. 85.

[27] Тишкин А. А., Горбунов В. В. Ламеллярный панцирь... С. 57–58.

[28] Горбунов В. В. 1) Сяньбийский доспех... С. 211, рис. 1, *1–3*, 8, *4*; 2) Доспехи кочевников хунну... С. 370–371, рис. 4.

[29] Там же. С. 368–370, рис. 3; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 129, рис. 18, *15*; Горбунов В. В. 1) Сяньбийский доспех... Рис. 8, *5*; 2) Военное дело... 2003. С. 60.

[30] Горбунов В. В. Военное дело... 2003. С. 60–62.

[31] Горбунов В. В. Доспехи кочевников хунну... С. 372, рис. 5, *1*.

[32] Горбунов В. В. Сяньбийский доспех... С. 214, рис. 2, *9, 19–21*, 5, *1, 2*.

[33] Там же. Рис. 2, *11, 12*.

[34] Горбунов В. В. Основные этапы... С. 157–162.

А. Н. Гребенкин (Орел)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ И СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СТРЕМЛЕНИЕ УНИЧТОЖИТЬ лидеров государств-противников ударами с воздуха проявилось уже на начальном этапе Первой мировой войны. Так, когда в ноябре 1914 г. президент Франции Р. Пуанкаре посетил военный госпиталь в г. Сен-Поле, учреждение подверглось бомбардировке немецкой авиацией[1]. Тогда же главная квартира кайзера Вильгельма II была атакована французскими и бельгийскими самолетами. В России вопрос о противовоздушной обороне мест постоянного и временного пребывания императора был поставлен на повестку дня дворцовым комендантом генерал-майором Свиты Е. И. Вел. В. Н. Воейковым через несколько недель после начала боевых действий.

Концептуальные основы воздушной охраны Царского Села и Петрограда от неприятельских управляемых аэростатов и аэропланов были разработаны начальником Военной авиационной школы, находившейся в Гатчине, полковником С. А. Ульяниным. Комплекс предложенных им мер предполагал четыре направления работы: 1) организацию наблюдения за небом, 2) подготовку средств артиллерийской охраны, 3) подготовку средств воздушной охраны и 4) организацию связи средств охраны.

При организации наблюдения за небом планировалось привлекать находившиеся в столице и ее окрестностях астрономические и физические обсерватории. Вместе с тем Ульянин полагал, что ввиду большой скорости полета аэропланов и аэростатов «с момента обнаружения их наблюдательными пунктами

Петрограда и до появления этих воздухоплавательных аппаратов над Царским Селом и Петроградом пройдет так мало времени, что оно может оказаться недостаточным для вызова и приведения в действие средств воздушной и артиллерийской обороны»[2]. Поэтому начальник Военной авиационной школы предлагал создать сеть наблюдательных пунктов в направлении моря и государственной границы России, которая позволяла бы как можно раньше обнаруживать неприятельские воздухоплавательные аппараты, направлявшиеся к Петрограду. Располагать их следовало в соответствии с предположением, что в целях более уверенного ориентирования на местности вражеские аэростаты и аэропланы будут лететь над железнодорожными линиями или шоссе, а в целях сокрытия своего движения, возможно, пойдут над морем. В сеть наблюдательных пунктов Ульянин намеревался включить метеорологические станции 2-го и 3-го разрядов. На содействие полиции и обывателей Петроградской губернии он не намеревался рассчитывать ввиду того, что от них могло исходить значительное число ошибочных сообщений и ложных тревог. Помимо наблюдательных пунктов, следовало создать несколько военных наблюдательных постов. На них должны были нести службу нижние чины и добровольцы, прошедшие краткий курс обучения в авиационной школе. Поскольку цеппелины при избрании в качестве своей цели Петроград, скорее всего, полетели бы ночью, при организации наблюдения следовало использовать прожектора.

Говоря об организации артиллерийской охраны, полковник Ульянин отмечал, что отечественные полевые пушки не имели больших углов возвышения и могли стрелять лишь на высоту не более 600 метров. Ситуацию можно было исправить с помощью подрытия хобота лафета, однако при этом угол обстрела сильно уменьшался. Более оптимальным вариантом было использование установок (поворотных рам) конструкции генерал-майора М. Ф. Розенберга. Они позволяли стрелять при углах возвышения до 45 градусов, причем угол обстрела составлял 360 градусов. За конец рамы, под которым находились обычные обозные колеса, могли тянуть два человека и тем самым быстро вращать установку во все стороны, а более тонкая наводка достигалась путем перемещения рамы за спицы колес. Хобот можно было закрепить на раме для стрельбы как при больших, так и при малых углах возвышения. Гаубицы в меткости стрельбы

уступали полевым пушкам. Кроме того, в распоряжении VI армии их не было. Опыты стрельбы с установкой генерала Розенберга осуществлялись на Главном артиллерийском полигоне и показали очень хорошие результаты.

При организации артиллерийской обороны начальник Военной авиационной школы предлагал строго разграничивать районы действия по вражеским аэростатам и аэропланам артиллерийского и ружейного огня, с одной стороны, и их атаки российскими аэропланами, с другой. В противном случае мы могли стрелять по собственным самолетам. Наша оборонительная позиция располагалась от Петрограда до Гатчины и далее до деревни Большая Войта и представляла собой линию длиной около 50 верст, на расстоянии 20 верст от Петрограда и Царского Села. К северу от Мистолова на протяжении 18 верст. В распоряжении артиллерийской обороны находилось лишь три скорострельных пушки, и следовало увеличить их количество по крайней мере до 20 штук. Три имеющиеся пушки нужно было расположить у Царского Села, создав там вторую артиллерийскую оборонительную позицию. При наличии достаточного числа орудий аэроплан можно было сбивать на расстоянии шести верст. Для гарантии безопасности наших аэропланов они должны были действовать на расстоянии не менее 8–10 верст от орудий.

Полковник Ульянин был уверен в том, что при появлении цеппелина пришлось бы принести в жертву безопасность населения, «так как он, во-первых, неся до 150 пудов бомб и взрывчатых веществ, представляет собой очень важную цель и, во-вторых, он сравнительно трудно уязвим нашими аэропланами»[3]. При противодействии аэропланам интересы безопасности местных жителей следовало принимать в расчет.

В целях обеспечения воздушной охраны начальник Военной авиационной школы предлагал «сформировать при Авиационной школе специальный авиационный отряд воздушной охраны из трех аэропланов по особому сокращенному штату»[4]. Аэропланы должны были быть системы Моран. На вооружении предполагалось иметь ручные гранатки капитана Рдултовского, которые разрывались через шесть секунд после их выбрасывания с аэроплана, пятифунтовые бомбы воздухоплавательного типа с ударной трубкой, зажигательные снаряды, пулеметы, а также специальные приспособления, разработанные в авиационной школе для уничтожения неприятельских аэропланов. Аэроплан «Илья

Муромец», кроме того, должен быть оснащен пушкой Гочкиса со снарядами капитана Орановского, которые взрывались от удара об оболочку аэростата.

Специальные приспособления, разработанные в авиационной школе, представляли собой сложенные парашюты, которые раскрывались после их прицепки в воздухе к вражескому самолету, значительно увеличивая его сопротивление воздуху и делая невозможным дальнейший полет. Можно было прицепить к аэроплану гирю весом до 10 кг, которая гарантированно разрушала одну из его частей и вызывала крушение.

Начальником отряда Ульянин предполагал назначить инструктора Военной авиационной школы поручика С. К. Модраха, весьма опытного пилота. До создания отряда противодействие немецким аэростатам и аэропланам должен был оказывать учебный аэроплан «Илья Муромец Киевский».

Наконец, при организации связи начальник Военной авиационной школы считал возможным использовать «телефоны частные и военные, телеграф правительственный, телеграф железнодорожный и, может быть, беспроволочные станции»[5].

В заключение своей записки полковник Ульянин указывал, что управляемые аэростаты или аэропланы, летящие со стороны Германии, должны будут пройти над сетью наблюдательных пунктов, затем подойдут к линии Петергоф — Гатчина, где будут на отрезке пути в 10 верст обстреливаться скорострельной артиллерией, и, наконец, вторично попадут под перекрестный артиллерийский огонь в районе Царского Села. Российские аэропланы будут противодействовать вражеским воздухоплавательным аппаратам перед линией обороны Петергоф — Гатчина, «затем в пространстве, заключаемом между этой линией, Царским Селом и Петроградом и, наконец, над самым Петроградом, в последнем случае не применяя бомб»[6]. Начальник школы отмечал, что в разработке находились два способа борьбы с цеппелинами: 1) беспроволочные воздушные мины и 2) трехдюймовые легкие орудия системы полковника Гельвига, предназначенные для стрельбы с аэропланов.

Организационное оформление системы противовоздушной обороны императорской резиденции началось в октябре 1914 г. Из личного состава роты Офицерской артиллерийской школы и мобилизованных солдат-артиллеристов были сформированы две двухорудийные батареи для охраны Царского Села,

расположенные в Александровском и Красной слободке. В начале января 1915 г. приступили к формированию третьей двухорудийной батареи. Она находилась рядом с Царским павильоном Собственной ветки и, как указывает современный исследователь Д. А. Клочков, «замкнула круг оборонительной линии, предотвратив, таким образом, стрельбу в направлении дворца и Царского Села»[7].

Как отмечал Д. А. Клочков, «в начале 1915 г. стало понятно, что воздушная артиллерийская оборона Царского Села, временно созданная на базе роты Офицерской артиллерийской школы и существовавшая уже несколько месяцев, требует оформления в виде воинской части со своим штатом»[8]. Началось создание Отдельной батареи для воздушной артиллерийской обороны императорской резиденции. Согласно Положению, батарея предназначалась для охраны императорской резиденции от вражеских аэропланов, а также для обеспечения противовоздушной обороны императора в Царской Ставке и охраны членов семьи Николая II при их нахождении во временных резиденциях и путешествиях.

Батарея не входила в состав VI армии и должна была непосредственно подчиняться дворцовому коменданту. В ее состав входили восьмиорудийная батарея со специальными орудиями для стрельбы по воздушным целям, четырехорудийная автомобильная батарея, электроосветительная команда с пятью прожекторами, пулеметная команда с восемью пулеметами, а также специальная команда, состоявшая из наблюдателей, разведчиков и службы связи.

Приказом Верховного Главнокомандующего № 277 от 15 апреля 1915 г. был утвержден штат Отдельной батареи для воздушной артиллерийской обороны императорской резиденции[9]. Офицерский состав включал командира батареи (штаб-офицера), трех командиров первых полубатарей полевой и автомобильной батарей, заведующего пулеметной командой, заведующего электроосветительной командой, начальника учебной команды, двух командиров вторых полубатарей, заведующего специальной командой (адъютанта), помощников заведующих электроосветительной, пулеметной и специальной командами, двух заместителей командиров полубатарей — взводных командиров четных взводов, казначея (он же являлся квартирмейстером и заведующим мастерскими) и шести младших офицеров.

Классных чинов по штату должно было быть четверо (врач, классный артиллерийский техник, делопроизводитель и классный медицинский фельдшер). Строевых нижних чинов было 662, нестроевых — 47.

Автомобильная батарея и взвод пулеметной команды должны были находиться в постоянной готовности для сопровождения членов императорской семьи во время Высочайших выездов из Царского Села, «остальная же часть батареи выступает по особому распоряжению дворцового коменданта»[10].

На командира батареи возлагалось руководство боевыми действиями войск обороны императорской резиденции в соответствии с особыми инструкциями. Он считался занимавшим должность заведующего воздушной обороной императорской резиденции. Эту должность занял капитан В. Н. Мальцев, сразу же произведенный в подполковники.

Формирование Отдельной батареи для воздушной артиллерийской обороны императорской резиденции в общих чертах завершилось к началу июля 1915 г. Временно, до получения специальных орудий, она была вооружена 12 полевыми скорострельными орудиями образца 1902 года на позиционных установках системы генерала Розенберга.

Параллельно велась работа над вопросом об организации особого авиационного подразделения, которое бы отражало атаки вражеских аэропланов и дирижаблей. В мае 1915 г. было принято решение о создании при Военно-авиационной школе Специального авиационного отряда для обороны императорской резиденции от воздухоплавательных аппаратов в составе четырех основных и четырех запасных аэропланов. К июню 1915 г. формирование отряда завершилось. Отряд возглавил опытный военный летчик штабс-капитан В. А. Павленко.

Новый этап развития компонента противовоздушной обороны системы императорской охраны начался после того, как в августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного Главнокомандующего. В сентябре 1915 г. было объявлено о создании Отдельной батареи для обороны Царской Ставки. Предполагалось, что первоначальным ядром вновь образуемого подразделения станет находившийся в Ставке взвод легкой батареи Офицерской артиллерийской школы, а все прочие нижние чины будут направлены на основании распоряжения Главного управления Генерального штаба.

В сентябре 1915 г., ввиду того, что было необходимо одновременно обеспечивать охрану Царского Села и Могилева, Специальный авиационный отряд переименовали в Авиационный отряд для охраны императорской резиденции и разделили на два отделения, в распоряжении каждого из которых находилось по девять самолетов. Тогда же была сформирована Отдельная батарея для обороны Царской Ставки, состоявшая из трех четырехорудийных полубатарей. Две из них имели орудия на конной тяге, а третья была автомобильной. В соответствии со штатом, который удостоился Высочайшего утверждения 4 октября 1915 г., в состав Отдельной батареи входили 12 офицеров и три военных чиновника. К офицерам относились командир батареи (в чине полковника), пять старших офицеров (два из них были капитанами, а три — штабс-капитанами) и шесть младших офицеров. Старшие офицеры занимали должности: заведующего хозяйством, заведующего осветительной командой — специалиста по электротехнической части, двух командиров полубатарей восьми запряженных орудий и командира полубатареи из четырех орудий, установленных на автомобили. Младшие офицеры назначались по три на каждую полубатарею (один из них должен был находиться при батарее постоянно). К военным чиновникам относились: делопроизводитель по хозяйственной части, классный артиллерийский техник и младший медицинский врач. В батарее полагалось иметь 271 строевого нижнего чина и 15 нестроевых. Командиром нового подразделения стал капитан Л. В. Хростицкий.

24 сентября было утверждено положение о формировании пулеметной команды для воздушной обороны Ставки. В октябре 1915 г. команда была сформирована. По мнению дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем П. К. Кондзеровского, положение малочисленной пулеметной команды, находившейся в Ставке, в смысле починки материальной части, денежного довольствия и питания, было затруднительно. Поэтому он предлагал прикомандировать ее к Отдельной батарее для обороны Ставки, так как последняя была «снабжена всеми необходимыми техническими средствами для содержания имущества в порядке и, представляя собой сравнительно большую организованную часть, легко может иметь при себе пулеметную команду»[11].

Подразделения Отдельной батареи постепенно перемещались в Ставку. В конце декабря 1915 г. в дополнение к одному взводу

Отдельной батареи, уже находившемуся в Ставке, дворцовый комендант В. Н. Воейков разрешил отправить еще один взвод. Эти взводы были сведены в 1-ю полубатарею Отдельной батареи. Вскоре, в январе 1916 г., в Ставку прибыла 2-я полубатарея.

В декабре 1915 г. был составлен проект измененного штата Отдельной батареи для обороны императорской резиденции от воздухоплавательных аппаратов. Ей присваивалось наименование Отдельной батареи воздушной охраны императорской резиденции. Офицерский состав должен был быть усилен двумя младшими офицерами пулеметной команды, «доведя число их в ней до четырех, по одному на каждый отдельный пулеметный пункт, что вызывается особыми условиями службы охраны, требующими обязательного присутствия офицера на каждом из сих пунктов»[12]. Изменилась и структура подразделения. Теперь оно состояло из четырех неподвижных трехорудийных отделов, пулеметной команды и четырехорудийной автомобильной полубатареи, которая должна была сопровождать Высочайших особ во время выездов из Царского Села. Согласно штату, в батарее полагалось иметь командира (полковника), шесть старших офицеров (двух капитанов и четырех штабс-капитанов), начальника осветительной команды, начальника пулеметной команды и 11 младших офицеров. Количество классных чинов сокращалось до трех (младшего медицинского врача, делопроизводителя по хозяйственной части и классного артиллерийского техника). Строевых нижних чинов должно было быть 416, нестроевых — 21. Батарею предполагалось вооружить 12 орудиями для стрельбы по воздухоплавательным аппаратам на неподвижных установках, четырьмя автомобильными орудиями, предназначенными для этой же цели, и восемью пулеметами.

В обсуждении вопроса о штатах подразделений охраны принимал активное участие дворцовый комендант генерал-майор Свиты Е. И. Вел. В. Н. Воейков. Он считал, что следует организовать пулеметную охрану и на станции Могилев, а штат пулеметной команды включить в состав батареи для охраны Царской Ставки. С этим предложением согласился дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем генерал-майор П. К. Кондзеровский.

29 января 1916 г. новый штат Отдельной батареи для воздушной артиллерийской обороны императорской резиденции был утвержден начальником штаба Верховного Главнокомандующего.

Тогда же был принят расширенный штат Отдельной батареи для обороны Царской Ставки. Пулеметная команда воздушной обороны Ставки в целях облегчения решения хозяйственных вопросов была прикомандирована к Отдельной батарее для обороны Царской Ставки.

В начале 1916 г. был разработан проект положения об отдельных батареях для охраны императорской резиденции и Царской Ставки. Эти батареи в мирное время предназначались для несения службы в составе войск, подчиненных дворцовому коменданту и занимавшихся охраной Высочайших особ во время их пребывания в резиденциях и в путешествиях. В военное время батареи должны были охранять императорскую резиденцию и Царскую Ставку. Состав батарей определялся штатами мирного и военного времени. В строевом отношении каждая из батарей делилась на полубатареи, в соответствии со штатом, и пулеметную команду. В военное время батарея для охраны императорской резиденции делилась на одну автомобильную полубатарею, четыре неподвижных полубатареи, вооруженные специальными пушками для стрельбы по аэропланам и дирижаблям, а также на пулеметную команду. Батарея для охраны Царской Ставки должна была включать одну автомобильную полубатарею, вооруженную специальными пушками для стрельбы по неприятельским воздушным судам, три запряженные полубатареи и пулеметную команду. На вооружение батарей и пулеметных команд должны были поступать новейшие образцы орудий и пулеметов, которые принимались на вооружение Военным министерством. Автомобильная полубатарея с пулеметным взводом каждой из батарей предназначалась для сопровождения Высочайших особ во время их выездов из Царского Села, Царской Ставки, «а равно и для воздушной охраны всех пунктов, в которых будет иметь временное пребывание Государь Император»[13].

В марте 1916 г., после прибытия новых чинов, в состав автомобильной полубатареи входили семь офицеров и 120 нижних чинов. Тогда же «в целях приобретения практики стрельбы по неприятельскому воздушному флоту»[14] она была командирована на передовую вместе с пулеметным взводом. В апреле того же года вместо откомандированной автомобильной батареи в Отдельной батарее для обороны Царской Ставки было решено сформировать еще одну запряженную полубатарею, а штат

пулеметной команды изменить таким образом, чтобы имелась возможность «содержать один запряженный пулеметный взвод, который мог бы следовать при запряженной полубатарее, а другой пулеметный взвод, который мог бы сообразно с выяснившейся потребностью, устанавливаемый на автомобиль, следовать с автомобильной полубатареей при Высочайших выездах»[15]. 3-я полубатарея Отдельной батареи была сформирована в мае, одновременно с возвращением автомобильной полубатареи в Ставку. Новый штат удостоился утверждения только в сентябре 1916 г.

В июле 1916 г. автомобильная полубатарея опять была отправлена на театр военных действий и участвовала в противовоздушной обороне штаба войск гвардии, а в августе приступила к охране штаба Особой армии. Артиллеристам пришлось принять участие в боевых действиях. При этом они продемонстрировали отличные навыки стрельбы, позволившие им успешно отразить атаки вражеских аэропланов.

Ввиду того, что формирование Отдельной батареи для обороны Царской Ставки и создание ее материальной базы заняли несколько месяцев, к охране Ставки была временно привлечена полубатарея Отдельной батареи для воздушной охраны императорской резиденции. Весной 1916 г. она поэтапно была возвращена в Царское Село.

В августе 1916 г. на базе Авиационного отряда для охраны императорской резиденции в целях оптимизации управления были созданы два отряда, сведенные в Авиационный дивизион.

Таким образом, в ходе Первой мировой войны была разработана и успешно апробирована комплексная схема противовоздушной обороны императорских резиденций и Ставки Верховного Главнокомандующего. Она включала в себя две отдельные батареи, отвечавшие за борьбу с вражескими аэропланами и дирижаблями артиллерийскими средствами, а также авиационный отряд, который был призван бороться с неприятельскими воздухоплавательными аппаратами в воздухе. Кроме того, была создана мощная инфраструктура средств наблюдения и связи, позволявших обеспечивать своевременное выявление воздушных угроз и координацию всех подразделений императорской охраны. Опыт, накопленный в ходе Первой мировой войны, был использован в советское время.

[1] Лашков А. Ю. Организация противовоздушной обороны государства в условиях возрастания роли воздушного пространства в вооруженной борьбе (конец XIX в. – до 22 июня 1941 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. С. 168.
[2] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 263. Л. 1.
[3] Там же. Л. 6.
[4] Там же. Л. 7.
[5] Там же. Л. 10.
[6] Там же. Л. 11.
[7] На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жиляев, Д. А. Клочков, И. И. Кондратьев, О. Г. Леонов, Т. Д. Панова; сост. Д. А. Клочков]. М.: Русские витязи, 2018. С. 262.
[8] Там же. С. 264.
[9] РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 275. Л. 16.
[10] Там же. Л. 1.
[11] Там же. Д. 282. Л. 22.
[12] Там же. Д. 275. Л. 39 об.
[13] Там же. Л. 92 об.
[14] Там же. Д. 282. Л. 35.
[15] Там же. Л. 60 об.

А. В. Громов (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О КОПИРОВАНИИ РУССКИХ ЕДИНОРОГОВ В АРТИЛЛЕРИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII–XIX вв.)

Одной из самых малоизвестных страниц в истории отечественной артиллерии XVIII–XIX вв. является вопрос о заимствовании, применении и последующей эволюции русских трофейных единорогов (разных калибров и годов выпуска) в войсках Османской империи и некоторых других стран.

Хотя считается, что первое копирование русских единорогов «шуваловского» образца (т. е. орудий первого поколения)[1] произошло впервые еще в годы Семилетней войны в армии Австрии[2] и, вероятно, Пруссии и Саксонии — это не вполне так[3].

Действительно, уже в разгар боевых действий, в 1758 г. по просьбе венского кабинета австрийцам были отправлены сразу 10 единорогов (по два от каждого из пяти имеющихся калибров), а также 13 «секретных» гаубиц раннего образца[4], с соответствующей прислугой, необходимыми чертежами, боекомплектом и проч. При этом часть из упомянутой артиллерии предназначалась для испытаний австрийскими артиллеристами и отправлялась прямиком в Вену, часть — непосредственно в армию генерал-фельдмаршала Дауна, для применения ее в войсках[5]. То и другое было сделано как по личной просьбе императрицы австрийской Марии-Терезии к Елизавете Петровне, так и во исполнение союзнических обязательств России перед австрийцами.

Из-за чрезвычайно слабого и фрагментарного освещения данной секретной миссии в русских и, тем более, в зарубежных источниках эта история получила развитие в сторону апокрифических и откровенно ошибочных рассуждений отдельных авторов о неудачном «заимствовании» единорогов в австрийской армии (как раз в годы Семилетней войны) или в Пруссии — чуть

позднее. Кроме того, отдельные исследователи предполагают, что систему единорогов как таковую также заимствовали французы[6].

Существование какого-то количества единорогов западноевропейской (австрийской или французской) отливки действительно объяснило бы распространение этого типа орудий в османской армии в XVIII–XIX вв. Как вариант, французы были давними союзниками османов на континенте, и у них было отработано взаимодействие, в том числе, по военной части — например, флоту и артиллерии. Австрийский же вариант «единорогов» мог оказаться, в теории, в руках турок в виде трофея очередной кампании на Дунае (в годы Австро-турецкой войны 1787–1791 гг.).

Но уже в ходе архивных поисков 2014–2022 гг. стало понятно, что ситуация с единорогами в австрийской армии или, тем более, с их внедрением в других странах обстояла куда сложнее, а о наличии «единорогов» австрийской, прусской или французской выделки в действительности не приходится говорить. Хотя заведующий австрийской артиллерией генералиссимус князь Лихтенштейн действительно предполагал отлить в виде опыта лишь одну «секретную гаубицу», но он отнюдь не выказал намерения, при разговоре с офицерами из русской секретной миссии, отлить какие-либо «единороги» по образцу предоставленных ему русскими. И это даже притом, что на произведенных тестовых стрельбах в г. Обергасинге 27 июля (7 августа) 1759 г. обе указанные системы произвели на австрийцев хорошее впечатление[7].

Как подтверждение сомнительности отливки неких «австрийских» единорогов в этот период может восприниматься и то, что по каталогам королевско-императорского Цейхгауза в Вене или собрания местного арсенала в г. Граце (Штирия, Австрия) таких орудий не выявлено до сих пор[8].

Что до французов как союзников России в Семилетней войне, то они вообще *отказались* официально от аналогичной присылки им русских «секретных» орудий системы П. И. Шувалова, а король *личной инструкцией запретил (!)* своим дипломатам в С.-Петербурге даже само обсуждение такого рода подарка или присылки в войска маршала Контада русской военной миссии[9]. При этом те же французы одновременно весьма внимательно изучали российский опыт. Так, некоторые исследователи считают, что на упомянутых уже стрельбах близ Обергасинга присутствовал, в том числе, Ж.-Б. Грибоваль, оказавшийся на период войны офицером (полковником артиллерии) на австрийской службе[10].

Таким образом, единственным более-менее достоверным итогом этих стрельб в Обергасинге сделалось то, что число гаубиц в австрийской, а вслед за ней и других европейских армиях стало расти, а их длина в калибрах радикальным образом увеличилась. Нет никаких прямых доказательств в пользу того, что единороги первого поколения — т. е. «шуваловской» разработки были вообще «скопированы» в Европе.

В Саксонии, примерно в то же самое время, полковник Гойер (Hoyer) также создал 4-фун. «гранатное орудие» (Grenadstück) с конической зарядной каморой длиной в 9 калибров и весом около 40½ пудов. Подобно русскому 8-фун. единорогу, из орудия сист. Гойера можно было вести огонь и гранатой, и картечью[11]. Однако, судя по всему, широкого распространения даже в саксонской артиллерии это орудие не получило — из-за проблем с заряжанием[12].

Аналогичным образом и французы, не прибегая к прямому и непосредственному копированию единорогов для своей армии, также периодически обращались к русскому опыту «екатерининских» и «аракчеевских» единорогов при реформировании своей артиллерии в XIX в., в том числе — при Наполеоне. Последний в своем письме генералу Кларку, герцогу де Фельтре, от 23 ноября 1811 г. высказывается в том духе, что при реформировании артиллерии на вооружении новых подразделений он желал бы иметь нечто вроде единорогов (или прусских удлиненных гаубиц нового образца) взамен французских коротких гаубиц предыдущего поколения[13]. Хотя он и выбирает в итоге вариант с каморой в форме цилиндра *('...leur chambre est cilindrique...')*, но очевидно, что система единорогов как таковая была рассмотрена им досконально и основательно[14].

Упоминания о пробных стрельбах из трофейных русских единорогов, производившихся в г. Меце в 1811 г., содержатся и в сочинении А.-Ж. Пексана «Nouvelle force maritime ...», датированном 1822 г.[15] По-видимому, именно эти опыты, в сочетании с не вполне грамматически точным истолкованием сути письма императора к генералу Кларку[16], стали основой для заблуждения о такого рода «копировании».

Позже британский генерал Бургойн в письме к лорду Фицрою (будущему лорду Раглану) в письме от 3 февраля 1826 г., описывая орудия французской системы Пексана, в комплиментарном тоне упоминает единороги, в связи с работой Пексана,

в следующем контексте: «Я менее всего склонен упускать шанс, что это дойдет до вас до отъезда вашей светлости, потому что в Петербурге у вас, возможно, будет возможность увидеть орудие, о влиянии которого месье Пексан часто упоминает как основу для некоторых своих рассуждений; он называет его “Русский единорог”, и насколько я понимаю, это удлиненная и тяжелая гаубица, которую он описывает как превосходящую что-либо подобного рода, на чьей-либо другой службе»[17].

Но, очевидно, ни Наполеон, ни впоследствии А.-Ж. Пексан не копировали единорог напрямую. Хотя и западные, и некоторые отечественные историки признают так называемую «3-пуд. бомбовую пушку» сист. Пексана «не 3-пудовою бомбовой пушкой, а 3-пудовым единорогом»[18], что хорошо согласуется с приведенным выше свидетельством генерала Бургойна, в действительности это *глубокая переработка* русской системы, но, очевидно, не ее копия. Вполне достаточно будет вспомнить, что у орудий Пексана форма каморы — в виде цилиндра с коническим переходом в канал ствола и что бомбические снаряды Пексана могли использоваться только с наличием специального деревянного «башмака» (sabot), обточенного на конус.

В любом из случаев реальное *копирование* единорогов за рубежом началось отнюдь не в христианской части Европы и, очевидно, *довольно поздно*.

Как следует из приведенных выше примеров:

1) факты прямого *копирования* русских единорогов в западноевропейских странах (хотя бы и единичные) до сих пор никем не доказаны;

2) к опыту изучения русских (уже не «шуваловских»!) единорогов в странах Европы вновь обратились только во время наполеоновских войн *и никак не ранее*. Так, например, все существующие модели единорогов османской выделки датируются правлением Екатерины II. В крайнем случае — Александра I (см. Табл. 1). Кроме того, как выяснилось в итоге, этот исконно «русский» тип артиллерии прижился лишь в войсках Османской империи[19] и в меньшей степени — в Персии (при Каджарах)[20]. Хотя известны также, минимум, один египетский[21] и один сербский[22] единороги, сохранившиеся до наших дней.

Поэтому одной из первоочередных задач публикуемого исследования сделалась именно *атрибуция* и по возможности *описание* обнаруженных в русских и иностранных музеях

единорогов — либо *османского производства* (отлитых на арсенале в Стамбуле в XVIII–XIX вв.), либо трофейных их прототипов русского образца — *с обозначениями турецких калибров и с датировкой по году хиджры*. При этом единороги, отлитые в Тебризе[23] или в Белграде в 1812 г.[24], в статье рассматриваться не будут, ввиду того, что условия из создания и развития радикальным образом отличались от полноценного и *серийного* производства в Стамбуле (на Топхане), а их количество, видимо, оставалось почти все время малосерийным, если не вовсе *штучным*. Также формат статьи не позволяет в данном случае говорить о сербских или персидских типах единорогов слишком подробно, а образцов для сравнительного анализа на сегодняшний день еще не вполне достаточно. По-видимому, это серьезный вопрос на будущее, но с появлением дополнительных материалов и выявлением образцов в зарубежных музеях сама картина распространения «копий» русских единорогов за рубежом станет более полной.

Вопрос методики исследования был также в данном случае весьма актуальным. Без понимания того, какой материальной частью иностранных единорогов (или хотя бы их аутентичными изображениями) располагает современный исследователь, делать какие-то выводы относительно данной темы было бы очень сложно. Кроме того, понимание типологии иностранных (в данном случае — османских) единорогов позволило бы сравнить их с российскими образцами — если не прямо здесь и сейчас, то, по крайней мере, в ближайшей исторической перспективе.

Поэтому среди прочего были исследованы как подлинные сохранившиеся *орудия* (в музеях Стамбула, Москвы и С.-Петербурга), так и собрания *чертежей* соответствующей эпохи в отечественных архивах (РГА ВМФ, архив ВИМАИВиВС и др.).

Также существенную информацию по устройству некоторых трофейных единорогов османской выделки (в том числе и *не сохранившихся до наших дней)* могли дать письменные отчеты русских военных об изучении многочисленных образцов орудий, захваченных на Дунае и на Кавказе во время русско-турецких войн. В отдельных случаях эти отчеты содержали данные о калибрах, длине канала (или ствола целиком), свидетельства о положении цапф и дельфинов, запальной раковине и запале, etc. Кроме того, обсуждалась также возможная перспектива использования трофейных орудий в вооружении крепостных гарнизонов (после рассверливания ствола до русской меры калибра), и иногда

Ил. 1. Турецкий единорог 1197 г. х. (1782/1783 г.). Военный музей в Стамбуле (инв. № 46)

проводились сопоставления со стандартными русскими образцами — как «аракчеевской» разработки[25], так и сист. 1838 года.

Наконец, некоторые сохранившиеся до нас орудия предстояло еще только выявить по собраниям и каталогам западноевропейских артиллерийских коллекций, среди которых, помимо Турции, были собрания Австрии, Франции, Великобритании и США.

В итоге после почти десяти лет исследований и поисков (первые скромные результаты были получены еще в 2014 г.) было выяснено, что самый старый единорог османской отливки находится в наши дни в коллекции Военного музея в Стамбуле (инв. № 46). Он был отлит еще в 1197 г. хиджры (1782/1783 г.), в правление султана Абдул-Хамида I (1774–1789 гг.). На дульной и на казенной частях данного образца можно видеть литые листья аканта, что нетипично для артиллерии Османской империи в XVIII в., а, очевидно, напоминает о *европейской* стилистике оформления артиллерийских орудий. В пользу последнего говорит и наличие на центральной части ствола двух дельфинов (один из них поврежден и почти уничтожен), оформленных *в европейском стиле,* но очень тонких и, очевидно, несоразмерных стволу (ил. 1). По описанию турецкого каталога, винград орудия оформлен «в виде булавы» («topuz formunda»)[26], а раковина запала выполнена в виде круглого небольшого прилива, на задней кромке торельного пояса; запал орудия просверлен под углом 45° в дно каморы.

Здесь, очевидно, следует обратиться к событиям Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. А. В. Суворов в своем рапорте князю Г. А. Потемкину от 3 (14) октября 1787 г. о победе под Кинбурном пишет буквально следующее: «На сухом пути имели они не больше одной пушки, наш 8-фунтовый единорог с их лафетом,

которой у нас. Мы же за время действия бросили одну свою 3-х фунтовую пушку в воду за совершенным сокрушением лафета»[27]. Что означает уже не просто сам факт наличия в войсках турок русских трофеев (по-видимому, от предыдущей войны), но и наличие изготовленных к ним лафетов — уже *турецкого* образца! Установить, где именно османы могли взять в этот период русский единорог, оказалось, однако, крайне непросто: сам факт утери русскими орудий в бою с турками в екатерининскую эпоху — это весьма небанальный факт, и он требовал в любом случае объяснения. В результате, неожиданно такое объяснение было найдено в описании действий русской морской пехоты на островах в Средиземном море в 1773 г.: 6 (17) августа 1773 г. отряд контр-адмирала Елманова атаковал крепость о. Станчио (сейчас Кос). После бомбардировки крепости и берега с бомбардирских судов и фрегатов Елманов высадил десант в 1200 человек (албанские батальоны). Но при высадке произошла недооценка противника (Елманов предполагал, что турецкий гарнизон составляет две тысячи человек, но турок оказалось около пяти тысяч). Командующий высадил дополнительно десант регулярных войск в составе двух рот, основным вооружением этих рот были семь 3-фун. единорогов (sic!). Турки отступили, и сражение прекратилось. Затем наступила ночь, но десантированные не расположились на отдых, а провели всю ночь под ружьем, отдыхая по очереди. Утром утомленный десант оказался не способен сопротивляться численно превосходящим туркам и отступил. При этом единороги все были брошены (за невозможностью увезти их на корабли), однако турки не преследовали отступивших, и потери оказались относительно невелики — в двухдневном сражении погибло 86 человек и было ранено 44. Потери турок (по русским данным) были около 500 человек. Елманов отступил от острова и соединился со Спиридовым. Объединенная эскадра в октябре направилась на север Эгейского моря, к острову Тассо, где запаслась строевым лесом. В ноябре основная эскадра Спиридова вернулась в Аузу на зимовку[28].

Других разумных и при этом непротиворечивых вариантов о попадании первых русских единорогов в руки османов в источниках обнаружить не удалось. Однако «странные», непривычные с виду трофеи турок, с конической формой казенной части и соответствующей зарядной каморой, должны были, без сомнения, вызвать у них большой интерес.

Здесь также надо иметь в виду, что уже в это время турки задумались о реформировании своей армии и особенно — артиллерии на европейский манер. Идея о войсках «нового образца» («низам-и джедид») в противовес прежним, «старым» войскам («низам-и кадим») сопровождалась большим вниманием самого султана и большинства турецких военных к артиллерии европейского образца, подготовленной и обученной по европейским современным уставам.

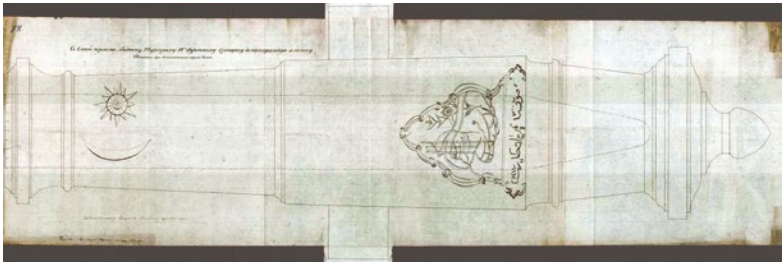
Естественно, что не в последнюю очередь эта реформа коснулась и артиллерии. Так, с 1769 по 1776 г. в Стамбуле находился небезызвестный французский подданный (венгерского происхождения), барон Франсуа де Тотт. Пушки, отлитые им в Стамбуле, на Топхане в 1772–1773 гг., в обновленном им арсенале, уже имели вполне европейский облик и европейскую же *стилистику украшений,* хотя до этого артиллерия турок всегда отличалась большой простотой и минимализмом. Все эти пушки, первой отливки, числом не менее 29, сделались жертвой сражения при Козлуджи 9 (20) июня 1774 г. и были взяты А. В. Суворовым[29].

При этом листья аканта, вылитые на торели и дульной части единорога (инв. № 46) из музея в Стамбуле, напоминают как раз стилистику украшений, заданную орудиями де Тотта, но более не повторявшуюся нигде на османских орудиях той эпохи.

Реакционные настроения части османских элит не позволили султану Абдул-Хамиду I завершить реформу, а сам Ф. де Тотт даже вынужден был покинуть службу в Стамбуле[30]. Так что возобновить военную реформу пришлось уже при султане Селиме III (1789–1807).

К этому времени относятся сразу два сохранившихся образца османских единорогов, отлитых 1213 и 1217 гг. хиджры, и аутентичный чертеж *в натуральную величину (!)* из собрания РГАВМФ[31].

Все упомянутые орудия имеют один и тот же калибр («çap 7»), что соответствует весу боеприпаса в 7 турецких *окка,* однако длина их значительно отличается друг от друга. Самое старое из орудий, хранившееся в прежнем Rotunda Museum и после оказавшееся в собрании вновь сформированного Firearms Museum в Вулвиче (Woolwich), было отлито в 1798/1799 г., и оно заметно длиннее двух остальных — из музея в Вене и с чертежа из РГАВМФ. Последние два были отлиты, судя по клеймам, в 1802/1803 г. и также несколько отличаются друг от друга



Ил. 2. Чертеж турецкого единорога эпохи Селима III. РГА ВМФ. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 26

размерами. Хотя отличие в калибре на чертеже (ил. 2) и на двух реальных орудиях составляет почти 0,5 см, объяснить это только одним износом ствола или неточностью в измерениях при составлении чертежа вряд ли можно. Хотя неточности и, по меньшей мере, *незавершенность* в рисунке есть: на чертеже *отсутствует прорисовка канала с запальной раковиной*. Судить о них мы можем в данном случае только по сохранившимся образцам из музеев в Вене и в Вулвиче. В обоих случаях запал находится в небольшой полукруглой раковине, расположенной в вертикальном литом приливе, идущем почти от верхнего края торельного пояса вниз к винграду (ил. 3, 4) и высверлено под углом в 45° в дно каморы. Дельфины на всех трех орудиях отсутствуют. Последнее, по-видимому, объясняется максимальным стремлением турок к упрощению производственных технологий — они почти не появляются на полевых орудиях турок вплоть до эпохи наполеоновских войн (изначально — именно как подражание *французской* полевой артиллерии)[32], а на тяжелой артиллерии (осадной и крепостной), по-видимому, не появляются вовсе. Сравнения артиллерийских коллекций стамбульского Военного музея, музея стамбульской крепости Румелихисар, а также ряда других отечественных и зарубежных коллекций в данный момент подтверждают это предположение в полной мере.

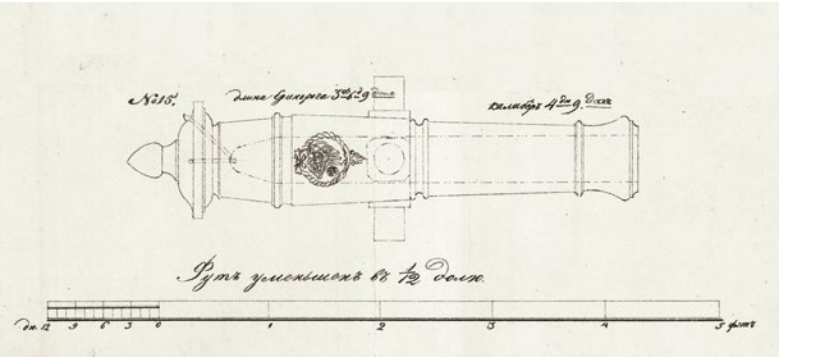
Важные изменения на османских единорогах можно отметить уже в правление султана Махмуда II (1808–1839). Ранний вариант, не имеющий на стволе датировки, но сопоставленный по начертанию его тугры с образцами орудий в ограде Спасо-Преображенского собора всей гвардии в С.-Петербурге, четко датируется периодом до 1829 г. включительно[33]. Он интересен тем, что его

Ил. 3. Турецкий единорог 1213 г. х. (1798/1799 г.). Firearms Museum (Вулвич)

запал все еще расположен в специальной раковине, за торельным поясом — как и на предыдущих моделях, времен султана Селима III. Кроме того, его цапфы имеют квадратные, слегка обточенные по углам, заплечики — *как у гаубиц из состава той же ограды*. Запал орудия просверлен под углом 45° в дно каморы (ил. 5, 6).

Ил. 4. Тот же единорог. Вид с казенной части

Наоборот, на образцах, хранящихся в Стамбуле (инв. № 72) и в собрании ВИМАИВиВС (инв. № МЧА 010/116), датированных 1249–1250 гг. х. (= 1833/1834 – 1834/1835 гг.) и, соответственно, *более поздних* запальные отверстия находятся уже *на казенной части* и высверлены под углом 90°. Цапфы орудий в обоих случаях *не имеют уже заплечиков и расположены ниже центра оси канала*. Кроме того, в отличие от орудий османской выделки всех предыдущих типов, оба орудия *имеют дельфины,* напоминающие дельфины русских орудий «системы 1805 г.». До этого же



Ил. 5. Чертеж турецкого единорога эпохи Махмуда II. РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 11. Д. 386

Ил. 6. Тугра, соответствующего типа. Ограда Спасо-Преображенского собора (С.-Петербург)

дельфины вообще крайне редко встречались на полевых турецких орудиях (и исключительно как подражание европейской наполеоновской артиллерии) при султане Селиме III (ил. 7).

В итоге, все полученные данные измерений (как чертежей, так и реальных «живых» орудий) были приведены в специальной сводной таблице (Табл. 1), составленной по результатам почти семи лет поисков и анализа материальной части (2018–2024 гг.).

Не удалось определить только судьбу (и размеры) единорога, хранящегося в Париже (Музей дома инвалидов) и зафиксированного в 2014 г. в знаменитом справочнике М. Л. Петерсона. Что удивительнее всего, в комментариях составителей, на полях есть отметка, будто тугра на орудии «была нанесена поверх царской монограммы»[34]. Однако это явно ошибка — русских 8-фун. единорогов такого типа по документам *нигде не выявлено*.

Ил. 7. Турецкий единорог 1250 г. х. (1834/1835 г.). Военный музей в Стамбуле (инв. № 72)

Еще одну неожиданную находку удалось сделать на официальном сайте аукциона Bonhams[35]. Единорог с египетским (!) клеймом, датированный 1254 г. х. (1838/1839 г.) был обнаружен в музее Форта Тикондерога (Нью-Йорк, США). Ствол этого орудия имеет цапфы французского образца (прямые скобы с квадратным сечением, со слегка скругленными гранями), винград закругленной формы (также выполнен во французском стиле). Запал орудия вновь находится *за торелью,* но вместо раковины расположен на литом приливе в виде перевернутого конуса, вровень с краем торельного пояса. Запал высверлен под углом 45° в дно каморы. Клеймо находится ниже цапф и представляет собой имя Али-паши и дату изготовления (ил. 8–10). Клеймо в точно таком же стиле мы можем видеть и на египетской 24-фун. пушке (9 *окка)* из музея в Стамбуле (инв. № 113)[36].

У всех представленных в таблице орудий камора имеет форму конуса с небольшим закруглением в донной части, но у различных «поколений» орудий форма каморы, как это видно из чертежей, может несколько отличаться. Однако более-менее точного (официального) объяснения этому обстоятельству на сегодняшний день еще нет. Подборка сохранившихся образцов, тем более — *без расклада по датировкам внутри отдельного типа орудий,* не позволяет пока делать на этот счет никаких обобщенных выводов.

Наконец, самые интересные данные об эволюции самых поздних единорогов османской выделки мы получаем из документов Отдельного Кавказского корпуса, посвященных трофеям Крымской войны 1853–1856 гг.

По замечанию безымянного русского офицера, производившего освидетельствование трофейных орудий: «Гаубицы и единороги

Ил. 8. Единорог египетской отливки 1254 г. х. (1838/1839 г.). Музей форта Тикондерога

Ил. 9. Тот же единорог. Клеймо Али-паши с датировкой по году хиджры

Ил. 10. Тот же единорог. Торель и виноград с запалом

турецкой артиллерии не заимствованы из иностранных артиллерий, но составляют свою собственную систему. Единороги по наружному устройству своему сходны с нашими единорогами прежней конструкции[37], но калибр их и относительная длина менее калибра и длины наших легких единорогов, а в наружном устройстве они отличаются граненными дельфинами». Лафеты же у всех «двухстанинные, системы Грибоваля, окованные вокруг клепанью. Оси лафетов, передков и зарядных ящиков железные. Колеса имеют медные втулки, по оконечностям ступиц. Ладыжныя наметки откидываются, как у лафетов наших горных единорогов.

Подъемный механизм состоит: из винта с медною маткою, как в лафетах Грибоваля; но головка винта упирается в толстую

деревянную доску, помещаемую под казенной частью орудии, доска вращается на болте, пропущенном через боевую часть лафета; доска соединяется с болтом железными пружинами»[38].

Размеры двух захваченных ¼-пуд. единорогов (не уточняется — полевых или горных) при этом даются следующие: «У первого калибр 4 д. 7,25 лин., длина канала с каморою 3 фут. 11,5 лин. У другого калибр 4 д. 6,75 лин.; длина канала с каморою 3 фут. 9,25 лин.; у обоих запал на средине торели без означения на ней средней черты»[39].

Кроме того, существенную помощь в изучении материальной части единорогов (и вообще полевых орудий) османской выделки оказывают материалы русских трофейных команд, приведенные в рапорте генерал-лейтенанта Годлевского от 26 июня (8 августа) 1857 г. о трофейных турецких орудиях (в том числе единорогах), доставленных в арсенал Тифлиса. Среди которых, кроме всего прочего, в списке значится 20 единорогов времен султана Махмуда II (в том числе полевые: ½-пуд. — 1; ¼-пуд. — 17; 6-фун. — 2) и еще 9 — Абдул-Меджида I (полевые: ½-пуд. — 1; ¼-пуд. — 4; горные: ¼-пуд. — 4)[40].

Все материалы измерений по единорогам (в том числе — их длине и калибрам) приведены в отдельной сводной таблице (Табл. 2).

Но примечательней всего то, что в их описании говорится буквально следующее: «Горные единороги эти имеют *цилиндрическую камору, соединяемую с каналом усеченным конусом* (sic!); все орудия эти не имеют затыльников и мушек, будучи исправлены и разсверлены годны для вооружения небольших судов и баркасов»[41]. А это значит, что в результате нескольких десятилетий независимой эволюции (т. е. уже к 40-м гг. XIX в.) османские единороги, по крайней мере, горной системы, пришли к форме каморы, разработанной А.-Ж. Пексаном в 1822 г. До этого же, по-видимому, турки предпочитали использовать более традиционную для единорогов форму каморы.

Кроме того в комментариях к описанию привезенных в Тифлис орудий есть также данные об осмотре их русскими специалистами из Тифлисского арсенала. В том числе — на предмет их потенциального применения в русской армии. Но из-за разницы в подходе к конструкции и к размерам артиллерийских стволов все турецкие образцы оказались негодными для применения их в русских крепостных гарнизонах.

Ил. 11. Трофейный единорог эпохи Абдул-Меджида I (батарея крепости Рущук)

Так, если следовать приведенным в источниках данным, единорог «медный 6-фунтовый под № 1-м, имеющий калибр 4,10 дюйма, а вес 9 пуд 16 фун.» не годен «по неимению в нашей артиллерии соответствующих снарядов; разсверлить же сии орудия до большего калибра возможности не представляется[42].

Единорог медный ¼-пудовый под № 1-м, имеющий калибр 4,85 дюйма, а вес 20 пуд 6 фун. негоден по дурной его конструкции: длина канала его меньше 7-ми калибров, глубина каморы около 2½ калибров; по наружному виду имеет сходство с нашим ¼-пудовым единорогом прежней конструкции[43], но у нашего единорога глубина каморы меньше 2 калибров, а длина канала 8¾ калибра. У турецкого единорога ось цапф расположена на оси канала, а у нашего единорога на середине между нижнею линиею канала и осью». Единорог же «медный ½-пуд. под № 1-м, имеющий калибр 5,73 дюйма, негоден для службы по недостаточному весу — вес его 35 пуд 30 фунтов»[44].

Таким образом, очевидно, что большинство из турецких единорогов скорее всего вообще не дошли бы до испытаний, согласно требованиям к их массе (и, соответственно — прочности при стрельбе), предъявляемым к вновь изготавливаемым орудиям в русской армии.

Вообще, подводя на сегодняшний день итоги исследования материальной части единорогов, отлитых в арсенале в Стамбуле в XVIII–XIX вв., можно отметить следующее:

1) Всего за почти 10 лет исследований (2014–2024 гг.) удалось выявить не менее 8 типов османских единорогов трех разных калибров (3-го, 5-го и 7-го), известных либо по чертежам, либо по сохранившимся образцам в музейных собраниях. Еще, как минимум, 2 типа (в том числе один горный) известны по описаниям русских трофейных команд, работавших на Кавказе во время Крымской войны.

2) При этом самым старым из всех известных единорогов османской выделки может считаться ствол (инв. № 46) из музея в Стамбуле, датированный 1782/1783 г. Нет никаких доказательств того, что единороги производились в Османской империи ранее этой даты.

3) Судя по сохранившимся на сегодняшний день образцам, до середины 1830-х гг. все единороги османской выделки отливаются *без дельфинов*. Форма последних (начиная с 1833/1834 г.) изначально повторяет форму дельфинов русских орудий «системы 1805 г.», но уже с 1840-х гг. их стали делать на французский манер.

4) Обозначения калибра орудия не в окка (кийе) и кантарах а *по номерам калибра* — так называемый «çap», начинается только с Селима III (орудия, отлитые с 1213 г. х.). Соответственно, и диаметры (в миллиметрах) будут значительно отличаться в более старых (до Абдул-Хамида I включительно) и более новых орудиях — даже с учетом износа некоторых стволов, неаккуратности при отливке и проч.

5) Материальная часть египетской артиллерии (в армии Али-паши), отличаясь от общей османской в плане лафетов и передков, совершенно не отличалась в смысле конструкции и калибра стволов орудий. Единственным отличием «египетских» от «стамбульских», по-видимому, являлось отсутствие тугры правящего султана, выбитой на казенной части. Вместо нее там находились имя Али-паши и датировка отливки. Таким образом, эти орудия можно считать *независимым региональным вариантом* единорога. Тем более что в 1808–1840 гг. Египет был фактически независимым государством.

6) Вес русских и турецких образцов сопоставимых калибров значительно отличается из-за довольно тонких стенок ствола

и довольно длинной каморы на большинстве турецких орудий. Из-за чего большинство трофейных единорогов не подходили для русской службы (на что указывают имеющиеся источники).

7) Форма каморы, если следовать материальной части имеющихся «живых» музейных орудий или хотя бы их сохранившимся чертежам, на турецких единорогах менялась неоднократно. При этом ни документы, посвященные такого рода трофеям, ни сохранившиеся образцы не позволяют пока судить о причинах таких изменений.

8) Аналогичным образом нельзя в данный момент судить о причинах серьезного разнобоя в длине орудий или в диаметре их каналов (см. табл. 1). Пока неясно, в каких случаях это является погрешностью при отливке, а в каких разница эта привнесена преднамеренно (и с какой целью). Данных для этого на сегодняшний день, к сожалению, недостаточно.

Таким образом, на сегодняшний день существует достаточное число образцов как полевых, так и горных единорогов османской выделки, чтобы на их основании делать вывод о направлении их эволюции в артиллерии Османской империи в XVIII–XIX вв. Хотя для более подробного их изучения еще понадобятся дополнительные исследования с привлечением иностранного материала, более точные сравнительные измерения уже имеющихся образцов, и т. д., стоит надеяться, что эта тема все же получит однажды новое (и куда более подробное) освещение в будущем.

---

[1] О типологии и «поколениях» отечественных единорогов, начиная с «шуваловских» (образца 1757 г.), см.: Игошин К. Г. О русском единороге. К вопросу о разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. С. 77–98.

[2] Morin M. The ‘unicorn’ and the ‘cannone di nuova inventione’ // Journal of the Ordnance Society. 2011. Vol. 23. P. 45–53.

[3] Подробнее об этом см.: Громов А. В. О подражаниях «шуваловской» артиллерии в западноевропейских странах: реальность и мифология (обзор материальной части) // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. XIII. СПб.: ВИМАИВиВС, 2024. С. 13–33.

[4] С цилиндрической (обр. 1753 г.), а не конической (обр. 1758 г.) формой зарядной каморы.

[5] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 993. Л. 5–6 об.

[6] На основании письма Наполеона, процитированного чуть ниже, некоторые исследователи даже делают вывод, что «прусские гаубицы» и «единороги» в цитируемом отрывке — это *одно и то же,* и значит, в Пруссии единороги тоже существовали! (См.: Morin M. The 'unicorn'... P. 46). Однако это просто неверное понимание текста оригинала: так как перед частицей *ou* в тексте отсутствует запятая, то речь идет о *различных* типах орудий.

[7] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 993. Л. 201–202 об., 208–209; История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960. С. 204.

[8] В музейных каталогах бывшего венского Арсенала (совр. Heeresgeschichtliches Museum) действительно был обнаружен «шуваловский» ¼-пуд. единорог 1757 г. отливки, по-видимому, из числа переданных Елизаветой Петровной австрийским союзникам в 1758 г. Но никаких «пробных» моделей единорогов с гербами Австрии в них не выявлено. — Mendel L. Peterson. (2014). Encyclopaedia Of Markings and Decoration on Artillery. Part III. (Электронный ресурс). URL: https://online.1stflip.com/dqyd/3ar1/mobile.html (дата обращения: 07.04.2024).

[9] Rambaud A. 1) Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2. Paris, 1890. P. 17; 2) Russes et Prussiens, guerre de Sept Ans. Paris — Nancy, 1895. P. 50.

[10] История Отечественной артиллерии... С. 204.

[11] Scharnhorst, Gerhard von. Handbuch der Artillerie. Bd. 2. Hannover, 1806. S. 76.

[12] Rouvroy F. G. Vorlesungen über einen Theil der Geschützlehre, oder über den Bau und die Proporzionirung der Geschützröhre, Laffetten und Artilleriefuhrwerke, nebst deren Bespannung für die Königl. Sächs. Artillerieschule.Th. I. Dresden, 1809. S. 29–35, Tab. D und E.

[13] Correspondance de Napoleon Ier. Vol. 23. Paris, 1869, p. 37, n° 18281.

[14] Громов А. В. О подражаниях «шуваловской» артиллерии... С. 16–17.

[15] Paixhans H.-J. Nouvelle force maritime, et application de cette force a quelques parties du service de l'armée de terre ou, essai sur l'état actuel de la force maritime, sur une espèce nouvelle d'Artillerie de mer, sur la construction de navires, de grandeur modérée, armés de cette Artillerie, &c. Paris, 1822. P. 203.

[16] Ошибочная трактовка сути письма — см.: MorinM. The 'unicorn'... P. 46; Громов А. В. О подражаниях «шуваловской» артиллерии... С. 17.

[17] Wrottesley G. Life and Correspondence of Field Marshal Sir John Burgoyne. Vol. I. London, 1873. P. 346.

[18] Платов [А. С.]. Артиллерийские лекции // Артиллерийский журнал. 1858. № 5. Отдел ученый и технический. С. 48.

[19] Османский 8-фун. единорог из ВИМАИВиВС (МЧА № 010/116) — см.: Громов А. В. Артиллерия стран Востока (Турция, Персия, Средняя Азия) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, 2018. С. 46, 59.

[20] Персидский 8-фун. единорог из ВИМВИВиВС (МЧА № 010/79) — см.: Громов А. В. Там же. С. 8, 15.

[21] Mendel L. Peterson. (2014). Encyclopaedia Of Markings and Decoration on Artillery. Part IV. Denmark, Sweden, Norway, USA, Canada, Mexico Haiti & Cuba, Bahamas & Jamaica. (Электронный ресурс). URL: https://online.1stflip.com/dqyd/3ar2/mobile.html (дата обращения: 07.04.2024).

[22] Erben, Dr. Wilhelm. Katalog des k. und k. Heeres-Museums im Auftrage des Curatoriums verfasst. Hrsg. vom Curatorium des Heeresmuseums. Wien, Seidel & Sohn: 1899. S. 395–396; Бранко Богдановић, Артиљерија у српској устаничкој војсци 1808–1813 године // Историјски Часопис. Кн. XLV–XLVI (1998–1999). Београд, 2000. С. 125–126.

[23] Персидские 3-фун. горные единороги — см.: Игошин К. Г. 1) Персидский дар // 1812 год. Люди и события великой эпохи: Материалы международной научной конференции, Москва, 23 апреля 2009 г. М., 2009. С. 30–49; 2) Согласно с высочайшею волею (о судьбе коллекции персидских орудий, подаренных России в 1827 году) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. Ч. 1. С. 295–310.

[24] В источниках описан как: «85. ¼-pudiges serbisches Einhorn, gegossen in Belgrad 1812. Caliber 12.5 Cm., Länge 151 Cm. Die konische Pulverkammer direct in Flug übergehend». — см.: Erben, 1899. S. 395–396.

[25] Распространенное определение этих орудий как «системы 1805 г.», по данным ряда современных исследований, представляет собой искусственную конструкцию и не имеет под собой оснований. — см.: Игошин К. Г. Материальная часть российской полевой артиллерии конца XVIII – первой четверти XIX века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно практическая конференция 12–14 мая 2021 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. 2. С. 452–469.

[26] Askeri Müze toplar koleksiyonu / haz. Gülşen Arslanboğa, fotoğraf Recep Baydemir. İstanbul : Askeri Müze ve Kültür Sitesi Komutanlığı, 2009. P. 144.

[27] А. В. Суворов. Документы. М., Воениздат, 1949. Т. 2. С. 343. № 319. — Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о последствиях сражения при Кинбурне. 1787 г. октября 3.

[28] Кротков А. С. Русский флот в царствование Императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 год. СПб.: Типография Морского министерства, 1889. С. 76–78.

[29] Tott (Baron Ferenc de). Memoires Du Baron De Tott: Sur Les Turcs Et Les Tartares. Amsterdam, 1784–1785. Vol. 3. P. 125, 193 etc.; эскиз орудия (с лафетом): АВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 118. Л. 1; о взятых пушках см.: А. В. Суворов. Документы. Т. 2. С. 43.

[30] Tóth, Ferenc (2012) Entre voyage et écriture: la genèse et la réception des Mémoires du baron de Tott // Archivum Ottomanicum, 29. P. 149–157.

[31] Здесь и далее — см. Табл. 1.

[32] Фасон дельфинов, отлитых на французский манер — см.: орудие (МЧА 010/103). — Громов А. В. Артиллерийские орудия стран Востока (Турция, Персия, Средняя Азия) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, 2018. С. 45–57.

[33] По датировкам стволов в ограде.

[34] Mendel L. Peterson. (2014). Encyclopaedia Of Markings and Decoration on Artillery. Part II. Spain, France, Italy, Belgium, Netherlands. (Электронный ресурс). URL: https://online.1stflip.com/dqyd/3ar0/mobile.html (дата обращения: 07.04.2024).

[35] Лот № 2856M (дата: 30 окт. 2015 г.). Сайт аукциона Bonhams (Электронный ресурс). URL: https://www.skinnerinc.com/auctions/auction.php?start=1&limit=60&op=lots&view=60&sort_lot=3&saleno=2856M&display=grid&noredir=1 (дата обращения: 07.04.2024).

[36] Askeri Müze... P. 161.
[37] Т. е. орудия сист. Аракчеева (так называемая «сист. 1805 г.»).
[38] Сведение об артиллерии, взятой у Турок, в сражении 19-го ноября 1853 года // Артиллерийский журнал. 1854. № 2. С. 119, 121.
[39] Там же. С. 126.
[40] АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 18-1. Д. 427. — «По рапорту генерал-лейтенанта Годлевского о турецкой артиллерии, доставленной из Александрополя в Тифлис». 26 июля – 12 ноября 1857 г. (15 листов).
[41] Там же. Л. 6.
[42] Из-за сравнительно малой толщины стенок в орудиях турецкого образца.
[43] Имеется в виду сист. 1805 г.
[44] АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 18-1. Д. 427. Л. 27–29.
[45] Данные (и длина и калибр) пп. 1, 5 и 6 по каталогу музея явно округлены.
[46] Соответствует калибру «çар 5».
[47] Все измерения — по чертежу.
[48] *Более поздний вариант* времен Махмуда II (с дельфинами в виде граненых скругленных прямоугольных скоб, напоминающими по форме французские образцы). Все прочие единороги в таблице *отлиты без дельфинов*. Египетской отливки, с подписью Али-паши! Всего в мире известно только еще одно бронзовое орудие с его подписью: пушка 1252 г. х. из Военного музея в Стамбуле (инв. №1 13) — см. каталог, с. 161.
[49] Данные приведены для сравнения с аналогичными образцами османской отливки (пп. 1, 5, 6).
[50] Оба «6-фун.» единорога (пп. 78, 79) идентичны по типологии образцу из Стамбула (инв. № 72) и из ВИМАИВиВС (инв. № МЧА 010/116). Турецкий калибр, соответственно: «çар 3».
[51] У всех единорогов султана Абдул-Меджида «горной» модели — камора уже цилиндрическая (sic!) с коническим переходом в канал ствола.

Приложения:

Таблица 1

Сводные данные по сохранившимся турецким единорогам и их чертежам

№	султан	год	калибр:		длина:		место хранения
1	Абдул-Хамид I (1774–1789 гг.)	1197 г. х. (1782/1783 г.)	не обозначен / 110 мм[45]		114 см (полная)		Военный музей, Стамбул (инв. № 46)
2	Селим III (1789–1807 гг.)	1213 г. х. (1798/1799 г.)	«çap 7» / 140,76 мм.	5.54 in.	203,2 см (полная)	6 f. 8 in.	бывш. Rotunda Museum, Лондон
3	Селим III (1789–1807 гг.)	1217 г. х. (1802/1803 г.)	«çap 7» / 145,54 мм		152,15 см (полная) / длина канала (с каморой) – 134,625 см	4 f. 11.9 in. / 4 f. 5 in.	РГАВМФ (чертеж)
4	Селим III (1789–1807 гг.)	1217 г. х. (1802/1803 г.)	«çap 7» / 140 мм		138 см проверить размеры!		Heeresgeschichtliches Museum, Вена
5	Махмуд II (1808–1839 гг.)	дата отливки не указана (до 1829 г.)	не обозначен / 124,46 мм[46]	4.9 in.	134,709 см (полная)[47] / длина канала (с каморой) – 108,966 см	4 f. 5.03 in. / 3 f. 6.9 in.	РГАВМФ (чертеж)

№	султан	год	калибр:		длина:		место хранения
6	Махмуд II (1808–1839 гг.)	1250 г. х. (1834/1835 г.)	«çar 3» / 110 мм		114 см (полная)		Военный музей, Стамбул (инв. № 72)
7	Махмуд II (1808–1839 гг.)	1249 г. х. (1833/1834 г.)	«çar 3» / 105 мм	-	112 см полная / 99 см до торели	-	ВИМАИВиВС (инв. № МЧА 010/116)
8[48]	Махмуд II (1808–1839 гг.)	1254 г. х. (1838/1839 г.)	114,3 мм	4.5 in.	101.6 см (полная)	3 f. 4 in.	Музей в форте Тикондерога
9	???	???	120 мм	???	???	???	Музей Дома инвалидов, Париж
10	3-фун. русский[49]	1802 г.	85 мм		102 см (полная)		Военный музей, Стамбул (инв. № 176)

Таблица 2

№ в источнике	тип	№ трофейный	калибр	вес	год отливки	калибр в дюймах	
единороги с тугрой султана Махмуда II.							
1	Единорог **Снят чертеж!**	**№ 1**	½-пуд.	35 п. 30 фун.	1824	5,73 д.	145,54 мм
24		№ 3	¼-пуд.	19 п. 20 фун.	1812	4,77 д.	121,15 мм
23		№ 2		19 п. 33 фун.	1813	4,77 д.	121,15 мм
25		№ 4		20 п. 3 фун.	1820	4,84 д.	122,93 мм

№ в источнике	тип	№ трофейный	калибр	вес	год отливки	калибр в дюймах	
26		№ 5		20 п. 3 фун.	1820	4,93 д.	125,2 мм
29		№ 8		19 п. 27 фун.	1820	4,83 д.	122,68 мм
20		№ 18		33 п. 5 фун.	1825	5,15 д.	130,81 мм.
32		№ 19		33 п. 5 фун.	1825	4,70 д.	119,38 мм
16		№ 14		33 п. 18 фун.	1827	5,37 д.	136,39 мм
27		№ 6		19 п. 7 фун.	1827	4,75 д.	120,6 мм
12	Единорог **Снят чертеж!**	**№ 1**		20 п. 6 фун.	1828	4,85 д.	123,19 мм
15		№ 13		34 п. 10 фун.	1828	5,17 д.	131,13 мм
17		№ 15		31 п. 38 фун.	1828	5,15 д.	130,81 мм
18		№ 16		34 п. 23 фун.	1828	5,14 д.	130,55 мм
28		№ 7		20 п. 12 фун.	1828	4,75 д.	120,6 мм
19		№ 17		31 п. 25 фун.	1830	5,15 д.	130,81 мм
30		№ 9		22 п. 3 фун.	1832	4,76 д.	120,9 мм
21		№ 20		30 п. 10 фун.	1837	5,26 д.	133,6 мм
78	Единорог **Снят чертеж!**	**№ 1**	6-фун.[50]	9 п. 16 фун.	1833	4,10 д.	104,14 мм
79		№ 2		8 п. 13 фун.	1833	4,10 д.	104,14 мм

№ в источнике	тип	№ трофейный	калибр	вес	год отливки	калибр в дюймах	
единороги с тугрой султана Абдул-Меджида I.							
2	Единорог	№ 2	½-пуд.	34 п. 15 фун.	1842	5,75 д.	146,05 мм
13		№ 11	¼-пуд.	19 п. 10 фун.	1842	4,87 д.	123,69 мм
14		№ 12		19 п. 16 фун.	1842	4,88 д.	123,95 мм
22		№ 21		35 п. 20 фун.	1842	5,42 д.	137,66 мм
31		№ 10		22 п. 6 фун.	1842	4,72 д.	119,88 мм
34	Единорог	№ 2	¼-пуд. горный[51]	6 п. 9 фун.	1842	4,74 д.	120,4 мм
35		№ 3		6 п. 20 фун.	1843	4,73 д.	120,14 мм
36		№ 4		6 п. 21 фун.	1843	4,73 д.	120,14 мм
33		№ 1		7 п. 19 фун.	1853	4,74 д.	120,4 мм

С. В. Гуров (Санкт-Петербург — Тула)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БОЕВЫХ МАШИН РСЗО С ТРАНСПОРТНО-ПУСКОВЫМИ КОНТЕЙНЕРАМИ

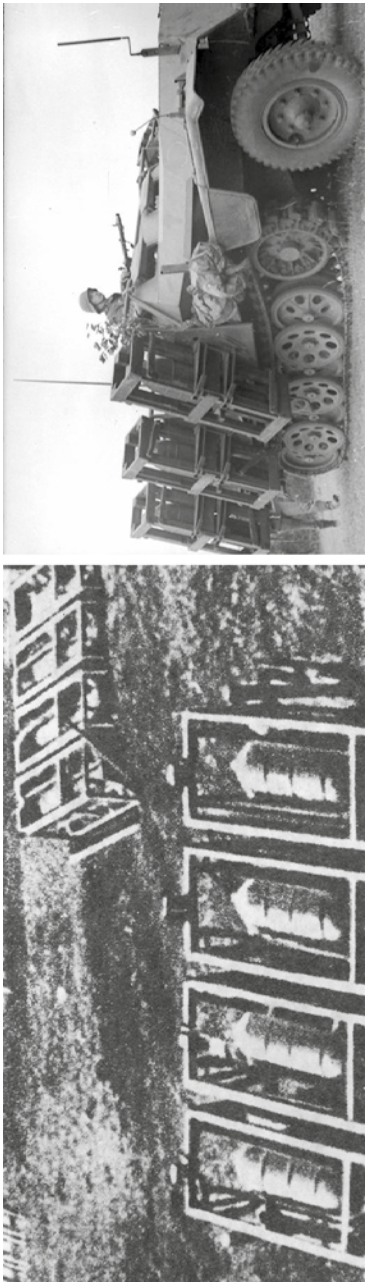
РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЩЕГО АНАЛИЗА конструктивных элементов пусковых устройств ракетной техники свидетельствуют о возможности создания многофункциональных (комбинированных) ракетных комплексов с использованием в составе однотипных артиллерийских частей боевых машин реактивных систем залпового огня (РСЗО) или подобных конструкций транспортно-пусковых контейнеров (ТПК) для пуска реактивных снарядов (РС), ракет различных калибров, дальностей и назначений (зенитных, крылатых, противотанковых и т. д.), а также беспилотных летательных аппаратов в заданном диапазоне длин ТПК и на определенных типах транспортных средств (малой, средней, большой грузоподъемности)[1] (ил. 1)[2].

В статье идет речь о некоторых моментах историко-технического развития пусковых устройств реактивной артиллерии для пуска реактивных снарядов из укупорок и транспортно-пусковых контейнеров в мире.

Работы в изученном направлении проводились в Германии (фашистской и ФРГ), СССР (России), США, Бразилии, Израиле, Румынии, Индии, Чили, Турции, Словакии, на острове Тайвань, в Казахстане, Китае, Сербии, Южной Корее, Таиланде, Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ).

К прототипам современных транспортно-пусковых контейнеров можно отнести укупорки, разработанные в фашистской Германии, СССР и США в годы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, как части первой указанной войны. В двух первых вышеуказанных странах они были приняты на вооружение. Данные о принятии на вооружение образца, разработанного

Ил. 1 (слева направо, сверху вниз): 1. варианты монтажа различных ТПК на единой люльке артиллерийской части БМ РСЗО (Турция); 2. вариант пусковой установки ЗРК (Иран, Screen Shot Iranian TV); 3. боевая машина серии RM-70 со словацким опознавательным знаком (Чехословакия); 4. пусковая установка ЗРК серии SPYDER (Израиль, Rafael Advanced Defense Systems)



Ил. 2. Образцы реактивной артиллерии вермахта

в США, автором не установлены. Первые работы по изученному вопросу были проведены в фашистской Германии, результаты которых, наиболее вероятно, стали основой для проведения работ в СССР.

Германия

Пусковая установка обр. 40 (стоит понимать, образца 1940 г.) представляла собой деревянный или стальной станок, на котором могли крепиться четыре укупорки (укупорочных ящика) — или с 280-мм фугасными минами, или с 320-мм зажигательными минами в каждом. Основные конструктивные элементы станка — рама со стойкой, колья, забиваемые в землю для обеспечения устойчивости, натяжные тросы и опорная доска. Назначение фугасной мины калибра 280 мм — разрушение оборонительных сооружений полевого типа и уничтожение живой силы и техники противника в пунктах их сосредоточения. Назначение зажигательной мины калибра 320 мм — образование пожаров сооружений

различного типа и поражение живой силы и техники противника. В конструкции указанных выше мин входили надкалиберные боевые части с взрывателями и ракетные части с многосопельными сопловыми блоками. По сути, это были образцы турбореактивных мин (реактивных снарядов). Наибольшая дальность стрельбы 280-мм минами составляла 1925 м, а 300-мм минами — 2200 м. В дальнейшем, в ходе Второй мировой войны немецкие специалисты провели работы по 280/320-мм самоходной установке (пусковой установке, боевой машине) на базе среднего полугусеничного бронетранспортера Sd Kfz 251 и трофейного французского танка 38H фирмы «Гочкис». В конструкции каждого образца укупорки монтировались по бортам боевых машин — по три с каждой стороны на бронетранспортере (всего 6), а на танке четыре[3] (ил. 2)[4].

С 1980-х гг. немецкие специалисты принимали участие в работах по реактивной системе залпового огня MLRS, разрабатывавшейся специалистами США в сотрудничестве с европейскими партнерами. В частности, немецкие специалисты провели работы по неуправляемому реактивному снаряду M28 с кассетной головной частью в снаряжении противотанковыми минами AT2.

Современным немецким разрабатываемым образцом реактивной артиллерии является изделие GMARS. Это реактивная система залпового огня с боевой машиной с двумя транспортно-пусковыми контейнерами, обеспечивающая выполнение современных и перспективных задач по стрельбе реактивными снарядами (ракетами) большой дальности и повышенной дальности. Система GMARS является высокоточной и экономически эффективной на современном поле боя, обеспечивая всепогодную, круглосуточную, высокоточную стрельбу на большие расстояния. РСЗО GMARS предназначена для обеспечения с помощью номеров расчета огневой поддержки на дальности более 400 000 м. В ее конструкцию заложен потенциал модернизации для увеличения возможностей по поражению/уничтожению целей, расположенных на еще больших расстояниях[5].

СССР, Россия

В годы Великой Отечественной войны в СССР были разработаны укупорки для транспортировки и пуска из них реактивных снарядов калибров 300 и 280 мм, которые соответствовали

калибру немецких мин, описание которых представлено выше. К концу июля 1941 г. в СССР имелись данные о 28-см фугасной мине, 32-см зажигательной мине и станке для их пуска[6]. Советский реактивный снаряд М-30 калибра 300 мм с максимальной табличной дальностью полета 2800 м, разработанный в мае 1942 г. группой офицеров, был первым снарядом повышенной мощности, принятым на вооружение. К ракетному двигателю от снаряда М-13 калибра 132 мм была присоединена мощная надкалиберная головная часть, выполненная в виде эллипсоида с максимальным диаметром 300 мм[7].

Существенный недостаток снаряда М-30 — малая дальность полета. Он был частично устранен в конце 1942 г. в результате создания неуправляемого реактивного снаряда М-31 с фугасной головной частью с максимальной дальностью полета 4000 м[8].

Для обеспечения пуска снарядов М-30 в мае 1942 г. в СКБ при заводе «Компрессор» были начаты работы по созданию станка. Результатом работ стал станок (индекс М30) (станок МЗО), называвшийся «ящик 30», «ящик М-30» или «метательное устройство М-30»[9].

Для перевозки рам и боеприпасов М-30 были разработаны сани-волокуши[10]. Первоначально разрабатывались стационарные станки, а затем мобильные пусковые установки. Изготовленный на заводе снаряд транспортировался на пусковую позицию в укупорке, из нее же и запускался. Для обеспечения направления полета на внутренней поверхности укупорки имелись продольные деревянные бруски, обитые металлическими полосками, по которым скользили снаряды при пуске. С ее торца находилось съемное дно, что обеспечивало выход снаряда при стрельбе[11].

В декабре 1943 г. специалисты СКБ разработали рамную установку — «станок М31» для ведения огня реактивными снарядами М-31, история создания которого автором не установлена. Укупорки со снарядами укладывались на раму станка в два яруса и закреплялись съемными стяжками. Передняя опора основания станка была плавающей на двух полозьях, задняя — неподвижная с сошками, врезающимися в грунт. Установка применялась во всех наступательных операциях Красной армии при прорыве обороны противника. В мае 1944 г. специалисты СКБ разработали 6-зарядную установку — «станок М31» облегченного типа, принятый на вооружение по результатам полигонных испытаний[12].

Одиночные укупорки со снарядами М-31 применялись для стрельбы прямой наводкой по противнику, засевшему в многоэтажных домах городов и крупных населенных пунктов[13].

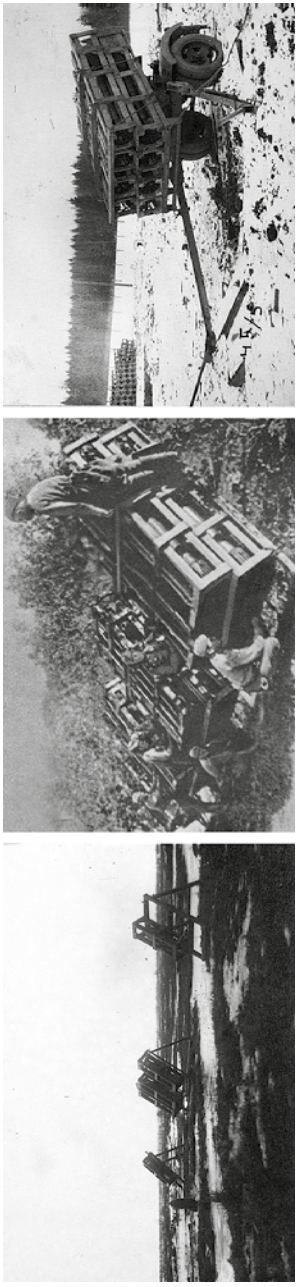
15 февраля 1944 г. Главное управление вооружения гвардейских минометных частей Красной армии (ГУВ ГМЧ КА) выдало СКБ при московском заводе «Компрессор» ТТТ на разработку подвижной установки для стрельбы снарядами М-31. Опытный образец был разработан в феврале–марте 1944 г. В качестве базы 12-зарядной установки БМ-31 было выбрано шасси грузового автомобиля повышенной проходимости серии Studebaker.

В конструкции метательной установки были использованы узлы и детали нормализованной установки М-13Н, кроме направляющих и фермы[14]. В качестве направляющих использовались укупорки со снарядами М-31, которые укладывались на специальную ферму. После проведения успешных полигонных и ходовых испытаний установка была принята на вооружение Красной армии. В дальнейшем она была заменена более совершенной установкой БМ-31-12 с сотовыми направляющими на доработанном шасси грузового автомобиля серии Studebaker[15] (Studebaker US 6×6 U3, 2½-ton[16])[17].

13 марта 1944 г. на территории Софринского артполигона по программе ГУВГМЧ КА № 757072с от 6/III-1944 г. производились испытания стрельбой опытной установки БУМ-31, смонтированной на одноосном 1,5-тонном прицепе, конструкции завода № 733[18] (ил. 3)[19].

Другим снарядом повышенной мощности на основе ракетной части реактивного снаряда М-13 стал снаряд М-20 калибра 132 мм. Причина создания такого снаряда была та же, что и для снаряда М-30[20]. Снаряд М-20 был принят на вооружение на основании Постановления ГОКО № 2135сс от 04.08.1942 г. «О производстве снарядов М-20 и М-30 в августе и сентябре 1942 года»[21].

Длина головной части по сравнению с головной частью снаряда М-13 была увеличена до 1250 мм[22]. Максимальная дальность полета составляла 5000 м, а кучность при ней была очень низкой. Больший вес снаряда привел к невозможности его запуска с нижних полозьев (желобов) направляющих установки М-13, так как из-за этого происходил вывод из строя всей направляющей, поэтому их пускали только с верхних полозьев. Несмотря на уменьшение количества запускаемых реактивных снарядов огневая мощь залпа боевой машины, т. е. количество доставляемого



Ил. 3 (слева направо): 1. 11.03.1943 г. Ленинградский полигон. Испытания. Положение до подрыва; 2. станки; 3. общий вид установки БУМ-31, смонтированной на одноосном 1,5-тонном прицепе, конструкции завода № 733. 1944 г.

к цели взрывчатого вещества, была увеличена в 1,87 раза — с 78,4 до 147,2 кг. Дополнительно к типам поражаемых средствами реактивной артиллерией целей стало возможным надежно поражать огневые средства и живую силу противника, укрытые в прочных оборонительных сооружениях полевого типа. Отмечалась недостаточная плотность при залповом пуске. Для решения этой задачи была разработана направляющая для пуска снаряда М-20 со станка М-30. Для этого следовало установить на раму специальные направляющие М-20, что, в свою очередь, требовало в нижнем угольнике и верхнем поперечном угольнике проделать прорезы, которые было возможно сделать при помощи плоского драчевого напильника, и такую работу следовало проводить силами самих частей. В документе, датированном 9 сентября 1942 г., упоминаются особые указания по применению направляющих М-20 на станках М-30 для стрельбы снарядами М-20[23].

В начале осени 1942 г. в Ленинграде была изготовлена шестизарядная пусковая установка ЛАП-7 (Ленинградский артиллерийский полигон, седьмая). Метательная установка монтировалась на

доработанном шасси грузового автомобиля ГАЗ-АА грузоподъемностью 1,5 т. Обеспечивалось горизонтальное и вертикальное наведение пусковой установки. Установка позволяла производить раздельное попарное вертикальное наведение на цели, т. е. имелась возможность запускать три пары снарядов под различными углами возвышения — производить обстрел одним залпом трех различных целей. Укупорки укладывались на специально разработанную конструкцию установки и крепились растяжками. Полигонные испытания установки показали положительные результаты, прочность узлов была удовлетворительной. Однако при испытании обнаружилось, что шасси грузового автомобиля при залповой стрельбе давало боковую качку около 40–45 мм, при одиночном выстреле — 35 мм, что сказывалось на увеличении рассеивания снарядов. Установка была представлена к войсковым испытаниям, которые проводились 4–5 октября 1942 г. стрельбой по врагу. Испытания показали, что установка отвечает основным требованиям ракетного оружия. Она была рекомендована для принятия на вооружение. Вместе с тем отмечалось, что маневренность установки не удовлетворяла условиям эксплуатации на всех участках советско-германского фронта. Было рекомендовано провести дальнейшее усовершенствование установки, проверить эффективность ее стрельбы в составе батареи[24].

В Ленинграде во время блокады были разработаны мина М-28 в укупорке (транспортно-пусковая рама) и рама, на которой они крепились. Они успешно применялись на Ленинградском фронте с 1942 по 1943 г., а затем уступили свое место более совершенному гвардейскому миномету М-31-12 (БМ-31-12). Табличная максимальная дальность — 1900 м[25]. 11 марта 1943 г. на Ленинградском полигоне проводились испытания мин М-28 из рам с укупорками. Это были испытания на детонацию мин М-28, снаряженных амматолом 80/20/АТ, синалом или сипалом /АК/ и тротилом /Т/, и проверка воспламеняемости и горения зарядов, собранных с дефектными передаточными воспламенителями[26].

В дальнейшем вопрос использования съемных конструктивных элементов для пуска реактивных снарядов, которые стали называть транспортно-пусковыми контейнерами, рассматривался, в частности, работниками ТулгосНИИточмаш в период работ по американской РСЗО MLRS (конец 1970 – начало 1980-х гг.). По мнению главного конструктора предприятия Александра Никитовича Ганичева, это направление работ было дорогостоящим[27].

В 2007 г. на Международном авиационно-космическом салоне «МАКС-2007» (г. Жуковский, Московская область) был представлен опытный образец боевой машины 9А52-4 с транспортно-пусковым контейнером. В 2009 г. на выставке REA-2009 в Нижнем Тагиле (Свердловская область) были представлены опытные образцы боевой (9А52-4) и транспортно-заряжающей (9Т234-4) машин в составе РСЗО «Смерч» и два типа транспортно-пусковых контейнеров[28]. В 2010 г. были проведены стрельбовые испытания[29].

В конце 2008 г. стали появляться первые фотографии будущей боевой машины РСЗО 9К512 «Ураган-1М», предназначенной для поражения площадных целей, уязвимыми элементами которых являются открытая и укрытая живая сила, небронированная техника, легкобронированная и бронированная техника мотопехотных и танковых рот, подразделения артиллерии, тактических ракет, зенитных комплексов и вертолетов на стоянках; командных пунктов, узлов связи и объектов военно-промышленной структуры.

РСЗО «Ураган-1М» является принципиально новой для Вооруженных сил России системой, с возможностью применения реактивных снарядов от 220-мм РСЗО 9К57 «Ураган» и от 300-мм РСЗО 9К58 «Смерч», а также новых типов РС[30].

США

В годы Второй мировой войны в США для снаряда H.E.Kal. 8" калибра 203,2 мм с фугасной боевой частью американские специалисты разработали только однозарядную переносную пусковую установку, которая представляла собой транспортную укупорку. В ее передней части размещались две складываемые опоры, с помощью изменения положения которых обеспечивалось грубое наведение по углу возвышения, максимальное значение которого составляло 45°. По азимуту наведение обеспечивалось посредством передвижения установки в горизонтальной плоскости[31]. Два варианта подобных установок были замечены в ходе проведения Специальной военной операции (СВО) в Донецкой Народной Республике[32] (ил. 4)[33].

В 1970 – начале 1980-х гг. в рамках американо-европейского сотрудничества проводились работы по созданию будущей РСЗО MLRS, принятой на вооружение в 1983 г. Это первая система

Ил. 4 (слева направо): пусковая установка для РС H.E.Kal. 8" (США); пусковые установки в Донецкой Народной Республике (данные от мая 2018 г.)

реактивной артиллерии с БМ с ТПК, разработанная после окончания Второй мировой войны. К ее особенностям относятся: возможность совмещения боеприпасов реактивной артиллерии (2 ТПК для 6 РС) и оперативно-тактического комплекса (ATACMS) (2 ТПК для двух ракет)[34] и в перспективе, возможно, ракет различных назначений[35], включая с дальностью полета около/более 1000 км[36] (ил. 5)[37].

Одним из вариантов РСЗО MLRS стала РСЗО HIMARS, представляющая собой облегченный вариант первой. Вместо двух ТПК в конструкцию боевой машины входит один транспортно-пусковой контейнер[38] (ил. 6)[39].

В настоящее время проводятся работы по созданию безэкипажного варианта боевой машины на основе БМ РСЗО HIMARS[40].

Бразилия

В конце 1970-х гг. в Бразилии начались работы по созданию РСЗО семейства ASTROS с боевыми машинами с транспортно-пусковыми контейнерами. На платформе боевых машин могут монтироваться взаимозаменяемые (сменные) ТПК четырех типов: 4 ТПК с 16-ю НУРС SS-30 калибра 127 мм каждый, 4 ТПК с 8-ю НУРС SS-40 калибра 180 мм каждый, 4 ТПК с одним НУРС SS-60 калибра 300 мм и 4 ТПК с одним НУРС SS-80 калибра 300 мм

Ил. 5. Боевая машина РСЗО MLRS с боекомплектом (США)

Ил. 6. Номера расчета боевой машины РСЗО HIMARS ожидают приказа на выполнение огневой задачи во время учений Diamond Tempest на авиабазе Аль-Минхад (ОАЭ). 18.04.2018 г. Фотография сержанта 1-го класса Doug Roles/CB

Ил. 7. Момент испытательного пуска опытной тактической крылатой ракеты МТС-300 из БМ РСЗО серии ASTROS (Бразилия)

и 8 ТПК с одним РС калибра 300 мм. На этапе завершения работы по варианту БМ с ТПК с крылатой ракетой с дальностью полета 300 000 м[41]. В Индонезии находится вариант БМ с ТПК для ракет калибра 70 мм[42] (ил. 7)[43].

В начале апреля 2017 г. был представлен демонстрационный образец боевой машины и транспортно-пускового контейнера для 16 70-мм реактивных снарядов/ракет легковесной реактивной системы Armadillo TA-2 на базе вездеходного бронеавтомобиля Тигр (Tigr) российского производства. Сообщалось о работах по 70-мм управляемому реактивному снаряду/ракете и 105-мм и 122-мм реактивным снарядам[44]. Сообщалось, что два заряженных ТПК (модуля) размещаются внутри отсека для боеприпасов автомобиля, особенностью которого также является автоматизированная система перезаряжания боеприпасов. Силовая автоматизированная система горизонтирования должна обеспечивать стабилизацию машины/системы во время пуска (стрельбы)[45]. В дальнейшем был разработан модернизированный вариант[46].

Израиль

После войны 1973 г. специалистами израильских наземных сил обороны было выдано тактико-техническое задание на разработку артиллерийской системы для стрельбы неуправляемыми реактивными снарядами, которая могла быть быстро развернута на огневой позиции и обеспечивать поражение крупных механизированных частей, поддерживаемых артиллерией и защищенных сложной системой противовоздушной обороны. Результат проведенных работ — легкая артиллерийская реактивная система 160 (Light Artillery Rocket System 160), которая применялась во время ливанской кампании 1982 г. По другим данным, она была принята на вооружение сухопутных войск Израиля в 1984 г. Диапазон максимальных дальностей полета снарядов составляет от 30 000 до 45 000 м.

Буксируемый вариант на основе артиллерийской части боевой машины LAR 160 состоял из двух частей: шасси прицепа и артиллерийской части, в состав которой входил ТПК с 18-ю РС калибра 160 мм. В результате стрельбы в район цели на дальности до 30 000 м за 30 с попадает 2592 боевых элемента с общим весом ВВ 900 кг. После стрельбы осуществляется перезаряжание установки путем замены отстрелянного ТПК на снаряженный новый. Огневая мощь батареи реактивных пусковых установок на основе БМ LAR 160 равна огневой мощи 72 самоходных артиллерийских орудий для стрельбы снарядами калибра 155 мм.

Буксировка могла осуществляться с помощью пятитонного грузового автомобиля, оснащенного бортовым краном. В кузове автомобиля могли перевозиться два ТПК. Транспортировка также могла быть выполнена автомобилями типа Hammer.

В дальнейшем в рамках румынско-израильских работ была разработана система LAROM. Сборка опытного образца боевой машины была выполнена на сборочных площадях израильского акционерного общества с ограниченной ответственностью IMI. Бортовой баллистический вычислитель был разработан работниками израильской организации Elbit. Артиллерийская часть монтировалась на доработанном шасси грузового автомобиля DAC 15215 DFAEG, которое также используется для румынских боевых машин семейства APRA. На люльке артиллерийской части БМ могут монтироваться два транспортно-пусковых контейнера для стрельбы 26 неуправляемыми/корректируемыми

Ил. 8. Боевая и транспортно-заряжающая машины РСЗО PULS (Израиль)

(ACCULAR) реактивными снарядами калибра 160 мм (в 1 ТПК 13 РС) или для стрельбы 40 НУРС калибра 122 мм из двух ТПК. Максимальная дальность полета, соответственно, составляет 41 000 и 30 000 м при стрельбе вариантом советского НУРС калибра 122 мм, разработанного работниками организации Aerostar. В дальнейшем предлагалось использовать ТПК для пуска РС калибров от 122 до 300 мм, включая управляемый реактивный снаряд с максимальной дальностью полета 150 000 м, а также новую систему командования, управления, контроля и разведки.

Ее логическим развитием стала РСЗО PULS (Precise & Universal Launching System[47]). Эта автономная артиллерийская реактивная (ракетная) система представляет собой комплексное и экономически эффективное решение для обеспечения высокоточной стрельбы всеми типами современных реактивных снарядов (ракет) с оптимальной скоростью реагирования (временем реакции). В отличие от стандартной артиллерии, при использовании реактивной системы залпового огня PULS™ нет необходимости перемещать артиллерийские подразделения в зависимости от требуемой дальности стрельбы. Универсальное решение обеспечивает возможность ведения стрельбы различными типами боеприпасов на различные дальности с одной и той же позиции, на

расстояния до 300 км[48], включая запуски беспилотных летательных аппаратов[49] (ил. 8)[50].

Система является основой для изделий РСЗО EuroPULS (для европейских заказчиков)[51] и D11A (Таиланд)[52].

Румыния

Согласно данным на начало 2000-х гг., один из вариантов боевой машины семейства APRA включал в конструкцию артиллерийской части два пакета по 20 направляющих в каждом. Вероятно, он был взят за основу при работах с работниками израильской стороны по изделию LAROM. Артиллерийская часть монтировалась на доработанном шасси румынского грузового автомобиля серии DAC (6×6) повышенной проходимости с дизельным двигателем[53].

Индия

В период с 1986 по 1994 г. индийские специалисты разрабатывали РСЗО Pinaka с боевой машиной с транспортно-пусковыми контейнерами и реактивными снарядами калибра 214 мм с дальностью полета 40 000 м и продолжили ее совершенствовать в части боевой машины и, в частности, для стрельбы РС на дальность 120 000 м, а также с аэродинамической схемой «утка». При создании управляемого реактивного снаряда работниками организации RCI был разработан комплект (блок) наведения, навигации и управления, которым оснащается ранее разработанный неуправляемый реактивный снаряд Pinaka Mk-II. Благодаря этому комплекту была продемонстрирована повышенная дальность и точность нанесения удара. Еще до официального утверждения проекта были проведены работы по определению облика будущего изделия, исследования аэродинамических систем и систем управления, фактическое проектирование, изготовление изделия, разработка программного обеспечения и лабораторные испытания/моделирование. Ранее такой подход в проектировании управляемых реактивных боеприпасов использовался при модернизации РС советской РСЗО «Смерч» и американских неуправляемых авиационных ракет калибра 70 мм (2,75 дюйма)[54].

Во время индо-пакистанского конфликта в секторе Каргил (северная часть индийского штата Джамму и Кашмир) летом 1999 г.

Ил. 9. Боевая машина РСЗО Pinaka (Индия, 2011 г.). Автор фотографии: Shiv Aroor (Индия)

состоялось боевое применение системы. В течение 73-дневных боевых действий РСЗО Pinaka показала себя с наилучшей стороны, утверждали индийские военные специалисты. В 2000 г. она была принята на вооружение индийской армии[55].

31 мая 2018 г. было сообщено об успешных пусках модернизированных РС для РСЗО Pinaka. В отличие от ранее разработанных неуправляемых реактивных снарядов с дальностью полета до 40 000 м, для новых вариантов РС может обеспечиваться корректировка направления полета и поражение целей на расстояниях до 70 000 м. Габаритные размеры РС остались прежними, что позволяет выполнять их пуск из существующих боевых машин[56] (ил. 9)[57].

В ноябре 2024 г. Индия инициировала экспорт РСЗО Pinaka в Армению[58]. Интерес к системе также проявлен индонезийской, нигерийской и французской сторонами[59].

Чили

К 1980-м гг. относятся работы по созданию системы с боевой машиной Rayo с двумя транспортно-пусковыми контейнерами

под реактивные снаряды калибра 160 мм, а также вариант на прицепе. Основой могли стать образцы израильской реактивной артиллерии для РС калибра 160 мм. Данная реактивная система залпового огня была разработана специалистами компании FAMAE-BAE Systems из Чили и подразделения ракетных двигателей компании оборонных систем королевской артиллерии из Великобритании для сухопутных войск Чили, но в начале XXI в. разработка была прекращена.

Номера расчета выполняли бы все операции без выхода из бронированной кабины. Каждая БМ оснащалась бы независимой системой управления огнем и навигационной системой, которые обычно работают в увязке с батареей, но могут быть использованы отдельно. Максимальная дальность полета РС — 45 000 м[60].

Турция

Первые работы по исследованному вопросу в Турции можно отнести к первой половине 1990-х гг. Артиллерийская часть одного из образцов могла монтироваться минимум на двух типах шасси. Количество ТПК — 2 шт. Количество направляющих в одном ТПК для РС калибра 122 мм — 20 шт. Для заряжания транспортно-пусковых контейнеров предназначалась бортовая система заряжания, подобная той, что используется в конструкции боевой машины РСЗО MLRS. В состав системы входила компьютеризированная система управления огнем BAK 122, предназначенная для выполнения ряда функций, включая наведение ТПК на цель по углу возвышения и азимуту, подключение к компьютеризированной системе управления огнем батареи, метеорологическим датчикам и системе определения местоположения GPS.

Стрельба автоматически прекращалась, если отклонение ТПК (пусковой установки) составляло более чем ± 17 тысячных во время стрельбы РС.

В дальнейшем были разработаны образцы для пуска РС калибров 107, 122, 230, 300 и 610 мм.

Для одной из РСЗО система управления батареей может быть интегрирована с современными автоматизированными системами огневой поддержки (тактическая система управления огнем) и системами командования, управления и контроля поля боя.

С помощью радиолокационных станций обнаружения и сопровождения цели (целей) или беспилотных летательных аппаратов обеспечивается передача данных о целях на батарею[61].

Словакия

Работы по исследованному вопросу можно отнести к концу 1990 – началу 2000-х гг. Демонстрационный вариант боевой машины, включающий грузовой подъемный кран для быстрого перезаряжания транспортно-пускового контейнера с неуправляемыми реактивными снарядами, был впервые показан на выставке MSPO'2003 в Кельце (Польша, сентябрь 2003 г.). Боевая машина, продемонстрированная в Пиестани в Словакии в октябре 2003 г., представляла собой окончательный вариант, запланированный для принятия на вооружение.

Боевая машина RM-70/85 MORAK-Modular предназначена для транспортировки и запуска штатных неуправляемых реактивных снарядов калибра 227 мм системы MLRS или штатных НУРС JROF (9М22У) калибра 122 мм, применяемых из БМ-21 РСЗО 9К51 «Град». Последние запускаются из разработанного заменяемого транспортно-пускового контейнера, который включает 28 трубчатых направляющих, смонтированных в рамочной конструкции. Механические и электрические приводы идентичны тем, которые используются для артиллерийской части системы MLRS.

Новый вариант был разработан для транспортировки в транспортном самолете C-130 Hercules, что потребовало уменьшения высоты с 3080 до 2620 мм. Складывающиеся кожухи, которые защищают ТПК, могут опускаться вниз в период загрузки БМ в военно-транспортный самолет[62].

Тайвань

В начале 2000 г. появилась информация о разработке новой артиллерийской многоствольной реактивной системы (Artillery Multiple Launch System — AMLRS), обозначенной RT2000 (Ray Ting). Дальнейшее обозначение РСЗО — Thunderbolt 2000. В качестве базового шасси используется грузовой автомобиль большой грузоподъемности и повышенной проходимости HEMTT 8×8 военного назначения (США). На люльке артиллерийской

части могут быть смонтированы три типа транспортно-пусковых контейнеров: для стрельбы неуправляемыми РС МК 15 калибра 117 мм в количестве 20 штук (3 ТПК). Максимальная дальность полета снаряда — 15 000 м; для стрельбы неуправляемыми РС МК 30 калибра 180 мм в количестве девяти штук (3 ТПК). Максимальная дальность полета снаряда — 30 000 м; для стрельбы неуправляемыми РС МК 45 калибра 230 мм в количестве шести штук (2 ТПК). Максимальная дальность полета снаряда — 45 000 м. Назначение системы — отражение китайских морских десантов на побережье островного государства, уничтожение их десантных кораблей и высадившихся на берег войск[63].

Казахстан

С 2007 г. в сети Internet стала появляться информация о реактивной системе залпового огня «Найза» (Naiza, переводится как Копье), технология на производство которой была закуплена казахской стороной у Израиля. Сборка неустановленного количества систем была выполнена на Петропавловском заводе тяжелого машиностроения (ПЗТМ) и смежных предприятиях. Упоминалось, что это израильско-казахско-российский проект, однако точной информации не имеется. Для транспортных средств использованы доработанные шасси грузового автомобиля серии КАМАЗ. Сообщалось, что для стрельбы из транспортно-пусковых контейнеров могут применяться российские реактивные снаряды РСЗО «Град», «Ураган», «Смерч», комплексов «Точка» и «Точка-У», израильские снаряды Extra, Super Extra, управляемый снаряд Dalilah. Однако представлены только фотографии с ТПК для 122, 160, 220 и 300-мм (306-мм[64]) РС[65].

Китай

Проведение работ по созданию первых крупнокалиберных дальнобойных РСЗО в Китае можно отнести к концу 1970 – началу 1980-х гг. Они проводились параллельно с советскими работами по созданию дальнобойной РСЗО «Смерч». Одним из вариантов была система с боевой машиной WM-80 для стрельбы корректируемыми реактивными снарядами с дальностью полета более 80 000 м. В конструкцию артиллерийской части входят два транспортно-пусковых контейнера с четырьмя направляющими

каждый. В первом десятилетии XXI в. были проведены работы по модернизации до варианта БМ, получившего индекс WM-120, с возможностью стрельбы РС на максимальную дальность ≥120 000 м.

Работы в исследованном направлении в дальнейшем проводились в Китае в 2000-х гг. Это были варианты БМ РСЗО с ТПК для стрельбы РС калибров 107, 122, 220 и 300 мм. В нескольких конструкциях боевых машин прослеживается подход, применявшийся в конструкции БМ американской РСЗО MLRS[66].

Сербия

В 2000-х г. в Сербии были проведены работы по созданию РСЗО с БМ с ТП для стрельбы РС калибров 122 и 128 мм. Особенностью боевых машин реактивных систем залпового огня, представленных сербской стороной в 2010–2020-х гг., является использование в конструкциях артиллерийских частей заменяемых транспортно-пусковых контейнеров для оперенных, турбореактивных (ТРС), корректируемых[67] и управляемых РС[68], а также для противотанковой управляемой ракеты (ПТУР) ALAS и управляемой ракеты Košava 1/2 класса «поверхность–поверхность» из ТПК для ПТУР ALAS[69] (ил. 10)[70].

Особенности РСЗО Morava (первоначально LRSVM), основные составляющие которой были продемонстрированы в 2011 г., следующие: боевая машина с ТПК для стрельбы РС калибров 128 и 122 мм, а также ТРС калибров 128 и 107 мм; автоматизация процессов эксплуатации; навигационная система, способная работать без спутниковых данных; интегрированная система управления огнем; возможность нанесения ударов по наземным и морским целям; возможность маскировки под грузовой автомобиль за счет использования тента; возможность использования других типов шасси, включая бронированные. Диапазон дальностей стрельбы — от до 8600 до 35 000 м.

Система принята на вооружение сербской армии и армии ОАЭ. Для вооруженных сил ОАЭ был разработан вариант РСЗО LRSVM с боевой машиной на доработанном шасси Nimr 6×6 повышенной проходимости. Для стрельбы предназначены ТРС калибра 107 мм от специалистов турецкой компании Roketsan. Максимальная дальность полета РС — 11 000 м. Для стрельбы также могут применяться сербские ТРС калибра 107 мм, производством

Ил. 10. Из нового изделия LRSVM M18 выполняется стрельба противотанковой управляемой ракетой ALAS во время проведения натурных стрельб в Центре испытаний вооружения и военной техники Nikinci («Никинчи»). Сербия. 18.06.2020 г. Фотография МО Сербии

которых занимались и до сих пор могут заниматься работники белградской организации Engine Development and Production[71].

БМ Šumadija для стрельбы РС калибров 262 и 400 мм из ТПК была разработана на основе опыта работ по РСЗО М-87 Orkan и изделия KOL 15 — VERA (дальность 120 км) в 1980-х гг. и дальнейших работ по этим изделиям в конце 1990-х и после 2000 г. Ходовая часть — доработанное шасси серии КАМАЗ. Значение максимальных дальностей полета РС — до 75 и 285 км соответственно. Проведены работы по корректируемому РС калибра 400 мм[72].

На выставке EDEX 2018 (Египет) работники сербской компании Yugoimport представили новый образец БМ для стрельбы РС калибров 267 и 122 мм из ТПК. Ходовая часть — доработанное шасси грузового автомобиля КамАЗ-6560 8×8. Количество направляющих одного ТПК 6 и 25 штук соответственно.

Особенности БМ: размещение двух дополнительных ТПК; бронированная кабина для защиты номеров расчета от результатов стрельбы из стрелкового оружия и осколков разорвавшихся

снарядов; повышенная мобильность при движении по пересеченной местности; возможность обеспечения стрельбы РС калибра 122 мм всех типов. Стандартное оборудование БМ — блок управления стрельбой, инерциальная навигационная система и спутниковая (GPS) система глобального позиционирования[73].

По данным от 2 июля 2019 г., специалисты сербской компании Yugoimport SDPR представили новую РСЗО с БМ для стрельбы РС калибров 267 и 122 мм из двух типов ТПК соответственно. Количество направляющих одного ТПК 6 и 24 штуки соответственно. Работы были выполнены для внешнего рынка с использованием внутреннего финансирования[74]. По сути, БМ представляет собой доработанный вариант, представленный на выставке EDEX 2018. По сравнению с ранее представленным образцом, в конструкцию БМ был добавлен бортовой кран и убраны домкраты между первой и второй осями шасси.

В конце апреля 2020 г. выполнен испытательной пуск РС из модульной системы (БМ) OGANJ с бронированной кабиной (изделия) LRSVM M18[75]. В том же году был продемонстрирован вариант этой БМ с ТПК для стрельбы управляемыми боеприпасами с головкой самонаведения (стоит понимать ПТУР; данные от 16 августа 2020 г.[76])[77].

Южная Корея

В 2009 г. работники южнокорейской корпорации Hanwha начали работы по разработке будущей реактивной системы залпового огня K-MLRS Cheonmoo (CHUN-MU) (Chunmoo[78]). Основное назначение системы, по мнению оперативно-тактического командования Южной Кореи, — подавление артиллерийских систем Северной Кореи в случае военного конфликта.

Артиллерийская часть монтируется на доработанном шасси четырехосного грузового автомобиля. На ее платформе могут монтироваться два транспортно-пусковых контейнера различных типов. Тип шасси был выбран по причине дешевизны его приобретения, эксплуатации и обслуживания. Однако, по сравнению с гусеничным типом шасси, колесный тип шасси обладает меньшей проходимостью на пересеченной местности. Шасси оснащено независимой системой подвески.

Для стрельбы предназначены реактивные снаряды калибра 227 мм реактивной системы залпового огня MLRS, а также

калибров 130 и 230 мм южнокорейской разработки. Дальность полета реактивных снарядов калибра 130 мм составляет до 80 000 м, а калибра 230 мм — около 160 000 м[79].

Польская сторона сделала крупный заказ на систему с учетом использования собственных составляющих[80].

Таиланд

9 декабря 2014 г. был подписан меморандум соглашения на проведение дальнейших работ по разработке и производству собственной реактивной системы залпового огня, известной как DTi-2. По данным на начало ноября 2015 г. в конструкцию опытной боевой машины входила артиллерийская часть с транспортно-пусковым контейнером с 20-ю направляющими для пуска реактивных снарядов калибра 122 мм с максимальной дальностью полета 40 000 м. БМ оснащена современной системой управления огнем, в состав которой входят навигационная система и система определения местоположения, посредством которых обеспечивается высокий уровень точности[81].

Работы над проектом по разработке тайского варианта многокалиберной высокоточной и универсальной пусковой системы (PULS, РСЗО PULS) начались в 2019 г., но были прерваны из-за пандемии Covid-19 и возобновлены в 2022 г.[82] В конце 2022 г. была завершена разработка первого опытного образца изделия D11A (обозначение БМ или РСЗО).

Система создана для удовлетворения потребностей Таиланда в береговой артиллерии. Она предназначена для стрельбы управляемыми и неуправляемыми реактивными снарядами различных калибров на дальности от 40 000 до 300 000 м. В конструкцию боевой машины могут входить транспортно-пусковые контейнеры различных длин, с различным количеством направляющих под различные типы реактивных боеприпасов[83]. Боекомплект могут составить 122-мм реактивные снаряды местной разработки, китайского (SHE-30 и SHE-40) и российского («Град») происхождений, а также израильские изделия, такие как 306-мм Predator Hawk, 306-мм EXTended Range Artillery (EXTRA) и 122- и 160-мм реактивные снаряды Accular с системой GPS-наведения. В 2023 г. рассматривался вопрос интеграции автономного барражирующего боеприпаса SkyStriker, но до официального проекта дело пока не дошло.

9 августа 2024 г. изделие D11A было поставлено в 711-й артиллерийский дивизион (форт Пхумибхол, провинция Лопбури). В период с 4 по 6 сентября 2024 г. проведена серия испытаний и оценок опытного образца[84].

Объединенные Арабские Эмираты

На выставке IDEX 2025 (г. Абу-Даби, ОАЭ) работники компании Calidus из ОАЭ представили изделие BARQ — передовую высокомобильную реактивную систему залпового огня (HIMRL), сочетающую в себе высокую маневренность и многокалиберные ракетные возможности. Отличительная особенность изделия BARQ — возможность вести огонь тремя типами стандартных (штатных) реактивных снарядов следующих калибров: 122, 220 и 300 мм. Такая гибкость позволяет войскам адаптировать свою огневую мощь в зависимости от уровня угрозы и целей задачи. 122-мм реактивные снаряды обеспечивают быстрый насыщающий огонь для ближнего и среднего боя, 220-мм — повышенную огневую мощь для нанесения более глубоких ударов, а 300-мм реактивные снаряды предназначены для нанесения высокоточных ударов на расстоянии до 70 км. Добавление барражирующих

Ил. 11. Демонстрационный образец БМ РСЗО BARQ с ТПК с барражирующим боеприпасом/БпЛА (ОАЭ, февраль 2025 г.)

боеприпасов расширяет возможности системы, позволяя отслеживать цели в реальном времени и поражать высокозначимые и движущиеся цели с высокой точностью (ил. 11)[85].

Пополняемый вариант статьи смотрите на сайте «Ракетная техника»[86].

---

[1] MML. Результаты поиска. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/search/site?text=MML (дата обращения: 16.02.2025 г.); Гуров С. В. Однотипные технические решения в ракетной технике. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/rt (дата обращения: 16.02.2025 г.); Tony Osborne. MBDA Unveils Ground-Launched, Deep-Fires Cruise-Missile Concept. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.06.2022 г. // URL: https://aviationweek.com/shownews/ila-berlin/mbda-unveils-ground-launched-deep-fires-cruise-missile-concept (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[2] MULTI BARREL Rocket Launcher. [Электронный ресурс] // URL: https://www.roketsan.com.tr/en/products/multi-barrel-rocket-launcher (дата обращения: 10.02.2025 г.); Iran Conducts First Live Firing of New 9-Dey Air Defense Missile Due to Rising Threat of Israeli Strikes. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.01.2025 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/iran-conducts-first-live-firing-of-new-9-dey-air-defense-missile-due-to-rising-threat-of-israeli-strikes (дата обращения: 06.02.2025 г.); Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд.2, электронное, периодическое, исп. и доп. г. Тула, 2024 г. — 3120 С. (с поисковой системой). Дата внесения последних изменений: 31.12.2024 г. Раздел: Чехословакия. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/rszo-obzor (дата обращения: 16.02.2025 г.); Yaakov Lappin & Jeremy Binnie. IDF confirms SPYDER air-defence system was rushed into service. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.02.2025 г. // URL: https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/weapons/idf-confirms-spyder-air-defence-system-was-rushed-into-service (дата обращения: 06.02.2025 г.).

[3] Шунков В. Н. Оружие Вермахта. Минск: Харвест, 1999. С. 238, 240, 245.

[4] Изображение слева из личного электронного архива автора. Источник утерян; Bundesarchiv_Bild_101I-216-0417-09... [Электронный ресурс] // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_101I-216-0417-09,_Russland,_schwerer_Wurfrahmen_an_Sch%C3%BCtzenpanzer.jpg (дата обращения: 28.01.2009 г.).

[5] GMARS Global Mobile Artillery Rocket System. [Электронный ресурс] // URL: https://www.rheinmetall.com/en/products/tactical-wheeled-vehicles/wheeled-armoured-vehicles/gmars (дата обращения: 31.12.2024 г.).

[6] Информационный листок № 41-38. Реактивные мины, применяемые в германской армии. Исх. АК ГАУ 0\3008\3875 30\VII 1941. Подлинник // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12094. Д. 312. Л. 25.

[7] Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. 1-я книга. Создание ракетного вооружения тактического назначения 1941–1956 гг. М.: Конструкторское бюро общего машиностроения, 1967. С. 34; Постановление ГОКО-1867сс от 4 июня 1942 г. О принятии на вооружение Красной Армии и о производстве снарядов М-30 // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38. Л. 89.

[8] Постановление ГОКО № 2628сс от 15 декабря 1942 г. О производстве снарядов М-31 // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 210.

[9] Васильев А. Н., Михайлов В. П. Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор». М.: Наука, 1991. С. 70; Выписки из отчетов начальника опергруппы ГМЧ СЗФ о боевой деятельности и ГМЧ по вопросу о боевой эффективности снарядов М-30 и списки работников ГУВ ГМЧ и завода «Компрессор» НКМВ, представленных к государственной премии за разработку снарядов метательного устройства «М-30» (15.10.1942 г. – 15.03.1943 г.) // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 213. Л. 24.

[10] Технические условия на изготовление ремонт установок М-8 и М-13, журналы ГУВ ГМЧ по утверждению чертежей и ведомостей изменения чертежей установок М-8, саней-волокуш для перевозки рам и боеприпасов М-30, переписка с заводами по этим вопросам (30.01.1943 г. – 18.12.1943 г.) // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 331. Л. 36 об.

[11] Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ... С. 34, 36.

[12] Там же. С. 48.

[13] Артиллерия и ракеты. М.: Воениздат, 1968. С. 274; Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 534.

[14] Такой же подход применен в конструкциях боевых машин БМ-14 и БМ-24 — первых послевоенных БМ, т. е. одно основание в виде поворотной части для монтажа различных пакетов направляющих.

[15] Письмо от 30 марта 1949 г., исх 1145254с/31.03.1949 г. от генерал-полковника артиллерии Неделина командующему артиллерией Вооруженных сил главному маршалу артиллерии товарищу Воронову Н. П. Копия 31.03.1949 г. Дата печати документа: 26.03.49 г. // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 572340. Д. 92. Л. 4–5 об. Подлинник в том же деле: ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 572340. Д. 92. Л. 27–28 об.; Письмо без названия, подписей и мест для них. Первый абзац письма: Изучение в ГАУ замечаний по отечественному вооружению... Завизировано нач-ком 1 отдела ОРПУ полковником Бычковым. 12.04.1946 г. Дата печати документа 08.04.1946 г. // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 119120сс. Д. 37. Л. 116, 121, 126, 126 об.

[16] Studebaker US6 U-3 M-31-12 Rocket Launcher. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.11.2004 г. // http://www.o5m6.de/redarmy/studebaker_us6_u3_bm_31_12.php (дата обращения: 23.02.2025 г.).

[17] Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ... С. 50–51.

[18] ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12200. Д. 658. Л. 45–47.

[19] Гуров С. В. Электронный облик фотографии из отчета об испытании на детонацию мин М-28; Фотография посередине из личного электронного архива автора. Источник утерян. ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12200. Д. 658. Л. 47.

[20] Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ... С. 34.

[21] Постановление ГОКО № 2135сс от 4 августа 1942 г. О производстве снарядов М-20 и М-30 в августе и сентябре 1942 года // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

[22] Первов М. Родилась в Москве «Катюша». Исторический очерк. М.: ИД «Столичная энциклопедия», 2010. С. 177.

[23] Особые указания по применению направляющих М-20 на станках М-30 для стрельбы снарядами М-20. 09.09.1942г. Экз № 5. Неподписанный документ // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12196. Д. 564. Л. 2, 2 об.

[24] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд. 2-е, электронное, периодическое, исп. и доп. Тула., 2024 г. — Раздел: Россия (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[25] Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне... С. 76–77; Гуров С. В. Макет турбореактивного снаряда М-28 в транспортно-пусковой раме из экспозиции ВИМАИВиВС (Россия, Санкт-Петербург). [Электронный облик] // URL: https://missilery.info/gallery/m-28-0 (дата обращения: 10.02.2025 г.).

[26] Гуров С. В. Электронный облик фотографии из отчета об испытании на детонацию мин М-28, снаряженных АТ, АК и Т и поверка воспламеняемости и горения зарядов. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/m-28 (дата обращения: 10.02.2025 г.).

[27] Из беседы с Вячеславом Ивановичем Подчуфаровым. 2017 г.

[28] Гуров С. В. Облегченный вариант РСЗО «Смерч» на выставке Russian ExpoArms-2009. [Электронный вариант] // URL: https://missilery.info/gallery/expoarms-2009 (дата обращения: 06.02.2025 г.).

[29] Гуров С. В. Стрельбовые испытания опытного образца боевой машины 9А52-4 РСЗО «Смерч». [Электронный вариант] // URL: https://missilery.info/gallery/9a52-4-tests (дата обращения: 06.02.2025 г.).

[30] Гуров С. В. Реактивная система залпового огня 9К512 «Ураган-1М». [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/uragan-1m (дата обращения: 08.02.2025 г.).

[31] Шунков В. Н. Энциклопедия реактивной артиллерии. Минск: ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа», 2004. С. 120–121.

[32] Ракетные войска тактического назначения ДНР. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.05.2018 г. // URL: https://bmpd.livejournal.com/3195968.html (дата обращения: 23.02.2025 г.); Гуров С. В. Ракетная техника в нынешнем военном конфликте на Украине (Часть 4). [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/donbass4 (дата обращения: 10.02.2025 г.).

[33] Гуров С. В. 1) Реактивные системы залпового огня... Раздел: США (дата обращения: 23.02.2025 г.); 2) Ракетная техника в нынешнем военном конфликте на Украине (Часть 4).

[34] Гуров С. В. Реактивная система залпового огня MLRS. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/mlrs (дата обращения: 10.02.2025 г.).

[35] Exclusive | Belgium could purchase rocket launcher systems to modernize its artillery capabilities. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.02.2025 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/exclusive-belgium-could-purchase-rocket-launcher-systems-to-modernize-its-artillery-capabilities (дата обращения: 04.02.2025 г.).

[36] Brian Everstine. Future Precision Strike Missile To Feature Smart Submunition. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.08.2024 г. // URL: https://aviationweek.com/shows-events/smd-symposium/future-precision-strike-missile-feature-smart-submunition (дата обращения: 20.11.2024 г.).

[37] Оперативно-тактический ракетный комплекс ATACMS. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/atacms (дата обращения: 22.02.2025 г.).

[38] Гуров С. В. 1) Реактивная система залпового огня MLRS. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/mlrs (дата обращения: 10.02.2025 г.); 2) Реактивная система залпового огня HIMARS. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/himars (дата обращения: 10.02.2025 г.).

[39] Robert Burns. At least 50 Taliban leaders die in HIMARS strike in Afghanistan, US says. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.05.2018 г. // URL: https://www.militarytimes.com/flashpoints/2018/05/30/at-least-50-taliban-leaders-die-in-himars-strike-in-afghanistan-us-says/ (дата обращения: 03.11.2019 г.).
[40] Exclusive: Lockheed Martin Demonstrates Autonomous HIMARS Rocket Launcher to Advance US Army Modernization. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.12.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/exclusive-lockheed-martin-demonstrates-autonomous-himars-rocket-launcher-to-advance-us-army-modernization (дата обращения: 24.12.2024 г.).
[41] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Бразилия (дата обращения: 07.02.2025 г.).
[42] Astros II Mk6 of Indonesian Army firing SS-09TS rocket. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.12.2024 г. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Astros_II#/media/File:Indonesian_Army_Astros_MRLS_firing_a_salvo_2017.jpg (даты обращений: 26.02.2025 г. и 03.03.2025 г.).
[43] Victor Barreira. Avibras in talks with Saudi firm as it seeks financial recovery. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.02.2024 г. // URL: https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/industry/avibras-in-talks-with-saudi-firm-as-it-seeks-financial-recovery (дата обращения: 06.02.2025 г.).
[44] Гуров С. В. Об опытной бразильской реактивной системе Armadillo ТА-2 на базе бронеавтомобиля «Тигр» российского производства (обновлено 31.05.2017 г.). [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/news/armadillo-ta-2 (дата обращения: 06.02.2025 г.).
[45] Victor Barreira, Гуров С. В. О работах по опытной ракетной системе Armadillo ТА-2. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 02.05.2019 г. // URL: https://missilery.info/news/o-rabotah-po-opytnoy-raketnoy-sisteme-armadillo-ta-2 (дата обращения: 15.02.2025 г.).
[46] Victor Barreira; Гуров С. В. (русский вариант). Специалисты бразильской организации Mac Jee разработали усовершенствованный вариант БМ РСЗО Armadillo. [Электронный вариант]. Дата обновления: 25.11.2021 г. // URL: https://missilery.info/news/armadillo (дата обращения: 03.03.2025 г.).
[47] Πολλαπλοί Εκτοξευτές Πυραύλων PULS: Στην τελική ευθεία για συμφωνία απόκτησης 38 συστημάτων με εμβέλεια 300 χιλιόμετρα. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.12.2024 г. // URL: https://www.onalert.gr/eksoplismoi/pollaploi-ektoxeytes-pyraylon-puls-stin-teliki-eytheia-gia-symfonia-apoktisis-38-systimaton-me-emveleia-300-chiliometra/602619/(дата обращения: 06.12.2024 г.).
[48] PULS™ Precise and Universal Launching System. [Электронный ресурс] // URL: https://elbitsystems.com/product/puls/ (дата обращения: 31.12.2024 г.).
[49] Πολλαπλοί Εκτοξευτές Πυραύλων PULS...
[50] PULS™ Precise and Universal Launching System... (дата обращения: 23.02.2025 г.).
[51] EuroPULS Rocket Artillery System, Israel. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 28.06.2024 г. // URL: https://www.army-technology.com/projects/europuls-rocket-artillery-system-israel/ (дата обращения: 23.02.2025 г.).
[52] Royal Thai Army Evaluates D11A MLRS Inspired by Israel's PULS System. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 11.09.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/royal-thai-army-evaluates-d11a-mlrs-inspired-by-israels-puls-system (дата обращения: 11.09.2024 г.).

[53] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Румыния (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[54] Реактивная система залпового огня Pinaka. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/pinaka (дата обращения: 30.09.2021 г.); Guided Pinaka Rocket System. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.06.2019 г. // URL: https://www.drdo.gov.in/guided-pinaka-rocket-system (дата обращения: 03.10.2021 г.); Guided Pinaka Rocket System. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.09.2019 г. // URL: https://www.drdo.gov.in/guided-pinaka-rocket-system-0 (дата обращения: 03.10.2021 г.); Гуров С. В. Реактивная система залпового огня 9К58 «Смерч». [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/smerch (дата обращения: 03.10.2021 г.); APKWS® Laser-Guided Rocket. [Электронный ресурс] // URL: https://www.baesystems.com/en-us/product/apkws-laser-guided-rocket (дата обращения: 03.10.2021 г.).

[55] Реактивная система залпового огня Pinaka. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/pinaka (дата обращения: 30.09.2021 г.).

[56] Pinaka повысила точность. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 31.05.2018 г. // URL: https://warspot.ru/12058-pinaka-povysila-tochnost (дата обращения: 14.06.2018 г.).

[57] Фотография: Shiv Aroor (Индия). Предоставлена автору данной статьи в декабре 2011 г.

[58] First Delivery of Pinaka MLRS to Armenia Showcases India's Rising Defense Exports. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.11.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/first-delivery-of-pinaka-mlrs-to-armenia-showcases-indias-rising-defense-exports (дата обращения: 26.11.2024 г.)

[59] Indian Army to modernize artillery as mass production of Guided Pinaka rocket launcher begins. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.11.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/indian-army-to-modernize-artillery-as-mass-production-of-guided-pinaka-rocket-launcher-begins (дата обращения: 23.11.2024 г.)

[60] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Чили (дата обращения: 16.02.2025 г.); Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 780, 781.

[61] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Турция (дата обращения: 16.02.2025 г.); MULTI BARREL Rocket Launcher. ...

[62] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Словакия (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[63] Там же. Раздел: Тайвань (дата обращения: 16.02.2025 г.); Реактивная система залпового огня Thunderbolt-2000. [Электронный ресурс] // URL: https://zonwar.ru/artileru/reakt_sistem.html/Thunderbolt-2000.html (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[64] EXTRA artillery rocket system. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 10.11.2024 г. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/EXTRA_artillery_rocket_system (дата обращения: 23.02.2025 г.).

[65] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Казахстан (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[66] Гуров С. В. 1) Реактивная система залпового огня WM-120. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/wm120 (дата обращения: 01.11.2020 г.); 2) Реактивные системы залпового огня. Обзор. 10 лет спустя. Разделы: Россия,

Китай (даты обращений: 04.11.2020 г. и 28.10.2020 г.); Рекламный буклет Китайской корпорации NORINKO. AR1A 300mm Multiple Launch Rocket System. 2008 год; New rocket launcher shows versatility, superiority: report. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 11.05.2019 г. // URL: http://eng.chinamil.com.cn/view/2019-11/05/content_9668961.htm (дата обращения: 28.12.2019 г.); Christopher F Foss. IDEX 2017: China develops SR7 rocket launcher. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.02.2017 г. // URL: http://www.janes.com/article/67936/idex-2017-china-develops-sr7-rocket-launcher (дата обращения: 04.06.2017 г.); PR50 Sandstorm 122 mm MLRS Multiple Launch Rocket System. [Электронный ресурс] // URL: http://www.armyrecognition.com/china_artillery_vehicles_and_weapon_systems_uk/pr50_sandstorm_122mm_mlrs_multiple_launch_rocket_system_technical_data_sheet_specifications_pictures.html (дата обращения: 27.12.2016 г.); MoD Sets Better Specs for MLRS. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.10.2012 г. // URL: http://pena-abad.blogspot.ru/2012/10/mod-sets-better-specs-for-mlrs.html (дата обращения: 09.12.2014 г.).

[67] Šumadija (multiple rocket launcher). [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/%C5%A0umadija_(multiple_rocket_launcher) (дата обращения: 12.05.2020 г.); Новое сербское вооружение. [Электронный ресурс]. URL: https://vpk.name/news/240786_novoe_serbskoe_vooruzhenie.html (дата обращения: 12.05.2020 г.).

[68] Živojin Banković. Politika: Srbiji će u 2020. godini biti isporučeni dodatni lovci MiG-29, sistemi PVO Pancir i bespilotne letelice CH-92A. [Электронный ресурс]. URL: https://tangosix.rs/2020/06/01/politika-srbiji-ce-u-2020-godini-biti-isporuceni-dodatni-lovci-mig-29-sistemi-pvo-pancir-i-bespilotne-letelice-ch-92a/ (дата обращения: 13.05.2020 г.).

[69] Serbia unveils LRSVM M18 new modular multi-caliber rockets-missiles launcher vehicle. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.06.2020 г. // URL: https://armyrecognition.com/focus-analysis-conflicts/army/defence-security-industry-technology/serbia-unveils-lrsvm-m18-new-modular-multi-caliber-rockets-missiles-launcher-vehicle (дата обращения: 23.02.2025 г.).

[70] Там же; New Capabilities of Missile Artillery with Modulated “Oganj”. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 16.08.2020 г. // URL: https://www.mod.gov.rs/eng/16333/nove-mogucnosti-raketne-artiljerije-uz-modularni-oganj-16333 (дата обращения: 23.02.2025 г.).

[71] МОДУЛЬНАЯ РСЗО LRSVM MORAVA (СЕРБИЯ) MODULAR MLRS LRSVM MORAVA (SERBIA). [Электронный ресурс] // URL: http://nevskii-bastion.ru/lrsvm-morava-serbia/ (дата обращения: 11.05.2020); Artillery [Электронный ресурс] // URL: https://www.edepro.com/products-and-services/rockets/artillery (дата обращения: 15.02.2025 г.).

[72] Šumadija (multiple rocket launcher). [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/%C5%A0umadija_(multiple_rocket_launcher) (дата обращения: 12.05.2020 г.).

[73] Сербская многокалиберная ракетная система в Египте. [Электронный ресурс]. URL: https://vpk.name/news/237997_serbskaya_mnogokalibernaya_raketnaya_sistema_v_egipte.html (дата обращения: 11.05.2020 г.).

[74] Christopher F Foss. Serbia showcases modular rocket launcher. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 02.07.2019 г. // URL: https://www.janes.com/

article/89631/serbia-showcases-modular-rocket-launcher (дата обращения: 03.07.2019 г.).

[75] Minister Vulin: We are increasing our combat readiness. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.gov.rs/eng/15942/ministar-vulin-unapredjujemo-borbenu-gotovost-15942 (дата обращения: 30.04.2020 г.).

[76] New Capabilities of Missile Artillery with Modulated «Oganj»...

[77] Živojin Banković. Politika: Srbiji će u 2020. godini biti isporučeni dodatni lovci MiG-29, sistemi PVO Pancir i bespilotne letelice CH-92A. [Электронный ресурс]. URL: https://tangosix.rs/2020/06/01/politika-srbiji-ce-u-2020-godini-biti-isporuceni-dodatni-lovci-mig-29-sistemi-pvo-pancir-i-bespilotne-letelice-ch-92a/ (дата обращения: 13.05.2020 г.).

[78] Poland Receives New South Korean Homar-K Chunmoo Multiple Rocket Launchers for Artillery Units. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.10.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/poland-receives-new-south-korean-homar-k-chunmoo-multiple-rocket-launchers-for-artillery-units (дата обращения: 18.10.2024 г.).

[79] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Южная Корея (дата обращения: 07.02.2025 г.).

[80] Poland Receives New South Korean Homar-K Chunmoo Multiple Rocket Launchers for Artillery Units...

[81] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня... Раздел: Таиланд (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[82] Jon Grevatt. Defense & Security 2022: Thailand, Elbit partner on D11A multiple rocket launcher. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.08.2022 г. // URL: https://www.janes.com/defence-news/land-forces/latest/defense-security-2022-thailand-elbit-partner-on-d11a-multiple-rocket-launcher (дата обращения: 30.08.2022 г.).

[83] Jon Grevatt. Defense & Security 2023: Thailand progresses D11A development. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.11.2023 г. // URL: https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/defence/defense-security-2023-thailand-progresses-d11a-development (дата обращения: 06.11.2023 г.); Jon Grevatt. Defense & Security 2022: Thailand, Elbit partner on D11A...

[84] Thai army starts D11A trials. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.08.2024 г. // URL: https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/weapons/thai-army-starts-d11a-trials (дата обращения: 13.08.2024 г.); Royal Thai Army Evaluates D11A MLRS Inspired by Israel's PULS System...

[85] IDEX 2025: UAE's Calidus Revolutionizes Artillery with New BARQ Multi-Caliber Rocket Launcher Vehicle. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 17.02.2025 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/idex-2025-uaes-calidus-revolutionizes-artillery-with-new-barq-multi-caliber-rocket-launcher-vehicle (дата обращения: 17.02.2025 г.).

[86] Гуров С. В. Из истории развития боевых машин РСЗО с транспортно-пусковыми контейнерами. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/article/tpk.

С. В. Гуров (Санкт-Петербург — Тула)

О РАБОТАХ В ОБЛАСТИ БЕЗЭКИПАЖНЫХ БОЕВЫХ МАШИН РСЗО

ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ работ по роботизации функций действий номеров расчетов[1] реактивных систем залпового огня — создание безэкипажных боевых машин. Эти работы, в частности, проводятся на основе изучения информации с театров военных действий.

К настоящему моменту известны работы, проведенные в России, на Украине, в Германии, США и Южной Корее[2].

Россия

Согласно данным от 2021 г., работники государственной корпорации «Ростех» и ее дочерних структур проводили работы над совершенствованием РСЗО в направлениях, не отличающихся от тенденций их развития в мире. Это «повышение дальности и точности стрельбы, могущества боеприпасов, расширение круга эффективно решаемых боевых задач, автоматизации процесса ведения огня, роботизация боевых машин и другие»[3], о чем было в целом известно и ранее (2006 г.)[4].

Также, в будущем, может появиться роботизированная РСЗО. В результате работ будет исключена возможность нахождения номеров расчета БМ в опасной зоне. При этом будет сохранена «возможность управления РСЗО человеком из кабины боевой машины» (данные 2022 г.)[5].

В ноябре 2023 г., со ссылкой на слова индустриального директора комплекса обычных вооружений, боеприпасов и спецхимии госкорпорации «Ростех» Бекхана Оздоева для ТАСС, сообщалось, что в перспективе на базе боевых машин реактивных систем

залпового огня «Град» и «Смерч» могут быть созданы роботизированные системы реактивной артиллерии[6].

В марте 2024 г. появилась информация о работах по роботизированной платформе с артиллерийской частью, создаваемой в Новосибирске. Новая разработка получила название «Ежик-РСЗО». Изделие предназначено под перспективные боеприпасы кумулятивно-осколочного типа массой 600 г с возможностью пробивать до 200 мм брони. Оно должно будет применяться на коротких дистанциях и быть способным незаметно приближаться к опорному пункту противника, чтобы уничтожить его, а также технику[7]. Однако из-за отсутствия более точных данных о боеприпасе автор ставит под сомнение, что мы имеем дело с образцом реактивной артиллерии.

Украина

К концу второго десятилетия XX в. относятся работы по двум вариантам безэкипажных систем. Один из них — с блоком для пуска ракет калибра 80 мм, а второй — с блоком для пуска ракет калибра 80 мм и противотанковой управляемой ракеты.

26 июля 2017 г. в сети Интернет была опубликована информация об испытании на территории Гончаровского полигона

Ил. 1. Вариант безэкипажной боевой машины во время стрельбовых испытаний (Украина)

Ил. 2. Вариант безэкипажной боевой машины во время стрельбовых испытаний (Украина)

специалистами Государственного концерна «Укроборонпром» опытного образца дистанционно-управляемой боевой машины, предназначенной для пуска ракет РС-80 калибра 80 мм[8] разработки работников ГАХК «Артем»[9], наиболее вероятно являющихся неуправляемыми авиационными ракетами калибра 80 мм или вариантом/вариантами на их основе. По другим данным, испытания проводились на территории Горчаковского полигона вооруженных сил Украины под Черниговом в присутствии секретаря СНБО (Совета национальной безопасности и обороны) Украины Александра Турчинова[10]. По его словам, новый образец «одним своим видом способен напугать врага». «Если его увидят наши враги, они будут бежать, не дожидаясь, пока он откроет огонь», — сказал секретарь СНБО Украины[11], что можно больше отнести к элементу пропаганды, чем к реальности. В ходе испытаний были поражены все заданные цели, а также проверена работа смонтированного модуля (артиллерийской части) в полевых условиях[12] (ил. 1[13], 2[14]).

Модели (выставочные образцы) боевых машин экспонировались на выставке в рамках ежегодной конференции Ассоциации американской армии (AUSA 2017, 9–11 октября 2017 г., Вашингтон, США)[15] (ил. 3[16]) и на Международной выставке по обороне и конференции IDEX-2019 (IDEX 2019, 17–21 февраля 2019 г., Абу-Даби, ОАЭ)[17] (ил. 4[18]).

Ил. 3. Макет безэкипажной боевой машины с противотанковым ракетным комплексом (Украина) на выставке AUSA 2017 (США)

Ил. 4. Макет безэкипажной боевой машины (Украина) на выставке IDEX-2019 (ОАЭ)

Артиллерийская часть смонтирована на доработанном шасси дистанционно-управляемого бронетранспортера (БТР) «Фантом-2» (Phantom-2[19], Phantom 2[20], Fantom-2[21]) с колесной формулой 8×8. Анализ имеющихся фотографий позволяет выделить следующие основные конструктивные элементы артиллерийской части боевой машины: основание, поворотный и подъемный механизмы, приборы наведения и, предположительно, целеуказания, блок (блок Б8В20-А[22] или его аналог) для пуска неуправляемых авиационных ракет (ракет РС-80), балочный держатель или конструкция на его основе. Ручные приводы наведения отсутствуют.

Одним из недостатков изученного образца боевой машины можно считать невозможность автоматизированного перезаряжания блока на поле боя во время движения. Для этой цели будет необходимо вывести боевую машину с поля боя в укрытое место (на техническую позицию). В это время она может стать целью для поражения. Для предотвращения этого подобные машины стоит оснащать средствами маскировки от возможности поражения высокоточным вооружением, т. е. оснащать средствами дымомаскировки.

Германия

К концу второго десятилетия XX в. относятся работы по безэкипажной боевой машине с двумя блоками для пуска неуправляемых авиационных ракет или вариантов на их основе.

В первом полугодии 2019 г. делегации из 53 стран собрались на территории испытательного полигона «Оверберг» (Overberg Test Range) за пределами Арнистона в Южной Африке, чтобы принять участие в одном из самых крупных мировых показов с натурными стрельбами: «Показ возможностей боеприпасов 2019» (Ammunition Capability Demonstration 2019 (ACD2019).

В ходе мероприятия был продемонстрирован широкий диапазон вооружения и боеприпасов. В частности, внимание участников привлекла новая вооруженная безэкипажная наземная машина, представленная специалистами организации Rheinmetall. Из недавно разработанного на тот момент изделия Mission Master — Protection от работников организации Rheinmetall была выполнена стрельба залпом из 14 ракет, доставляя к цели 60 кг взрывчатого вещества за 1,6 секунды, что являлось настоящим достижением

Ил. 5. Вариант безэкипажной боевой машины (Германия)

при наземном применении. В состав этого изделия входит модуль вооружения Fieldranger Multi от специалистов организации Rheinmetall, в состав которого включены блоки для стрельбы ракетами калибра 70 мм от работников организации Thales.

Во время показа, выполненного на территории испытательного полигона «Оверберг», применялась дистанционно-управляемая система, работающая по полностью цифровому сценарию, со стрельбой, управляемой посредством солдатской системы Argus от специалистов организации Rheinmetall, — возможно, впервые в мире. Специалисты организаций Rheinmetall и Thales подчеркнули необходимость (требование) конфигурации «человек в контуре». Это означает, что оператор обладает полным контролем над системой вооружения, от получения данных о цели до окончательной команды на выполнение стрельбы.

Как было продемонстрировано во время показа изделия Mission Master-Protection на мероприятии ACD2019, вооруженная безэкипажная наземная машина открывает широкий диапазон новых возможностей. В то время как минимизируется риск для дружественных (союзнических) сил, посредством нового изделия обеспечивается повышение боевой мощи спешившихся военнослужащих обеспечением ближней огневой поддержки.

С помощью машины можно выполнять автономные военные задачи с высокой степенью риска в сегодняшнем (современном) сложном боевом пространстве[23] (ил. 5[24]).

США

В США к концу второго десятилетия – первой половине третьего десятилетия XXI в. относятся работы по двум вариантам безэкипажных боевых машин на основе БМ РСЗО HIMARS: автономной многоцелевой боевой машине (Autonomous Multi-domain Launcher – AML) и безэкипажном варианте боевой машины РСЗО HIMARS. Работы по изделию AML ведутся как минимум с 2019 г. Целью армии США является создание боевой машины с увеличенной в три раза огневой мощью (3 транспортно-пусковых контейнера вместо 1). Должна быть снижена логистическая нагрузка и обеспечиваться повышенная мобильность благодаря возможности транспортировки на борту самолета C-130 Hercules[25] (ил. 6[26]).

В 2021 г. сообщалось, что изделие AML представляет собой инициативу представителей объединенной группы по средствам обеспечения дальнего огневого воздействия, авиационно-ракетного центра DEVCOM (DEVCOM AvMC) и научно-технического центра DEVCOM (DEVCOM GVSC) по разработке и показу автономной безэкипажной высокомобильной, транспортируемой с помощью военно-транспортного самолета C-130 боевой машины. Прототип (опытный образец) боевой машины будет обладать автономностью ведущего и ведомого, автономной навигацией по путевым точкам, электронным управлением, дистанционным управлением артиллерийской части и возможностью выполнения операций по управлению огнем. Она будет способна обеспечивать пуски боеприпасов большей длины, оставаясь совместимой с существующими боеприпасами.

В июне 2021 г. был проведен показ нетрадиционной боевой машины. Представители авиационно-ракетного центра DEVCOM, научно-технического центра DEVCOM и 18-й полевой артиллерийской бригады (FA BDE) при поддержке представителей объединенной группы по средствам обеспечения дальнего огневого воздействия (LRPF CFT) провели показ натурной стрельбы, начальных технологических возможностей изделия AML, которое представляет собой изделие (БМ РСЗО) HIMARS

Ил. 6. Графические изображения боевой машины РСЗО HIMARS (сверху) и безэкипажной боевой машины (снизу) на основе БМ РСЗО HIMARS (США)

с дистанционным управлением (беспроводная дистанционная стрельба и управление) с использованием комплектов дистанционного управления движением и огнем, разработанных для показа концепции без внесения постоянных изменений в исходную машину. Эта нетрадиционная боевая машина использовалась для демонстрации возможностей полуавтономного вождения и управления ею и сбора отзывов от военнослужащих/руководителей для определения будущих конструктивных решений, выявления проблем физической и кибербезопасности для безэкипажных боевых машин и оценки потребностей в связи для объединения экипажных и безэкипажных групп. Показ проводился в Форт-Силл (штат Оклахома, США) и завершился выполнением натурной стрельбы в несколько заходов[27].

25 апреля 2024 г. было сообщено, что в рамках работ по автономной многоцелевой боевой машине (Autonomous Multi-domain

Launcher) достигнут еще один значительный успех: представители объединенной группы авиационно-ракетного центра Командования по развитию боевых возможностей армии США и Центра систем наземных транспортных средств провели успешный натурный пуск учебно-тренировочного реактивного снаряда уменьшенной дальности с изделия AML на полигоне Юма (штат Аризона, США). «Команда усердно работала в течение последних четырех лет, чтобы достичь этой вехи — запуска дальнобойной ракеты с полностью роботизированной платформы», — сказал Лукас Хантер, руководитель проекта AML в DEVCOM AvMC.

Одной из основных целей AML является предоставление огневым средствам дополнительных пусковых платформ для ведения массированного огня с минимальным влиянием на укомплектованность войск. AML также позволит армии в три раза увеличить огневую мощь и длину транспортно-пусковых контейнеров.

Во время испытаний были выполнены три пуска учебно-тренировочных снарядов в рамках последовательной задачи. В общей сложности из изделия AML было успешно запущено шесть реактивных снарядов, что позволило продемонстрировать способность боевой машины автономно маневрировать из укрытия к огневой позиции, разворачиваться на заданный курс и выполнять команды управления огнем с позиции удаленного наводчика.

В течение недели, предшествовавшей первым натурным стрельбам, изделие AML успешно продемонстрировало каждый из режимов мобильности: телеоперации, навигацию по путевым точкам и конвойные операции[28] (работа в составе колонны). Были отработаны выход со скрытой стоянки, занятие огневой позиции, наведение артиллерийской части с транспортно-пусковыми контейнерами в соответствии с координатами и выполнение команды по поражению цели[29].

«Команда по изделию AML использовала три основные научно-технические инвестиции армии — полевую артиллерийскую установку, смонтированную на платформе, автономную транспортную систему и безопасный источник питания военного назначения — для проведения быстрой и экономичной разработки прототипа (опытного образца) изделия AML», — сказал Хантер.

Успех изделия AML на территории испытательного полигона «Юма» (YPG) открыл дорогу к следующим испытаниям на Valiant Shield 24 — совместных полевых учениях летом 2024 г.[30]

Ил. 7. Момент стрельбы высокоточной ударной ракетой PrSM во время учений Valiant Shield 24 24 июня 2024 г. Автор фотографии: сержант Нелло Миле (Sgt. Nello Miele)

Американские солдаты из 3-й многофункциональной оперативной группы и 1-го дивизиона 181-го полка полевой артиллерии Национальной гвардии Теннесси применили автономную многофункциональную боевую машину (AML) для запуска двух высокоточных ударных ракет (PrSM) во время учений Valiant Shield 24 sink (SINKEX) на территории международного аэропорта Палау (Айрай, Республика Палау) 16 июня 2024 г. Во время этих учений с помощью изделия AML была поражена морская цель вместе с другими совместными средствами. Учения Valiant Shield 24 SINKEX ознаменовали первое применение изделий AML и PrSM за пределами территории США и стали важным этапом в развитии возможностей армии США по ведению огня по целям, расположенным на больших расстояниях от точки пуска боеприпаса/боеприпасов[31] (ил. 7[32]).

19 декабря 2024 г. на сайте организации Lockheed Martin сообщено об успешном показе возможности боевой машины РСЗО HIMARS® без номеров расчета (хотя в видеоролике показано только шасси без артчасти и человеком в кабине, который контролирует процесс дистанционного управления), что стало

Ил. 8. Шасси для безэкипажной боевой машины на основе БМ РСЗО HIMARS (США) во время испытаний

важным этапом в развитии автономных систем, способных действовать совместно с управляемыми человеком транспортными средствами (ил. 8[33]).

4 декабря нетрадиционная боевая машина продемонстрировала свою способность перемещаться без водителя с помощью не излучающих сенсоров (датчиков) распознавания, что позволяет беспрепятственно ее эксплуатировать в дневных и ночных условиях без номеров расчета. Это достижение ознаменовало собой значительный шаг вперед в разработке автономного решения, которое может быть легко интегрировано в существующий парк боевых и транспортно-заряжающих машин (машин пополнения боезапаса) РСЗО HIMARS.

В перспективе армия планирует объединить вариант РСЗО HIMARS с номерами расчета с автономной ведомой боевой машиной, что позволит повысить эффективность и результативность проведения артиллерийских операций. В 2025 г. работники организации Lockheed Martin разработают мероприятия по планированию задач, которые позволят снизить когнитивную нагрузку на военнослужащих, взаимодействующих с автономной боевой машиной. Еще один показ запланирован на вторую половину 2025 г.[34]

Ил. 9. Макеты боевой машины РСЗО Chunmoo (слева) и перспективной безэкипажной боевой машины (Южная Корея) на выставке KADEX 2024 (Южная Корея)

Южная Корея

На выставке KADEX 2024, проходившей в Южной Корее в период со 2 по 6 октября 2024 г.[35], была представлена новая система залпового огня следующего поколения — безэкипажная амфибийная боевая машина, разработанная для применения в ходе операций по высадке десантов на побережье с моря (десантных операций; амфибийных операций[36]). Она обеспечивает расширенные возможности по оказанию огневой поддержки как на этапе подхода к морю, так и после высадки десанта. Может эксплуатироваться на бортах крупных транспортных судов, в частности, кораблей класса LPH (универсальных десантных кораблей[37]) и представляет собой значительное усовершенствование современных систем вооружения. Система также предназначена для работы в полностью автономном режиме или с меньшим количеством номеров расчета, следуя эксплуатационной модели, аналогичной для изделия K9A3, что позволяет решить будущие проблемы, связанные с сокращением личного состава военнослужащих.

Одной из ключевых особенностей новой системы является ее совместимость с существующими транспортно-пусковыми контейнерами южнокорейской реактивной системы залпового огня Chunmoo. Это максимально повышает ее работоспособность, позволяя вести огонь не только традиционными ракетами/реактивными снарядами, но и новыми типами ракетных боеприпасов. Такая универсальность делает ее стратегическим активом, повышая ее возможности в широком диапазоне оперативных (эксплуатационных) сценариев (ил. 9[38]). Эта безэкипажная ракетная/реактивная система отличается своей способностью обеспечивать взаимную огневую поддержку между северо-западными островами, обладая увеличенной дальностью стрельбы по сравнению с существующей РСЗО Chunmoo с боевой машиной с транспортно-пусковыми контейнерами. Это достижение имеет решающее значение в контексте операций на рассредоточенной местности, особенно в ходе контрбатарейных операций после высадки десанта. Применение технологии управления стабилизацией при стрельбе с борта обеспечивает точность и эффективность системы даже в нестабильной обстановке.

Текущие исследования и разработки направлены на дальнейшее совершенствование возможностей системы. В период с 2023 по 2026 г. ведутся работы по созданию технологии электронного стартового стола (пусковой платформы), призванной увеличить как дальность, так и номенклатуру ракетных боеприпасов. Ожидается, что эти инновации позволят ввести систему в эксплуатацию к 2033 г. и удовлетворить будущие потребности в огневой поддержке в сложной обстановке высадки морского десанта.

Компания, создавшая эту безэкипажную боевую машину, пока не уточняется, но ее работники намерены сделать рассматриваемое изделие ключевым игроком в поддержке как десантных, так и сухопутных операций. Благодаря расширенной совместимости, постоянному технологическому развитию и многообещающим перспективам усовершенствования, вполне вероятно, что эта машина получит более широкое распространение в рамках предстоящей модернизации вооруженных сил. Цель — предоставить вооруженным силам пусковую систему, способную отвечать меняющимся требованиям современных полей сражений, при этом адаптируясь к сокращению личного состава и необходимости повышения мобильности на морских и сухопутных театрах военных действий[39].

[1] Гуров С. В. 1) Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд. 1. Тула: Издательский дом «Пересвет», 2006. С. 3; 2) Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд. 2, электронное, периодическое, исп. и доп. Тула, 2024. 3120 с. (с поисковой системой). Дата внесения последних изменений: 31.12.2024 г. С. 3.

[2] Hidroan Unveils AZMAN UGV Convertible Into Manned Combat Vehicle at SAHA 2024. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.10.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/hidroan-unveils-azman-ugv-convertible-into-manned-combat-vehicle-at-saha-2024 (дата обращения: 24.10.2024 г.); Гуров С. В. Роботизированные комплексы с ракетным вооружением. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 09.01.2025 г. // URL: https://missilery.info/gallery/rk (дата обращения: 25.01.2025 г.).

[3] Александр Смирнов: российские РСЗО получат новый управляемый снаряд. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 14.07.2021 г. // URL: https://ria.ru/20210714/smirnov-1741064468.html (дата обращения: 18.07.2021 г.).

[4] Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Разделы: Слово к Читателю, Россия. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.12.2022 г. // URL: https://missilery.info/gallery/mlrsreview (даты обращений: 21.11.2022 г. и 03.12.2022 г.).

[5] НОВЫЙ РУССКИЙ БОЕВОЙ РОБОТ: ТЕПЕРЬ С РСЗО. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 15.08.2022 г. // URL: https://tsargrad.tv/news/novyj-russkij-boevoj-robot-teper-s-rszo_604826 (дата обращения: 11.12.2022 г.).

[6] На базе «Торнадо-С» могут создать роботизированную РСЗО. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.11.2023 г. // URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/19326483 (дата обращения: 30.01.2025 г.).

[7] Илья Максимов. Роботизированную систему залпового огня «Ежик-РСЗО» создают в России. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.03.2024 г. // URL: https://rg.ru/2024/03/21/robotizirovannuiu-sistemu-zalpovogo-ognia-ezhik-rszo-sozdaiut-v-rossii.html (дата обращения: 30.01.2025 г.).

[8] Российские «Грады» и рядом не стояли: в Сети опубликованы снимки стрельбы ракетами беспилотного БТР «Фантома-2». [Электронный ресурс] // URL: https://ru.1492news.com/news/44645_1501088301 (дата обращения: 27.07.2017 г.)

[9] УкрОборонПром показал новую ракетную систему на базе дрона Фантом-2. [Электронный ресурс] // URL: http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/244666-ukroboronprom-pokazal-novuyu-raketnuyu-sistemu/ (дата обращения: 27.07.2017 г.).

[10] Волков Константин. Видео: На Украине испытали беспилотный БТР с «эффектом Града». [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/2017/07/27/video-na-ukraine-ispytali-bespilotnyj-btr-s-effektom-grada.html (дата обращения: 27.07.2017 г.).

[11] Турчинову показали новейшее украинское оружие, которое способно одним своим видом напугать врага. [Электронный ресурс] // URL: http://newsrbk.ru/news/4722426-turchinovu-pokazali-noveyshee-ukrainskoe-oruzhie-kotoroe-sposobno-odnim-svoim-vidom-napugat-vraga.html (дата обращения: 27.07.2017 г.).

[12] Российские «Грады» и рядом не стояли: в Сети опубликованы снимки стрельбы ракетами беспилотного БТР «Фантома-2». [Электронный ресурс] // URL: https://ru.1492news.com/news/44645_1501088301 (дата обращения: 27.07.2017 г.).

[13] Гуров С. В. Блоки, неуправляемые авиационные ракеты для блоков и их составляющие для наземного и морского применений. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.01.2025 г. // URL: https://missilery.info/article/aviationforground (дата обращения: 27.01.2025 г.).

[14] УкрОборонПром показал новую ракетную систему на базе дрона Фантом-2. [Электронный ресурс] // URL: http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/244666-ukroboronprom-pokazal-novuyu-raketnuyu-sistemu/ (дата обращения: 27.07.2017 г.).

[15] Ukraine unveils new Phantom-2 unmanned tactical multipurpose vehicle at AUSA 2017. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.10.2017 г. // URL: https://defence-blog.com/army/ukraine-unveils-new-phantom-2-unmanned-tactical-multipurpose-vehicle-at-ausa-2017.html (дата обращения: 20.03.2019 г.); Daniel Wasserbly. AUSA 2018: Lockheed Martin plans ER GMLRS flight for mid-2019. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 10.10.2018 г. // URL: https://www.janes.com/article/83720/ausa-2018-lockheed-martin-plans-er-gmlrs-flight-for-mid-2019 (даты обращений: 09.11.2018 г., 10.01.2019 г.); 2017 AUSA ANNUAL MEETING & EXPOSITION A Professional Development Forum. [Электронный ресурс] // URL: http://ausameetings.org/2017annualmeeting/contact-us/ (дата обращения: 21.03.2019 г.).

[16] «Укроборонпром» представил беспилотный БТР «Фантом-2» на выставке вооружения AUSA-2017 в США. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 10.10.2017 г. // URL: https://itc.ua/news/ukroboronprom-predstavil-bespilotnyiy-btr-fantom-2-na-vyistavke-vooruzheniya-ausa-2017-v-ssha/ (дата обращения: 20.03.2019 г.).

[17] Ukraine unveils new heavy unmanned vehicle with a rocket launcher. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.07.2017 г. // URL: https://defence-blog.com/army/ukraine-unveils-new-heavy-unmanned-vehicle-with-a-rocket-launcher.html (дата обращения: 20.03.2019 г.); IDEX 2019 Международная выставка вооружения и оборонной промышленности. [Электронный ресурс] // URL: https://allfairs.ru/exhibitions/idex (дата обращения: 21.03.2019 г.).

[18] ГК «Укроборонпром» на IDEX-2019. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.02.2019 г. // URL: https://andrei-bt.livejournal.com/1124798.html (дата обращения: 20.03.2019 г.).

[19] Там же.

[20] President: Brand new Ukrainian military equipment successfully tested. Video. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.07.2017 г. // URL: https://www.ukrinform.net/rubric-defense/2274133-president-brand-new-ukrainian-military-equipment-successfully-tested-video.html (дата обращения: 20.03.2019 г.).

[21] Ukraine unveils new Phantom-2 unmanned tactical multipurpose vehicle at AUSA 2017. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.10.2017 г. // URL: https://defence-blog.com/army/ukraine-unveils-new-phantom-2-unmanned-tactical-multipurpose-vehicle-at-ausa-2017.html (дата обращения: 20.03.2019 г.).

[22] Рекламный разворот. Многофункциональные блоки для неуправляемых авиационных ракет. ROCKETS LAUNCHER. Открытое акционерное общество «АВИААГРЕГАТ». Самара.

[23] Rheinmetall Mission Master unmanned ground vehicle armed with 70mm rockets. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.06.2019 г. // URL: https://www.armyrecognition.com/weapons_defence_industry_military_technology_uk/

rheinmetall_mission_master_unmanned_ground_vehicle_armed_with_70mm_rockets.html (даты обращений: 09.07.2019 г. и 05.01.2020 г.); Гуров С. В. Блоки, неуправляемые авиационные ракеты для блоков и их составляющие для наземного и морского применений. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.01.2025 г. // URL: https://missilery.info/article/aviationforground (дата обращения: 27.01.2025 г.); Показ вооружения и военной техники производства компании Rheinmetall Denel Munition в ЮАР. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.03.2019 г. // URL: https://dambiev.livejournal.com/1547391.html (даты обращений: 09.07.2019 г. и 04.01.2020 г.); Rocket-launching Rheinmetall unmanned ground vehicle qualified at Overberg. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 04.04.2019 г. // URL: https://www.defenceweb.co.za/featured/rocket-launching-rheinmetall-unmanned-ground-vehicle-qualified-at-overberg/ (дата обращения: 09.07.2019 г.).

[24] Показ вооружения и военной техники производства компании Rheinmetall Denel Munition в ЮАР. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.03.2019 г. // URL: https://dambiev.livejournal.com/1547391.html (даты обращений: 09.07.2019 г. и 04.01.2020 г.).

[25] Огневая мощь выросла в разы: армия США испытала беспилотную РСЗО AML на базе HIMARS. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.05.2024 г. // URL: https://topwar.ru/241981-ognevaja-mosch-vyrosla-v-razy-armija-ssha-ispytala-bespilotnuju-rszo-aml-na-baze-himars.html (дата обращения: 02.02.2025 г.).

[26] HIMARSとAML (Autonomous Multidomain Launcher). [Электронный ресурс]. Дата обновления: 17.06.2021 г. // URL: https://x.com/rockfish31/status/1405302899224182786 (дата обращения: 01.02.2025 г.).

[27] AUTONOMOUS MULTI-DOMAIN LAUNCHER. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.2021 г. // URL: https://www.avmc.army.mil/Portals/51/Success%20Stories/AML/PR20210201%20AML%20Public%20Release%20Factsheet_Version%203_9_20_2021.pdf (дата обращения: 29.01.2025 г.).

[28] Katie Davis Skelley. Autonomous Multi-domain Launcher meets another program milestone. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.04.2024 г. // URL: https://www.army.mil/article/275666/autonomous_multi_domain_launcher_meets_another_program_milestone (дата обращения: 29.01.2025 г.).

[29] Огневая мощь выросла в разы: армия США испытала беспилотную РСЗО AML на базе HIMARS. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.05.2024 г. // URL: https://topwar.ru/241981-ognevaja-mosch-vyrosla-v-razy-armija-ssha-ispytala-bespilotnuju-rszo-aml-na-baze-himars.html (дата обращения: 02.02.2025 г.).

[30] Katie Davis Skelley. Autonomous Multi-domain Launcher meets another program milestone. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.04.2024 г. // URL: https://www.army.mil/article/275666/autonomous_multi_domain_launcher_meets_another_program_milestone (дата обращения: 29.01.2025 г.).

[31] Valiant Shield 24: Live Fire Exercise [Image 6 of 6]. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.06.2024 г. // URL: https://www.dvidshub.net/image/8495190/valiant-shield-24-live-fire-exercise (дата обращения: 02.02.2025 г.).

[32] Valiant Shield 24: Live Fire Exercise [Image 6 of 6]. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.06.2024 г. // URL: https://www.dvidshub.net/image/8495190/valiant-shield-24-live-fire-exercise (дата обращения: 02.02.2025 г.).

[33] Autonomous Solutions: Lockheed Martin Advances Uncrewed Capability for Combat-Proven HIMARS. [Электронный ресурс]. Дата обновления:

19.12.2024 г. // URL: https://www.lockheedmartin.com/en-us/news/features/2024/autonomous-solutions-lockheed-martin-advances-uncrewed-capability-for-combat-proven-himars.html (дата обращения: 31.01.2025 г.).

[34] Autonomous Solutions: Lockheed Martin Advances Uncrewed Capability for Combat-Proven HIMARS. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 19.12.2024 г. // URL: https://www.lockheedmartin.com/en-us/news/features/2024/autonomous-solutions-lockheed-martin-advances-uncrewed-capability-for-combat-proven-himars.html (дата обращения: 31.01.2025 г.); Exclusive: Lockheed Martin Demonstrates Autonomous HIMARS Rocket Launcher to Advance US Army Modernization. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.12.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/exclusive-lockheed-martin-demonstrates-autonomous-himars-rocket-launcher-to-advance-us-army-modernization (дата обращения: 24.12.2024 г.).

[35] KADEX 2024. [Электронный ресурс] // URL: https://www.armadainternational.com/events/kadex-2024/ (дата обращения: 01.02.2025 г.).

[36] Гуров С. В. Англо-русский военный словарь. [Электронное издание]. Тула: На правах рукописи, 2024. 2652 с. (дата внесения последних изменений: 31.12.2024 г.).

[37] Универсальный десантный корабль ROKS Dokdo (LPH 6111). [Электронный ресурс] // URL: https://shipshub.com/ru/ships/280-2.html (дата обращения: 01.02.2025 г.).

[38] OSINTWarfare. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.10.2024 г. // URL: https://x.com/OSINTWarfare/status/1842917324317471205 (дата обращения: 01.02.2025 г.).

[39] Amphibious Fire Support: Launch of Unmanned Rocket System at KADEX 2024. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 04.10.2024 г. // URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/amphibious-fire-support-launch-of-unmanned-rocket-system-at-kadex-2024 (дата обращения: 01.02.2025 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абинякин Роман Михайлович — Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, кандидат исторических наук, доцент.

Абрамов Андрей Михайлович — историк-исследователь (Москва).

Алексеев Тимофей Владимирович — Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Антонов-Дружинин Виталий Павлович — историк-исследователь (г. Мытищи, Московская область), кандидат географических наук.

Арбеков Александр Борисович — Тульский государственный музей оружия, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Афонин Дмитрий Анатольевич — Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, кандидат педагогических наук.

Бабич Ирина Виленовна — историк-исследователь (Москва), кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна — историк-исследователь (Москва), доктор исторических наук.

Бахмат Валерий Михайлович — Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), преподаватель.

Белозерова Ольга Александровна — историк-исследователь (Санкт-Петербург – Лос-Анджелес, США), кандидат исторических наук.

Бенда Владимир Николаевич — Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук.

Будко Анатолий Андреевич — Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), директор, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заслуженный работник культуры

Российской Федерации, профессор, полковник медицинской службы в отставке.

Бурменский Артем Игоревич — Архангельский краеведческий музей, старший научный сотрудник.

Вахтеров Андрей Васильевич — Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение города Москвы «Образовательный комплекс “Юго-Запад”», преподаватель.

Великанов Владимир Сергеевич — Фонд «Русские Витязи» (Москва), научный редактор, кандидат экономических наук.

Виноградов Сергей Евгеньевич — Институт Российской истории Российской академии наук (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Воденисова Ксения Александровна — практикующий юрист (Москва).

Волков Алексей Леонидович — Астраханский филиал Международного юридического института, аспирант кафедры истории Астраханского государственного университета, преподаватель; Астраханский государственный университет, аспирант, магистр педагогического образования.

Гаврилкин Николай Вадимович — историк-исследователь (Москва).

Гёзалов Парвин Фахраддинович — Общественная организация НПО «ГАСР» («ЗАМОК») по защите культурного наследия и исторических памятников (Азербайджанская Республика, Баку), директор; Международный комитет ИКОМАМ (комитет военной истории, военных музеев и коллекций оружия), член правления, доктор философии по истории.

Горбунов Вадим Владимирович — Алтайский государственный университет (Барнаул), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Гостев Игорь Михайлович — Архангельский краеведческий музей, старший научный сотрудник.

Гребенкин Алексей Николаевич — Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орёл), доктор исторических наук, доцент.

Громов Андрей Владимирович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Гуров Сергей Викторович — Информационная система «Ракетная техника» (Санкт-Петербург), участник проекта.

Дусаев Никита Максимович — Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение города Москвы «Образовательный комплекс “Юго-Запад”», студент.

Пасхин Сергей Михайлович — Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), старший преподаватель, кандидат военных наук, доцент.

Сапожников Сергей Иванович — Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение города Москвы «Образовательный комплекс “Юго-Запад”», студент.

Соломонов Владимир Петрович — Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (Санкт-Петербург), директор.

Спиридонов Сергей Леонидович — Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Тарасов Виталий Максимович — Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение города Москвы «Образовательный комплекс “Юго-Запад”», студент.

Эльц Елена Эдуардовна — Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3

Абинякин Р. М. Бывшие белые офицеры в высшем командном составе Красной армии в 1941–1945 гг.: к постановке проблемы 5

Абрамов А. М. История создания опытных пистолетов-пулеметов Симонова в 1945–1951 гг. 10

Алексеев Т. В. Оружейная промышленность России периода перевооружения русской армии трехлинейными винтовками (конец XIX – начало XX вв.) в отечественной историографии 21

Антонов-Дружинин В. П. Утраченные и неизвестные в современной России оружейные реликвии Дома Романовых (к истории отношений Российского Императорского Дома с компанией J. Purdey в 1842–1862 годах) 35

Арбеков А. Б. «Знаток военных дел, в ученом комитете...» Генерал Ф. А. Фельдман и военная разведка России на западном направлении в 1880-х гг. 55

Афонин Д. А. Специальные операции войск НКВД по борьбе с бандитизмом и националистическими формированиями на завершающем этапе Великой Отечественной войны 74

Бабич И. В. Солдатские слободы в Москве на исходе первой трети XVIII в. и «квартирный вопрос» 79

Бабич М. В. «Прешпективая дорога от Санкт-Питербурха...» в ее инженерно-технических и политико-культурологических аспектах: XVIII в. 94

Бахмат В. М., Пасхин С. М. Радиоразведка фашистской Германии: подслушка 111

Белозерова О. А. Об автономной Польше. Из доклада 1915 г. генерала Куропаткина императору Николаю II 132

Бенда В. Н. О некоторых неточностях в работах Дмитрия Федоровича Масловского и других авторов, касающихся анализа состояния русской армии в середине XVIII в. 147

Будко А. А., Спиридонов С. Л. Вклад советской военной медицины в Победу в Великой Отечественной войне. Взгляд из XXI века 158

Бурменский А. И., Гостев И. М. Комплекс мероприятий по введению Новодвинской крепости в культурный оборот..... 171

Вахтеров А. В., Дусаев Н. М. Роль запасных артиллерийских полков в формировании и снабжении артиллерийских частей в период Великой Отечественной войны (по архивным материалам 53-го запасного артиллерийского полка из фондов Центрального архива Минобороны России)..... 184

Вахтеров А. В., Сапожников С. И., Тарасов В. М. Командиры аэросанных батальонов Ленинградского фронта (по материалам из фондов Центрального архива Минобороны России) 198

Великанов В. С. Рижский поход русского вспомогательного корпуса А. И. Репнина в 1701 г..... 217

Виноградов С. Е. Испытания броневых плит линейных кораблей и крейсеров стрельбой из орудий на Главном полигоне Комиссии морских артиллерийских опытов в 1909–1917 гг. 232

Воденисова К. А. Меры социальной защиты военнослужащих Красной Армии и членов их семей в период Великой Отечественной войны (по архивным материалам из фондов Центрального архива Минобороны России)..... 247

Волков А. Л. Боевая и строевая подготовка русской армии эпохи правления императора Павла I..... 258

Гаврилкин Н. В. 305-мм башенные артиллерийские установки Военного ведомства, создание и постановка на вооружение приморских крепостей России. 1910–1945 г. 275

Гёзалов П. Ф. Азербайджанцы в составе конно-мусульманских полков как участники Русско-турецких войн 1828–1829 и 1877–1878 гг..... 294

Гёзалов П. Ф. Бойцы Азербайджанской ССР в боях за освобождение Европы 306

Гёзалов П. Ф., Соломонов В. П., Эльц Е. Э. Вклад Азербайджанской ССР в Победу в Великой Отечественной войне и взаимодействие народов в Кавказском и Каспийском регионах 318

Горбунов В. В. Доспехи кочевников Алтая Хунно-Сяньбийского времени 333

Гребенкин А. Н. Организация противовоздушной обороны императорских резиденций и Ставки Верховного Главнокомандующего в годы Первой мировой войны..... 351

Громов А. В. К вопросу о копировании русских единорогов в артиллерии Османской империи (XVIII–XIX вв.) 362
Гуров С. В. Из истории развития боевых машин РСЗО с транспортно-пусковыми контейнерами 386
Гуров С. В. О работах в области безэкипажных боевых машин РСЗО 417
Сведения об авторах 434

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

В 65 **Война и оружие. Новые исследования и материалы:** труды Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–16 мая 2025 г. / Под ред. С. В. Ефимова: в 4 частях. – Ч. 1. – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2025. – 440 с.

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 1

Редактор *Н. В. Медведев*
Художник *Н. Ю. Якубовская*
Верстка: *Т. И. Таранова*
Корректор *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 29.04.2025.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 27,5.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 130 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
E-mail: artillerymuseum_dm@mil.ru
www.artillery-museum.ru

9 785793 727686